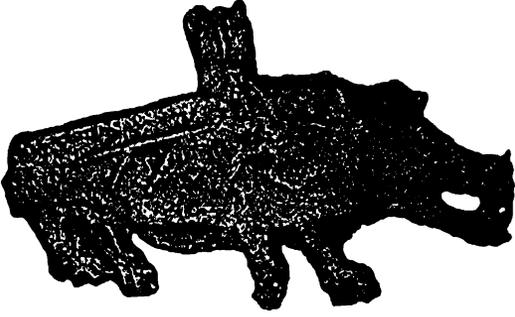


**Материалы и
исследования по
истории
Северо-Западной
Сибири**

I



Материалы и
исследования по истории
Северо-Западной
Сибири

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Уральская Ассоциация высшего гуманитарного и социально-политического образования
Администрация муниципального образования Нефтеюганский район
Муниципальное учреждение Нефтеюганского района
«Центр историко-культурного наследия»
Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности
и международного взаимопонимания

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сб. науч. тр.–
Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.– 247 с.
ISBN 5-7525-0525-9

В первом выпуске сборника содержатся материалы и статьи, посвященные древней и средневековой истории Среднего Приобья. Представлены результаты археологических и полевых этнографических исследований, проводившихся в последнее десятилетие. Значительную часть сборника составляют впервые публикуемые документы XVII в., которые являются ценным источником по истории как автохтонного населения, так и русских колонистов в первое столетие присоединения Сибири к России.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков и всех, кто интересуется прошлым народов Северо-Западной Сибири.

Отв. редактор Г.П. Визгалов
Науч. редактор Е.В. Вершинин

Рецензенты:

канд. ист. наук И.В. Побережников, канд. ист. наук Ю.П. Чемякин

ISBN 5-7525-0525-9

© Издательство Уральского университета, 2002
© Уральская Ассоциация высшего гуманитарного образования, 2002
© Центр историко-культурного наследия, 2002

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая книга представляет собой первый сборник исторических материалов и статей, инициатором издания которого является «Центр историко-культурного наследия» – ЦИКН (г. Нефтеюганск). Совсем недавно ЦИКН, при поддержке администрации Нефтеюганского района, выпустил хорошо иллюстрированную книгу «Салымский край», созданную в научно-популярном жанре и рассчитанную на самого широкого читателя. Данное издание имеет несколько иной характер.

За последние годы, благодаря поддержке правительства Ханты-Мансийского автономного округа и администраций отдельных районов, был опубликован целый ряд старых и новых книг по истории региона. Даже для специалистов-историков количество опубликованного материала, воссоздающего историю «периферийного» таежно-болотного края, оказалось в какой-то мере неожиданным. Историко-издательский бум 1990-х гг. во многом объясняется тем, что исследователи Северо-Западной Сибири десятилетиями накапливали материал, который в советскую эпоху по самым разным причинам не мог появиться в печатном виде (недостаточность финансирования, строго планируемые темы в сфере академической науки, несоответствие марксистско-ленинской схеме истории и т.д.). В постсоветскую эпоху исследователи обрели творческую свободу и финансовую поддержку региона, заинтересованного в сохранении и популяризации своего исторического наследия. В соответствии с запросами времени историки стали осваивать жанр научно-популярных очерков. Огромная важность таких изданий очевидна. Однако все чаще авторы начинают повторять уже ранее написанное и, стремясь к доступному и популярному изложению, оставляют в своем рабочем столе тот научный «багаж», который, как им кажется, может заинтересовать только коллегу–специалиста.

Издание сугубо научного сборника, основанного на свежих разысканиях ученых, представляется в настоящее время делом рискованным. Тем не менее очевидно, что без таких работ невозможно создание ни учебников, ни популярных книг обобщающего характера. Юбилейный для себя год (10 лет существования и работы на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) Центр историко-культурного наследия решил отметить, в частности, выпуском данного сборника. К этой мысли привела вся предшествующая деятельность ЦИКН, который смог разработать ряд исследовательских проектов («Русский коч в Западной Сибири»), организация природного парка «Пунси», проект по созданию архитектурно-этнографического музея вблизи г. Пыть-ях, проект создания «Музея реки Оби», возобновление археологического изучения Мангазеи, многолетнее комплексное изучение Надымского городка и др.) и объединить для их выподнения специалистов разного профиля – археологов, этнографов, историков, биологов, судомоделистов, историков архитектуры, экономистов, профессиональных музейных работников. И хотя предлагаемый читателю сборник посвящен истории Среднего Приобья, на его обложке не без умысла звучит более широкое географическое понятие – Северо-Западная Сибирь. Хочется надеяться, что дальнейшая деятельность ЦИКН оправдает эту заявку.

Связующей нитью, объединившей разнородные материалы сборника, явилась территория. Для археологов она известна как Сургутское Приобье, этнографы пред-

почитают говорить о восточных хантах Средней Оби, на карте историков русской колонизации это – огромный Сургутский уезд, простирающийся от устья Иртыша до Нарыма. Состав предлагаемого издания немного рискован (речь не идет о качестве статей и добросовестности авторов). Как-то уж так сложилось, что сегментация того огромного здания, с которым можно сравнить историческую науку, надежно разделила его постоянных, но мало знакомых обитателей – археологов, этнологов, историков (работающих исключительно с письменными источниками). Тем приятнее констатировать интеграцию (или движение к ней) исторических субдисциплин, которую продемонстрировали авторы сборника. Рядом с «чисто» археологическими статьями (Л.В. Ивасько, А.Н. Кондрашов) соседствуют исследования, где археология входит в тесный контакт с этнографией, фольклором, исторической картографией (К.Г. Карачаров, О.В. Кардаш, А.Ф. Шорин, М.Ю. Баранов). Разные ракурсы взглядов на один и тот же сюжет выявились в статье этнографического характера (Е.П. Мартынова) и работе, опирающейся в основном на письменные источники (Е.В. Вершинин); но в целом оба автора удачно дополняют друг друга. Заметка Ю.А. Малышкиной показывает, что запасники наших старых музеев могут заменить этнографам не один полевой сезон, открывая забытые этнографические раритеты. Историками давно признана огромная ценность русских документов XVI–XVII вв., которые положили конец бесписьменному периоду в истории сибирских народов. Думается, что опубликованные по архивным источникам документы первого столетия русской колонизации (Е.В. Вершинин, А.Т. Шашков) привлекут внимание историков–сибиреведов с самыми разными исследовательскими интересами.

Видимо, уходит то время, когда «большая» наука принадлежала только большим городам. Мне приятно отметить, что и новый город с современным названием Нефтеюганск вносит свой вклад в изучение древностей той земли, на которой он стоит.

*Директор Центра историко-культурного наследия
Г.П. Визгалов*

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА КАЮКОВО 2

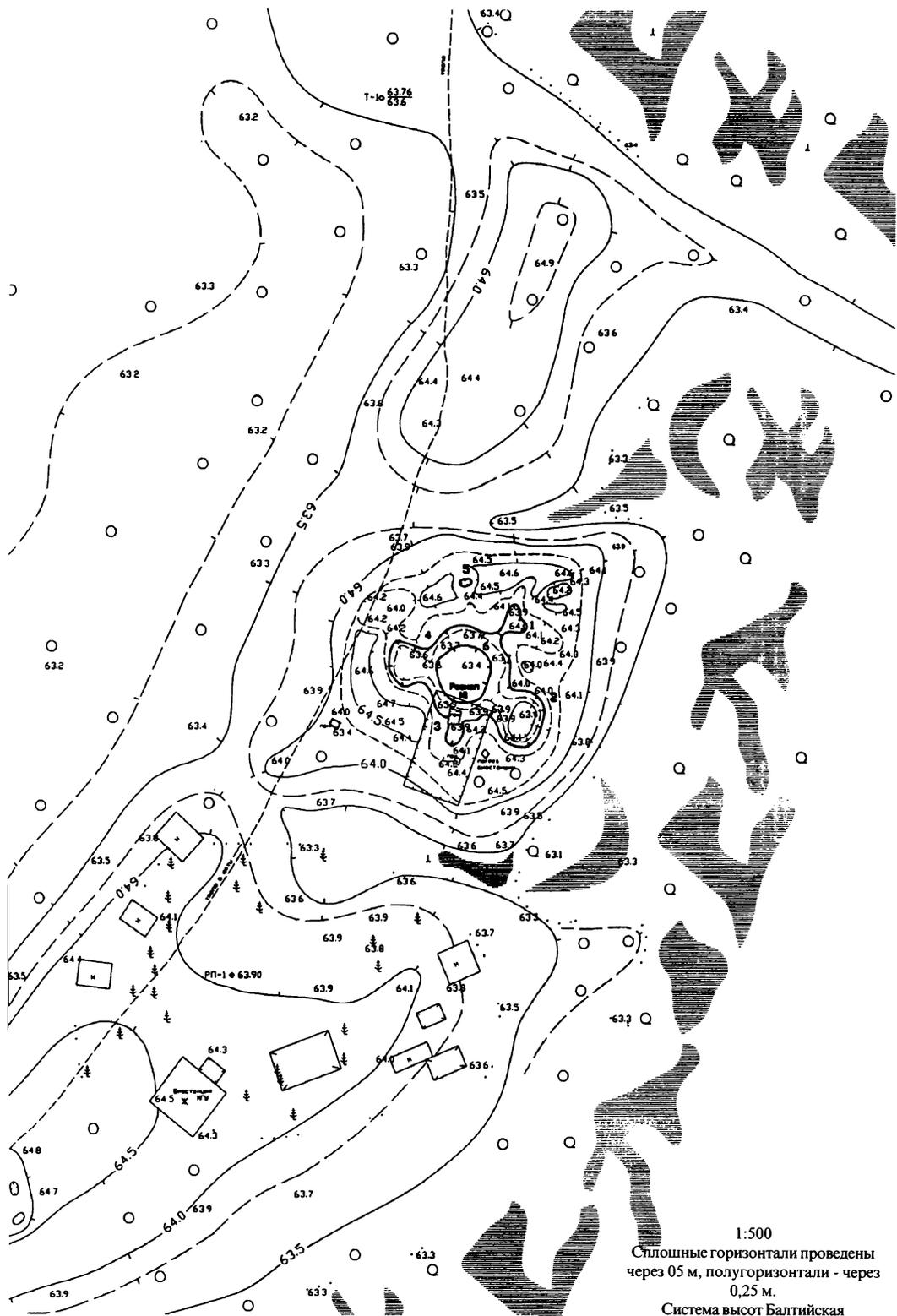
Памятник находится в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа, в 55 км к Ю от г. Пыть-Ях и в 44 км к ЮВВ от поселка Куть-Ях. Поселение расположено на южном краю гривы (песчаной возвышенности, поросшей соновым лесом и окруженной болотом) в 2,5 км к Ю от оз. Большое Каюково (правобережье верхнего течения р. Салым), на юго-западной окраине хантыйских юртов (деревни) Пунси.

Памятник открыт в 1991 г. (Визгалов Г.П., Карачаров К.Г., Самигулов Г.Х.) и атрибутирован как поселение каменного – бронзового веков [Карачаров, 1992]. В 1998 г. и 1999 г. сотрудниками Центра историко-культурного наследия (г. Нефтеюганск) проведены дополнительные обследования в рамках натуральных изыскательских работ на территории архитектурно-ландшафтного комплекса “Большое Каюково”. В результате был уточнен тип памятника (укрепленное поселение) и сужено время его функционирования до неолитической эпохи [Визгалов, 1999, 2000].

Высота площадки памятника составляет не более 1-1,5 м над уровнем окружающего болота, что обуславливает нахождение нижней части культурного слоя ниже уровня грунтовых вод. Поверхность городища поросла редким сосняком, ягелем, брусничником и багульником. К югу, на расстоянии 200 – 500 м, расположена цепочка болотных озер, различных по размеру и конфигурации. Озера тянутся с СВ на ЮЗ к руслу р. Тапатьега. По устным сведениям биологов (О.Л. Лисс), в неолитическую-энеолитическую эпоху (5-3 тыс. до н.э.) здесь была иная ландшафтная ситуация: на месте верхового болота с ЮВ и В гривы находилась пойма водотока, поросшая смешанным лесом (ель, береза, осина). Склон гривы в сторону водотока был довольно крутым (около 45°), и, по данным стратиграфического разреза болота, пойма древнего водотока начиналась в непосредственной близости от городища. Перепад высот между древней поймой и расположением современной площадки городища составляет 7 м. Возможно, древний водоем (небольшая река) находился в непосредственной близости от городища. Таким образом, древнее поселение располагалось на песчаной возвышенности между большим озером и небольшой рекой, что, очевидно, обеспечивало максимальное использование экоресурсов территории.

Городище в плане округлой формы (рис. 1). Внутри площадки на поверхности видны 6 впадин различных размеров и степени сохранности. Одна центральная, самая большая. Вокруг нее по кольцу расположены еще пять впадин, их выходы направлены в сторону центральной.

Впадина № 1 (рис. 1) частично разрушена старыми выворотнями. Сейчас ее размеры составляют 3,0х2,5 м, глубина 0,7 м от уровня предполагаемого вала. До разрушений, скорее всего, впадина была округлой, размерами не менее 4,0х4,0 м. В юго-западной части небольшой коридор, соединяющий впадину с центральной (№ 6).



1:500
 Сплошные горизонталы проведены
 через 0,5 м, полугоризонталы - через
 0,25 м.
 Система высот Балтийская

Рис. 1. Городище Каюково 2. План памятника

Впадина № 2 (рис. 1) – овальной формы, размерами 6,0 x 5,0 м и глубиной 1,0 м от уровня предполагаемого вала. В северо-западной части находится коридор – выход в центральную впадину.

Впадина № 3 (рис. 1) – нарушена многочисленными помойными ямами биостанции. Ее современные размеры 3,0 x 2,0 м, глубина от уровня предполагаемого вала 0,7 м. Очевидно, ранее впадина была округлой формы, размерами не менее 4,5 x 4,0 м. В северо-восточной части фиксируется небольшой коридор, который соединяет эту впадину с центральной.

Впадина № 4 (рис. 1) – овальная, размерами 5,0 x 4,5 м, глубиной от уровня предполагаемого вала 1,0 м. Северо-западный край частично разрушен большой неглубокой ямой. В юго-восточной части коридор соединяет впадину с центральной (№ 6).

Впадина № 5 (рис. 1) – овальная, размерами 3,0 x 2,5 м и глубиной 0,5 м от уровня предполагаемого вала. В южной части зафиксирован небольшой ложок, соединяющий впадину с центральной (№ 6). Очевидно, это остатки коридора-выхода.

Впадина № 6 (рис. 1) – центральная, округлой формы, диаметром 8,0 м и глубиной от уровня предполагаемого вала 1,0 м.

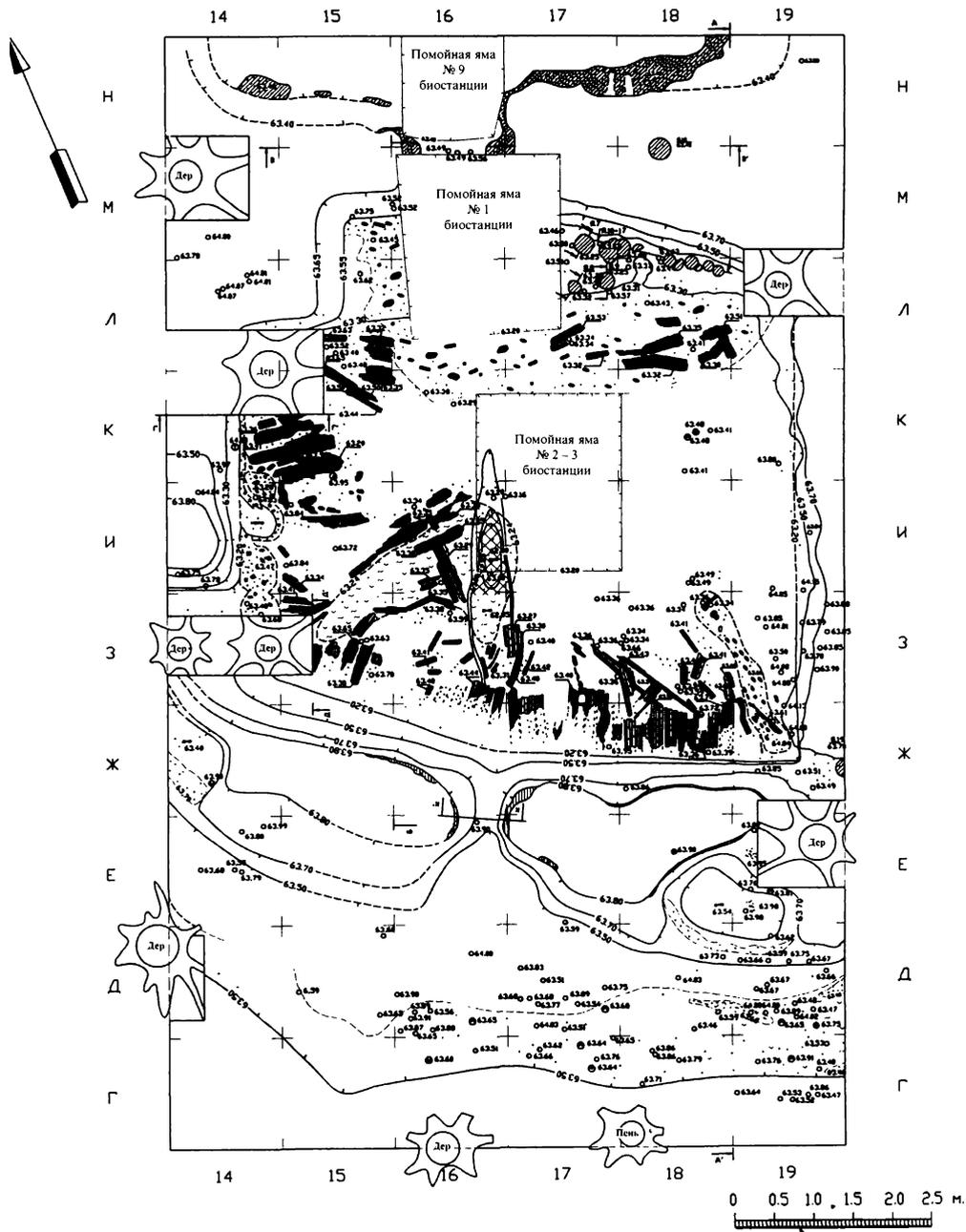
Общий выход из городища на поверхности не фиксируется. Судя по системе расположения впадин, соединенных между собою коридорами, в древности городище представляло собой довольно сложное архитектурное сооружение. Размеры застроенной площадки городища составляли около 30 метров в диаметре, площадь около 700 кв. м. Общая площадь памятника с учетом рва достигает 1600 м² (40,0 x 40,0 м).

Большинство разрушений объектов и культурного слоя памятника связано с функционированием в 1970 – 80-е гг. полевой биостанции Московского университета, расположенной близ городища. Например, во впадине № 3 было устроено 8 помойных ям, из которых только 2 фиксировались на поверхности, остальные выявлены в процессе раскопок. С территории городища биологи брали песок для подсыпки тропы, расположенной здесь же и ведущей от биостанции к юртам. Таким образом, был нарушен естественный рельеф и, вероятно, система обороны городища.

В 2000 г. раскопом площадью 60 м² был исследован объект (впадина) № 3, наиболее разрушенный помойными ямами. Вскрыта жилая постройка, коридор, соединяющий ее с центральной впадиной, и часть вала за пределами постройки (рис. 2).

Постройка 3 (рис. 2, 3) представляла собой прямоугольную полуземлянку (глубина котлована 0,6 м) площадью 19 м², с тамбуром размером 1,0 x 4,0 м и небольшим коридором 1,0 x 1,0 м, ведущим в центральную постройку (впадина № 6). Постройка сгорела, поэтому относительно хорошо сохранились детали ее конструкции. Лучше всего фиксировались юго-восточный угол и остатки задней стены.

В юго-восточном углу расчищена цепочка крупных углей – остатков обгоревшего бревна, лежавшего по направлению от угла к центру жилища под углом 45° (рис. 2). При расчистке выявлено много беспорядочно лежавших углей, образовавшихся вследствие разрушения уже обгоревших конструкций постройки. Угли и обуглившиеся жерди в углу создавали впечатление упавшего углового столба, но столбовой ямы не было. Видимо, это остатки конструктивных элементов, связан-



Условные обозначения

- | | | | | | | | | | | | | |
|-------------------------------|----------------------------|-------------------------------|---------------------|----------------------|------------------|---|---|---|---|---|--|---------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 |
| ○ | ⊕ | ⊞ | ⊚ | ⊙ | ⊙ | | | | | | | |
| фрагмент керамического сосуда | каменный шлифованный топор | шлифованное орудие (фрагмент) | лошито керамическое | фигурка керамическая | высотные отметки | древесный уголь - останки сгоревших конструкций | слой серой, насыщенной углем супеси - культурный слой | красный слой прокаленного песка (связан с очагом) | слой, содержащий отдельные угли до 1-1,5 см ² или слой, насыщенный мелким углем до 0,8 см ² | слой, содержащий золу (связан с очагом) | слой, содержащий обожженную кость - кальцинированную (связан с очагом) | столбовые ямы |

1 50

Система высот Балтийская

Рис. 2. Городище Каюково 2. План раскопа 1. Остатки конструкций постройки 3 и рва

ных с конструкцией перекрытия постройки. Возможно, роль углового столба как несущей, опорной угловой конструкции выполняла задняя стена, углубленная на 0,2 м от уровня пола. Точнее - сопряжение задней и боковой стен, дополнительно усиленное поперечными перекладинами, удерживающими набор стеновых плах. Скорее всего, конструкция сопряжения была похожа на предлагаемую нами модель (рис. 9). Иначе трудно объяснить прямой угол жилища, зафиксированный в плане, канавку в основании задней стены и отсутствие такой канавки в основании боковой стены (рис. 3).

Остатки **задней стены** - обгоревшие плахи (или тонкие бревна), лежали перпендикулярно границе котлована жилища. Угол наклона плах колебался от 45° до 10° , в зависимости от удаления от углов жилища - следствие неравномерного разрушения стены во время пожара. В разрезе А-А' на участке Ж, 3 (рис. 4) хорошо виден угол наклона и уровень перелома плах стены (0,8 м от уровня пола), благодаря чему можно ориентировочно рассчитать их высоту - не менее 1,2 м от уровня пола. Нижняя часть плах не сохранилась и фиксируется только в профиле как слой светло-серой супеси, пронизанной множеством мелких корешков (рис. 4). В плане достаточно хорошо видно, что эта стена на протяжении 2,5 м от юго-восточного угла перпендикулярна левой боковой стене. Далее ее остатки находятся под углом к предыдущим стенам (рис. 3). Предположительно, угол образован конструктивным соединением двух частей одной стены. В некоторой степени это предположение подтверждается и тем, что стена здесь делает небольшой изгиб, повторяя конфигурацию рва (рис. 3). По-видимому, первоначально был сделан ров, и постройку "вписали" в пространство городища с учетом существующей системы обороны и других сооружений. Итак, задняя стена жилища была сделана из плах или бревен шириной 8 – 12 см, вертикально установленных в канавке, углубленной на 0,2 м ниже уровня пола. Стена общей протяженностью 5,2 – 5,3 м состояла из двух равных частей, расположенных под небольшим углом друг к другу.

Юго-западный угол постройки оказался скрыт под корнями большой сосны. Расчищенные здесь остатки плах лежали в основном, беспорядочно. Лишь несколько из них были направлены к центру постройки под углом 45° (рис. 2). Вероятно, это остатки конструкции перекрытия постройки.

Правая боковая стена постройки зафиксирована на участке 3-К/14,15 в виде остатков обгоревших плах длиной до 0,9 м и шириной до 15 см, залежавших перпендикулярно границе котлована (рис. 2). Уровень пола жилища, граница помещения, плахи и основание правой боковой стены хорошо видны в стратиграфическом разрезе Г-Г' (рис. 4). Эта стена, как и задняя, была выполнена из вертикально установленных плах или бревен шириной до 15 см. Основание ее находилось на уровне пола жилища. Высота плах от уровня пола была не менее 1,0 м и могла достигать 1,5 м. Протяженность правой боковой стены составляла 3,0 м.

Северо-западный угол постройки (участок Л/14,15) так же, как и юго-западный, оказался под корнями большой сосны. Здесь зафиксирован только край котлована и часть основания передней стены, образующих угол, а также остатки конструкции небольшого тамбура (рис. 2, 3).

Передняя стена постройки практически не сохранилась. Хорошо зафиксировано лишь ее основание в виде серо-желтой насыщенной углями линзы, несколько

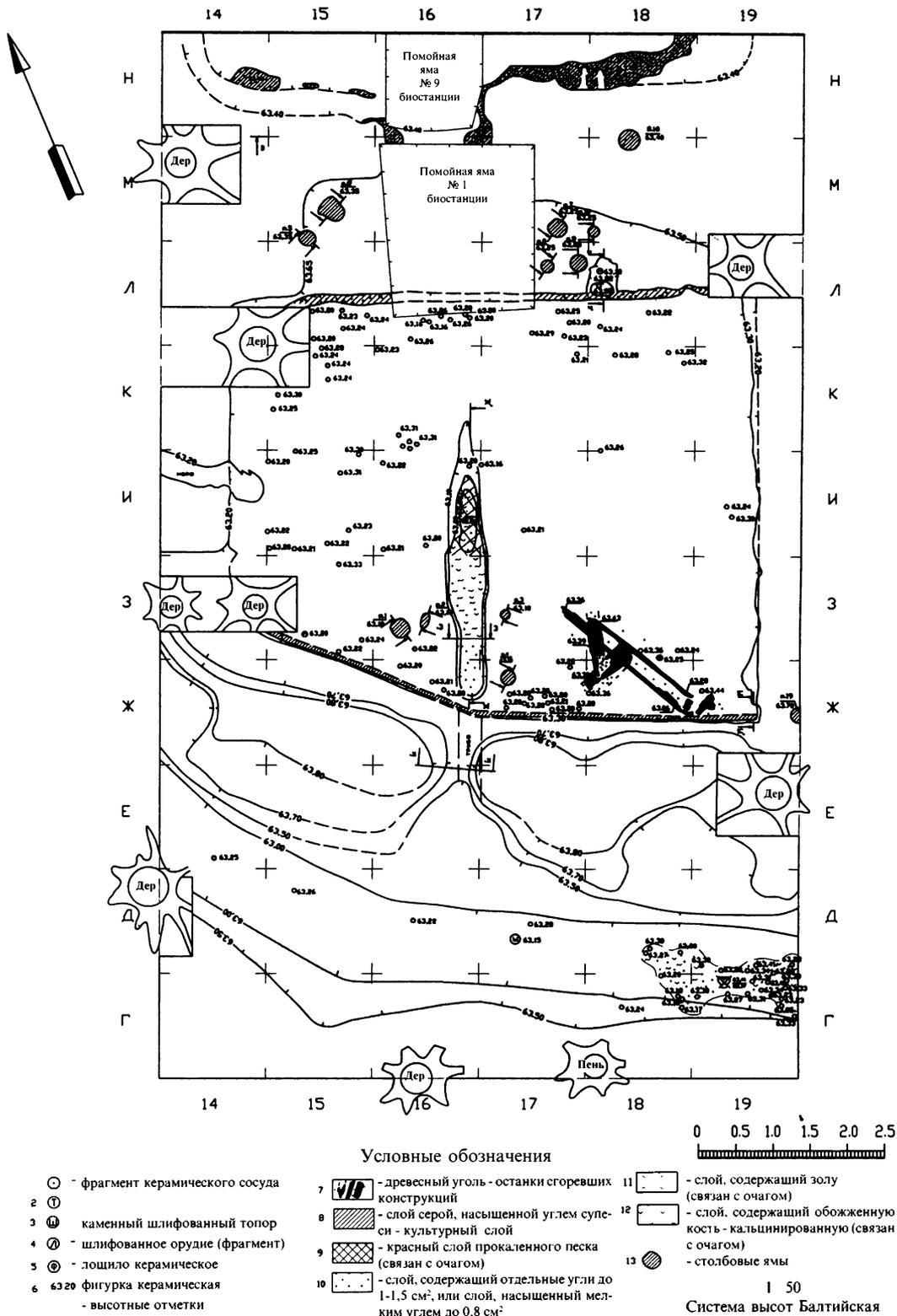


Рис. 3. Городище Каюково 2. План раскопа 1. Уровень пола постройки 3 и дна рва

отдельных плах и множество беспорядочно лежащих углей (рис. 2, 3). Очевидно, это следствие почти полного выгорания стены во время пожара. Об этом же свидетельствует слой прокаленного песка между углей на участках Л/17-18. Вероятно, пожар в помещении начался именно отсюда. В этой части было больше конструктивных элементов постройки, поскольку здесь находился дверной проем и тамбур перед коридором. Обгоревшие плахи, лежавшие и параллельно, и перпендикулярно стене, скорее всего, остались от сопряжения передней стены и перекрытия. Они сохранились потому, что были притушены грунтом засыпки перекрытия после того, как обрушилась прогоревшая центральная часть стены. Итак, передняя стена постройки, протяженностью 5 м, была перпендикулярна правой и левой боковым стенам и параллельна одной из частей задней стены. Она состояла из вертикальных плах (или бревен), углубленных в материковый слой до 0,2 м от уровня пола. Именно в этой стене был устроен проход в помещение.

Северо-восточный угол жилища практически полностью скрыт под корнями дерева, но, судя по основанию передней стены и остаткам левой боковой, был прямым (рис. 3).

Остатки **левой боковой стены** зафиксированы в виде отдельных разрозненных углей и малоинформативны. Более определенно можно говорить лишь о границе котлована на участке Л-Ж/19 (рис. 3). Можно предположить, что левая боковая стена, как и передняя, полностью сгорела и высушила стенку котлована, после чего окончательно разрушилась под тяжестью подсыпки и перекрытия. По-видимому, ее конструкция была аналогична правой боковой стене.

Тамбур и коридор в постройку должны были составлять единую конструкцию. Наиболее четко очертания тамбура сохранились на участке Л-М/15, справа от входа в постройку (рис. 3). Эта часть тамбура была прямоугольной, шириной 1,2 м. На уровне материка выявлены 2 вертикальные столбовые ямы (рис. 3,4). Левая часть тамбура была подтреугольной. На уровне материка по внешнему краю выявлен ряд неглубоких столбовых ямок (рис. 3), возможно, от бревен наружной стены тамбура. Выход – коридор в центральную постройку – практически полностью уничтожен помойными ямами (рис. 2, 3). Судя по остаткам конструкций на участке М-Н/16, коридор примыкал к тамбуру на расстоянии 1,5 м от северо-западного угла, т.е. имел смещение от центральной оси жилища вправо. Размеры коридора составляли 1,0 x 1,0 м. На участке Н/16 коридор смыкается с котлованом и остатками конструкций центральной постройки № 6.

Очаг был устроен в центре жилища ниже уровня пола и состоял из трех частей (рис. 3, 4): 1. “Поддувала” – канавки размером 0,5 x 0,2 м и глубиной до 18 см от уровня пола, примыкающей со стороны входа к очагу; 2. Овальной ямы размерами 1,2 x 0,3 м и глубиной 0,4 м от уровня пола, вытянутой от входа к задней стене; 3. “Трубы” – канавки размерами 1,0 x 0,25 м и глубиной 0,25 м от уровня пола, идущей от очага к задней стене, под углом прорезающей стену котлована, выходящей за пределы постройки и выведенной в ров. На участке Ж-З/16-17, вблизи пересечения “трубой” задней стены жилища, зафиксировано 4 столбовые ямки. Это могут быть остатки конструкции сопряжения двух частей задней стены и “трубы” очага.

Таким образом, исследованная постройка представляла собой полуземлянку, размерами 4,0 x 5,0 метров с тамбуром и небольшим коридором, ведущим в цент-

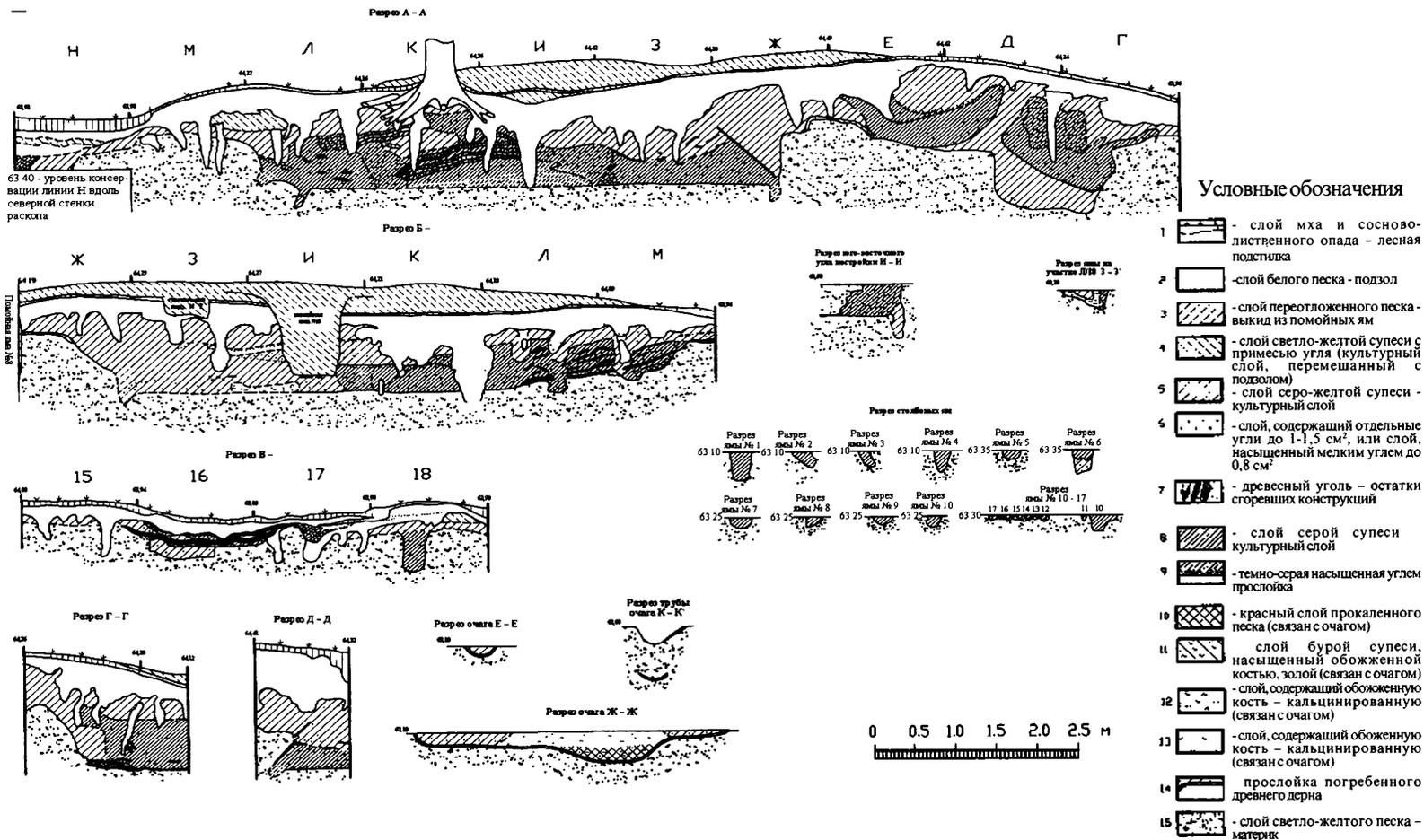
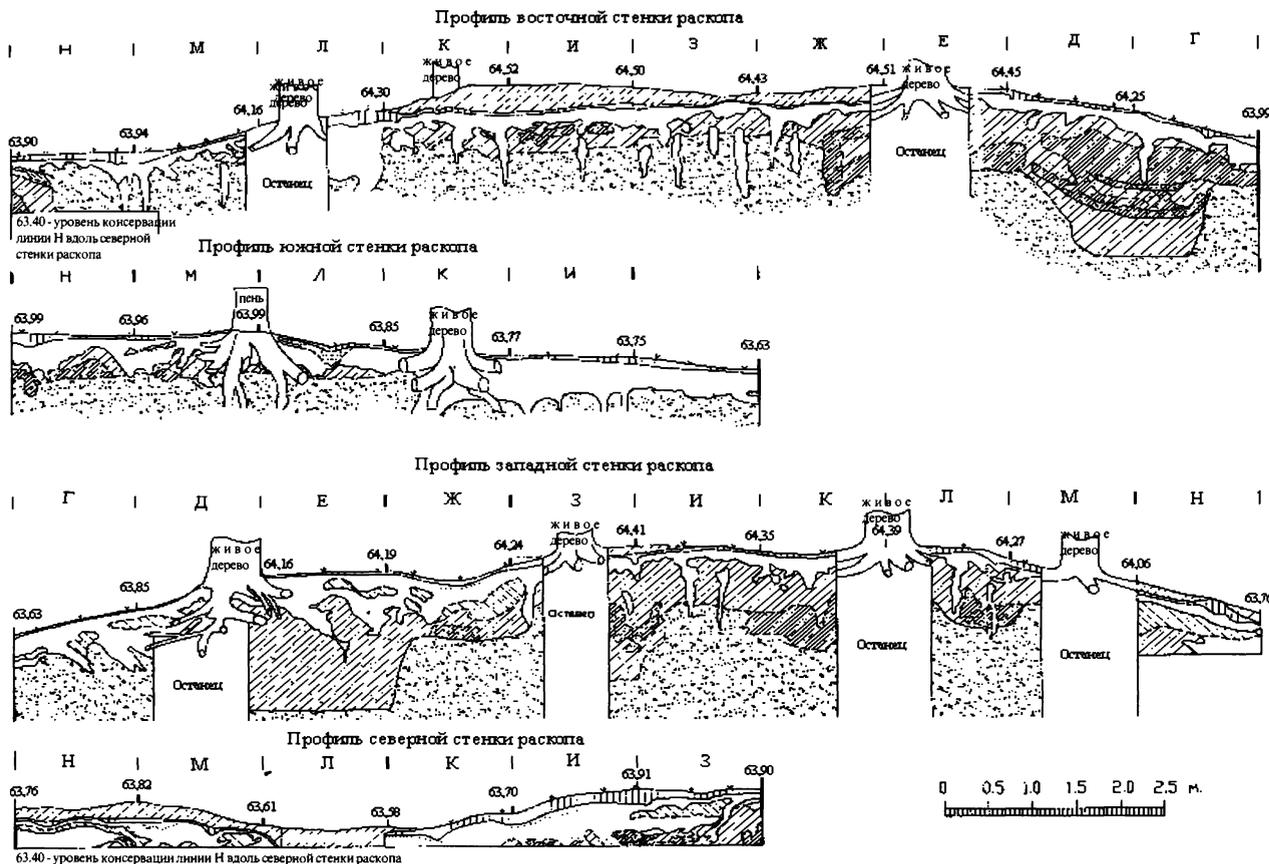


Рис. 4. Городище Каюково 2. Раскоп 1. Стратиграфические разрезы котлована и остатков конструкций постройки 3



Условные обозначения

- слой мха и сосново-лиственного опада из лесной подстилки
- слой белого песка -
- слой переотложенного песка - выкид из помойных ям
- слой светло-желтой супеси с примесью угля (культурный слой, перемешанный с подолом)
- слой серо-желтой супеси - культурный слой
- слой, содержащий отдельные угли до 1-1,5 см², или слой, насыщенный мелким углем до 0,8 см²
- древесный уголь - остатки сгоревших конструкций
- слой серой супеси - культурный слой
- темно-серая насыщенная углем прослойка
- красный слой прокаленного песка (связан с очагом)
- слой бурой супеси, насыщенный обожженной костью, золой (связан с очагом)
- слой, содержащий обожженную кость - кальцинированную (связан с очагом)
- слой, содержащий обожженную кость - кальцинированную (связан с очагом)
- прослойка погребенного древнего дерна
- слой светло-желтого песка материк



Рис. 5. Городище Каюково 2. Раскоп 1. Профили стенок

ральную постройку № 6. Глубина котлована – 0,6 м от уровня древней поверхности. Стены постройки были сделаны из плах или бревен шириной 8 – 12 см, вертикально установленных по периметру полуземлянки. Стены и перекрытие были засыпаны слоем грунта. Судя по стратиграфическим разрезам, постройка имела относительно ровный пол, который иногда у стен был покрыт деревом. Очаг находился в центре полуземлянки, ниже уровня пола и состоял из трех частей: “поддувала”, собственно очага (кострища) и горизонтально расположенной “трубы”. Отапливаемая полуземлянка была, скорее всего, жилым помещением. Постройка сгорела, причем пожар начался изнутри, в северо-восточном углу, у левой части передней стены. Это довольно далеко от очага, и вряд ли он был причиной возгорания. Возможно, постройка была намеренно подожжена. В любом случае, пожар начался уже после того, как люди покинули жилище, не оставив здесь ни одного целого предмета обихода – горшка или орудия.

На расстоянии 1,0 м от задней стены жилища находится **ров** (рис. 2, 3), который не выделяется на поверхности, но, по-видимому, опоясывает городище. Культурный слой (заполнение рва) сверху донизу содержит артефакты. Ширина рва в среднем составляла 1,0 м, глубина от современной поверхности – 1,0-1,2 м. Стенки рва были укреплены, в противном случае они бы осыпались. На участках Ж/14 и участке Д-Е/18-19 выявлены насыщенные культурным слоем ямы, примыкающие к краю рва (рис. 2). Судя по разрезам (рис. 4), ямы подобного профиля с внутренней стороны рва могли образоваться только при наличии стены. Вероятнее всего, ров в сочетании со стеной, совмещал оборонительную и дренажную функции.

Пространство за пределами постройки № 3 вдоль боковых стен и в районе тамбура, судя по стратиграфии стенок раскопа и насыщенности артефактами, активно использовалось жителями городища для хозяйственной деятельности. Мощность культурного слоя в среднем составляет от 0,2 до 0,5 м, на отдельных участках до 1,0 м (рис. 5). Отсутствие культурного слоя между задней стеной и рвом свидетельствует о том, что после подсыпки задней стены постройки здесь не проводились строительные или иные работы. Возможно, на этом участке вал городища был совмещен с обваловкой постройки и культурный слой вала осыпался в ров после разрушения стены.

Каменный инвентарь – самая малочисленная категория находок. За пределами постройки найдено два небольших шлифованных каменных топорика (скорее, клина) из зеленовато-серого туфа (рис. 6 – 1, 2). Оба прямоугольной формы, лезвие с двусторонней заточкой (сломы в обоих случаях), ударная площадка расположена на противоположной от лезвия стороне. На ударной площадке у обоих экземпляров многочисленные заломы – следы от ударов. Поэтому создается впечатление использования их в качестве клиньев для расщепления бревен. Из 4 сколов от шлифованных орудий, один найден в углях при расчистке плах задней стены. Это может свидетельствовать о том, что для возведения стен использовали колотые плахи. В коллекции еще 1 кремневый отщеп с ретушью утилизации и 2 обломка шлифовальных плит из мелкозернистого гранита.

Керамическая посуда. В постройке и за ее пределами, в основном – в заполнении рва, найдено 279 фрагментов сосудов. Часто фрагменты от одного сосуда залежали не только в постройке, но и во рву. В заполнении нижней части рва находился

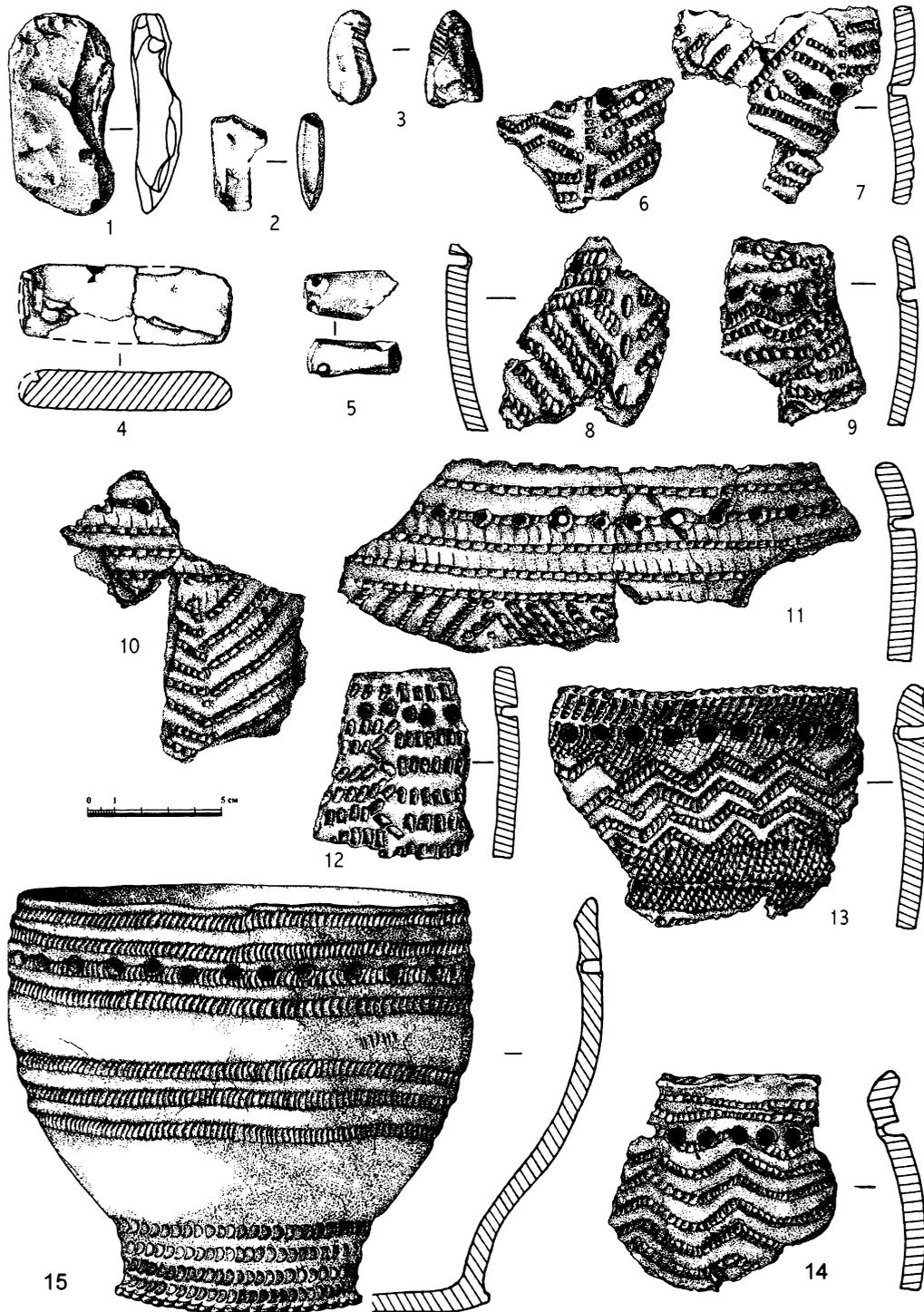


Рис. 6. Городище Каюково 2. Материалы раскопки 3

1 - 2 – каменные шлифованные топоры (клинья), 3 – фрагмент керамической фигурки птицы, 4 - 5 – керамические лошля (?) с отверстиями, 6 - 14 – фрагменты керамических сосудов из постройки 3, 15 – керамический сосуд из рва напротив постройки 3

развал сосуда (№ 1), который восстановлен полностью. По фрагментам венчиков и стенок выделяется еще 28 сосудов, 9 из них реконструированы в верхней части на высоту до 15 см.

Сосуд № 1 (рис. 6 – 15) – плоскодонный горшок высотой 15,5 см, с открытой горловиной диаметром 16,5 см, округлым, немного выпуклым туловом диаметром 17,5 см, толщиной стенки 0,9 см. Венчик приострен и отогнут внутрь горловины. На внутренней части венчика небольшой наплыв толщиной 1,0 см. Три горизонтальные орнаментированные зоны разделены двумя неорнаментированными разделительными. Узор в виде рядов прямых горизонтальных линий нанесен отступающим инструментом в форме лопаточки. В верхней части сосуда поверх третьего ряда оттисков лопаточки нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. В одной свободной от орнамента зоне ногтем выполнено 7 вертикальных оттисков. Днище не орнаментировано, а его бордюр украшен насечками.

Сосуд № 2 (рис. 6 – 10, 11; 8 – 5). Его фрагменты найдены в тамбуре постройки и снаружи близ северо-западного угла. Реконструируется горшок с открытой горловиной диаметром 31 см, округлым немного выпуклым туловом диаметром 32,5 см, толщиной стенки 0,8 см. Округлый край венчика украшен разреженными оттисками двузубого штампа и немного загнут внутрь горловины. Восстанавливаются минимум две горизонтальные орнаментальные зоны, одна из которых дополнительно имеет вертикальную разбивку. Верхняя, привенчиковая, часть орнаментирована пятью прямыми горизонтальными рядами оттисков отступающей палочки. Поверх второго сверху ряда нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Ниже расположена зона, орнаментированная вертикальными оттисками гребенчатого штампа и разделенная на прямоугольники, которые заполнены наклонными параллельными рядами оттисков отступающей палочки.

Сосуд № 3. Фрагменты находились в заполнении постройки и рва. Это (рис. 6 – 13; 8 – 3) горшок с открытой горловиной диаметром 28,0 см, немного выпуклым почти цилиндрическим туловом диаметром 29,0 см, толщиной стенки 0,9 см; венчик с небольшим (толщиной 1,2 см) наплывом изнутри. На плоский край нанесены параллельные оттиски гребенчатого штампа. Горловина опоясана цепочкой ямочных вдавлений. На сосуде несколько (минимум 4) горизонтальных орнаментальных зон. Верхняя часть сосуда украшена двумя рядами наклонных, плотно примыкающих друг к другу оттисков гребенчатого штампа. Поверх второго сверху ряда нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Далее узор состоит из четырех рядов горизонтальных зигзагов, выполненных тем же гребенчатым штампом. Ниже идет чередование таких же зон.

Сосуд № 4 (рис. 6 – 12; 8 – 4). Его фрагменты найдены в заполнении постройки и рва. Это был горшок с открытой горловиной диаметром 18,0 см, немного выпуклым почти цилиндрическим туловом диаметром 19,0 см, толщиной стенки 0,7 см. Венчик плоский, без орнамента. Тулово орнаментировано горизонтальными рядами (минимум 8-9) разреженных вертикальных оттисков прямоугольной лопаточки. Сверху между первым и вторым рядами нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Горизонтальные ряды разбивает вертикальный зигзаг.

Сосуд № 5 (рис. 6 – 6, 7; 8 – 1). Фрагменты залегали в тамбуре и коридоре постройки. Восстанавливается горшок с открытой горловиной диаметром 18,0 см,

мало выраженной шейкой и округлым немного выпуклым туловом диаметром 19,0 см, толщиной стенки 0,7 см. Венчик плоский, орнаментирован разреженными насечками, образующими волнистый край. На шейку поверх орнамента нанесен поясок круглых ямочных вдавлений. На сосуде несколько чередующихся вертикальных орнаментальных зон, часть которых внутри имеет горизонтальную разбивку. На вертикальные зоны сосуд размечен последовательными оттисками гребенчатого штампа, орнамент выполнен отступающей палочкой. Одна вертикальная зона заполнена взаимопроникающими треугольниками. В другой горизонтальные ряды волнообразных параллельных линий сменяются горизонтальными рядами прямых параллельных линий.

Сосуд № 6 (рис. 6 – 14; 8 – 2). Фрагменты найдены внутри постройки вдоль правой стены и в заполнении рва. Это был горшок с открытой горловиной диаметром 28,0 см, мало выраженной шейкой и округлым немного выпуклым туловом диаметром 30,0 см, толщиной стенки 0,7 см. Венчик плоский, отогнут наружу, изнутри наплыв толщиной 1,0 см. Верхняя часть сосуда орнаментирована горизонтальными рядами параллельных волнообразных линий. Поверх третьего сверху ряда нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Ниже следует зона из горизонтальных рядов прямых линий (восстанавливаются 7 рядов). Горизонтальные зоны прямых и волнообразных линий чередуются. Горизонтальные зоны в верхней и средней частях сосуда, как минимум в одном месте, были разделены вертикальной неорнаментированной полосой шириной до 0,8 см. Орнамент во всех зонах выполнен в технике отступающей палочки.

Сосуд № 7. По найденным у левой стены внутри постройки и в заполнении рва фрагментам реконструируется горшок с открытой горловиной диаметром 30,0 см, и округлым выпуклым туловом диаметром 31,5 см, толщиной стенки 0,8 см. Венчик с волнистым краем, образованным вдавлениями пальцем, отогнут наружу. В верхней части сосуда несколько чередующихся горизонтальных орнаментальных зон. В привенчиковой части узор состоит из горизонтальных параллельных прямых линий. Поверх третьего сверху ряда нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Ниже зона заполнена параллельными рядами прямых линий, расположенных под углом 45 градусов к горизонтальным линиям предыдущей зоны. Орнамент выполнен в технике отступающей палочки.

Сосуд № 8 реконструирован по фрагментам, залежавшим у левой стены внутри постройки и в заполнении рва. Это – горшок с открытой горловиной диаметром 33,0 см, и округлым выпуклым туловом диаметром 34,0 см, толщиной стенки 1,1 см. Венчик овальный в сечении, с волнистым краем, отогнут внутрь. В реконструируемой верхней части несколько чередующихся горизонтальных орнаментальных зон, заполненных горизонтальными прямыми линиями и прямыми линиями, расположенными под углом 45 градусов к горизонтальным линиям предыдущей зоны. В привенчиковой части поверх третьего сверху ряда прямых линий нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений. Орнамент во всех зонах выполнен в технике отступающей палочки.

Сосуд № 9. Его фрагменты находились внутри постройки у правой стены и в заполнении рва. По ним восстанавливается горшок с открытой горловиной диаметром 29,0 см, и округлым выпуклым туловом диаметром 30,0 см, толщиной стенки

0,9 см. Венчик с волнистым краем, образованным насечками, отогнут наружу. Сосуд в верхней части орнаментирован горизонтальными рядами прямых параллельных линий, выполненных уголком отступающей лопаточки. Поверх второго сверху ряда нанесена цепочка круглых ямочных вдавлений.

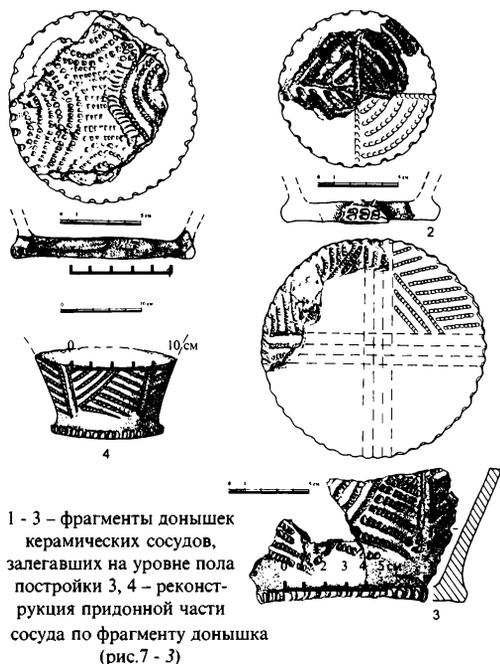
Коллекция содержит фрагменты венчиков еще 20 горшков, по форме и орнаментации близких описанным.

На полу постройки найдены фрагменты днищ, которые не соотносятся ни с одним из найденных пока сосудов, поэтому пронумерованы отдельно. Дно № 1 (рис. 7 – 1). Залегало у основания левой стены. По фрагменту восстановлена придонная часть диаметром 11,0 см. Диаметр самого днища 11,8 см, толщина - 1,3 см. По бордюру дно орнаментировано оттисками двузубого штампа. На внешнюю поверхность наколами палочкой нанесен оригинальный рисунок: с двух сторон по 6 параллельных дуг, выпуклой частью обращенных к центру. На одном участке промежутков между двумя дугами наибольшего радиуса заполнен оттисками ногтя, образующими своеобразную лесенку. Перпендикулярно дугам большого радиуса с двух других сторон нанесено еще минимум по три параллельных дуги, а, скорее всего, по четыре. Пространство между четырьмя секторами заполнено 9 параллельными рядами наколов. Рисунок похож на лабрисовидные изображения. Подобный символ на древней посуде западносибирских и зауральских памятников не известен. Он уводит нас к неолитическим культурам юга Европы.

Основой знака на двух других днищах является солярный символ – крест, вписанный в круг. География распространения этого знака более обширна. Он встречается и на зауральской посуде раннеолитических козловской и кошкинской культур [Ковалева, 1989. С. 67, рис. 3 – 8; С. 69, рис. 5 – 1; С. 75, рис. 11 – 6, 9]. В развитом неолите – на боборыкинских сосудах [Ковалева, 1989. С. 79, рис. 15 – 12; Ковалева, Зырянова, 1998. С. 180, рис. 6 – 1].

Дно № 2 (рис. 7 – 2). Найдено на полу коридора, ведущего в центральную постройку. Восстанавливается придонная часть диаметром 9,0 см. Диаметр днища 10,0 см, толщина 1,3 см. Бордюр украшен оттисками двузубого штампа. На внешнюю плоскость дна наколами отступающей палочки нанесен знак, основой которого является крест в окружности. Каждый из 4 образованных крестом секторов заполнен шестью дугообразными линиями. К центру круга они становятся практически прямыми, намечая своеобразный квадрат.

Дно № 3 (рис. 7 – 3, 4). Залегало у задней стены, близ трубы очага. Фрагмент придонной части (диаметром 13,0 см) позволил реконструировать орнаментацию в нижней части сосуда на расстоянии 10 см (рис. 7 – 4). Нижняя часть, а скорее, весь сосуд, разделен на вертикальные орнаментальные зоны, заполненные взаимопроницаемыми разнозаштрихованными треугольниками из прямых параллельных линий. Орнамент выполнен отступающей палочкой. Диаметр самого днища 14,0 см, толщина 1,3 см. Бордюр орнаментирован оттисками лопаточки. На внешнюю поверхность отступающей палочкой нанесен знак, основой которого, как и на днище № 2, является крест в окружности. Крест состоит из 4 параллельных линий. Сектора заполнены не менее чем тремя параллельными линиями, которые образуют треугольник, обращенный вершиной к центру доньшка. Треугольники, в свою очередь, образуют в круге квадрат с крестом, пересекающим его по диагонали. От оснований треугольников, под углом 45°, расходятся параллельные друг другу линии.



1 - 3 - фрагменты доньшек керамических сосудов, залегавших на уровне пола постройки 3, 4 - реконструкция придонной части сосуда по фрагменту доньшка (рис. 7 - 3)

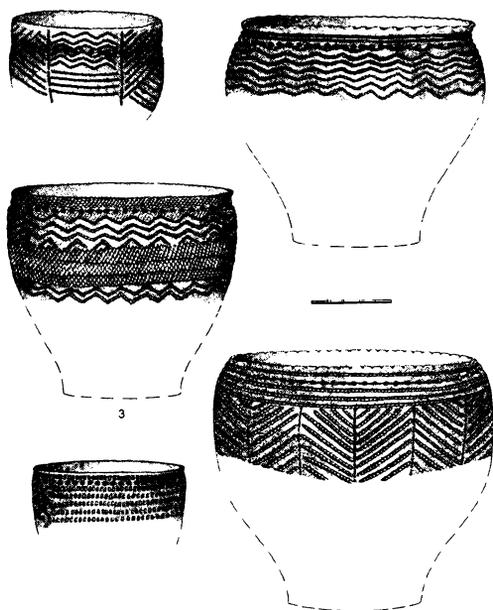
Рис. 7. Городище Каюково 2.
Материалы раскопок постройки 3

Поскольку описанные днища нельзя соотнести ни с одним сосудом, логично предположить, что их хранили специально именно из-за нанесенных знаков.

Отметим признаки, в целом характеризующие керамический комплекс городища Каюково 2. По форме большинство сосудов - плоскодонные горшки с открытой горловиной диаметром от 16,5 до 33 см, толстостенные, с округлым, немного раздутым туловом, с вытянутой придонной частью. Венчики трех типов: с приостренным (рис. 6 - 14, 15), плоским (рис. 6 - 7, 8, 12), округлым (рис. 6 - 9, 11), редко волнистым краем. Они могут быть прямыми (рис. 6 - 12), подогнутыми внутрь горловины (рис. 6 - 7, 8, 9, 11, 15), или отогнутыми наружу (рис. 6 - 13, 14). Иногда на внутренней части венчика есть небольшой наплыв (рис. 6 - 13, 15). На части сосудов имеется слабо выраженная шейка (рис. 6 - 14). Днища плоские, с внешним бордюром, край которого всегда

оформлен насечками или наколами (рис. 6 - 15; 7 - 1, 2, 3), переход к стенкам прямой (рис. 7 - 1, 2, 3) или с прогибом в придонной части (рис. 6 - 15).

Практически вся посуда орнаментирована. Исключение составляют фрагменты от двух сосудов, где в верхней трети нанесен лишь поясик из ямочных вдавлений. Орнаментом была покрыта вся внешняя поверхность горшков, в том числе, срезы венчиков (насечками, наколами, вдавлениями), а в ряде случаев и наружная сторона днищ (рис. 7). На тулове заполненные узором зоны могли чередоваться с пустыми, как на сосуде № 1 (рис. 6 - 15). Были и сосуды со сплошной орнаментацией, доходящей до днища (рис. 7 - 3, 4). Довольно простые мотивы из прямых, волнистых и зигзагообразных линий в различном сочетании заполняют орнаментальные зоны. Они могут быть горизонтальными (рис. 6 - 15; 8 - 2, 3, 4), горизонтальными с вертикальным делением внутри зоны (рис. 8 - 5), и вертикальными, часть которых имеет горизонтальное деление (рис. 8 - 1). Отметим также, что зигзагообразные линии расположены горизонтально, либо вертикально в случаях, когда они, видимо, несут определенную семантическую нагрузку (рис. 6 - 12; 8 - 4). Прямые линии могут быть горизонтальными (заполнение орнаментальных зон), вертикальными (функция вертикальной разбивки - рис. 6 - 6, 8, 9, 10, 11; 8 - 1, 5) или же располагаться под углом друг к другу, образуя орнамент из взаимопроникающих разнозаштрихованных треугольников (рис. 8 - 1) и древовидный узор (рис. 7 - 4; 8 - 5). Под горловиной сосудов - поясик глубоких ямочных вдавлений, всегда нанесенных поверх орнамента (рис. 6, 8). Подавляющее большинство узоров выполнено инструментом типа палочки (часто расщепленной), методом отступания. Всего на двух небольших фрагментах от одного сосуда орнамент выполнен прочерченными зигзагами. Поскольку комплекс в целом выглядит довольно однородным, возможно, так заполнена одна из орнаментальных зон сосуда со смешанной техникой орнаментации. Гребенчатый штамп использован в основном для разделения орнаментальных



1 – по фрагментам рис 6 – 6, 7; 2 – по фрагментам рис. 6 – 14;
3 по фрагментам рис. 6 – 13; 4 – по фрагментам рис. 6 – 12;
5 – по фрагментам рис. 6 – 10-11

Рис. 8. Городище Каюково 2. Реконструкции сосудов. По материалам раскопок постройки 3

Таким образом, городище Каюково 2 - однослойный объект, существовавший один непрерывный промежуток времени. Два образца угля, взятые из разных частей постройки № 3, были проанализированы по радиоуглеродному методу. Полученные даты составляют 5475 ± 85 и 5495 ± 70 лет от наших дней, абсолютный возраст деревянных конструкций постройки по калиброванным датам 6292 ± 210 и 6330 ± 160 лет от наших дней (конец V тыс. до н.э.).

В поисках аналогий каюковской керамике естественно было обратиться к неолитическим комплексам на ближайших сопредельных территориях. В Сургутском Приобье среди материалов памятников “быстринского” и “барсовогорского” (первый этап) типов подобной посуды нет [Челякин, 1999. С. 11–17; Косинская, 2001. С. 61–71]. Не известна похожая керамика и в других неолитических комплексах Западной Сибири [Чернецов, 1953. С. 24, 56; Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 80–99; Косарев, 1991. С. 223, 225–227; Стефанов, 1991. С. 144–160; Челякин, 1991. С. 184–196; Стефанова, 1991. С. 131–143; Алексашенко, Викторова, 1991. С. 161–183; Морозов, Стефанов, 1993. С. 143–169; Стефанов и др., 1999. С. 43]. Ближайшие территориально аналогии керамической посуде городища Каюково 2 есть в материалах поселения Барсова гора II/9, но оно датировано бронзовым веком (заклочительная стадия “барсовогорского” типа памятников) [Челякин, 1999. С. 26, рис. 7 – 9]. В то же время исследователь признает, что керамические комплексы поселения Барсова гора II/9 могут оказаться разновременными [Челякин, 1999. С. 23]. Появление в Западной Сибири плоскодонной посуды, украшенной накольчатым орнаментом, исследователи связывают с миграциями “кошкинского” и “боборыкинского” населения из Среднего Зауралья [Морозов, Стефанов, 1993. С. 167; Косинская, 1999. С. 28]. В данном случае на боборыкинские похожи только днища сосудов – мощные, с бордюром, украшенным насечками, на чем, собственно, сходство с посудой

зон. Только один сосуд полностью украшен гребенчатым штампом, но мотивы и композиция те же, что и у сосудов с накольчатыми узорами (рис. 6 – 3).

Изделия из керамики. Среди находок этой категории – лошिला (целое и 12 фрагментов) и фрагмент зооморфной скульптуры. Все лошिला прямоугольные, овальные в сечении, которое в процессе использования становилось прямоугольным. Целое лошило и один крупный фрагмент имеют сквозные отверстия, выполненные палочкой в сырой глине и служившие, очевидно, для подвешивания (рис. 6 – 4, 5). В верхней части заполнения рва найден фрагмент зооморфной скульптуры, возможно, птицы (рис. 6 – 3).

Хронологическая и культурная атрибуция. В стратиграфии памятника не зафиксировано каких-либо культурных слоев, предшествующих времени существования городища, или более поздних, перекрывающих сформированный им культурный слой (рис. 5).

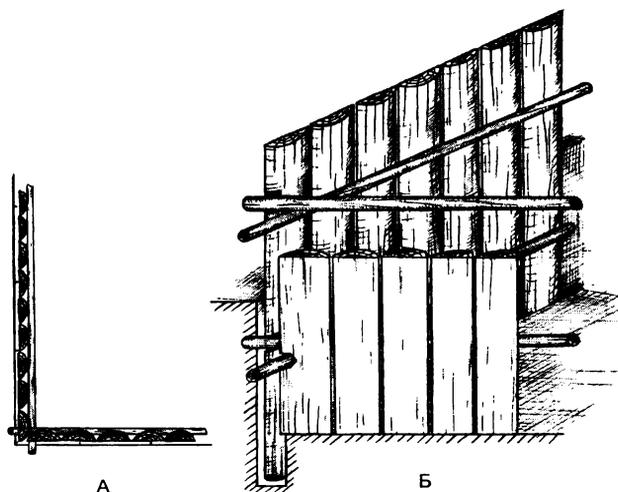


Рис.9. Каюково 2. Конструкция сопряжения задней и боковой стен. Графическая реконструкция по материалам раскопок постройки 3

этой культуры и заканчивается [Ковалева, 1986. С. 21–23; Ковалева, 1989. С. 79–80; Ковалева, Зырянова, 1998. С. 177, 181, рис. 5 – 3, 4; Ковалева, 1999. С. 26]. Намного больше его обнаруживается с посудой кошкинской культуры: в форме сосудов (плоскодонные, закрытые, иногда с наплывами на внутренней стороне венчиков), технике нанесения орнамента (преимущественно отступающая палочка), в основных орнаментальных мотивах (чередование прямых и волнистых линий), в сочетании горизон-

тального и вертикального расположения орнаментальных зон [Арефьев, 1986. С. 28–32; Ковалева, 1989. С. 32–33, 73–75; Ковалева, Зырянова, 1998. С. 176–177, 178, рис. 3, рис. 4 – 3, 4, 5]. Но существенны и отличия: отсутствие округлых днищ, отогнутые наружу венчики, плотное заполнение внешней поверхности сосудов орнаментом, для нанесения которого иногда использовался гребенчатый штамп.

Таким образом, керамика городища Каюково 2 довольно специфична, а в связи со значительным удалением памятника от территории восточно-уральского пенеplена, будет неправомерно включить его в состав среднеуральских неолитических культур. С другой стороны, посуда не имеет прямых аналогий и в Западной Сибири. Помимо самобытного керамического комплекса, необычными для этой территории являются также архитектура самого городища и жилых построек. Все это дает основание говорить о новой археологической культуре периода неолита на территории Западной Сибири. По месту нахождения памятника она может быть названа “каюковской”. Ее характеризуют: планировочная организация поселения (в частности, кольцевая); прямоугольные полуземлянки с вертикальными стенами, соединенные с центральной постройкой; плоскодонные горшки закрытой формы, со сплошной орнаментацией внешней поверхности, выполненной преимущественно отступающей палочкой, реже – наколами гребенчатым штампом; отсутствие в орнаменте геометрических узоров.

Очевидно, новые традиции в планировочной организации поселения, домостроительстве и керамическом производстве появились вместе с новым населением. В этой связи примечательно, что раскопанная постройка, судя по конструкции задней стены, была возведена после устройства рва. Создание системы обороны прежде жилых построек – признак того, что население находилось во враждебной среде и, по-видимому, было пришлым. Использование иногда гребенчатого штампа для орнаментации сосудов может свидетельствовать о каких-либо контактах с местным населением. Но, несмотря на это, остатки материальной культуры жителей городи-

ща производят впечатление чужеродного, завершенного (сформировавшегося) и самобытного комплекса. Возможно, каюковская культура окажется родственной кошкинской в Среднем Зауралье или, скорее всего, сформировавшейся на одной с ней территории. Происхождение кошкинской культуры В.Т.Ковалева связывает с Каспийско-Причерноморским регионом [Ковалева, Зырянова, 1998. С. 162, 176, 181; Ковалева, 1999. С. 27]. В вопросе о месте формирования каюковской культуры немаловажное значение имеет южный облик керамики, который заключается в специфическом сочетании форм сосудов, орнаментальных мотивов и композиций и в технике исполнения. Посуда неолитических культур юго-восточной Европы (особенно буго-днестровской), как и каюковская, в большинстве представлена плоскодонными, полностью покрытыми орнаментом горшками. В рамках одной культуры встречается посуда с разнообразными орнаментальными композициями, сочетающими горизонтальную, вертикальную, смешанную зональность в расположении орнамента, а также сочетание нескольких способов его нанесения [Черныш, 1996. С. 21-24, рис. 2]. Но наиболее интересным свидетельством можно считать лабирисовидное изображение на днище № 1. Не останавливаясь сейчас на семантическом значении символа, исследованном достаточно подробно [Даниленко, 1999], отметим, что четко локализуется ареал распространения подобных изображений и связанной с ними мифологической основы – это древнеземледельческие культуры Южной Европы (особенно трипольская), Прикаспий (Джейтун), Иран, Киликия (Мерсин), Западная Анатолия (Чатал-Гуюк), Приазовье, Восточное Средиземноморье, Крит, Кавказ [Даниленко, 1999. С. 14–16, 85, 91; Бидерманн, 1996. С. 67; Голан, 1992. С. 151; Массон, Черныш, 1982. С. 313, табл. ХСII: 4, 5].

Несмотря на очевидную яркость и самобытность каюковской керамики, ранее она не была выделена на территории Западной Сибири, даже в относительно изученном Сургутском Приобье. Это связано, скорее всего, с тем что ареал ее распространения был ограничен, а период существования непродолжителен.

Литература

- Алексащенко Н.А., Викторова В.Д.** Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Арефьев В.А.** Прочерченно-накольчатая керамика поселений тагильского Зауралья // ВАУ. Вып. 18. Свердловск, 1986.
- Бидерманн Г.** Энциклопедия символов. М., 1996.
- Визгалов Г.П.** Археологические исследования в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1998 г.: Отчет о НИР. Нефтеюганск, 1999.
- Визгалов Г.П.** Проектно-изыскательские работы на территории строящегося природно-исторического парка “Пунси”: В 2 т. Том 1–2. Выявление и обследование объектов историко-культурного наследия архитектурно-ландшафтного комплекса “Большое Каюково” в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1999 г.: Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2000.
- Голан А.** Миф и символ. М., 1992.
- Даниленко В.Н.** Космогония первобытного общества // Начала цивилизации. Екатеринбург-Москва, 1999.
- Карачаров К.Г.** Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района Тюменской области, проведенной летом 1991 г.: Отчет о НИР / Предприятие АВ КОМ. Екатеринбург, 1992.
- Ковалева В.Т.** Боборыкинская культура: (Итоги изучения) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.

- Ковалева В.Т.** Неолит среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
- Ковалева В.Т. К.В. Сальников** и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Косарев М.В.** Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.
- Косинская Л.Л.** Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей. // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Косинская Л.Л.** Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
- Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Массон В.М., Черныш Е.К.** Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1982.
- Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня 1 – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
- Стефанов В. И.** Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н.** Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Урал. археол. совещ.: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Стефанова Н.К.** Исток IV - неолитический памятник Тюменского Приобья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Чемякин Ю.П.** Неолитическая стоянка Барсова гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953.
- Черныш Е.К.** Буго-днестровская культура // Неолит Северной Евразии: Археология СССР. М., 1996.

АНТРОПОМОРФНЫЕ КУКЛЫ С ЛИЧИНАМИ VIII-IX ВВ. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СУРГУТА

*“Божков своих происшествие полагают от предков...
(Зуев 1947, с. 41)*

Металлические антропоморфные личины – нередкая находка в культурном слое памятников эпохи железа лесной зоны Западной Сибири. Они встречаются на селищах, могильниках и культовых комплексах. Различия в стиле, технике изготовления и обстоятельствах “археологизации” вряд ли говорят о едином месте этих предметов в культуре. Проводя аналогии с этнографическими материалами, многие авторы отмечали, что большинство личин, скорее всего, являлись деталями кукол, выполненных из мягких органических материалов или дерева, а находка их в погребальных комплексах связывалась с изготовлением кукол-изображений умерших [Чиндина, 1977. С. 96–98; Беликова, Плетнева, 1983. С. 111–112; Черкасова, 1987].

В 70-80-е годы XX столетия на территории Сургутской низины, точнее на территории двух урочищ, расположенных к западу от г. Сургута, Барсова Гора и Сайгадино было найдено несколько антропоморфных личин – это были как отдельные находки, так и находки в закрытых комплексах.

Предлагаемая работа в основном была написана еще в 1989 г., однако по ряду причин не была опубликована. Первоначально эта работа была задумана как наиболее полное собрание по типу каталога, основной целью которого являлось бы введение в научный оборот нового материала. К настоящему времени многие предметы и даже комплексы уже опубликованы в том или ином виде [см.: Черкасова, 1987; Морозов, 1993; Карачаров, 1993; Зыков и др., 1994. С. 82, 133, 134; Древний город на Оби, 1994. С. 12, 61, 63, 64; Зыков, Фёдорова, 2001. С. 60–62 и т.д.]. Однако актуальность этой публикации сохраняется, поскольку исследователи привлекали данные материалы в большей степени как эффектный иллюстративный или вспомогательный материал, мало уделяя внимание подробному описанию комплексов и обстоятельствам находки, зачастую вольно или невольно искажая факты.

В настоящей работе рассматриваются лишь несколько изображений, объединенных единым стилем, хронологическим периодом и территорией бытования, что является попыткой наиболее полного подробного описания антропоморфных личин и комплексов, их содержавших, а также их датировки и интерпретации. Единая иконография изображений позволяет объединить в одну группу личины, выполненные из бронзы и дерева. Всего рассматривается 15 предметов.

Все личины в фас имеют форму овала с приостренными концами. Лицо выполнено в двух уровнях, или, точнее, криволинейных плоскостях. Лоб и нос нависают над остальной частью лица, образуя почти прямоугольный карниз. Нос имеет форму узкого вытянутого прямоугольника. Он не отделен от лба, седловина не обозначена. Глаза и рот чаще переданы контурными углублениями, глаза – иногда высту-

пающим рельефом. Также выступающим или углубленным рельефом выполнены детали лба или головного убора (брови, детали шлема(?) и т.п.). Иногда на личинах показаны усы (возможно, татуировка или раскраска лица). Приостренная верхняя часть личин создает впечатление того, что голову венчает остроконечный головной убор – шлем. Близкие по стилю культовые изображения бытуют у обских угров и некоторых других современных народов Севера.

Все металлические личины отлиты из оловянистой бронзы, литник во всех случаях располагался в нижней части. Лицевая сторона выполнена тщательно, возможна вторичная обработка после отливки, а обратная представляет собой грубый негатив лицевой. Анализ по составу металла и технологии литья пока не проводился.

У деревянных личин тщательно проработана также только лицевая сторона, обратная сторона чаще представляет собой плоский срез, а в одном случае – она выпуклая (рис. 17 – 1). Кроме того, деревянные личины в нижней части, в том месте, где у металлических расположен литник, заканчиваются круглым или прямоугольным в сечении стержнем.

В десяти случаях достоверно зафиксировано, что личины являлись деталями кукол, имевших мягкую основу с плоским каркасом из прутиков (рис. 1).

Описание материала

Комплекс с городища Барсов Городок III/1. На городище Барсов Городок III/1 в 1973 г. была сделана одна из самых первых в районе г. Сургута находок комплекса, содержавшего антропоморфную личину. Он находился “под обваловкой жилища” и, на основании датировки основного поселенческого комплекса, первоначально был отнесен к “зеленогорскому этапу”, то есть VI-VII вв. (Фёдорова и др., 1991. С.135). Кроме личины в комплексе находились две авиаморфные подвески с маленькими “крыльшками” и трапециевидным “хвостом”, детали проработаны только с одной стороны (рис. 3). К сожалению, в настоящее время сохранилась лишь полевая фотография комплекса и рисунок одной из подвесок (рис. 2, 3). Первоначально было сделано предположение, что личина и подвески лежали в меховой сумочке и не указывали на наличие куклы и, тем более, судя по фотографии и вос-

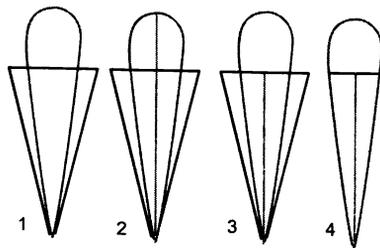


Рис. 1. Варианты каркасов кукол



Рис. 2. Полевая фотография комплекса с антропоморфной личиной с городища Барсов Городок III/1

судя по фотографии и вос-

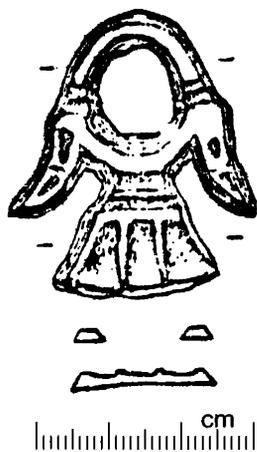


Рис. 3. Авиаморфная подвеска из комплекса с городища Барсов Городок III/1

поминаниям очевидцев, кукла все же была. Она имела каркас из прутьиков(?), обернутый серебряной(?) фольгой, набита мхом или травой; к головной части, кроме личины, скорее всего, были прикреплены волосы. Найденные фрагменты меха, видимо, свидетельствуют о том, что кукла была обтянута и/или завернута в него. Не исключено и то, что кукла и все сопровождавшие ее предметы действительно лежали в меховом мешочке или были зашиты в мех.

Личина имела размеры приблизительно 7,0 x 3,3 см, собственно личина – 5,3 x 3,3 см (рис. 4). Глаза и рот овальные, переданы углубленной линией. В верхней части личины, у заострения головного убора (трубки шлема), выступающим рельефом переданы детали, напоминающие плюмаж или что-то привязанное к заострению головного убора (к трубке шлема).

Датировка комплекса “зеленогорским этапом” – VI–VII вв. – представляется в настоящее время слишком узкой. В нем отсутствуют предметы, для которых можно было бы ограничить период бытования только этим этапом. Находки подобных комплексов на других селищах говорят о том, что погребение (сокрытие) кукол совершалось на уже “археологизированных”, т. е. более ранних поселенческих памятниках. Поэтому правильнее было бы говорить о широких хронологических рамках, например, – о второй половине I тыс. н. э. При этом последняя четверть I тыс. н. э. кажется более вероятной.

Комплекс с городища Барсов Городок I/20. В 1988 г. при раскопках городища раннего железного века Барсов Городок I/20 на дне рва в неглубокой ямке была найдена кукла (рис. 5). Она лежала лицевой стороной вниз и была ориентирована вдоль оси рва. Обстоятельства находки не позволили проследить точное положение куклы и сопровождавших ее предметов, оно было смоделировано по их отпечаткам на кукле. Руководитель работ В.А. Борзунов интерпретировал их как отдельные находки: личина и “положенные в мешочек (?) две бронзовые височные подвески” [Борзунов, Бельтикова, 1989. С. 139].

Этот комплекс также упоминается в работе группы уральских археологов “Сургутское Приобье в эпоху средневековья”. Как и комплекс с городища Барсов Городок III/1, авторы отнесли его к “зеленогорскому этапу” (VI–VII вв. н. э.) [Фёдорова и др., 1991. С. 135]. В работе “К вопросу

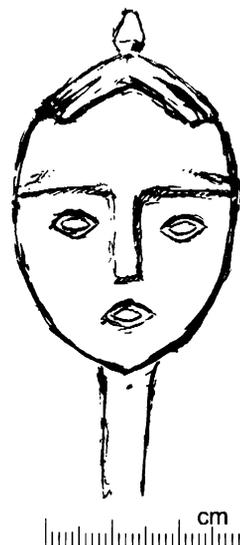


Рис. 4. Вариант реконструкции деревянной личины из комплекса с городища Барсов Городок III/1

зеленогорской культуре” В. М. Морозов попытался обосновать эту датировку [Морозов, 1993. С. 103]. При этом он приводит в качестве аналогий орнитоморфные бронзовые изображения с могильника Релка [см. Чиндина, 1977. С. 46, рис. 35, 5, 9]. Однако сравниваемые им предметы явно различаются по морфологическим особенностям, стилю, способу крепления и т. д., что не позволяет считать его выводы достаточно обоснованными.

В работе “Древний город на Оби” в двух местах приводится одна и та же фотография комплекса с городища Барсов Городок I/20. Как и в случае с находкой с городища Барсов Городок III/1, авторы посчитали, что все предметы – и личина, и бронзовые предметы лежали в меховой “сумочке”, составляя жертвенный комплекс [Древний город на Оби, 1994. С. 12, 63, 64].

К моменту написания настоящей работы сохранилась лишь сама кукла с деревянной личиной и металлические предметы. Остатки меховой сумочки (даже если она и была) не сохранились.

Кукла имела каркас из прутиков, обернутых серебряной фольгой. Судя по сохранившимся фрагментам ткани, она, хотя бы частично, была сшита из нее, воз-

можно с использованием меха или кожи. Объем кукле придавал помещенный в нее мох. К головной части крепилась деревянная антропоморфная личина лицевой стороной наружу. Судя по ниткам, торчащим из мягкой основы куклы, она была пришита к ней. С лицевой стороны по контуру личины зафиксированы следы обкладки серебряной фольгой, которая к моменту находки почти полностью разрушилась. Кроме того, к головной части куклы была пришита прядь волос, возможно, человеческих. Она сохранилась лишь с левой стороны, но, судя по следам обрыва, была длиннее и, скорее всего, пришивалась с обеих сторон. У головной части находились две подвески с треугольным “хвостом” и отходящими от петли “крыльями”, орнаментированными



Рис. 5. Комплекс с городища Барсов Городок I/20: 1, 2 – авиаморфные подвески (бронза, литье); 3 – деревянная личина; 4 – фрагмент звена цепи (бронза, литье)

рядом кружков и овалов на углубленном фоне (литье, бронза, на обороте – грубый негатив лицевой стороны), в петле одной из них сохранился фрагмент привязанного кожаного шнура (рис. 5). К сожалению, не ясно были ли подвески прикреплены (привязаны/пришиты) к кукле или нет. В этом же комплексе был найден обломок звена бронзовой цепочки (ременной обоймы?), первоначальное положение его в комплексе не удалось установить даже предположительно.

Личина имела размеры 10,0 x 3,3 см: 6,8 x 3,3 см – собственно личина; 3,2 x 0,9 см – стержень. Рот и глаза овальные, переданы углубленной линией. Отличительной особенностью этого изображения является наличие “усов”, переданных тройными выпуклыми линиями. Также тройными выпуклыми линиями показаны детали на тулье головного убора (шлема?).

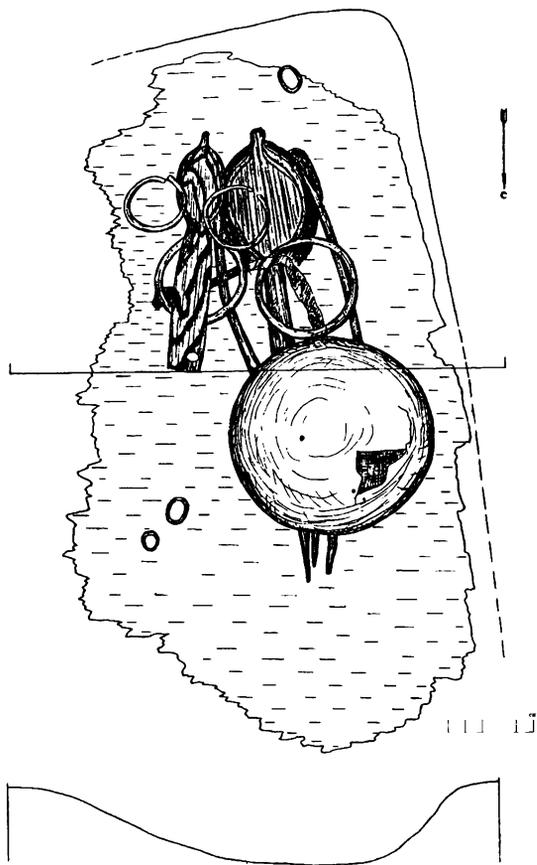


Рис. 6. Комплекс с селища Остяцкий Живец IV

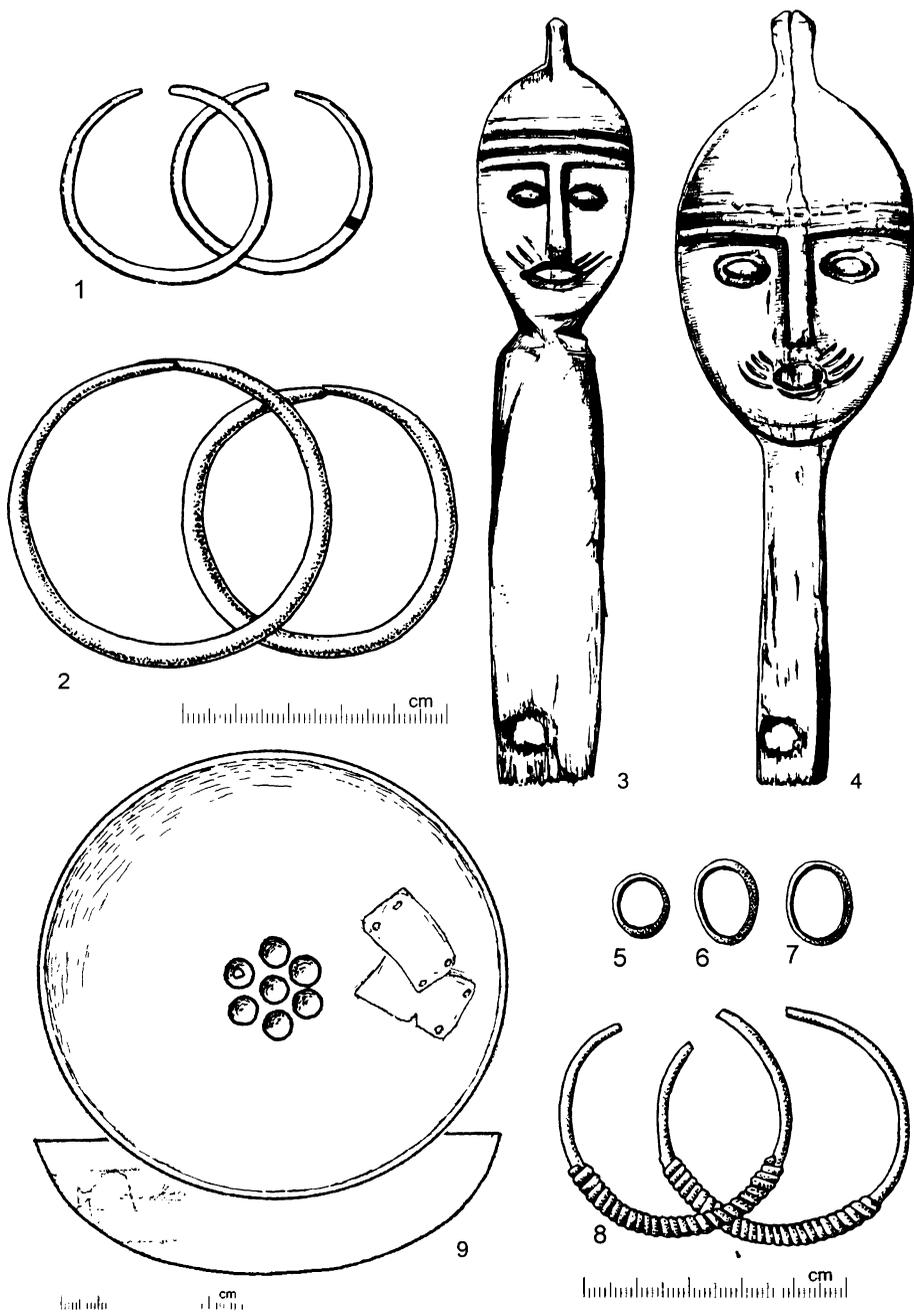
Датировка комплекса затруднительна, так как нет вещей, имеющих прямые аналогии в датированных комплексах. Основываясь на стилиевой близости подвесок и пряжки с зооморфным сюжетом из Сайгатинского III могильника [Карачаров, 1993. С. 112–115], а также на том, что аналогии звену цепи автору данной статьи удалось найти в материалах не ранее VIII в., наиболее приемлемой датировкой можно определить VIII–IX вв.

Комплекс с селища Остяцкий Живец IV (рис. 6 – 8) обнаружен в 1985 г. при раскопках остатков неуглубленной постройки раннего железного века (кулайской культуры), в ее центре. Комплекс находился в неглубокой ямке глубиной 5-6 см, сразу под дерном. Ямка плохо фиксировалась, но, очевидно, ее размеры составляли примерно 20,0 x 50,0 см, и она была ориентирована по линии СЮ. В ней находился сверток.

Снаружи фиксировалось несколько “сшитых” слоев бересты, внутри – слой меха ворсом внутрь. На свертке было найдено два медных (бронзовых) несомкнутых кольца, перевитых в центральной части медной проволочкой (рис. 7 – 8). Внутри свертка лежали остатки двух антропоморфных кукол “головой” на Ю. Сверху перевернутая вверх дном лежала полированная бронзовая чаша, перекрывающая центральную часть комплекса (рис. 7 – 9). Чаша имеет сферическую форму; в центральной части, с внутренней стороны – розетка из семи округлых углублений; дно чаши еще в древности было пробито и заделано двумя медными пластинками на заклепках.

Лучше всего сохранились деревянные антропоморфные личины. Нижняя часть обеих личин переходит в довольно длинный прямоугольный в сечении стержень с отверстием на конце. Обе они лежали лицевой стороной вниз; меньшая личина – сверху, большая – снизу (рис. 7 – 3, 4). Размер одной личины 14,8 x 2,95 см: 6,2 x 2,95 см – собственно личина, 8,6 x 2,2 см – стержень; второй – 14,9 x 4,55 см: 8,5 x 4,55 см – собственно личина, 6,4 x 1,45 см – стержень. На концах стержней обеих личин имеются отверстия диаметром около 0,55 см.

С личиной меньшего размера соотнесено два медных (бронзовых?) несомкнутых кольца (рис. 7 – 1). Никаких конструктивных элементов этой куклы не зафиксировано.



1 – височные кольца (медь, ковка); 2 – височные кольца (бронза, литье); 3, 4 – деревянные личины; 5-7 – ременные обоймы (бронза, литье); 8 – височные кольца (медь, ковка); 9 – чаша (бронза, ковка, полировка)

Рис. 7. Предметы из комплекса с селища Остяцкий Живец IV

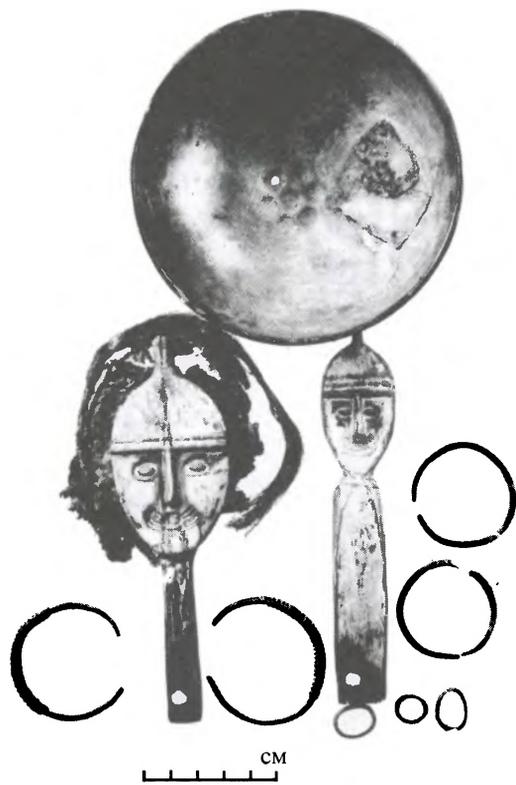


Рис. 8. Предметы из комплекса с селища Остяцкий Живец IV – фотография из отчета

Установлено, что большая личина лежала на мягкой основе. Эту куклу сопровождали два несомкнутых бронзовых (?) кольца (рис. 7 – 2), соединенные кожаным ремешком. Основа куклы представляла собой каркас из прутиков, один из которых был согнут в миндалевидную рамку, второй вставлен в нее враспор, а третий – вдоль длинной оси нижней, более узкой части каркаса (рис. 1 – 4); для объема кукла была набита травой. К головной части куклы были прикреплены две пряди волос, возможно, человеческих (рис. 8). Она была прикрыта медной пластинкой. Личина лежала таким образом, что лицевая ее часть была обращена к медной пластинке на головной части куклы.

В комплексе также найдены три литых бронзовых обоймы в виде замкнутого эллипса, дрот в сечении имеет форму ромба (рис. 7 – 5-7). Эта находка впервые упоминается в докладе Н. Черкасовой “Средневековые тонгхи Западной Сибири” [Черкасова, 1987. С. 22–25].

Датировка комплекса определяется по обоймам, имеющим аналогии в материале памятников Согда, где они встречены в слоях первой – третьей четверти VIII в. н. э. [Распопова, 1980. С. 87–91]. Самая территориально близкая аналогия этим обоймам происходит из погребения 214 Барсовского I могильника (Барсов Городок), где они сопровождалась предметами, датирующимися концом VII – VIII в. Бронзовая чаша из описанного комплекса опубликована в двух каталогах, в которых датирована авторами VIII – IX вв. [Восточный художественный металл. 1991. С. 27–28, кат. 21; Зыков и др., 1994. С. 155, кат. 302].

Комплекс с Сайгатинского III могильника. Могильник Сайгатинский III состоит из двух разновременных групп погребений, разделенных к тому же территориально. Ранняя группа погребений датируется VIII–IX вв., возможно, включая начало X в.; поздняя группа – XIII–XIV вв.

В 1986 г. в пространстве между могилами ранней группы, сразу под дерном, в подпрямоугольной яме, 40,0 x 60,0 см, глубиной 10 см, был найден берестяной сверток, в котором находились еще три свертка меньшего размера (рис. 9). Яма была ориентирована длинной осью по линии СЮ, свертки располагались вдоль ее длинных стенок: один – у западной; два других, лежавших друг на друге – у восточной.

В 1986 г. в пространстве между могилами ранней группы, сразу под дерном, в подпрямоугольной яме, 40,0 x 60,0 см, глубиной 10 см, был найден берестяной сверток, в котором находились еще три свертка меньшего размера (рис. 9). Яма была ориентирована длинной осью по линии СЮ, свертки располагались вдоль ее длинных стенок: один – у западной; два других, лежавших друг на друге – у восточной.

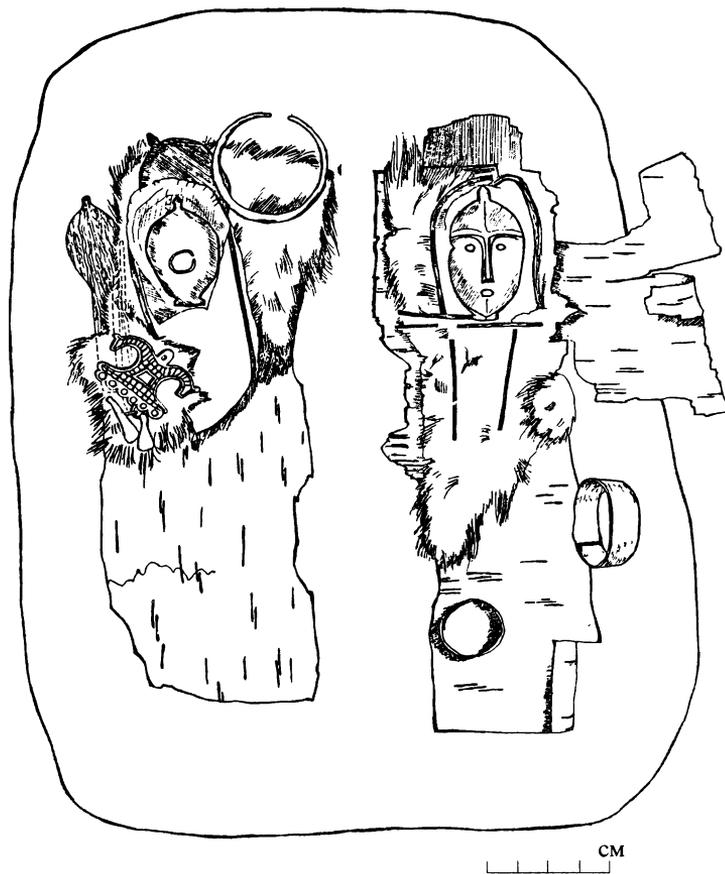


Рис. 9. Комплекс с Сайгатинского III могильника

лицевой стороной вниз, а восточной части – лицевой стороной вверх. Все они были ориентированы головами на С.

Куклы имели примерно одинаковую конструкцию. Основу составлял плоский каркас из двух прутиков, свернутых в виде рамок миндалевидной и треугольной формы (рис. 1 – 1); у самой крупной из них (кукла 2) по длинной оси каркаса проходил еще один прутик (рис. 1 – 2). Объем куклам придавал набитый внутри мох. Достоверно не установлено, были ли куклы обшиты мехом или иным материалом, завернуты ли (одеты) в миниатюрные шубы. Однако использование меха в качестве покрова очевидно. Зафиксированы в комплексе детали меховой мозаики (рис. 12 – 4), а также кожаные полоски со следами прошивания и декора из продетых в разрезы более тонких кожаных полосок (рис. 10). Не исключено, что покровы были комбинированными. Головные части кукол 1 и 5 окантованы кожаными полосками (рис. 11 – 1; 15 – 1); у кукол 2 и 4 на этом месте были пришиты кусочки кожи в виде полукруга (рис. 12 – 1; 14 – 1); головная часть куклы 3 не сохранилась. У каждой из них находились пряди волос, предположительно, человеческих. К каждой кукле были приложены личины: к 1, 2, 4, 5 – бронзовые; к 3 – деревянная, переходящая в нижней части в стержень прямоугольного сечения с отверстием на

Западный сверток был уложен таким образом, что стыки находились внизу, кроме того, сверху и снизу в него были вложены прямоугольные куски бересты. Стыки свертков восточной части находились сверху, вместо кусков бересты в них были вложены прямоугольные куски меха ворсом внутрь свертков.

Все три свертка содержали куклы: западный – три, а восточные по одной. Для удобства описания куклы условно пронумерованы по их положению в комплексе: куклам западного свертка (сверху вниз) присвоены номера 1, 2, 3; куклам восточных свертков (сверху вниз) – номера 4 и 5. Куклы западной части лежали

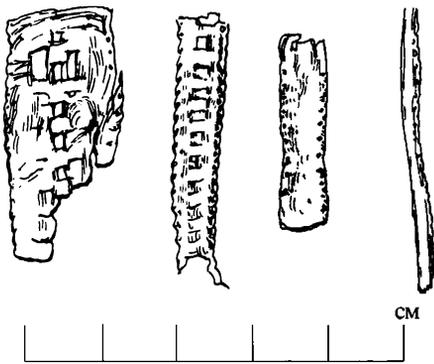


Рис. 10. Комплекс с Сайгатинского III могильника. Фрагменты кожаных полосок со следами прошивания

конце. Как и в комплексе с поселения Остяцкий Живец IV, все личины были обращены лицевой стороной к мягкой основе “голов” кукол.

У четырех кукол с той же стороны, к которой были приложены личины, находились металлические украшения.

Кукла 1 (рис. 11) – размеры 20,0 x 10,5 x 2,0 см (размеры головной части – 6,0 x 6,0 см). К ней была приложена бронзовая личина размером 6,3 x 3,8 x 0,7 см (рис. 11 – 2); два несомкнутых медных кольца из прямоугольной в сечении проволоки (одно – на личине, другое – под ней) (рис. 11 – 3); на тулове куклы лежала основа коньковой шумящей подвески (бронза, литье, изображение с обеих сто-

рон) (рис. 11 – 4); под ней – две шумящие подвески с основой в виде колодок со стилизованными птичьими лапками (бронза, литье) (рис. 11 – 5, 6).

Кукла 2 (рис. 12) – размеры 28,0 x 13,5 x 3,0 см (размеры головной части – 7,0 x 6,0 см). К ней была приложена бронзовая личина размером 8,5 x 5,7 x 0,8 см (рис. 12 – 2); два бронзовых литых несомкнутых кольца с дротом круглого сечения, сужающегося к концам (рис. 12 – 3).

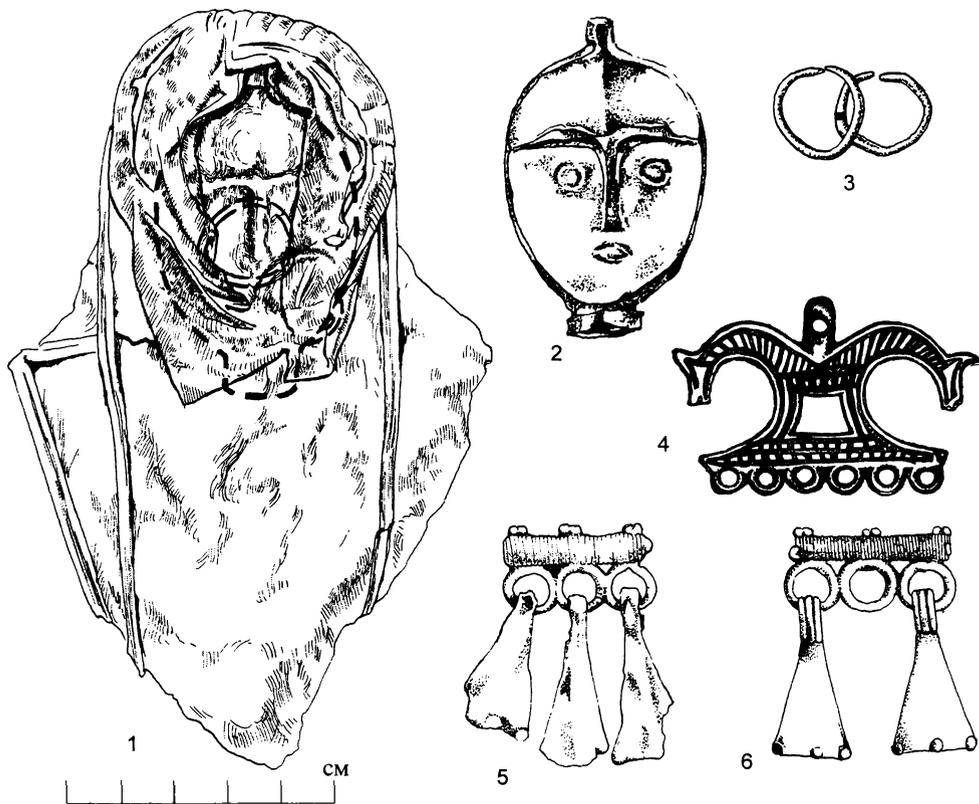
Кукла 3 (рис. 13) сохранилась плохо и поэтому указать ее даже приблизительные размеры не представляется возможным. К ней была приложена деревянная личина размером 14,2 x 3,2 см, размеры собственно личины 6,1 x 3,2 см, нижняя часть которой переходит в стержень прямоугольного сечения с отверстием на конце – 8,1 x 1,2 см (рис. 13 – 2).

Кукла 4 (рис. 14) – размеры 21,0 x 10,0 x 2,0 см. К ней была приложена бронзовая личина размером 8,1 x 4,0 x 1,0 см (рис. 14 – 2). У тулова находились две луженые паяные медные серьги (височные подвески) с подвесками в виде шариков на усеченном конусе (рис. 14 – 3, 4). Из-за того, что припой окислился, подвески лишились отдельных деталей (зерни и небольших полых шариков) (рис. 14 – 5), точное расположение которых на подвесках установить не представилось возможным. У центральной части тулова куклы находилась плоская коньковая подвеска (литье, бронза, изображение только с одной стороны) (рис. 14 – 6).

Кукла 5 (рис. 15) – размеры 22,0 x 11,0 x 2,0 см. К ней была приложена бронзовая личина размером 8,5 x 4,5 x 1,1 см (рис. 15 – 3). У центральной части тулова куклы находились два литых бронзовых кольца, с дротом круглого сечения, сужающегося к концам (рис. 15 – 7); два отрубленных конца от несомкнутого кольца, завершающиеся крючками (рис. 15 – 4); объемная полая зооморфная подвеска изображающая двух животных (литье, бронза) (рис. 15: 6); плоская зооморфная бляшка-собака с петлей на обороте (рис. 15 – 5); пять медных(?) пластинок (рис. 15 – 2).

Найденная в восточной части углубления пара пластинчатых медных браслетов (рис. 15 – 8, 9) с уверенностью не может быть отнесена ни к одной из кукол.

Из предметов, датирующих комплекс можно отметить следующие:



1 – мягкая основа куклы (прутики, мох); 2 – личина (бронза, литье); 3 – “височные” кольца (медь, ковка); 4 – основа коньковой шумящей подвески (бронза, литье); 5, 6 – шумящие подвески (бронза, литье)

Рис. 11. Комплекс с Сайгатинского III могильника. Кукла 1

Основа коньковой шумящей подвески (рис. 11 – 4). Аналогичная подвеска найдена в погребении 2 Больше-Тиганского могильника, датированного Е.А Халиковой и А.Х. Халиковым на основе монетного материала концом VIII – первой половиной IX в. [Chalikova, Chalikov, 1981. Р. 57–59]. Такая же подвеска происходит из Стерлитамакского могильника, на котором также найдены монеты VIII в. Опираясь на монетный материал Р.Б. Ахмеров датировал его концом VIII – первой половиной IX в. [Ахмеров, 1955. С. 124]. Н.А. Мажитов первоначально отнес материалы этого могильника к хронологической группе “В”, IX – начало X в. [Мажитов, 1977. С. 22–29, 195]. Однако позже он согласился с датой, предложенной Р.Б. Ахмеровым [Мажитов, 1981. С. 91–95]. Р.Д. Голдина отнесла коньковые подвески такого типа к концу VIII – IX в., урынской стадии ломоватовской культуры [Голдина, 1985. С. 132, 133, 222, рис. 16]. Для неволинской культуры подобные подвески отнесены к сухоложской стадии, датировка которой несколько уже – конец VIII – первая половина IX в. [Голдина, Водолаго, 1990. С. 94, 166].

– Шумящие подвески-колодки (рис. 11 – 5, 6), имеют аналогии в Урынском и Шукинском могильниках ломоватовской культуры. Р.Д. Голдина, основываясь на корреляционной схеме, довольно убедительно датирует их урынской стадией, т. е. концом VIII – IX в. [Голдина, 1985. С. 131–133, рис. 16; С. 226, табл. XVII – 1–3].

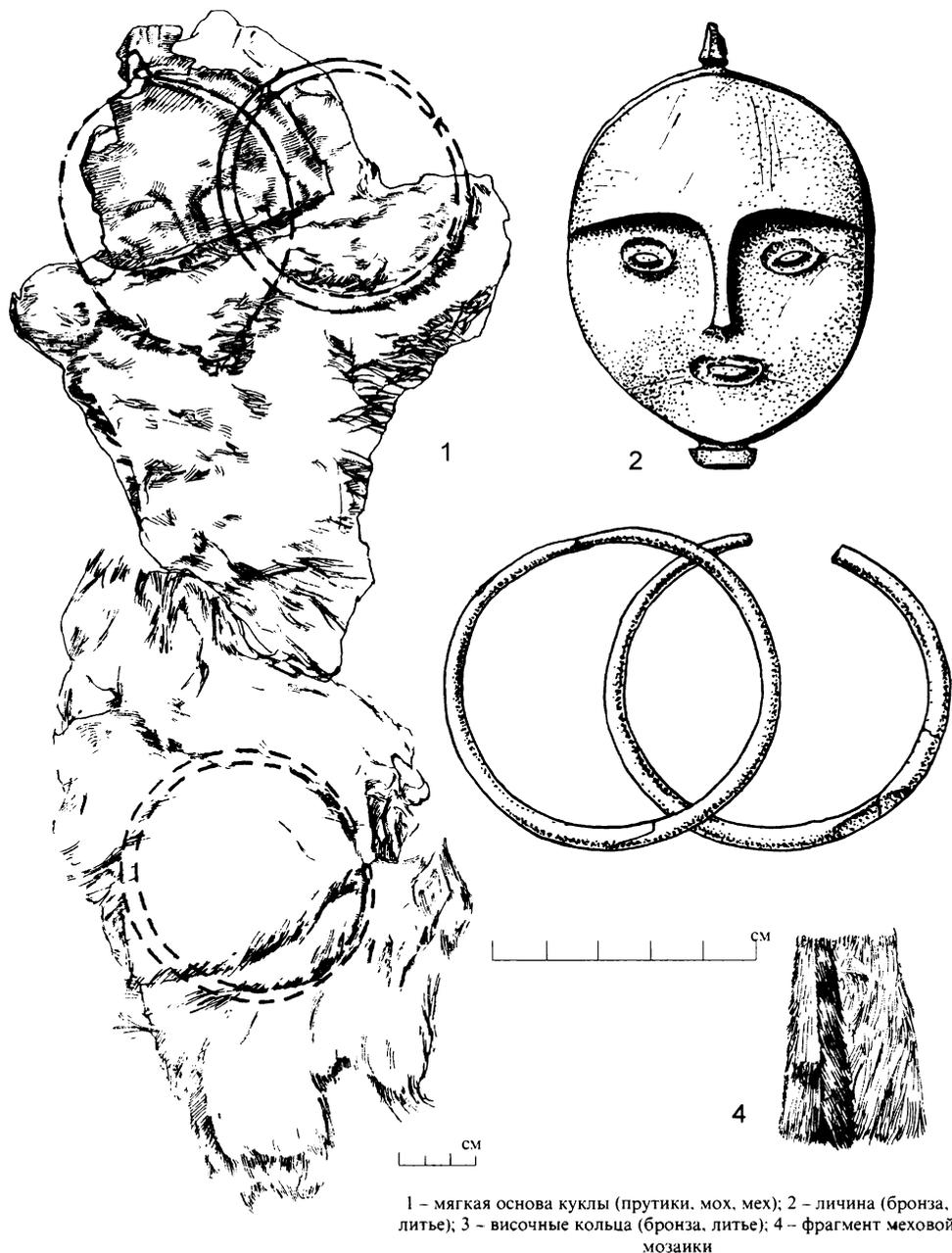


Рис. 12. Комплекс с Сайгатинского III могильника. Кукла 2

– Аналогично датированы и височные подвески (рис. 14 – 3, 4): концом VIII – IX в. [Голдина, 1985. С. 131–133, рис. 16; С. 209, табл. I].

Таким образом, наиболее вероятный период, когда мог быть оставлен этот комплекс – конец VIII – IX в.

Комплексы в погребениях

Погребение 86 Сайгатинского III могильника (рис. 16). Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВ. Комплекс находился



1 – мягкая основа куклы (прутики, мох, мех); 2 – личина (дерево)

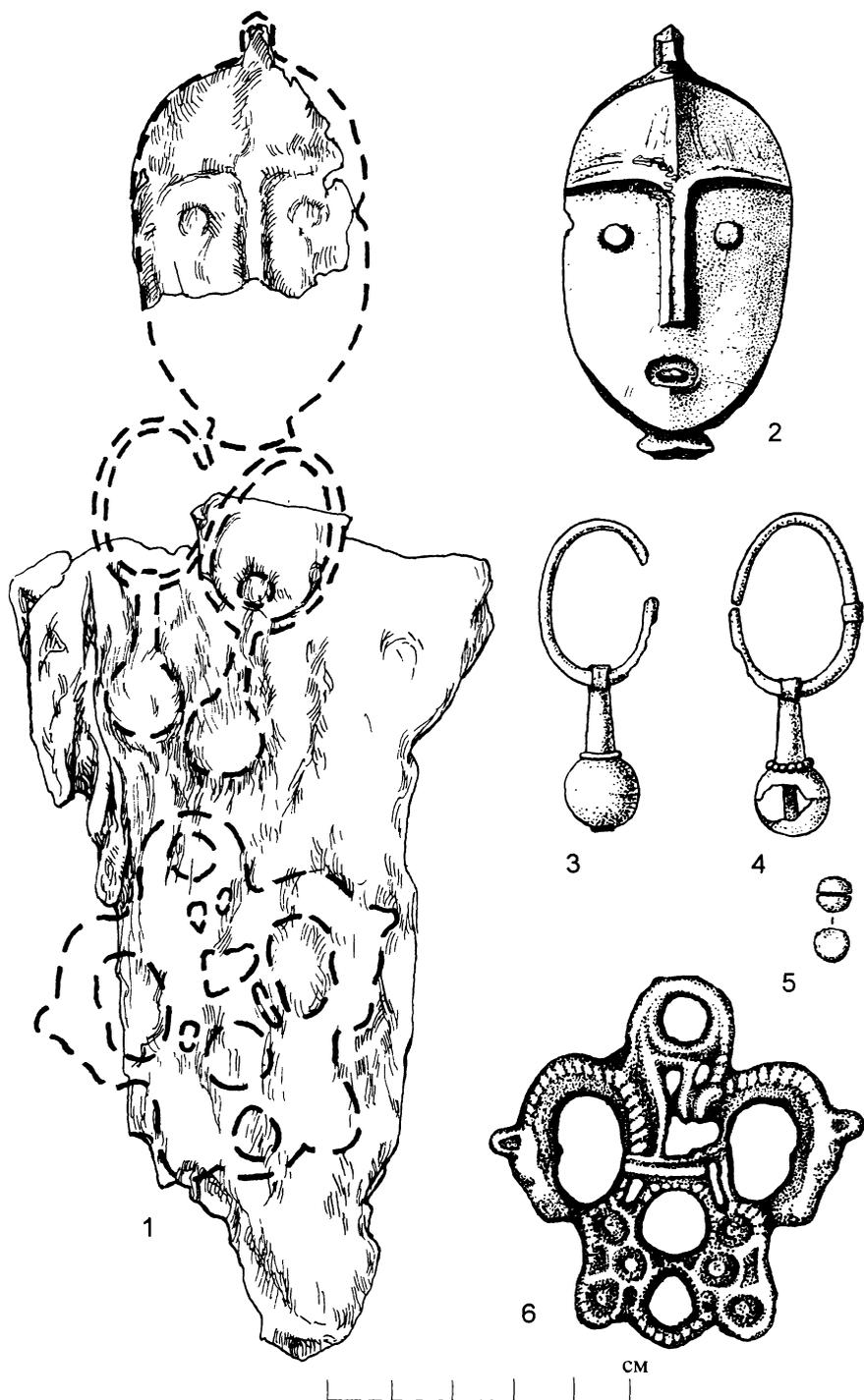
Рис. 13. Комплекс Сайгатинского III могильника. Кукла 3

Кукла имела каркас из прутиков и была набита мхом. У головной части лежала лицевой стороной вниз деревянная личина размером 9,4 x 4,4 см: собственно личи-

у правой плечевой кости. Он представлял собой берестяной сверток размером 8,0 x 18,0 см. В свертке находилась антропоморфная кукла, от которой сохранилась только головная часть и обращенная к ней лицевой стороной бронзовая личина (рис. 16 – 3). Судя по сохранившимся частям, кукла имела каркас из прутиков и была набита мхом, обшита или обернута мехом. Личина была привязана к деревянной основе, повторяющей ее контур (рис. 16 – 4). Размеры личины – 6,3 x 3,6 см. Под головной частью куклы лежали два бронзовых кольца с несомкнутыми концами.

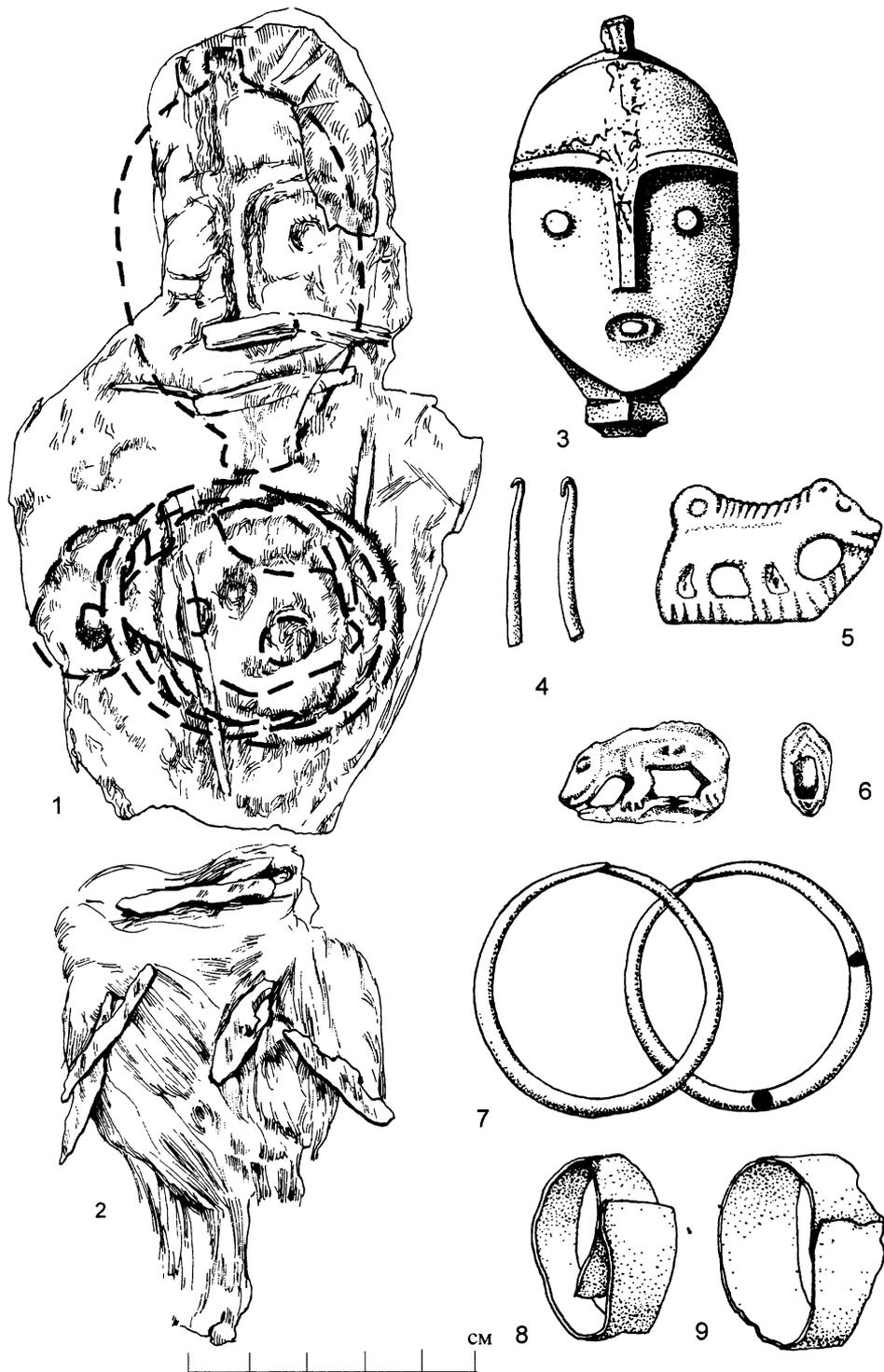
Датировка погребения определяется общей датой группы могил – VIII–IX вв.

Погребение 108 Сайгатинского III могильника (рис. 17). Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Возраст умершего составлял 40–50 лет, пол установить не удалось. В ногах у него, у западной стенки найден берестяной сверток, в котором находились остатки кук-



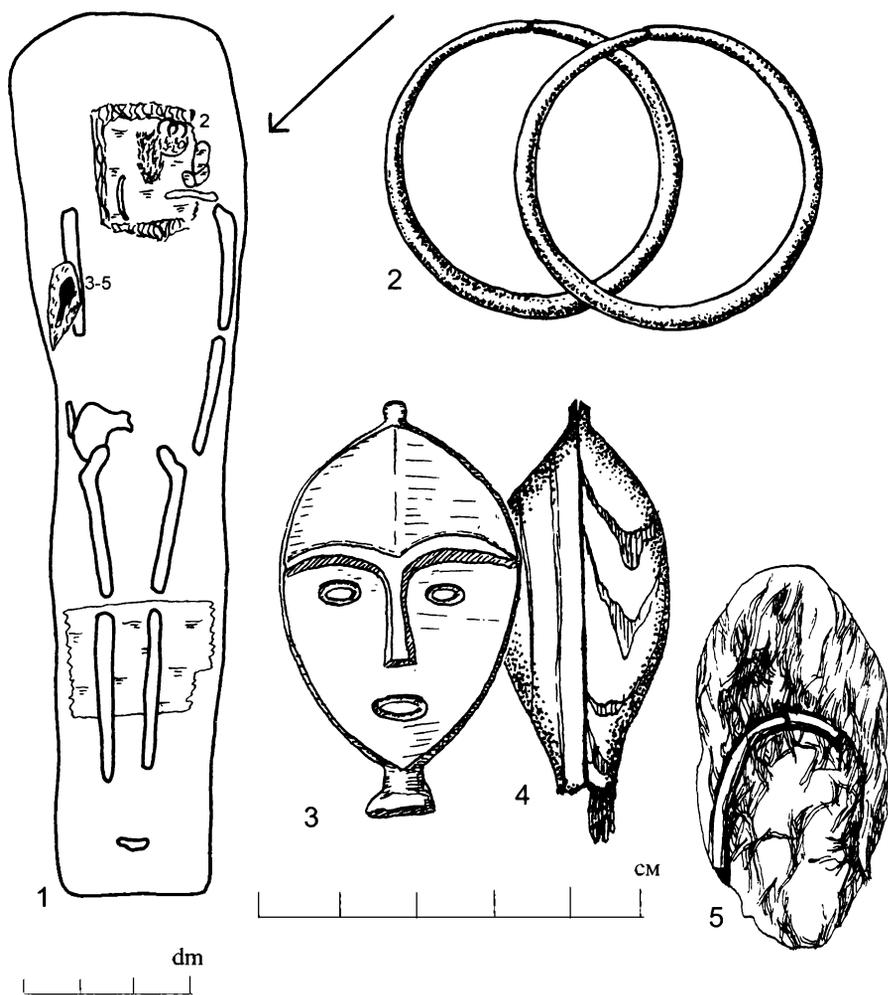
1 – мягкая основа куклы (прутики, мох); 2 – личина (бронза, литье); 3, 4 – височные подвески (серьги) (медь, пайка); 5 – деталь декора подвесок (медь, пайка); 6 – коньковая подвеска (бронза, литье)

Рис. 14. Комплекс с Сайгатинского III могильника. Кукла 4



1 – мягкая основа куклы (прутики, мох); 2 – мех с нижней части куклы и пять медных пластинок; 3 – личина (бронза, литье); 4 – концы височного кольца (медь?, ковка); 5 – зооморфная бляшка “собака” (бронза, литье); 6 – зооморфная подвеска (бронза, литье); 7 – височные кольца (бронза, литье). 8, 9 – браслет (медь, ковка)

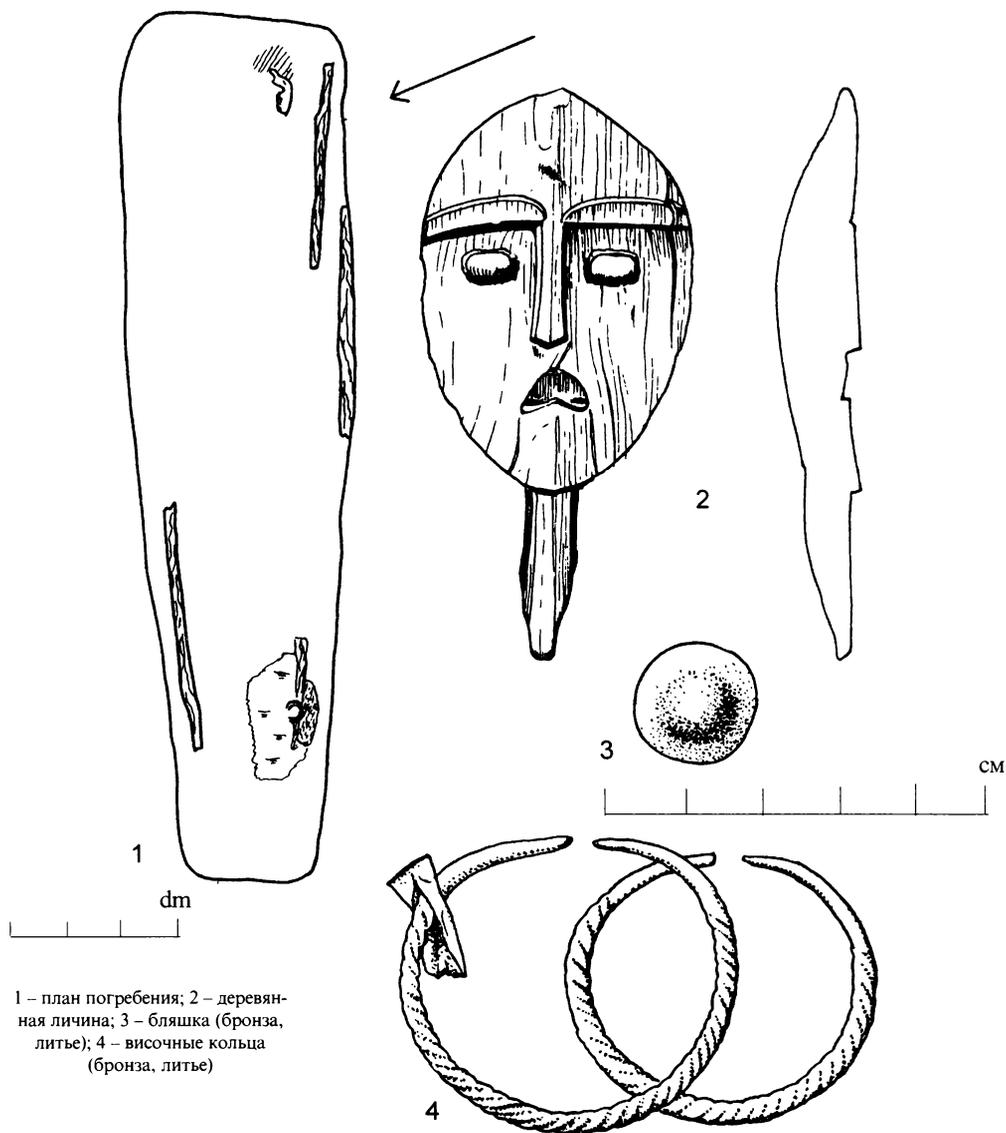
Рис. 15. Комплекс с Сайгатинского III могильника. Кукла 5



1 – план погребения; 2 – височные кольца (бронза, литье); 3 – личина (бронза, литье); 4 – деревянная основа; 5 – фрагмент головной части мягкой основы куклы (прутики, мох)

Рис. 16. Погребение 86 Сайгатинского III могильника

на – 6,7 x 4,4 x 1,4 см; в нижней части она переходит в стержень овального сечения размером 2,7 x 0,9 x 0,75 см (рис. 17 – 2). Плохая сохранность органики не позволила проследить точное расположение личины по отношению к кукле. Здесь же находились два литых бронзовых кольца, из круглого в сечении сужающегося к концам дрота (рис. 17 – 4); бронзовая сферическая бляшка с уплощенным полем (рис. 17 – 3). Бляшки такого типа встречены в кургане №39 могильника Саратовка (с. Саратовка, Кемеровская обл.) с монетами “кань-юань тун-бао”, которые находились в обращении на территории Китая и Средней Азии с 621 по 906 годы. Автор публи-

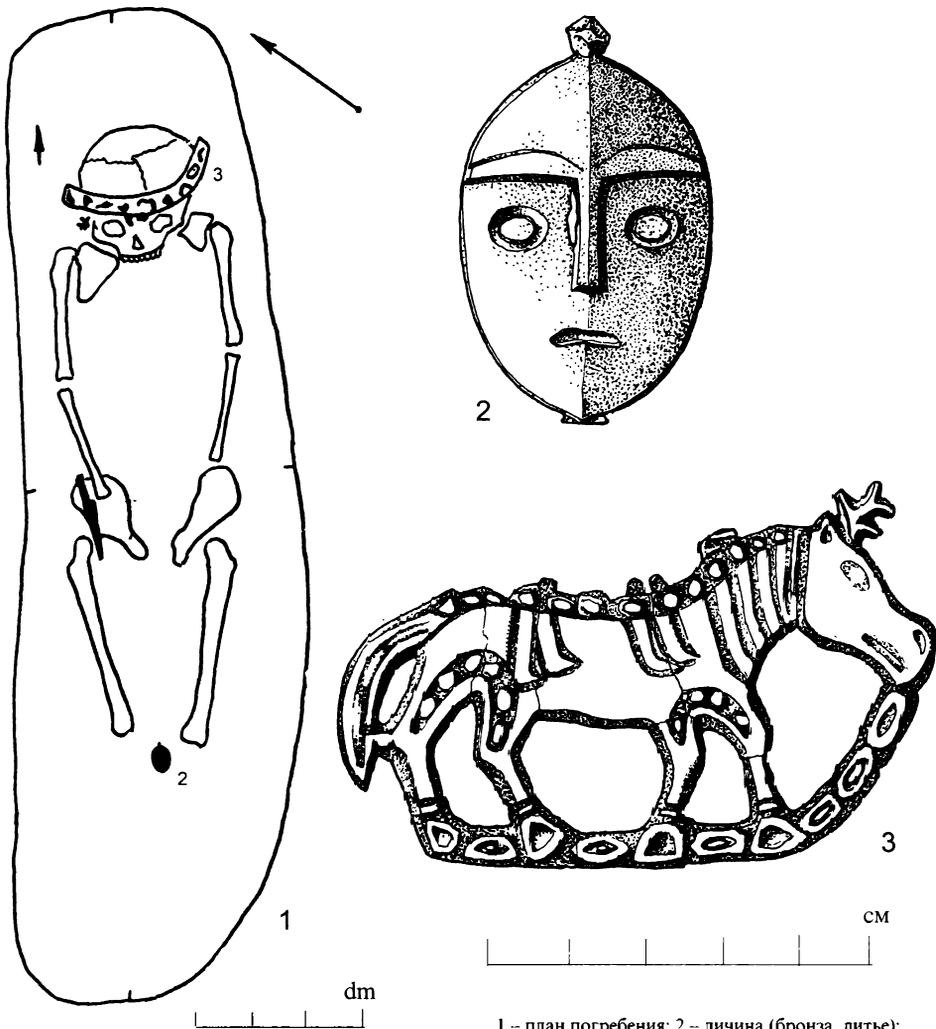


1 – план погребения; 2 – деревянная личина; 3 – бляшка (бронза, литье); 4 – височные кольца (бронза, литье)

Рис. 17. Погребение 108 Сайгатинского III могильника

кации несколько сузил датировку комплекса, ограничив ее второй половиной VIII в. – первой половиной IX в. [Илюшин, 1999. С. 57–59, 125, рис. 42. 7]. В могильнике Сапогово (Кузнецкая котловина) в кургане № 14 были найдены такие же бляшки с монетами “кань-юань тун-бао” и тюркешскими монетами, выпускавшимися в первой половине VIII в. (скорее всего, в 720 – 40-е гг.) [Илюшин и др., 1992. С. 36, 104, рис. 38 –17–24].

Погребение 130 могильника Барсов Городок (Барсовского 1) (рис. 18). В нем была захоронена женщина 20–30 лет. Судя по сохранившимся костям, погребенная была уложена вытянуто на спине головой на ЮВ. В ногах у нее лежала бронзовая личина



1 – план погребения; 2 – личина (бронза, литье);
3 – зооморфная подвеска (бронза, литье)

Рис. 18. Погребение 130 могильника Барсов Городок:

размером 6,1 x 3,8 см (рис. 18 – 2) лицевой стороной вниз. Плохая сохранность органики не позволила установить, являлась ли личина деталью куклы или нет.

Вещей, имеющих близкие датированные аналогии, в погребении нет. Однако плоская фигурка “лошади с рогом” или оленя (рис. 18 – 3), фрагменты, которой были нашиты на венчик погребенной, скорее всего, входит в круг подобных изображений второй половины I тыс. н. э.

Погребение 207 могильника Барсов Городок (рис. 19). Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЮВ. Возраст умершего составлял 6–11 лет. В области груди был найден фрагмент деревянной личи-

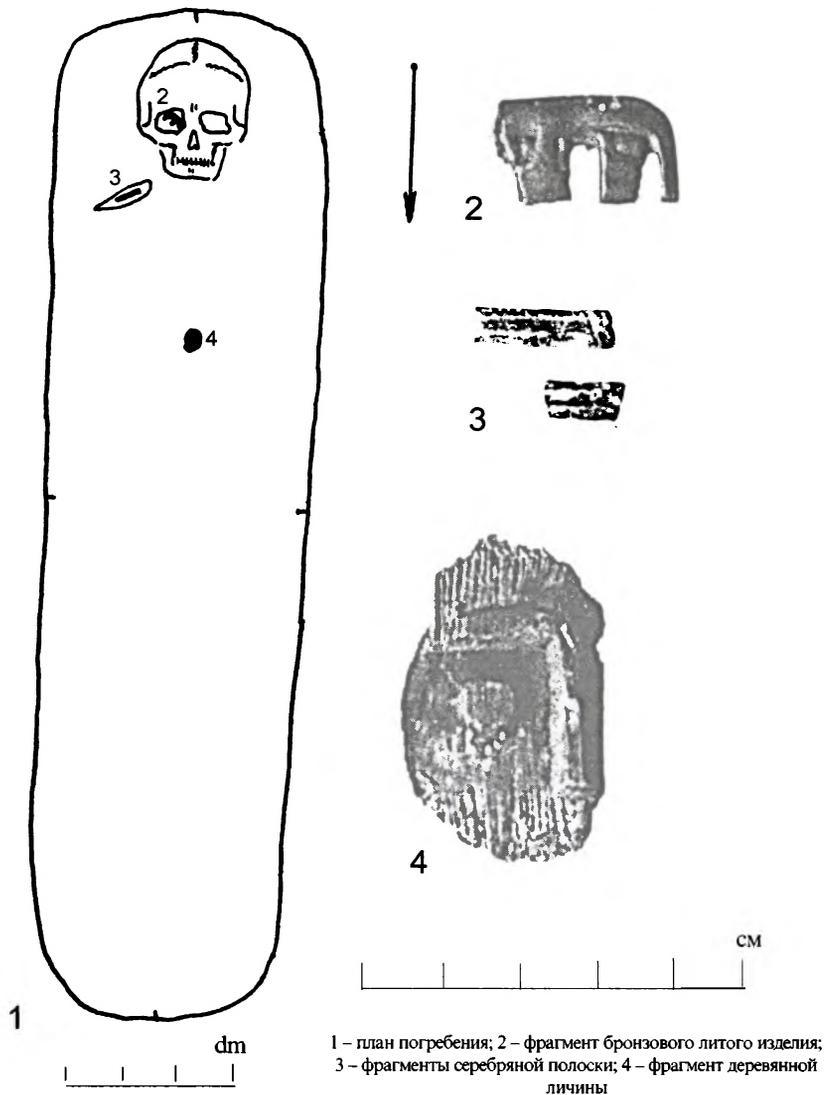


Рис. 19. Погребение 207 могильника Барсов Городок

ны (рис. 19 – 4). Судя по нему, личина лежала лицевой стороной вниз. На верхней части “лица” зафиксированы остатки очень тонкой серебряной фольги. Сверху и снизу личины фиксировались отдельные волоски. Плохая сохранность материала не позволила точно установить, была личина деталью куклы или нет.

Датирующих предметов в погребении не найдено.

Случайные находки

В 1974 г. на *городище Барсов Городок I/6* была найдена бронзовая личина размером 8,0 x 3,5 см (рис. 20 – 2). Отличительной особенностью этой отливки является довольно длинный, более 1 см литниковый стержень; рельефное изображение “усов” с раздваивающимися кончиками; в верхней части тульи головного убора выступающим рельефом изображены детали, напоминающие плюмаж или нечто привязан-

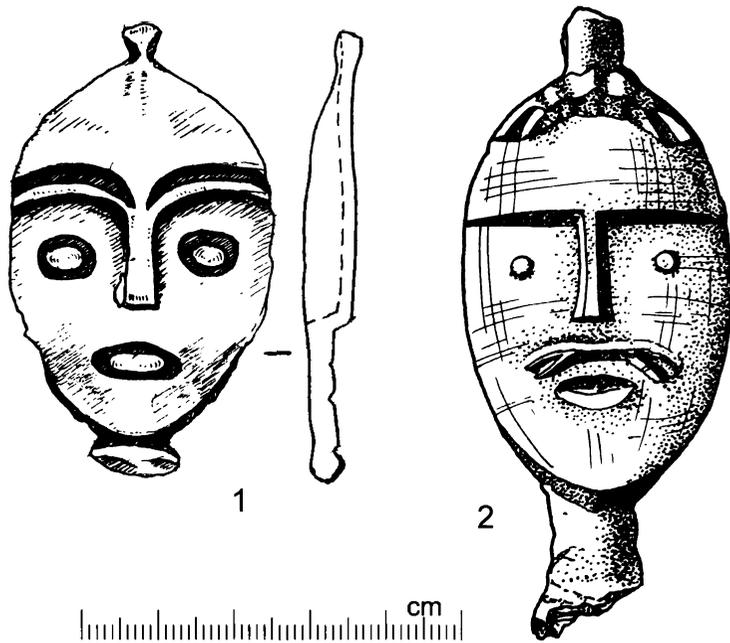


Рис. 20. Бронзовые литые личины – случайные находки с Барсовой Горы:
1 – находка 1980 года; 2 – находка 1974 года

ное к заострению головного убора (к трубке шлема). Рот передан овальным углублением, глаза – выпуклыми кружками.

В 1980 г. сотруднику Уральской археологической экспедиции Ю.П. Чемякину жителем пос. Барсово В.П. Русаковым была передана бронзовая антропоморфная личина, размеры 5,9 x 3,4 см. Овальные рот и глаза переданы углубленной линией, а “брови” – более широкими желобками (рис. 20 – 1).

Зафиксировано, что для изготовления кукол в VIII–IX вв. применялись и бронзовые антропоморфные бляшки (часто с петлей на обороте), изображающие человека в полный рост, которые встречены также и в могильниках Сургутской низины. Факт этот приведен здесь для того, чтобы не сложилось впечатление об исключительном употреблении для изготовления подобных кукол личин.

Интерпретация

Впервые интерпретацию кукол, найденных в Сайгатино, предложила Н.В. Черкасова в 1987 г. Она отнесла их к изображениям предков-воинов: “После смерти кого-либо из вождей или знатных воинов изготовлялась имитирующая его фигурка с прикрепленной к голове личиной. В течение какого-то времени она служила предметом поклонения, по отношению к ней выполнялись ритуальные действия. Затем фигурку хоронили...” [Черкасова, 1987. С. 24].

Позднее исследователи чаще определяли описываемые комплексы как жертвенные [см.: Древний город на Оби, 1994. С. 64]. При этом, несмотря на довольно

частое упоминание в литературе кукол и личин с Барсовой Горы и Сайгатино, их описанию почти не уделялось внимания.

В 2001 г. в работе, посвященной “Холмогорскому кладу”, А.П. Зыков и Н.В. Федорова привели относительно подробное описание рассматриваемых кукол[†] и интерпретировали их как “посмертные изображения умерших” [Зыков, Фёдорова, 2001. С. 61–62]. Не исключая такую трактовку как один из возможных вариантов, отметим, что некоторые “исходные положения”, на которых авторы акцентировали внимание и, видимо, принятые ими как аксиома, не кажутся бесспорными. Например, тезис об использовании личин в качестве масок, т. е. как накладок, скрывающих лица кукол. Равнозначной или более вероятной кажется трактовка их как изображений собственно лиц кукол, что находит параллели в этнографических материалах. Предположение о том, что погребения кукол в миниатюре копируют погребения людей, пока не подтверждается одновременными погребальными комплексами Барсовой Горы и Сайгатино. Так, здесь пока еще не зафиксированы погребения лицом вниз или коллективные многоярусные погребения.

В данной статье вряд ли предложено нечто абсолютно новое в интерпретации кукол и личин. Задача, которую ставил перед собой автор – рассмотреть различные варианты (модели) реконструкции со всеми их плюсами и минусами.

Обстоятельства находок большинства антропоморфных изображений с личинами и отдельных личин подтверждают то, что они были преднамеренно захоронены в земле или в могилах людей. Это дает возможность довольно обоснованно предположить связь комплексов с погребально-поминальной обрядностью. “Погребение” кукол могло знаменовать “смерть” либо самого изображения, либо олицетворяемой им души (духа) или человека. Зафиксированное в некоторых комплексах “неестественное” положение личин – лицевой стороной к кукле, видимо, также подразумевает переход олицетворяемой сущности в другой мир, в другую ипостась.

[†] Здесь следует заметить, что некоторые, на мой взгляд, значимые факты и детали, описанные авторами, не соответствуют отмеченным мною:

Описание А.П. Зыкова и Н.В. Фёдоровой	Наблюдения К.Г. Карачарова
(Куклы) представляли собой бронзовую или деревянную личину, <u>вложенную в основу</u> ...	Во всех случаях, когда это удалось достоверно проследить, личины были прикреплены, пришиты или приложены к головной части куклы; я не зафиксировал ни одного случая “вкладывания в основу”, т. е. внутрь куклы
Каркас основы обшит <u>мехом</u>	Момент обшивания мехом кукол мной достоверно не зафиксирован. Зафиксированные фрагменты меха могли быть как “обшивкой”, так и одеждой, ее деталями или своеобразным покрывалом, в которое была завернута кукла.
К личинам <u>привязывались косички</u> из волос умершего (?)	Наличие волос зафиксировано не у всех кукол, а в тех случаях, когда они были, то они не были привязаны к личинам; в двух случаях удалось проследить, что они были пришиты к головной части основы куклы. Во всех случаях волосы не были заплетены (т.е. не были косичками) это были простые пряди.
Куклы украшались <u>накосными</u> бронзовыми подвесками	На мой взгляд, характер сопровождающего инвентаря не позволяет однозначно интерпретировать как накосные украшения (украшения <u>кос</u>)

Трудно однозначно говорить о монофункциональности описанных изображений, но наличие на некоторых из них прядей волос, по-видимому, свидетельствует о связи хотя бы этой части с конкретным лицом (человеком).

Изображения умерших – это первый и самый “прозрачный” вариант интерпретации, который находит аналогии в этнографии. Они встречаются в том или ином виде у большинства народов Сибири. На севере Западной Сибири “куклы по умершим” зафиксированы у манси, северных хантов, ненцев; иногда их названия фонетически сходны – *иттарма*, *итырма*, *нытырма* и т.п., или *шонгот*, *уре*.

Первые упоминания об изображениях умерших у обских народов зафиксированы в начале XVIII в.: “После смерти мужа женщина делает деревянного “кумира”, с которым обходится как с живым мужем и через год закапывает его в землю” [Новицкий, 1941. С. 52]. В 1773 г. увидела свет работа студента Российской Академии наук В.Ф. Зуева “Описание живущих в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов”. В ней отмечалось, что “... вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев или богатых или каких-либо особливими делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они почитают себе за заступников. ... Болваны после умерших незнатных в своем роде стариков имеют также к себе почтение, ибо, где он жил сыновья сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят чтоб покушал. Сие продолжается через целый год. Напротив того и жена если мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствуется и с собою на постелю кладет” [Зуев, 1947. С. 40-41].

Значительно дополнены эти сведения в XX в. По данным З.П. Соколовой, у обских угров “через три дня после похорон родственницы умершего делали куклу, которую одевали в зимнюю одежду. С куклой (“иттарма”) обращались, как с живой. Хранили 4 года, если умерла женщина, 5 – если мужчина; по сообщению В. Бартенева куклы (шонготы) по истечении 2 – 2,5 лет клали в надмогильное сооружение (амбарчик) покойного” [Соколова, 1974. С. 170]. Изображения умерших мужчин (*итырма* – *канай* – сосьв.), особенно родоначальников, хранили довольно долго, передавали из поколения в поколение по женской линии и со смертью старейшей женщины хоронили вместе с ней в могиле. Женские и детские итырма хранили разные сроки, затем уносили в лес, ставили на дерево или выбрасывали [Соколова, 1971. С. 237].

В статье “Изображения умерших у народов Западной Сибири” З.П. Соколова выдвигает гипотезу о том, что “наиболее древними были, по всей вероятности, изображения умерших из дерева и металла: изображения из одной только одежды в основном отмечены в более позднее время (конец XIX – чаще – XX в.)” [Соколова, 1990. С. 107]. К сожалению, по рассматриваемым археологическим материалам можно сказать лишь, что изображения умерших, а точнее, отдельные детали этих изображений, в VIII – IX вв. действительно изготавливались из дерева и металла. Вопрос: “Делались ли в этот период изображения из одной только одежды?” – остается открытым, поскольку, если они и существовали в то время, вряд ли могли сохраниться в культурном слое большинства памятников.

Вот что пишет И.Н. Гемуев: “...итерма – изображения умерших... Большинство информаторов сходятся на том, что делает итерма старшая из женщин семьи (“жен-

щины делали, кто постарше в семье остается, тот и делает”). Особняком стоят сведения о том, что “дерево мужчины вырезают. И лицо. А наружное (одежды) – женщины... Вместе с монетой (кругом) к фигурке иттерма прикладывали волосы покойного. Следует отметить, что это правило соблюдалось не строго, или же бытовали представления, в соответствии с которыми волосы мертвого не играли столь значительной роли, какая отводилась им при жизни человека. Во всяком случае, мне не часто удавалось видеть волосы, приложенные к иттерма” [Гемуев, 1990. С. 206–208].

Использование в изготовлении куклы волос умершего отмечается и другими авторами, например, в работе С.В. Иванова. Он описывает изображения с р. Казым, делавшиеся частично из волос умершего [Иванов, 1970. С. 36, 38]. Кроме того, им приводятся данные XIX в. о том, что “... северные ханты делали маленькую фигурку умершего из тряпок и прикладывали к ней металлическую пластинку, изображавшую лицо. Фигурку держали в чуме или в юрте, на месте которое занимал умерший при жизни. По истечении трех лет фигурку хоронили или помещали в специально сделанный для нее амбарчик” [Иванов, 1970. С. 36–37]. В работе приводятся названия этих изображений по материалам различных музейных коллекций: *сонгэт, ис-хор* (обские ханты), *шонгот, зонгет, сонгыт, сонет* [Иванов, 1970. С. 38]. Несколько особняком стоят изображения шаманов и шаманок. Они у хантов носили название *нытырма (натырме)*, у манси – *иттырма* и *аккань*. В отличие от изображений шонгот, в изготовлении фигурок нытырма принимали участие как женщины, так и мужчины. Нытырма передавались из рода в род. К ним обращались с различными просьбами и относились как к божеству [Иванов, 1970. С. 40].

С. В. Иванов, ссылаясь на устное сообщение В.Н. Чернецова, уточняет вопрос о наследовании и изготовлении изображений умерших: “После смерти хозяйки дома собрание изображений умерших переходило к ее дочери, а если ее не было, то к младшей сестре покойной. Во всех случаях изготовлением изображений умерших как у хантов, так и у манси занимались женщины – хозяйки дома. Мужчина к этому делу никакого отношения не имел. Если в семье не оказывалось наследниц, то изображения умерших, сколько бы их не накопилось, относили на могилу последней владелицы и хоронили вместе с ней” [Иванов, 1970. С. 37]. Идя вслед за В.Н. Чернецовым, С.В. Иванов считает, что изображения умерших являлисьместилищем души-тени (*ис, ис-хор, итас, илэс, илт*) [Иванов, 1970. С. 38]. По мнению большинства исследователей, обычай делать изображения умерших очень древний и характерен для многих народов [Соколова, 1995. С. 166]. Этот вывод близок мнению автора о том, что рассматриваемые археологические материалы мы не можем связывать с конкретным, существующим сейчас этническим образованием на территории Западной Сибири.

Так, например, Е. А. Алексеенко отмечал, что “... в некоторых кетских семьях хранили изображение родных (*дангольс*), умерших “не своей смертью”, или людей, отличавшихся при жизни особенно хорошим поведением, как говорят кеты, – безгрешностью. Это могли быть как предки, так и лица одного и того и даже младшего поколения. Елогуйский кет А. Тыганов, например, и в настоящее время хранит *дангольс* своего сына, умершего взрослым. Изготавливали их, если часто видели покойного во сне. Считалось, что это является людям душа умершего, которая из-за его праведной жизни не погибла, а вернулась к родным. Как правило, изображения

олицетворяли мужчин и лишь очень редко – пожилых женщин. В таком случае изображения называли *атдэн*” [Алексеенко, 1971. С. 271–272]. Как правило, дангольсы делали из специально сшитой миниатюрной одежды. Непременным атрибутом были одна или две пуговицы у ворота рубашки – их считали лицом дангольса. Сверху его обматывали низкой бус или поясом. В коллекции МАЭ имеется один дангольс, основу которого составляет антропоморфное изображение, вырезанное из листа “желтой меди”. Высота всех описанных дангольсов составляет около 20 см. Сферой “деятельности” дангольса была помощь в промысле. Все действия с дангольсами совершали женщины [Алексеенко, 1971. С. 272–274].

Приведенные выше описания находят параллели с археологическими данными:

1. Использование волос человека для изготовления кукол, при этом данное правило выполнялось нестрого.

2. Связь рассматриваемых изображений с социально-культурной функцией женщин (все погребения с куклами, где были определены останки, были женскими²).

Изображения живых. Еще один тип изображений, связанных с личностью человека, отмечен Л.В. Хомич у надымских ненцев. Эти изображения – *мяд пухуця* – изготавливались иногда при рождении детей и являлись “как бы их портретом” [Хомич, 1971. С. 246]. Однако более подробной информации об этих изображениях у нее не содержится, а в других источниках найти ничего по этому поводу не удалось.

У сосвинских манси И.Н. Гемуев отмечает наличие группы изображений *аккань* (манс. – *кукла*), иногда их ошибочно объединяют в одну группу с изображениями умерших (*умтерма*). Эти изображения встречены им на святилище Шахэл-

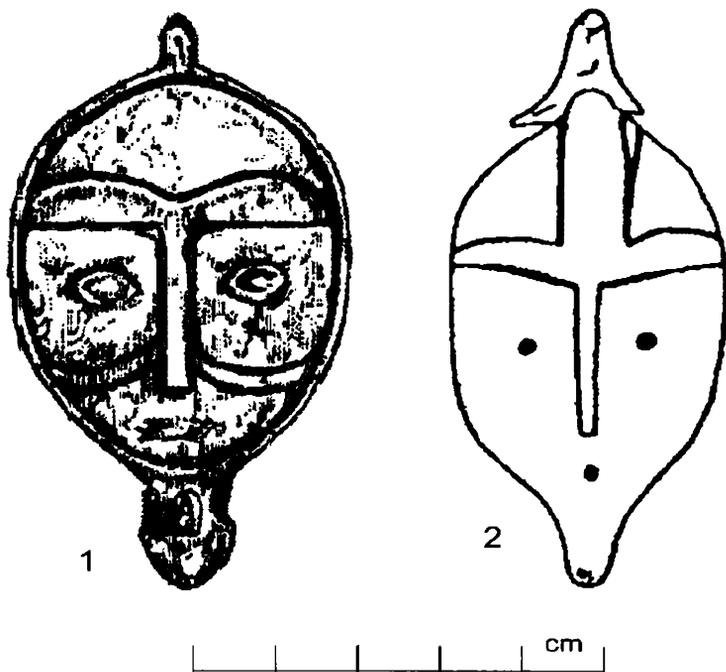
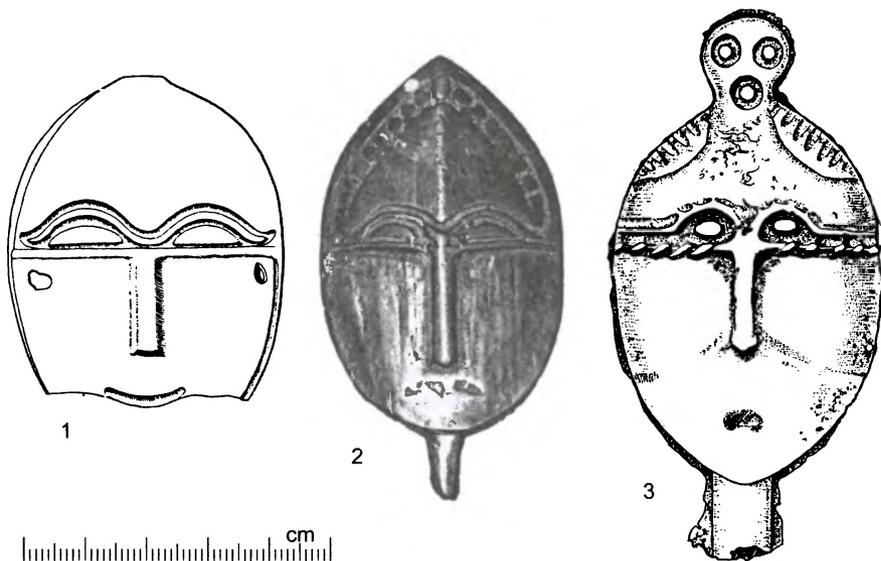


Рис. 21. 1 – деревянная личина с городища Потчеваш (по А. А. Адамову); 2 - деревянная личина с могильника Усть-Балык (по В. И. Семеновой)



1 – находка из Тобольской губернии, переданная Абрамовым в Антропологический музей (по А. Спицину); 2 – находка с Кинтусовского озера (могильника ?) (из коллекции ТГИАМЗ); 3 – находка с городища Эмдер (по А. П. Зыкову)

Рис. 22. Личины XIV-XV вв. (?)

ойка (Шахэл-торум'а) сосьвинских манси, д. Анеево. Шахэл-торум считался младшим братом Нуми-торума и богом грозы. Аккань на этом святилище олицетворяли мужчин и были изготовлены в то время, когда человеку угрожала какая-то опасность: болезнь, мобилизация на фронт во время войны и т.п. После смерти того, кого олицетворяла аккань, она переставлялась к “списанным” скульптурам [Гемуев, 1990. С. 131–151].

Наличием схожих представлений можно объяснить то, что наши куклы и личины обоснованно интерпретируются исследователями как изображения воинов в шлемах. Возможно, будучи изготовленными по случаю военных действий, болезни и др., после смерти олицетворяемого человека (воина) они захоранивались либо самостоятельно, либо вместе с умершим в этот период родственником (женой?).

“Божки” Как уже говорилось, нельзя исключать то, что схожие внешне изображения наделялись различным сакральным смыслом. Часть их могла быть изображением умерших, часть могла изображать духов и т. п. Возможен вариант “канонизации” отдельных людей, перевод их в разряд духов, когда “божков своих происшествие полагают от предков”, как, например, в случае с дангольсами у кетов [Алексеев, 1971. С. 272–274]. В пользу этого может свидетельствовать и кажущаяся почти очевидной связь изображений с воинами и культом воинов. Вышедшие же из употребления, “списанные” фигурки могли погребаться (в том числе и с предполагаемыми потомками) или оставляться на особых местах.

Датировка

Датировка всех рассмотренных комплексов не выходит за пределы второй половины I тыс. н. э. В случаях, когда удалось определить более узкие хронологические рамки, они датировались VIII – IX вв. (может быть, самое начало X в.), т. е. отно-

сятся к кучиминской археологической культуре (кучиминскому хронологическому этапу) [Фёдорова и др., 1991. С. 135–137; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 46–52]. Личины в погребальных комплексах, достоверно датированные другими периодами, не зафиксированы. Косвенно подтверждает эту датировку деревянная личина того же стиля с городища Потчеваш, где основной комплекс находок датируется VIII – IX вв. (рис. 21 – 1) [Адамов, 2000. С. 44–50, 88, рис. 21 – 7].

Очень близкая по стилю личина была найдена в погребении 221 могильника Усть-Балык в Нефтеюганском районе ХМАО (рис. 21 – 2). Автор раскопок В.И. Семёнова датировала ее XIII – XIV вв. [Семёнова, 2001. С. 101, 104, 238, рис. 26 – 3, табл. 58]. Однако это погребение перекрывает более раннее “безынвентарное” погребение 222 [Семёнова, 2001. С. 238]. Поэтому личину нельзя с уверенностью отнести ни к одному из комплексов. Отметим, что наиболее ранние погребения могильника датированы VIII – IX вв. [Семёнова, 2001. С. 103–107].

Справедливости ради необходимо отметить, что личины встречены и в более поздних комплексах. Они несколько отличны от описанных выше и составляют самостоятельную стилевую группу. Основным (индикаторным) признаком этих изображений, объединяющих и ростовые фигурки, являются “полумаски” (рис. 22). В настоящее время еще не удалось строго определить период их бытования, но имеющиеся данные позволяют предположительно датировать их XIV – XV вв. [см.: Зыков, 2002; Кокшаров, Соколов, 2001. С. 8, 9, фото на с. 11; Финнова, 2001. С. 82].

Некоторые наблюдения по поводу технологии изготовления личин

Все металлические личины отлиты из бронзы и имеют схожие особенности:

- барельефность;
- очень грубый негатив лицевой стороны на обороте;
- относительная ровность стенок отливок;
- фиксированность следов литника на всех личинах снизу.

Все признаки указывают на то, что наиболее вероятным способом изготовления формы была формовка по модели с помощью двух опок с подрезкой болвана (не исключено использование рамки):

- 1) в формовочной массе одной опоки делается отпечаток лицевой стороны модели;
- 2) полученный отпечаток припыливают (для этого мог применяться угольный порошок) и по нему, как по модели, формируют вторую опокку;
- 3) поверхность получившегося болвана припыливают и специальным шупом накалывают на глубину, равную толщине стенки будущей отливки; затем поверхность болвана на глубину наколов срезают, потом заглаживают и припыливают;
- 4) полуформы соединяют и производят заливку металла.

Подобный способ формовки применяется и в наши дни (Зотов, 1982. С. 167–168). Особенностью реконструируемой технологии является очень простая литниковая система, которая, вероятно, формировалась сразу же при изготовлении отпечатка лицевой стороны личины-модели, т. е. она оттискивалась вместе с ней – модель личины и литниковой системы (литника) была единой (это значительно упрощало формовку и не требовало дополнительных операций). Модель в этом случае должна была выглядеть как личина на стержне, точно так же, как выглядят рассматриваемые деревянные личины.

Чем же были деревянные личины: предметом культа и деталью куклы или инструментом литейщика?

Следует отметить, что использование деревянных личин в качестве моделей пока еще только гипотеза. Ее подтверждением может стать находка деревянной модели и отливки с нее. Кроме того, не исключено, что именно модели могли стать образцом для изготовления деревянных личин. Возможно также использование вышедших из прямого употребления моделей в качестве деталей кукол, при этом утилизация их могла быть связана не только с физическим износом, но и с лимитированием количества отливок с одной модели или по одной форме, что нередко встречается в практике культового литья коренных народов Сибири (устное сообщение Е.В. Переваловой).

Литература

- Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск-Омск, 2000.
- Алексеев Е. А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Алексеев Е. А. Домашние покровители у кетов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: СМАЭ. Т. 27. Л., 1971.
- Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака // СА. 1955. Т. 22.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983.
- Борзунов В. А., Бельтикова Г. В. Раскопки городищ Барсов Городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- Восточный художественный металл из Среднего Приобья: Новые находки / Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока; Сост. М. Г. Крамаровский, Н. В. Фёдорова. Л., 1991.
- Гемуев И. Н. Мироззрение манси: Дом и космос. Новосибирск, 1990.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р. Д., Володого Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.
- Зотов Б. Н. Художественное литье: Учеб. пособие для учащихся средних профессионально-технических училищ. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1982.
- Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.-Л., 1947. (ТИЭ, новая серия. Т. 5).
- Зыков А. П. Отчет о раскопках городища Ендырского I в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, проведенных летом 2001 г. Екатеринбург, 2002.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Фёдорова Н. В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.
- Зыков А. П., Фёдорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
- Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992.
- Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материала и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999.
- Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Кокшаров С., Соколов А. Международный полевой научно-методический семинар “Эмдер” // Вестн. культуры. 2001. № 22 (Ханты-Мансийск).
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VII – XIV вв. М., 1977.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981.
- Морозов В. М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

- Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М., 1980.
- Семёнова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Соколова З.П.** Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971.
- Соколова З.П.** Новые данные о погребальном обряде северных хантов. // Полевые исследования института этнографии 1974. М., 1975.
- Соколова З.П.** Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления / Сб. ст. М., 1995.
- Спицин А.** Шаманские изображения // Зап. Отд. рус. и славян. археологии ИРАО. Т. 8, вып. 1. СПб, 1906.
- Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
- Финнова В.И.** Эмдер в зоне открытия // Изв. УрГУ. 2001. № 21.
- Хомич Л.В.** Ненцы: Историко-этнографические очерки. Л., 1966.
- Хомич Л.В.** О некоторых предметах культа надымских ненцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: СМАЭ. Т. 27. Л., 1971.
- Чемякин Ю., Карачаров К.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Черкасова Н.В.** Средневековые тонгхи Западной Сибири // Духовная культура Урала: Тез. докл. студ. науч. конф. Свердловск, 1987.
- Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H.** Altungarn an der Kama und im Ural (Das Grdberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ГОРОДИЩА САЛЫМСКОГО КРАЯ

Соотнесение любого археологического объекта с одним из известных этносов всегда является сложной задачей. Между тем, решение ее даже в единичных случаях существенно расширяет круг источников для реконструкции этногенетических и исторических (социально-политических) процессов у средневекового населения Западной Сибири.

На территории Салымского края есть несколько археологических памятников эпохи средневековья, которые связаны информацией, сохранившейся в фольклорной традиции хантов, с историей конкретного этноса, этнографической или территориальной группы. Таковы городища “Вош-рап” и “Вошин-мыттын”

Городище Вошин-мыттын – “Городок у омута” находится в 29 км к ЮЗ от пос. Лемпино Нефтеюганского района, в 5 км к СВ от юрт Совкунины Зимние (нежилые) в среднем течении реки Малый Салым (рис. 3). Памятник открыт и обследован в 1991 г. [Кардаш, 1992. С. 19–23]. Объект расположен на мысу правого берега, образованном руслом реки и небольшим ручьем. Высота мыса достигает 5 м от уровня поймы. Окрестности памятника заросли густым урманом из ели, пихты, березы и осины. Непосредственно на территории городища к ним добавляется сосна. К подножью урман постепенно переходит в пойменную растительность – тальник и осоку.

Руины городища в настоящее время представляют собой небольшую цитадель размерами 35,0 x 30,0 м, густо заросшую черемухой. На ее площадке расположены 3 впадины: овальная размерами 6,5 x 5,5 м, глубиной 0,1 м и две подквадратные 6,0 x 6,0 м, глубиной 0,25 м и 0,5 м. С трех сторон цитадель окружена рвом шириной 5 м, глубиной 0,5 м и валом шириной 4,5 м, высотой до 0,9 м. В юго-западной части вала был устроен проход в городище, шириной 5,0 м (рис. 1).

С северной стороны у подножья цитадели, ниже ее на 1,5 м, располагалось поселение 70,0 x 110,0 м (рис. 1). Сейчас на поверхности видны впадины различной формы и глубины. Они образуют последовательные ряды поперек мыса. Девять впадин, скорее всего, являются остатками жилых построек. По форме они округлые и подпрямоугольные (от 5,0 x 5,0 м до 6,5 x 5,5 м и глубиной 0,2–0,3 м). Остальные впадины все округлые (диаметр менее 3,5 м и глубиной 0,1–0,3 м). По-видимому, это остатки хозяйственных построек, а часть из них, возможно, более древних жилищ.

В результате зачистки поврежденного культурного слоя впадины, расположенной на цитадели, выявлена стратиграфия объекта. За период функционирования городища на площадке цитадели сформировался культурный слой общей мощностью 0,6 м. Культурный слой составляют последовательно расположенные одна над другой остатки пяти построек, каждая из которых фиксируется по углистой прослойке (дно жилища) и заполнению котлованов серой супесью. Мощность углистых прослоек не более 8 см, серой супеси – 10–15 см. Слой верхней, пятой, постройки, содержит остатки конструкций в виде древесного тлена. В слое постройки

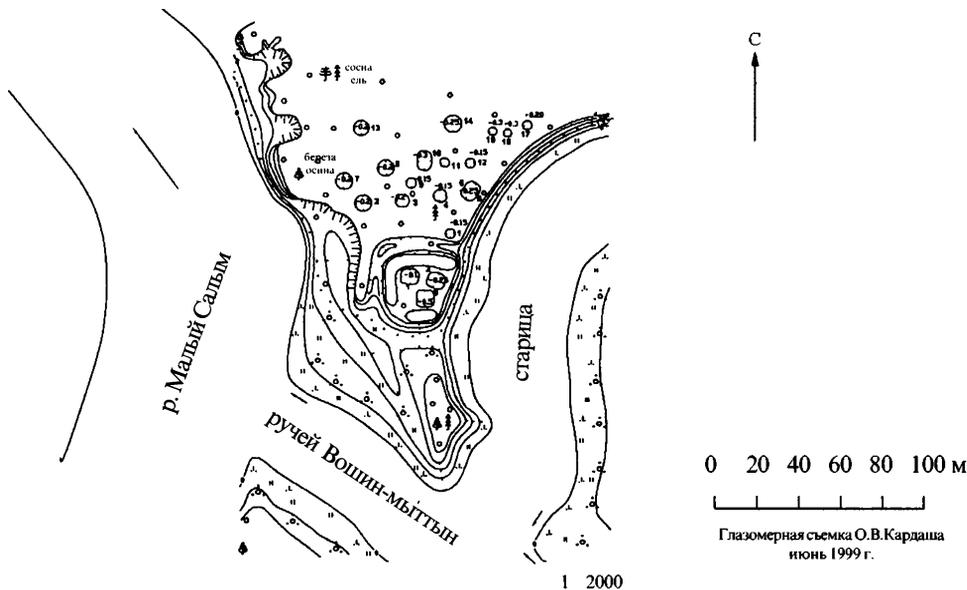


Рис. 1. Археологический объект Городище Вошин-мыттын. План памятника

№ 3 остатки обгоревших конструкций, вероятно, преднамеренно засыпаны чистым материковым слоем. Судя по остаткам конструкций, постройка № 3 погибла в результате пожара, а постройка № 5 разрушилась естественным образом. Отметим, что между постройками отсутствуют стерильные прослойки, которые могли бы свидетельствовать о перерывах в функционировании городища.

В культурном слое 2 – 5 построек обнаружены только куски ошлакованной и обожженной глины. В слое постройки № 1 найдены фрагменты керамических сосудов, в том числе с орнаментом. По ним реконструируются сосуды баночной формы с прямой шейкой, раздутым туловом и прямым краем венчика. Как по форме сосудов, так и по орнаменту, для которого характерны преобладание гребенчатого штампа, однообразие мотивов, наличие под горловиной валиков с насечками и желобков, узор в виде “елочки”, выполненный параллельными оттисками гребенчатого штампа, керамика городища аналогична посуде кинтусовского этапа (или кинтусовской археологической культуры) и может быть датирована концом XI – первой половиной XII в. н.э. [Федорова и др., 1991. С.139; Карачаров, Чемякин, 1999. С. 53, 55]. Таким образом, именно к этому хронологическому периоду относится функционирование постройки № 1 и, в целом, формирование нижнего культурного слоя городища. Верхняя граница его существования, судя по мощности культурных напластований, предварительно была определена XV в. н.э. [Кардаш, 1992. С. 23].

На протяжении ряда лет собирался фольклор малосалымских хантов [Кардаш, 1995. С. 23]. Согласно преданиям, городок существовал в период, именуемый *тарэ-арэ-нопыт* (век богатырских сказаний) и был резиденцией местного вождя, косатого богатыря Ай-ега-ики (Маленькой речки мужик). По сведениям рассказчиков, в это время люди часто воевали между собой, боялись друг друга. Для собак строили *амп-кот-мых* – земляные собачьи домики, чтобы не было слышно лая. Поселения ставили не на реке, а ближе к ручью или старице, чтобы на берегу р. Малый Салым

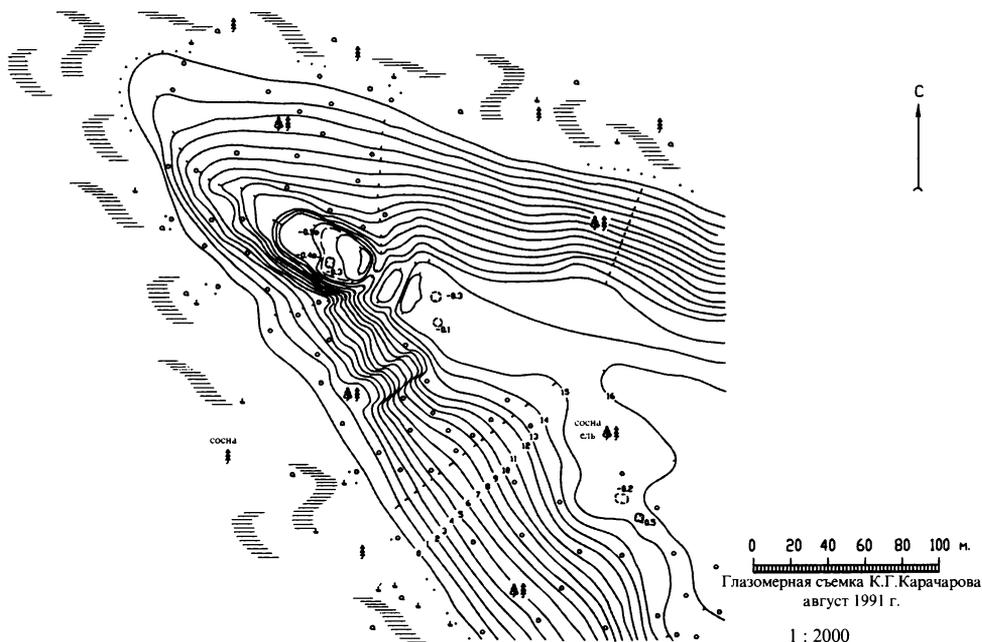


Рис. 2. Археологический объект – городище Нюрюм-вош. План памятника

не было следов. В легендах упоминается, что салымские богатыри часто воевали с людьми, которых называли *курын-негус-ас-ях*, *курын-негус-ях* или *курын-ях*. Это были злые и воинственные люди, они ездили по поселениям, городкам, грабили, убивали и забирали в плен. Народ этот приходил с нижней Оби. По данным современных этнографических исследований, *курын-ях* (*хурун ёх*) – название кодских остяков [Мартынова, 1998. С. 101–102]. Возможно, именно с этим воинственным народом связано и другое название времени былинных богатырей – *курын-нопыт*. К этому времени относятся отраженные в легендах события, связанные с обороной городка:

Ай-ега-ики не нравилось много людей. Он узнал, что на городок Вошин-мыттын идет вражеское войско, но уехал к своему другу Сотым-тэ-ики на Большой Салым. Они пили, ели. В это время Сотым-тэ-ики говорит своему другу: «На твой город идут враги». Ай-ега-ики не ответил. Сотым-тэ-ики еще раз напомнил: «Твой город осадили враги». Ай-ега-ики опять не отвечает. Дальше едят, пьют. В третий раз говорит Сотым-тэ-ики: «Твой город сожгли враги, а люди по лесу разбежались». Наконец не вытерпел Ай-ега-ики и сказал: «Хватит пировать, пора домой ехать». Когда он вернулся, сражение еще происходило, но городок был сожжен. Ай-ега-ики перебил всех врагов. После битвы в городке осталось в живых всего 10 мужчин.

Ай-ега-ики до сих пор почитается как дух-хранитель р. Малый Салым. В нескольких километрах от городища близ юртов Совкунины Зимние на берегу р. Ай-ега (приток р. Малый Салым) находится святилище Ай-ега-ики.

В эпической хронологии после времени *тарын-арэ-нопыт* следует – *кант-нопыт* – век охотников или век простых людей, наступивший вслед за былинным. В

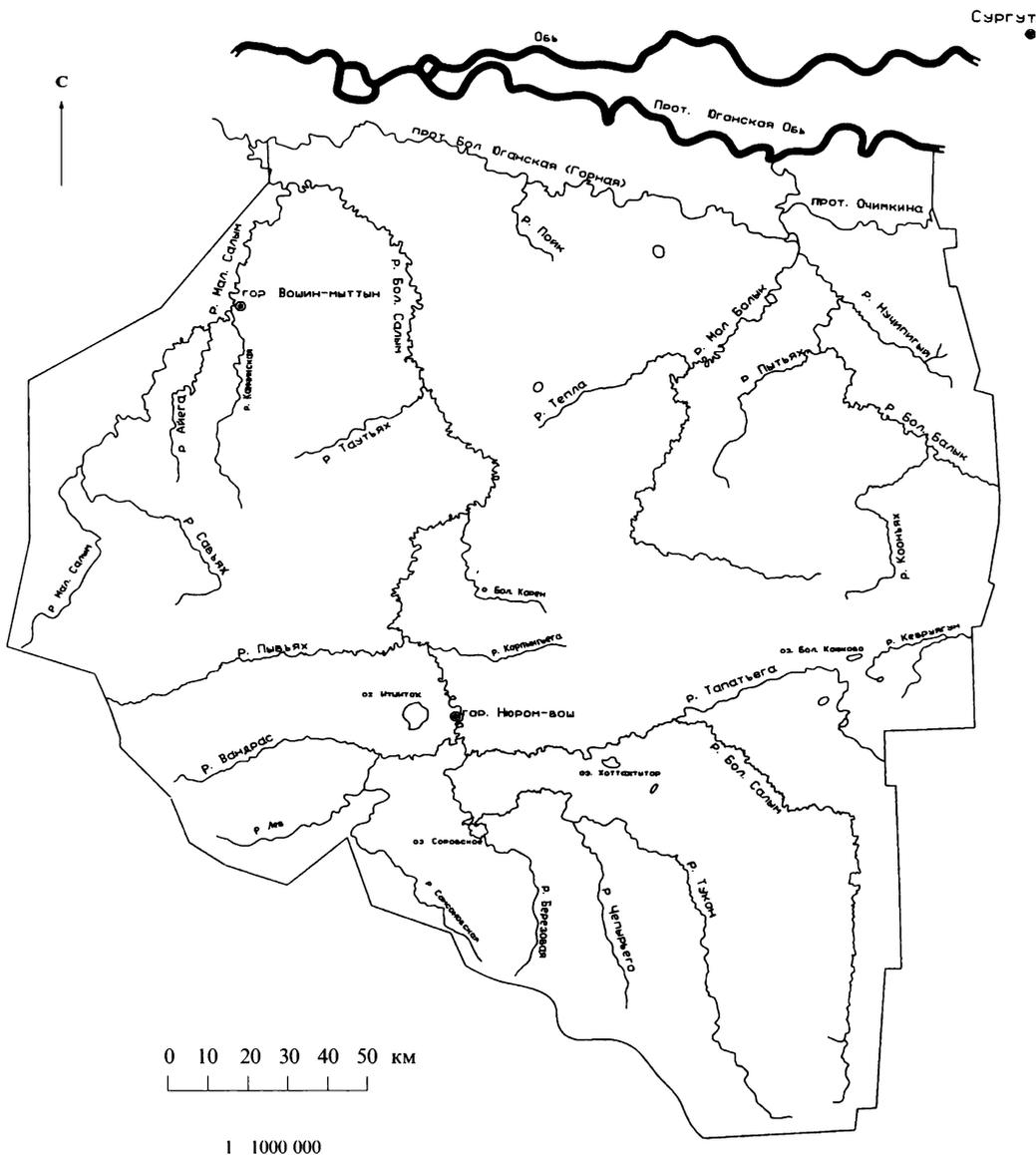


Рис. 3. Схема расположения археологических объектов – городищ Вошин-мыттын и Нюром-вош на современной карте сети территории Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа

его рамках выделяется период, когда уже наступил век обычных людей, но еще жили богатыри. Завершение этого времени, по представлениям сказителей, соотносится с появлением русских казаков, то есть с начальным периодом русской колонизации и условно его можно датировать XVI – XVII вв.

Не вызывает сомнения, что в легендах отражены события, происходившие до конца XVI в. Судя по стратиграфическому разрезу городища Вошин-мыттын, оно

действительно горело, что в определенной степени подтверждает правдивость сюжета приведенной легенды. Следы пожара зафиксированы в слое постройки № 3. Если учесть, что она располагается в середине культурного слоя памятника, то описанные в легенде события можно датировать XIII – XIV вв. Это не противоречит и выводам С.К. Патканова, который считал, что в фольклоре нашли отражение события дотатарского времени, т.е. XIII – XIV вв. н.э. [Патканов, 1999. С. 27–28].

Анализ археологических материалов и данных фольклора дает основание интерпретировать статус городка Вошин-мыттын как резиденции вождя и административного центра территории бассейна р. Малый Салым. С другой стороны, можно говорить о времени начала формирования малосалымской территориальной группы не ранее XIII – XIV вв.

Городище Нюром-воиш (Болотный город), или *Воиш-пан (Город на горе)*, находится в 6 км к СВ от пос. Салым. Оно расположено в верхнем течении р. Большой Салым на увале высотой 16 м, окруженном верховыми болотами левобережья реки, в 0,5 км к СЗ от ее русла (рис. 3). Памятник открыт и описан в 1911 г. сотрудниками Тобольского музея Р.Л. Шульцем и Б.Н. Городковым: "... вдали виднелся высокий увал ... Увал тянулся среди торфяников и озер длинной, узкой грядой и оканчивался недалеко от Салыма. Крутые склоны его заросли урманом, который постепенно переходил у подножья увала в торфяники, отделяясь от них узкой полосой соснового леса из деревьев переходного типа между рямовой и нормальной сосной. По близости чудского городка, находящегося на мысу и отделенного от остальной части увала хорошо сохранившимся валом и рвом, береза начинает преобладать над другими деревьями ... Место самого городка представляет из себя чашу из черемухи" [Городков, 1913. С. 72–73].

В 1991 г. городище обследовано К.Г. Карачаровым [Карачаров, 1992. С. 26–28]. Высота увала в месте расположения памятника составляет чуть более 16 м над уровнем болота (торфяника). В настоящее время оно представляет собой цитадель овальной формы, размерами 33,0 x 16,0 м, с юго-восточной стороны защищенную двумя рвами и тремя валами (рис. 2). Непосредственно около площадки городища глубина рва составляет 2 м, ширина - около 5 м. Ров был прорыт и на склонах мыса, что сделало их более крутыми. Площадка городища имеет уклон к СЗ. Перепад высот между крайними точками площадки составляет более 3 м. Площадка городища, кроме смешанного леса (береза, ель, пихта), покрыта густыми зарослями черемухи. Внутри цитадели поверхностный слой частично нарушен, фиксируется одна прямоугольная впадина размерами 4,0 x 3,0 м и глубиной 0,3 м. Перед городищем находятся остатки поселения. Его поверхность покрыта густыми зарослями, скрывающими объекты. Четко видны только четыре впадины. Две в непосредственной близости от цитадели, обе округлые, размерами 3,0 x 3,0 м и 2,5 x 2,5 м. В 100 м к ЮВ от рва – еще две впадины. Одна прямоугольная, размерами 5,0 x 3,0 м, вторая квадратная, размерами 2,5 x 2,5 м.

Зачистка разрушений культурного слоя впадины на площадке городища показала стратиграфию. Общая мощность культурного слоя составляет 1 м. Четко выделяются 4 горизонта, связанных с функционированием городка. Первый и второй (нижние), скорее всего, являются остатками построек. Первый, мощностью 4–5 см, отделен от материка темно-серой углистой прослойкой (дно постройки). Второй, мощ-

ностью 10–15 см, от первого также отделен серой углистой прослойкой. В заполнении второго слоя – серая супесь с углем и древесным тленом. Этот слой отделен от вышележащего (третьего) четкой границей. В отличие от двух нижних слоев, третий и четвертый четко не отделены друг от друга и различаются только по интенсивности заполнения. Третий слой мощностью 20–40 см – серая супесь с древесным тленом. Четвертый слой, толщиной 20–40 см, заполнен темно-серой супесью с древесным тленом и вкраплениями кусков обожженной глины и шлаков. Очевидно, на тех этапах существования городища, которые отражают два верхних слоя, была радикально изменена его планировка.

Датирующего материала нет. Найдены только мелкие фрагменты обожженной глины, шлак и неорнаментированный фрагмент керамического сосуда. Судя по мощности культурного слоя и найденным артефактам, хронологический интервал функционирования городища определен предварительно XIII – XVII вв. н.э.

Впервые информацию о городище записал Р.Л. Шульц: “О себе и о заселении Салыма остяки говорят следующее: недалеко от Салыма на возвышенности среди болота лежит городище Нюром-Вож (болотный городок), в старину в нем жил богатырь ... Емин-Тув-Ике с четырьмя помощниками и двумя женами, все вместе они именуются “Ас-Икаве”, т.е. обские старики. Их потомки, носящие название “Варпук-ях”, и потомки другого богатыря “Ай-урт” являются коренными жителями юрт Кинтусовых, старейшего остяцкого селения на Салыме” [Шульц, 1924. С. 170]. Емин-Тув-Ике – “Священного сора мужик” или Сотым-тэ-ики – “Вершины Салыма мужик” – почитался салымскими остяками как дух-хранитель верховий Большого Салыма. На месте бывшего городка остяки каждые семь лет устраивали кровавое жертвоприношение в честь жившего здесь когда-то богатыря. Место это было отмечено повешенными на деревьях тряпками и подобием маленькой полочки на длинной палке, воткнутой в землю [Шульц, 1924. С. 195; Городков, 1913. С. 72–73]. Как святое, это место было известно и другим группам хантов, населявшим бассейны рек Юган, Тром-Аган, Пим. А на озере Большой Сырковый Сор (хант. – *Имн-тор* – *священное озеро*) близ юрт Кинтусовских (современный поселок Салым) находилось святилище Сотым-тэ-ики. Нами записана следующая легенда о городке и его хозяине:

Как-то на верховья Салыма в Нюром-Вош к Сотым-тэ-ики пришел его друг - богатырь Ягун-ики (хранитель Большого Югана). Сели они пировать. Ягун-ики говорит Сотым-тэ-ики: - У меня одни болота, охотится на белок негде, а у тебя сосновые бора хорошие. Дай мне на время бора побелковать. - Как ты сможешь унести эту священную землю? - отвечает Сотым-тэ-ики. - Я унесу, не волнуйся - говорит Ягун-ики. - Ну, если сумеешь - то бери. Пошли они, погуляли. Наступила пора расходиться. Ушел Ягун-ики. Прошло некоторое время. Подумал Сотым-тэ-ики: «Что-то я загулял, пойду схожу на охоту». Идет и идет, идет и идет, а кругом - болота и болота. Говорит: «У меня такие сосновые бора были. Куда они делись?». Дальше шел, шел, потом вспомнил про Ягун-ики: «Он, наверное, забрал бора. Как только умудрился! Всю землю с собой унес, а мне одни болота остались. Вот это богатырь так богатырь».

Таким образом, городок Нюром-вош был резиденцией другого салымского вожда – Сотым-тэ-ики и административным центром, скорее всего, территории бас-

сейна р. Большой Салым. В легенде о городке Вошин-мыттын говорится, что Ай-ега-ики ездил в гости к Сотым-тэ-ики на Большой Салым (очевидно, в городок Вош-рап). Следовательно, городки функционировали одновременно. Судя по собранному эпосу, хозяева городков не только имели одинаковый социальный статус, но и дружили между собой. Основой дружественных отношений были, по-видимому, военно-политические интересы.

На основании сопоставления данных археологии и фольклора, можно говорить о создании в XIII – XIV вв. в Салымском крае двух территориальных раннеклассовых образований, с административными центрами в городках Вошин-мыттын и Нюром-вош. Эти процессы, очевидно, отражают формирование территориальных этнических групп хантов, еще до недавнего времени проживавших в бассейне р. Салым.

Поскольку полноценного археологического исследования городищ Вошин-мыттын и Нюром-вош пока не произведено, некоторые выводы и заключения отчасти предварительны и гипотетичны. Тем не менее, их можно считать определенным этапом в исследовании позднего средневековья данного региона. Именно из-за недостатка археологических данных этот период в истории Западной Сибири наименее изучен. Памятники этого времени почти не исследуются раскопками, так как не содержат ярких артефактов. Продвинуться в изучении этого периода возможно, только сопоставляя и привлекая как можно больший круг различных источников.

В частности, интересным свидетельством в вопросе идентификации легендарных городков служит чертежная книга Сибири Семена Ремезова. Этот источник пока не привлекался исследователями к интерпретации археологических объектов, хотя хорошо известен.

Материалы для карт собраны в 90-е гг. XVII в. и отражают состояние территории конца XVII – начала XVIII в.

В чертежной книге Ремезова для обозначения населенных пунктов применяются несколько условных знаков. Уездный центр изображен обычно крепостью (острогом) с примыкающим к ней посадом, состоящим из многочисленных домов (рис. 4). Небольшие уездные поселения чаще всего обозначены значком из трех примыкающих друг к другу домиков с двускатными крышами, либо сомкнутых квадратов с двумя рисками вверху и внизу (рис. 4). Реже встречаются изображения отдельно стоящего большого дома с выраженной крышей и окнами, к которому снизу примыкают три или четыре небольших сомкнутых строения (рис. 4). Различия в условных обозначениях, видимо, и призваны подчеркнуть статус населенного пункта: небольшое волостное поселение или волостной центр. Очевидно, что этот значок схематично копирует структуру административного центра: большой дом изображает резиденцию волостного старшины – “князя”, небольшие строения снизу – поселение рядовых общинников. Значки сопровождаются надписью – названием населенного пункта. На чертеже Сургутского уезда в бассейне р. Салым нанесено два знака, изображающих волостные центры. Один такой символ размещен в нижнем течении р. Малый Салым на правом ее берегу. Над знаком размещена надпись “Волость Малой Салым” (рис. 4, 5). Другой значок – в среднем течении реки Большой Салым, на правом берегу, сопровождается надписью “Болшей Салымской” (рис. 4, 5). Хотя отсутствует слово “волость”, несомненно, надпись означает городок “Большесалымской волости”. Таким образом, основываясь на данных чертежа Ремезова,



Рис. 4. Населенные пункты на территории Салымской волости Сургутского уезда на рубеже XVII – XVIII вв. Фрагмент «Чертежа земли Сургутского города» из черт ежной книги Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.



Рис. 5. Изображение населенных пунктов – городков территориальных центров волостей «Малой Салым» и «Большей Салымской»

можно заключить, что в бассейне р. Салым в конце XVII – начале XVIII вв. существовало две волости – Большесалымская и Малосалымская - с отдельными административными центрами. Хотя этот вывод несколько противоречит данным письменных источников, судя по которым в Сургутском уезде на протяжении XVII и XVIII вв. фигурирует только одна Салымская волость [Долгих, 1960. С. 56]. Но такое противоречие не единственное. К примеру, в XVII в. как административная единица не выделялась, хотя и существовала, Балытская волость. Ее территория входила в состав Юганской Подгородной волости [Соколова, 1983. С. 62]. Очевидно, такая ситуация связана с тем, что официальное административное деление территории и “бытовое”, существовавшее на местном уровне, отличались. А поскольку Ремезов для составления чертежей пользовался, в основном, результатами фактических поездок по территории и опросов на местах, на карту попали сведения о делении территории, реально существовавшим на момент подготовки карты. Думается, что в действительности было две волости, составлявшие одну официальную административную единицу – Салымскую волость Сургутского уезда.

Идентификация известных нам археологических объектов Вошин-мыттын и Нюрор-вош с данными “Чертежа земли Сургутского города” позволяет уточнить некоторые предыдущие выводы. Так же, как и обозначенный на карте Ремезова малосалымский волостной центр, городище Вошин-мыттын расположено в нижнем течении р. Малый Салым, на правом берегу и имеет планировочную организацию, подобную изображенной на значке (рис. 3). Кроме того, это единственное позднесредневековое городище в бассейне р. Малый Салым, территория которого в археологическом плане достаточно изучена. Таким образом, можно утверждать, что городище Вошин-мыттын и было тем самым волостным центром, который обозначен на чертеже Ремезова. Положение городища Нюрор-вош и Большесалымского городка не совсем совпадает на карте Ремезова, т.к. последний обозначен на другом берегу р. Большой Салым (рис. 3, 4). Но, вероятнее всего, это один объект, поскольку среди всех известных на Большом Салыме городищ только на городище Нюрор-вош зафиксирован позднесредневековый слой. Несоответствием в расположении археологического объекта и городка на чертеже в данном случае можно пренебречь. Точность нанесения населенных пунктов у Ремезова зависела от точности информации, которой располагал картограф. Очевидно, чем более удалены поселения от р. Обь, тем менее точно указано их расположение на чертеже. Ярким примером служит изображение р. Пим и ее населенных пунктов (рис. 4).

Итак, археологические городища Вошин-мыттын и Нюром-вош и есть обозначенные на карте Ремезова волостные центры, на основании чего можно сделать несколько выводов.

Точно определяется верхняя граница функционирования городищ – конец XVII – начало XVIII столетия, что позволяет пересмотреть датировку легенды о городке Вошин-мыттын и отнести описанные в ней события к XV в. Выводы, сделанные на основании анализа эпоса при анализе карт Ремезова, не противоречат друг другу, что еще раз оправдывает обращение к хантыйскому фольклору как к историческому источнику. При дроблении Западной Сибири на волости в XVII в., русская администрация использовала исторически сложившееся деление. Учитывая этот факт и привлекая весь круг источников (возраст городищ, данные фольклора, материалы “Чертежа”), мы можем уверенно говорить, что к XV в. на территории Салымского края существовало два образования, с которыми можно связывать начало формирования территориальных этнических групп салымских хантов.

Литература

- Городков Б.Н.** Поездка в Салымский край (Путевой дневник) // ЕТГМ. 1911. Вып. 21.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Карачаров К.Г.** Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района Тюменской области, проведенной летом 1991 г. Екатеринбург, 1992.
- Карачаров К.Г., Чемякин Ю.П.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. Екатеринбург, 1999. С. 11–62.
- Кардаш О.В.** Отчет о разведке археологических памятников в северо-западной части Нефтеюганского района в нижнем течении р. Большой Салым и бассейне р. Малый Салым, проведенной летом 1991 г. Екатеринбург, 1992.
- Кардаш О.В.** Отчет об археологических исследованиях в Нефтеюганском районе Тюменской области на территории урочища “Зимние Совкунины” в бассейне р. Малый Салым летом – осенью 1994 г. Екатеринбург, 1995.
- Мартынова Е.П.** Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
- Патканов С.К.** Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям // Очерк колонизации Сибири. Тюмень, 1999. Т. 2.
- Соколова З.П.** Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы братрии и рода. М., 1983.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.
- Шульц Л.Р.** Салымские остяки // Зап. Тюмен. о-ва изучения местного края. 1924. Вып. 1.

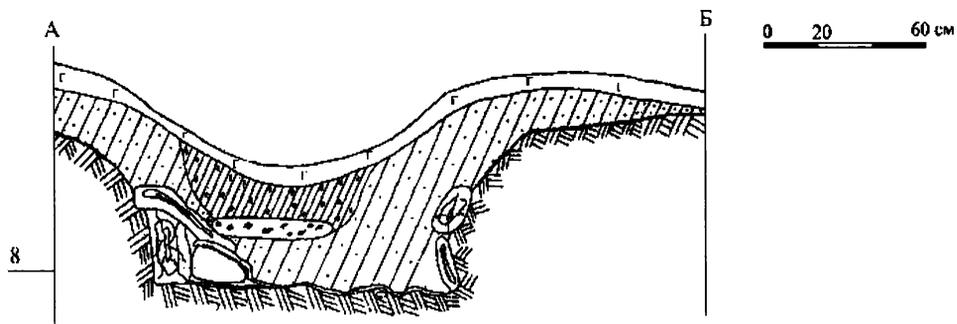
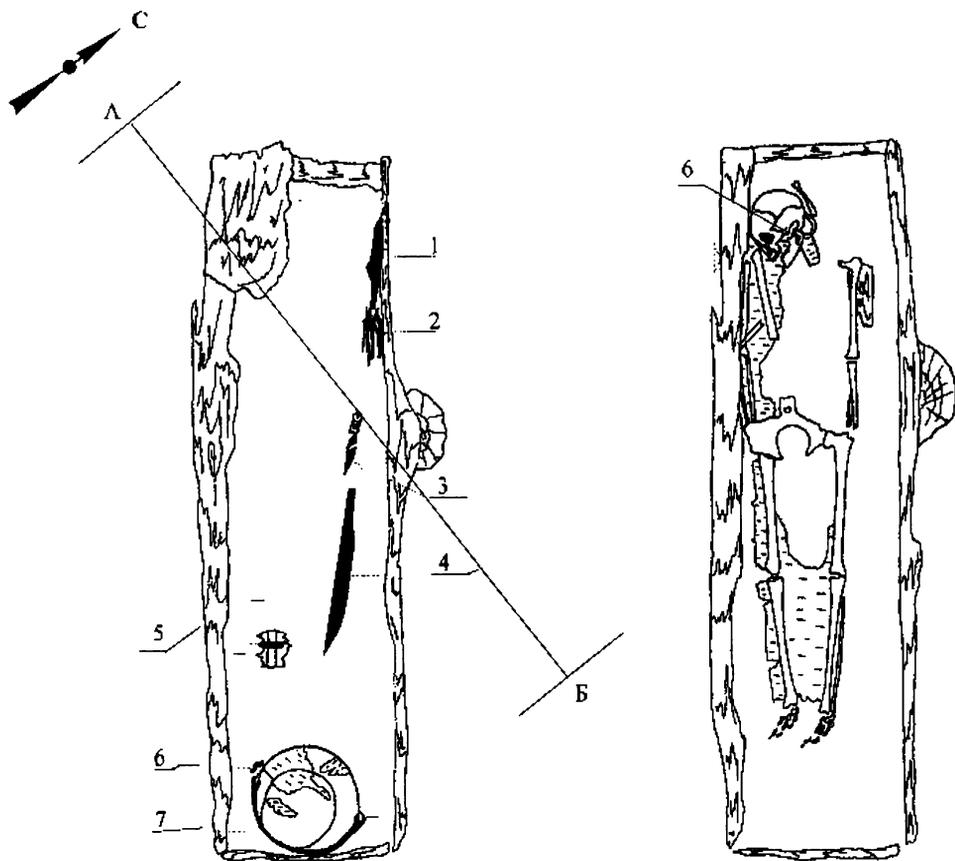
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ПЫЛЬ-КАРАМО I И ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ПОРΟΣ НА СЕВЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1996 г. экспедицией Археологической инспекции г. Северска проводились стационарные работы на грунтовом могильнике Пыль-Карамо I. Памятник обнаружен автором в 1991 г., насчитывает 24 могильные ямы. Могильник расположен на высоком мысу коренной террасы р. Тым (Томская обл., Каргасокский р-н), в 0,5 км от д. Пыль-Карамо. За сезон 1996 г. было вскрыто 5 погребений – 4 взрослых и одно детское. Особого внимания заслуживает могила № 6, которая выделяется богатым инвентарем и своеобразным погребальным обрядом (рис. 1). Могильное пятно овальной формы, размером 2,0 x 0,6–0,8 м. Ориентировано по линии СЗ – ЮВ. Заполнение могильного пятна – желтая мешаная супесь с углями. Погребальное сооружение состоит из рамы, продольные стороны которой сделаны по – видимому из плах толщиной 5 – 15 см, торцовые 3 – 5 см. Способ соединения достоверно не установлен, по всей видимости встык. От верхнего перекрытия, в северо-западной части могилы, сохранилась часть доски толщиной 2 – 3 см. Погребенный был покрыт берестяным полотнищем, местами закрывавшим продольные стороны рамы. Нижнее перекрытие состояло из бересты, сохранившейся лишь под костяком. Погребенный лежит на спине, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук заведены под таз. Весь оружейный комплекс, состоящий из железной пальмы, ножа, наконечников стрел и копья, находился на верхнем берестяном перекрытии.

Пальма, размером 35,5 x 3,5 см (рис. 1, 2 – 2) располагалась на левой бедренной кости умершего, острием вниз. Представляет собой большой нож с левосторонней заточкой лезвия и слабо выраженной долой на этой же стороне. Заточенная часть отделена от насада небольшим откованным выступом. На заточенной стороне, около выступа, имеются 4 небольших углубления – параллельные друг другу полоски, идущие от края лезвия вертикально вверх на 10–15 мм. Очевидно, их было больше, но остальная часть лезвия сильно коррозирована. Следов рукоятки не сохранилось. Аналог русской рогатины.

У основания левой бедренной кости находился железный нож, острием вниз (рис. 1, 2 – 1). Общая длина – 19 см, длина сохранившейся части клинка – 9 см. Рукоять сделана из березового капа. Верхняя и нижняя часть рукоятки перехвачены бронзовыми обоймочками шириной 1,2 см.

Наконечники стрел лежали в одной плотной пачке в два слоя, остриями вверх, рядом с левой плечевой костью погребенного (рис. 1). По всей видимости наконечники в могилу были положены в колчане, устьем вниз, который не сохранился. 7 железных наконечников вырублены из листового железа, отличаются массивностью и могут быть разделены по форме пера на 2 типа.

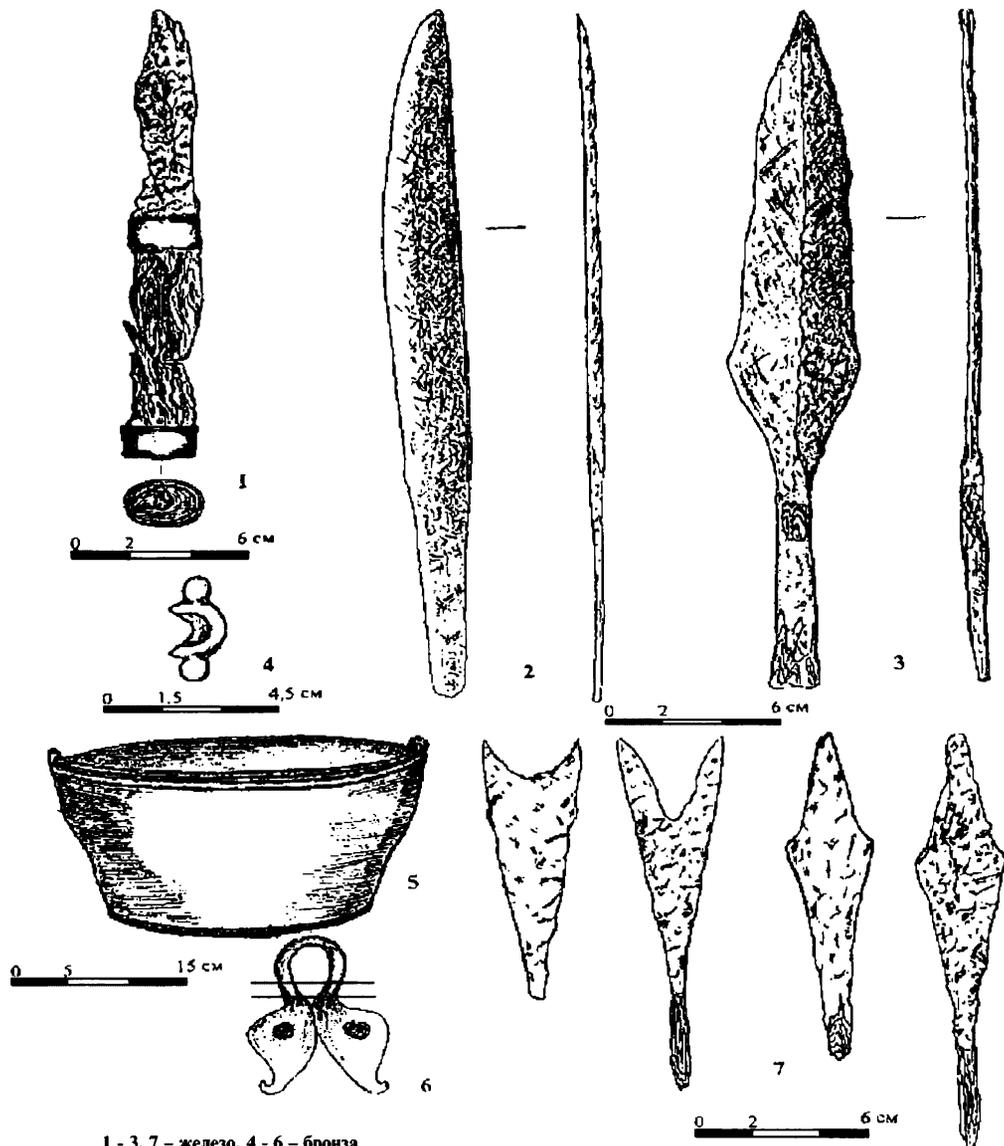


УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 - железный наконечник копья, 2 - скопление наконечников стрел, 3 - железный нож с деревянной рукоятью, 4 - железная пальма, 5 - остатки ткани, 6 - бронзовая лунница, 7 - латунный котел, 8 - череп

	Береста		Деревянные плахи
	Гумус		Уголь
	Заполненные могилы		Супесь с углями

Рис. 1. Могильник Пыль-Карамо I. Погребение №6



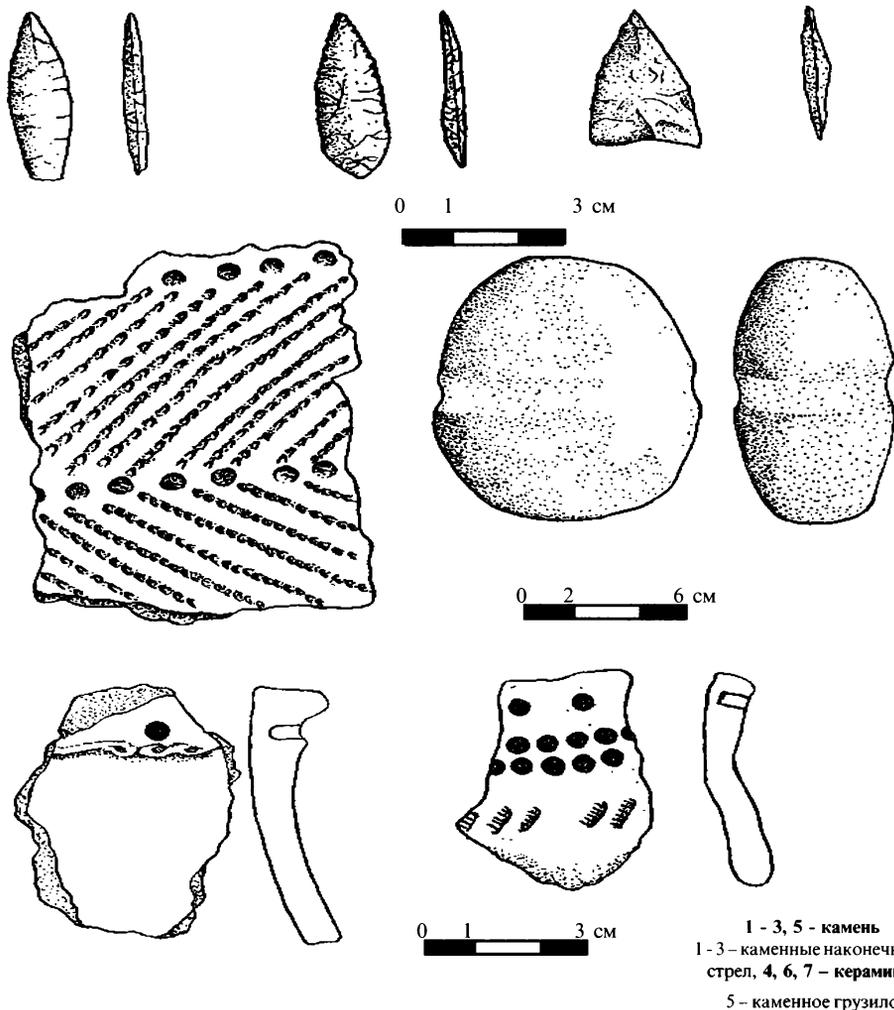
1 - 3, 7 - железо, 4 - 6 - бронза
 1 - нож, 2 - пальма, 3 - наконечник копья, 4 - лунница, 5 - котел, 6 - крепление рукояти котла, 7 - наконечники стрел

Рис. 2. Могильник Пыль-Карамо I

Вильчатые срезни, без упора, 4 экз. (рис. 2 – 7). Размеры: длина от 12,0 до 16,0 см, ширина вилки от 2,5 до 3,5 см. Один из наиболее распространенных и многочисленных типов в таежной зоне Сибири. Период бытования с VI в. до этнографической современности.

Фигурнолистные, без упора, 3 экз. (рис. 2 – 7). Размеры: длина от 15,0 до 19,0 см, ширина от 3,0 до 3,5 см. Наиболее ранние формы таких наконечников известны с X в., существовали до этнографической современности.

Форму костяного наконечника, находившегося вместе с железными установить не удалось из-за плохой сохранности.



1 - 3, 5 - камень
 1 - 3 - каменные наконечники
 стрел, 4, 6, 7 - керамика,
 5 - каменное грузило

Рис. 3. Поселение Усть Порос

Черешковый наконечник копья, фигурнолистный, ромбический в сечении по всей длине пера (рис. 2 - 3). Размеры: длина 29,0 см, ширина пера 4,5 см. Острие наконечника подковано, за счет этого оно стало уже и массивнее. На черешке сохранились следы от древка, в могиле находка располагалась у северо-восточной стенки рамы, напротив черепа, острием вверх. Проникающее действие наконечника копья усиливалось за счет увеличения массы и длины зауженной части острия.

В ногах покойного стоял латунный котел с кованной железной ручкой, чуть скошенными к днищу стенками, устьем вверх (рис. 1, 2 - 5, 6). Высота стенок 15,0 см, диаметр устья 32,0 см. Под днищем котла был положен небольшой кусок шкуры оленя. Видимо, шкура выполняла функцию жертвы-приклада. Подтверждением этому служит погребение 3 кургана 13 Балагаческого могильника, где в числе большого количества прикладов, находившихся в котле были остатки меховой шкурки и перо птицы. В погребении № 1 могильника Пыль-Карамо I под котлом, кроме части шкуры оленя, лежала снятая чулком шкурка водоплавающей птицы (гагары?). Об особом, ритуальном, значении котлов как проводниках умершего из мира людей

в обитель духов говорит тот факт, что ступни погребенного в могиле № 1 находились внутри котла.

Две бронзовые нашивки-лунницы, штампованные (рис. 1, 2 – 4). Одна из них находилась на левой стороне нижней челюсти погребенного, вторая рядом с котлом на верхнем берестяном перекрытии. Такие нашивки относятся к распространенным украшениям позднего средневековья в Нарымском Приобье.

Три остальных взрослых погребения крайне бедны. В могилах № 2 и № 4 найдены железные ножи в очень плохом состоянии. В могиле № 1, кроме ножа с остатками деревянных ножен, находился латунный котел, идентичный котлу из погребения № 6. Детское погребение не содержит ни инвентаря, ни костяка и определено нами как детское исключительно по размерам – 0,95 x 0,45 м.

По результатам работ 1996 г. можно датировать могильник Пыль-Карамо I XVII – XVIII вв. Малочисленность находок не позволяет определенно отнести памятник к конкретному этносу. По этнографическим источникам данная территория являлась местом проживания селькупов – одной из их диалектно-языковых групп – чумульгула. По всей видимости представители этой группы оставили памятник Пыль-Карамо I.

В 1994 и 1996 гг. проводились стационарные работы на поселении Усть-Порос. Памятник расположен на 43 км русла р. Томь (Томский р-н, Томской обл.), на ее левом берегу, напротив о. Чернильщиковский, примерно в 200 м ниже впадения р. Порос. Общая площадь раскопа составила 146 кв. м. Памятник является многослойным, на глубине 40 – 60 см залегает слой эпохи раннего средневековья. Самый многочисленный материал этого времени – керамика. Основными орнаментальными элементами сосудов являются ногтевой отпечаток и гребенчатый штамп. Преобладающий мотив – полоса (ряд). Ряды на сосуде располагаются горизонтальным, вертикальным и наклонным способами. Фрагменты от 3 сосудов орнаментированы ямками, горизонтальными и вертикальными налепными валиками, часть из которых рассечена наклонным гребенчатым штампом (рис. 3 – 6). 2 фрагмента венчика орнаментированы соответственно штампом “крест” (рис. 2 – 7) и “уточка”. Преобладает керамика с профилированным венчиком, шейка прямая или отогнута наружу. Фрагменты равномерно рассеяны по всему раскопу.

В раскопе 1994 г. обнаружены предметы металлообрабатывающего производства: 2 обломка льячки, образующие желобок – носик, в котором сохранились остатки меди, фрагменты обмазки горна (очага) со следами сильного воздействия огня, 2 куски крицы и множество кусочков ошлаковки.

Во время работ 1996 года найден железный нож и небольшой обломок четырехгранной железной проволоки (шило?). Жилищных или каких-либо других объектов, кроме двух кострищ, этого времени обнаружено не было.

Культурный слой эпохи неолита перекрыт почти 1,5 метровым слоем суглинка, нанесенного разливами реки и представляет собой древнюю погребенную поверхность, насыщенную гумусом. Мощность этого слоя 40 – 60 см.

Наиболее массовым материалом является керамика. Черепки отличаются массивностью, толщиной до 10 мм. Цвет желтый и желтовато-серый. Венчики принадлежат сосудам баночной формы. Они прямые, слегка утолщенные, их срез, немного

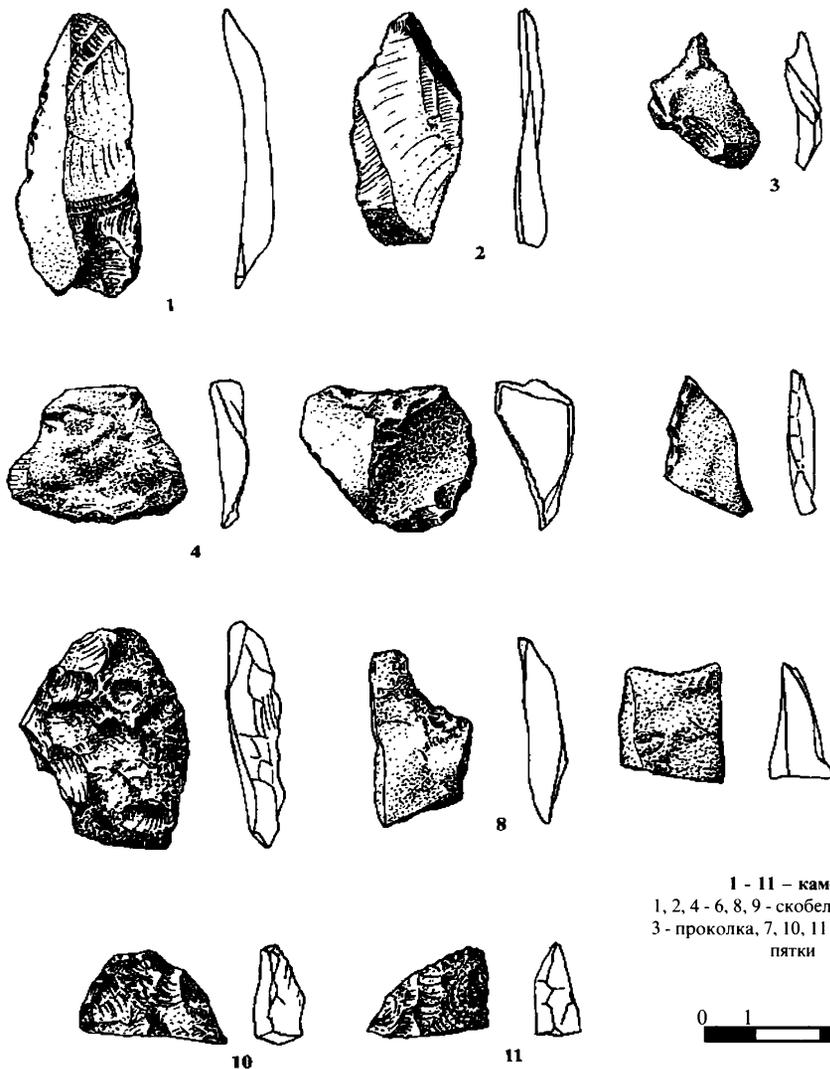


Рис. 4. Поселение Усть-Порос

скошенный внутрь, орнаментирован косыми отпечатками ребра палочки. Фрагментов днища или придонной части обнаружено не было. Судя по всему, сосуды имели большой объем. Орнаментирована керамика глубокими наколами овальной, круглой и семечковидной формы, параллельными желобками, выполненными отступающей лопаточкой и прочерченными линиями. Из сочетания этих элементов и состоит орнаментация данных сосудов (рис. 3–4).

За два года работы на поселении Усть-Порос в раскопе и на берегу реки собран разнообразный каменный инвентарь, включающий в себя 18 наконечников стрел (рис. 3–1, 2, 3) и более 100 орудий труда – скребков, проколов, скобелей, ножевидных пластин (рис. 4). Материалом, послужившим для изготовления этих предметов, является кварцитовидный сливной песчаник. Большое количество отходов каменной индустрии, более 700 ед., среди которых очень много миниатюрных отще-

пов, необычно для местных памятников, что позволяет предполагать наличие на Усть-Поросском поселении мастерской по изготовлению каменных орудий. Кроме этого обнаружено одно тесло с обломанным лезвием из зеленой яшмы; 1 наконечник дротика; 1 ложило из фрагмента керамики; 1 топор, рабочая часть обломана, большая часть тулова зашлифована; 2 небольших пестика; 4 грузила из речной гальки (рис. 3 – 5); 1 овальная подвеска из пластины сланца с отверстием по середине.

На основании ряда аналогий из Новосибирского Приобья можно датировать поселение Усть-Порос концом IV – первой третью III тыс. до н. э.

Литература

Березовская Н.В. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника Колымухта в Александровском районе Томской обл., в 1995 г. // Архив Археол. инспекции. Северск, 1996.

Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Новосибирск, 1981.

Полосьмак Н.В. Новые неолитические комплексы из Верхнего Приобья // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИИ В РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩА КАК ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

(по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут)

При изучении истории коренных народов Урала и севера Западной Сибири археологи нечасто исследуют памятники позднего этапа истории XVIII – XIX вв., традиционно считая, что это скорее область этнографической, а не археологической науки. Примеров обратного не так уж много. В исследованиях по Сибири, пожалуй, выгодно в этом плане отличается школа омских ученых, возглавляемая Н.А. Томиловым.

В самой же этнографии в последнее время все ярче прослеживается крен в сторону изучения “нематериальных” сфер жизнедеятельности традиционных обществ. Сфера материальной культуры, в том числе и жилище, все чаще оказывается вне поля зрения этнографической науки. Создается впечатление, что здесь все настолько ясно, что этнография (или, как сейчас модно ее называть, – этнология) уже не испытывает каких-либо проблем в реконструкции и обобщениях в этой сфере предмета своей науки.

Поводом для написания данной статьи послужило исследование двух хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут в Ханты-Мансийском автономном округе. Это один из первых опытов изучения археологическими методами в данном регионе Западной Сибири того периода истории коренных народов края, который вплотную смыкается с современностью.

Поселение Сырой Аган 12 расположено на небольшой гриве в урочище Городской Остров, находящемся между городами Нефтеюганск и Сургут. Остров представляет собой останец материкового характера, окруженный верховым болотом (левобережье р. Обь, между основным руслом реки Обь и протокой Юганская Обь). Само поселение расположено достаточно далеко от постоянных водотоков, в 1,4 км от протоки Кривой и примерно в 1,5 км от протоки Сырой Аган.

По данным А.А. Дунина-Горкавича в 1901 г. в междуречье Оби и Юганской Оби размещалось 2 населенных пункта остяков – юрты Заречные и Подкривские (левый берег протоки Кривой). Жители этих юртов держали лошадей, главными их промыслами являлись рыболовство и добывание ореха. По-видимому, наиболее близко к исследованному памятнику располагались юрты Подкривские [Карачаров, 2000. С.31]. Для выяснения времени появления и существования юртов Подкривских небезыңтересные факты дают материалы ревизской переписи 1858 г. с указанием половозрастного состава населения различных юртов и бытовавших в среде коренного населения фамилий (табл. 1) [Салымский край, 2000. С.72–90]:

Фамильный состав хантов юртов Подкривских по материалам X ревизии 1858 г.

Волость	Фамилия	Количество			
		семей	мужчин	женщин	всего
Юганская	Якшин	3	9	8	17
	Симонкин	1	3	1	4

В материалах более ранних ревизских переписей 1782 и 1816 гг. встречаются те же фамилии, правда, без отнесения их к Подкривским юртам (табл. 2, 3):

Таблица 2

Выдержки из фамильного состава хантов Салымского края по материалам IV ревизии 1782 г.

Волость	Фамилия	Количество			
		семей	мужчин	женщин	всего
Юганская	Якшин(ов)	10	22	19	41

Таблица 3

Выдержки из фамильного состава хантов Салымского края по материалам VII ревизии 1816 г.

Волость	Фамилия	Количество			
		семей	мужчин	женщин	всего
Юганская	Якшин	3	5	11	16
Подгородняя	Симон(к)ин	1	2	4	6

Таким образом, допустимо говорить о существовании Подкривских юртов с конца XVIII в. Исследованные нами объекты не соотносимы с самими юртами, но не исключено, что поселение Сырой Аган 12 оставлено жителями вышеупомянутых юртов.

На поверхности памятника фиксировались два хорошо заметных котлована, окруженные обваловкой. В южных частях впадин в обваловках объектов имелись разрывы, фиксировавшие выходы из жилищ. Форма впадин близка к прямоугольнику, дно относительно ровное. Приподнятая площадка второго жилища по внешнему периметру обваловки окружена цепочкой ям, из которых брался грунт на подсыпку стен сооружения (рис. 1).

Основанием жилища 1 служили уложенные П-образно горизонтальные бревна, закрепленные короткими вертикальными столбиками (рис. 2). Не представляется возможным уверенно говорить об использовании развитой срубной техники крепления бревен. Лишь в юго-западном и северо-западном углах можно предполагать примитивную врезку одного бревна в другое по методу крепления бревен “в лапу” (рис. 5).

Южная стена, где находился выход из жилища, была более легкой и либо состояла из бересты, закрепленной на жердях, либо выход закрывался многослойной вываренной берестой. Здесь же, в южной части мог быть “свес” крыши перед выходом либо закрытые сени с легкой наборной стеной.

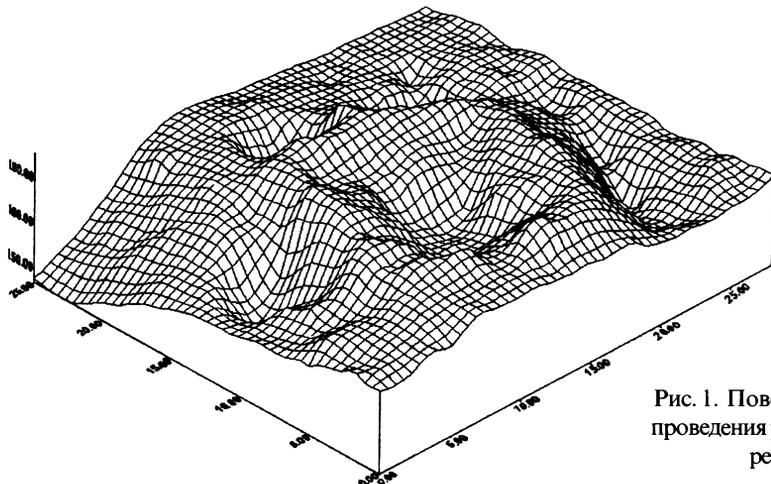


Рис. 1. Поверхность жилища 2 до проведения раскопок (графическая реконструкция)

В центре жилища неглубокий котлован. Стенки котлована укреплены плахами, удерживавшими стенки от осыпания. Выбранный из котлована грунт использовался на отсыпку нар, которые располагались по периметру стен жилища, кроме южной стены, где располагался вход, и юго-восточного угла, где находился чувал. Нары, скорее всего, были застланы шкурами или циновками. Высота нар – 0,4 м над уровнем пола, ширина – 1,25–1,6 м. Таким образом, одновременно на них могли спать не более 4–5 человек. Размеры жилища 5,0 x 5,0 м, т. е. внутренняя площадь, включая нары, составляла 25 м².

Оснований для реконструкции стен и перекрытия жилища даже в столь позднем объекте, изученном археологическими методами, немного. Скорее всего, конструкция сооружения была каркасной, крыша объекта двускатной. Каркас жилища собран из жердей, нижние концы которых упирались в лежащие бревна (рис. 3). Верхние концы перекрещивались, образуя рогатины, которые поддерживали продольную жердь крыши. Крыша перекрывалась берестой, мхом, дерном (рис. 4). В юго-восточном углу через отверстие в крыше выведена труба чужала. Во втором жилище чувал аналогичен и сохранился лучше, поэтому их описание приведено ниже. Здесь следует отметить, что в жилище 1 чувал располагался справа от выхода.

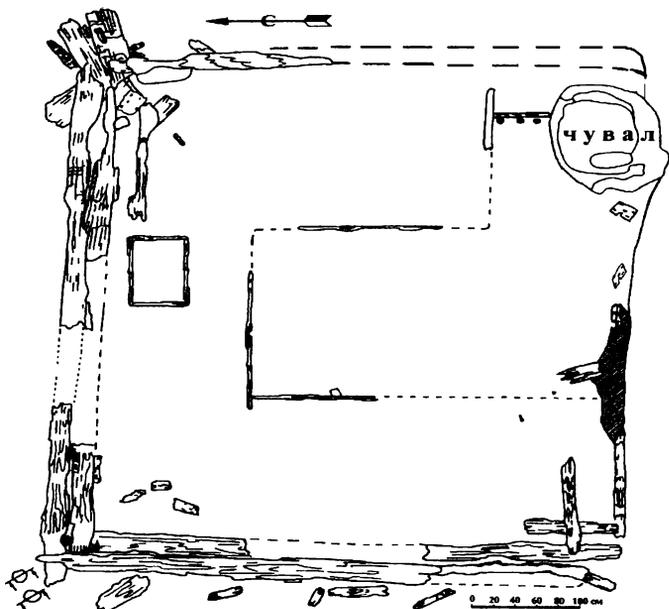


Рис. 2. План жилища 1. Остатки деревянных конструкций

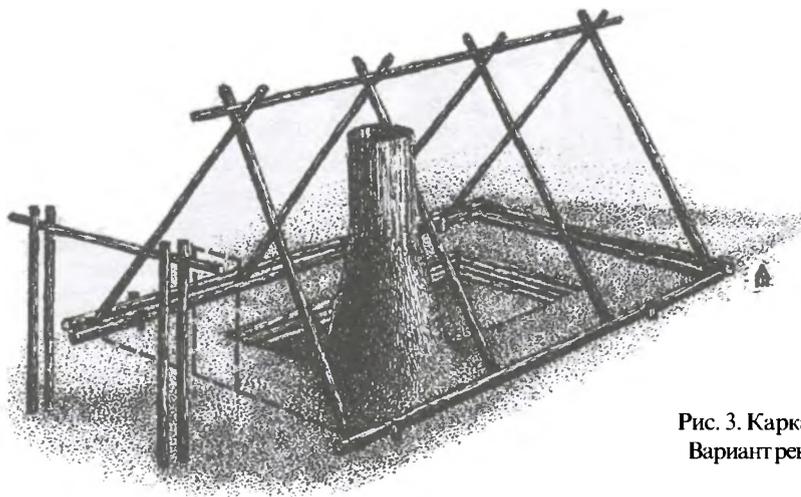


Рис. 3. Каркас жилища 1.
Вариант реконструкции

Не исключено, что перед входом в жилище имелись какие-то хозяйственные сооружения – сушила, вешала (?), фиксируемые по крупным столбовым ямам, отмеченным на юго-востоке от жилища. Форма одной из ям не совсем обычна, она имеет ступенчатое дно: диаметр ямы – 0,2 м, глубина на южном краю ямы – 0,2 м, в остальной ее части резкое падение на глубину 0,6 м. Возможно, это оригинальный способ установки вертикального шеста: в землю вбит кол, к которому затем привязан более крупный шест*

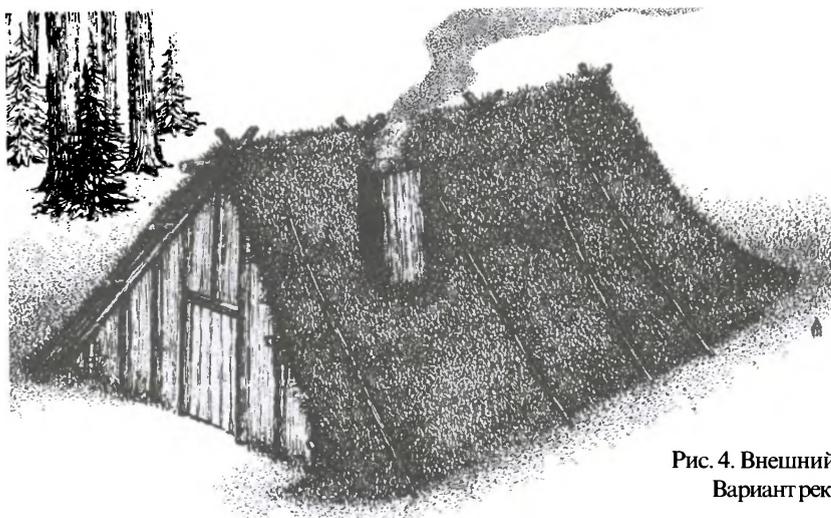


Рис. 4. Внешний вид жилища 1.
Вариант реконструкции

Реконструируются отдельные детали внутреннего интерьера жилища. На нарах в противоположной входу части жилища – у задней стены, отмечены остатки деревянного ящика. Внутри него найдены сильно деформированный фрагмент медного

* Опыт работ показал, что даже жилища XVIII – XIX вв. следует раскапывать большими площадями, нежели их внешние границы, фиксируемые на поверхности. Окружавшее жилище пространство, безусловно, использовалось в хозяйственном (и не только в хозяйственном) освоении территории, что подтверждается этнографическими наблюдениями [Гемуев, 1990. С. 25; Кулемзин, Лукина, 1992. С. 40; и др.]. Подобное освоение, несомненно, оставляет археологически фиксируемые следы.

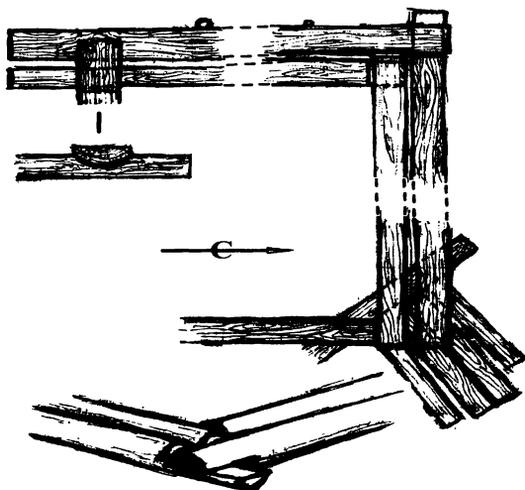


Рис. 5. Схема конструкции углов основания и вариант соединения бревен жилища I

нования северной стены, в слое погребенного дерна (перед сооружением жилища дерн не снимался), обнаружено каменное рыболовное грузило в бересте. Камень пирамидальной формы без видимых следов обработки завернут в треугольный лист бересты, верхняя часть которого, крепившаяся к тетиве невода, утеряна. Помимо этого, перед входом в жилище встречены два кованых железных гвоздя, связанных,

листа с отверстиями от заклепок (фрагмент котелка – ?) и оловянная нашивка круглой формы (рис. 9 – 7), олицетворяющая солярный знак и, очевидно, носившая смысловую нагрузку как индикатор отдельного сегментарного подразделения традиционного общества. Возможно, описываемый ящик есть не что иное, как священный “сундук”, в котором хранились семейные культовые вещи. Но к этому сюжету мы еще вернемся. На нарах в северной части жилища обнаружены также кованый железный клинышек и осколки высокой восьмигранной бутылки, украшенной выгравированным растительным орнаментом (рис. 9 – 2). Под бревнами основания

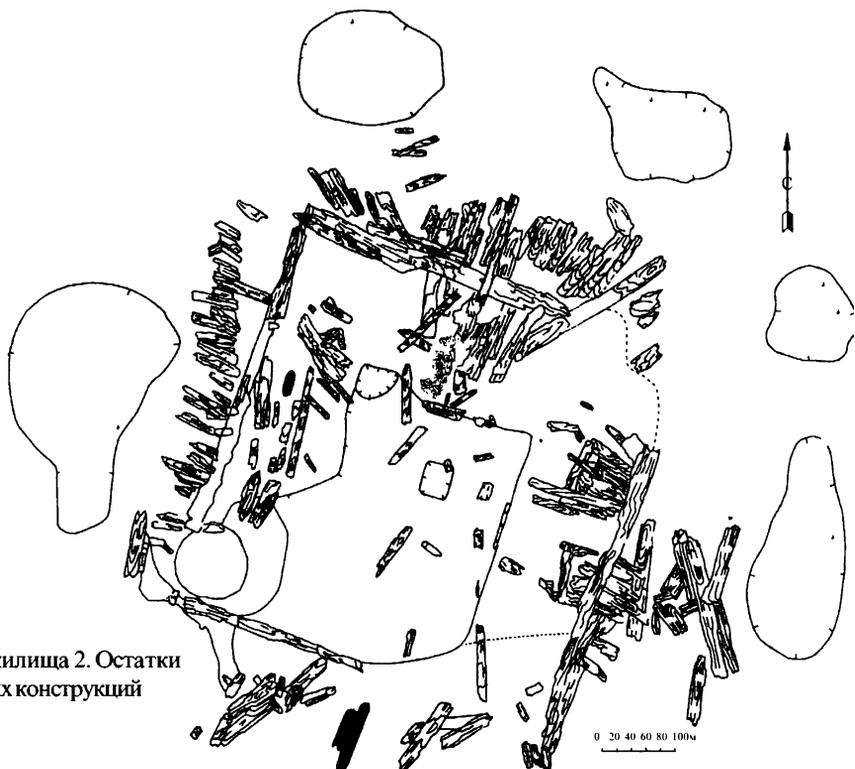


Рис. 6. План жилища 2. Остатки деревянных конструкций

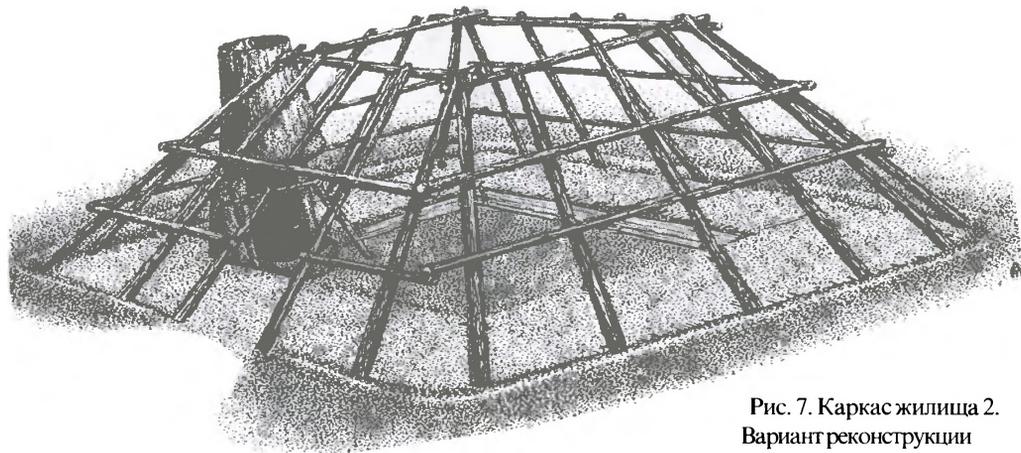


Рис. 7. Каркас жилища 2.
Вариант реконструкции

вероятно, с конструкцией выхода (рис. 9; 5). Обращает на себя внимание низкое качество поковки изделий. Скорее всего, гвозди изготовлены в кустарных условиях из подручного материала. Перед входом найден также четырехугольный абразивный брусочек.

Оснований для реконструкции второго жилища значительно больше. Основой конструкции служил каркас из нескольких наклонных столбов (диаметром до 0,3 м), соединенных квадратной рамой крыши (рис. 6, 7). Снаружи каркас покрыт более тонкими и узкими неошкуренными сосновыми плахами (шириной до 0,2 м). Внутренняя площадь постройки составляла более 50 м². Кровля жилища, скорее всего, состояла из бересты, дерна, песка и мха (рис. 8), свидетельством чему служат мощная обваловка на месте разрушенного жилища и цепочка ям по внешнему периметру от выборки грунта, использованного для подсыпки стен. В заполнении ям

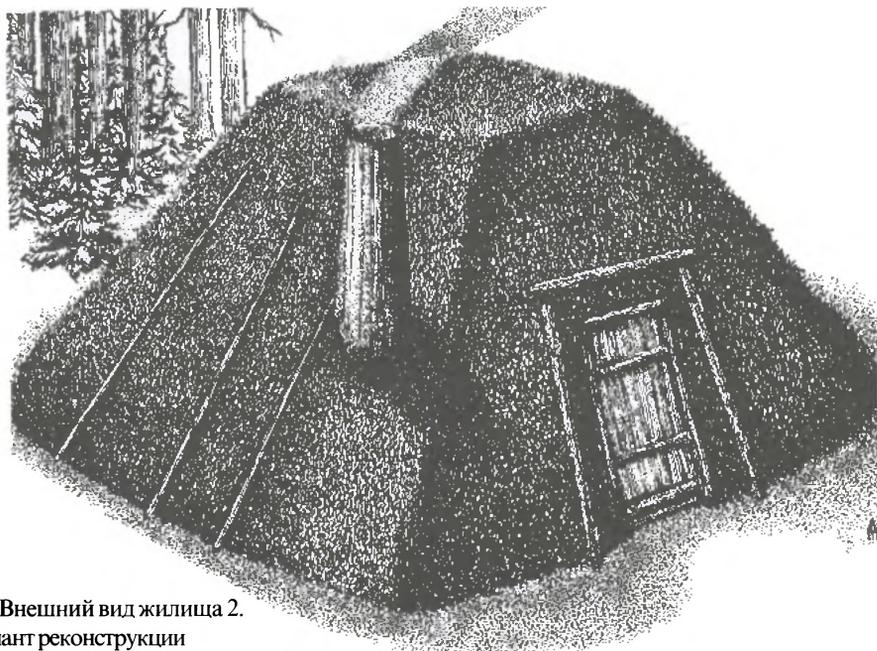
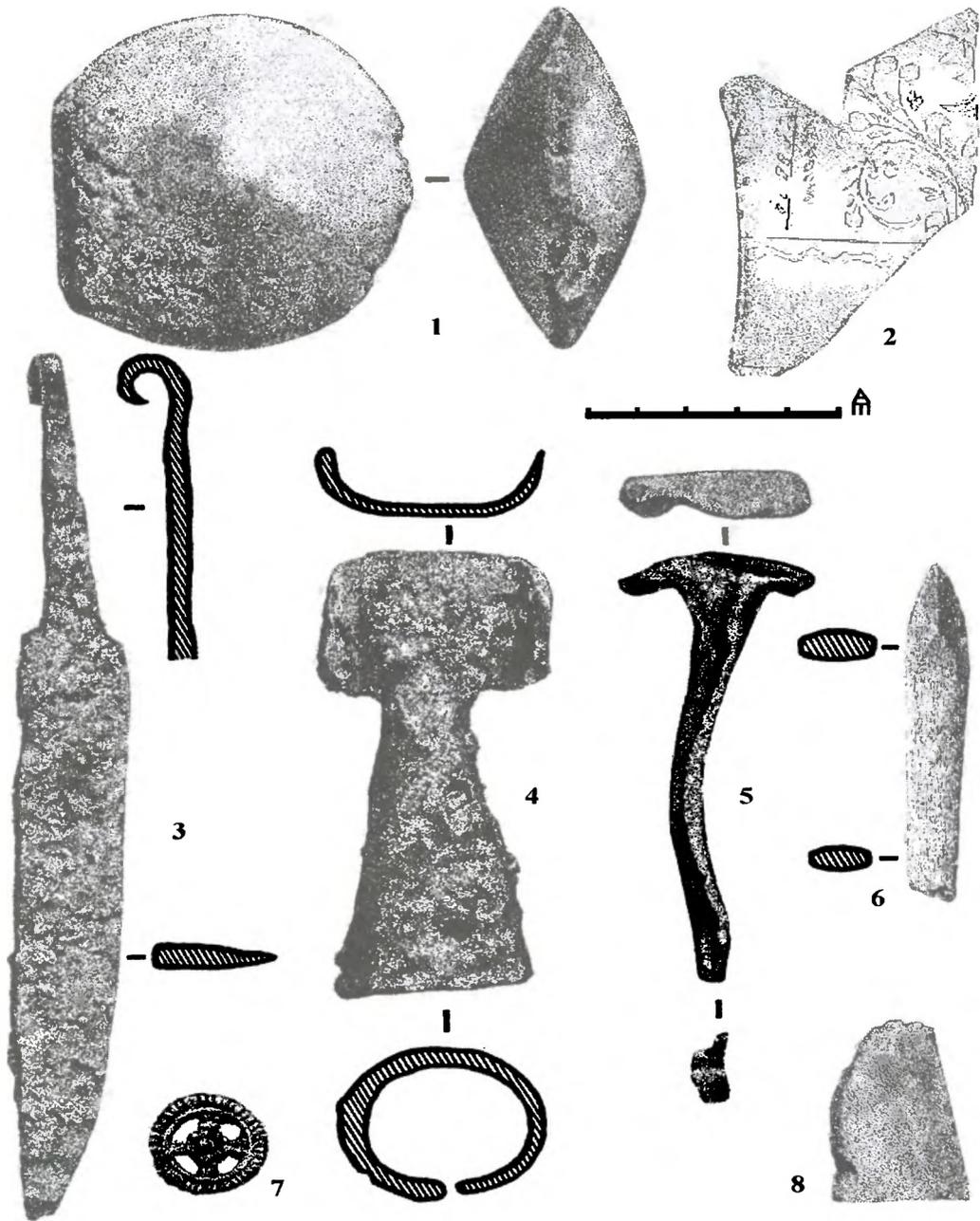


Рис. 8. Внешний вид жилища 2.
Вариант реконструкции



1 – глиняное рыболовное грузило,
 2 – осколок восьмигранной бутылки с выгравированным растительным орнаментом, 3 – железный нож,
 4 – плотничское тесло, 5 – кованый гвоздь, 6 – костяной наконечник стрелы, 7 – оловянная нашивка,
 8 – каменный шлифованный нож,
 2,5,7 – жилище 1, 1,3,4,6,8 – жилище 2

Рис. 9. Материал поселения Сырой Аган 12

находок нет. Примечательно, что в центре основания сооружения не отмечен ни один крупный опорный вертикальный столб, поддерживающий четырехугольную раму крыши, а наклонные плахи, образующие стены, не углублены в землю.

Это наблюдение чрезвычайно важно, так как свидетельствует, что даже достаточно основательные угорские жилища каркасно-столбовой конструкции в форме усеченной пирамиды (типа хантыйского *кот мых*) не обязательно должны иметь вкопанные в землю несущие вертикальные столбы. Видимо, перед началом строительства жилища снят дерн и площадка выровнена. В центре постройки – прямоугольный котлован с земляным полом. Стенки котлована укреплены горизонтальными плахами. Вдоль длинных стен имелись нары шириной до 1,6 м, на которых одновременно могли спать не более 5–6 человек. В южной части прослежен слегка углубленный выход. Жилище отапливалось чувалом, расположенным слева от входа и фиксировавшимся на поверхности в виде овального холмика размерами 1,5 x 1,7 м. Остатки чувала состоят из плотной необожженной глины с включением мелких угольков, с большим содержанием конкреций обожженной в различной степени глины и фрагментов тонких обугленных жердей. Между основанием чувала и внутренним краем юго-западного угла жилища отмечена полукруглая плотная углистая прослойка (шириной до 10 см), состоящая из мелкого обугленного древесного мусора, обгоревшей древесной щепы с включением рыбьих косточек, чешуи, фрагментов жаберных крышек и костной крошки (кухонный мусор). В основании чувала зафиксированы две концентрические окружности тонких столбовых ямок (до 2 см). Остов чувала был сооружен из тонких прутьев лиственных пород деревьев и обмазан глиной. В основании чувала не отмечено ни деревянной рамы, ни утрамбованной площадки.

Как и в первом жилище, на дне котлована и в пачке придонных слоев встречены куски обмятой необожженной глины, что говорит о том, что замесы глины в жилищах производились не единожды и чувалы периодически ремонтировались.

Со вторым жилищем связан следующий комплекс находок. Прежде всего, отметим обнаруженный в северной, противоположной входу, части жилища в яме под нарами (0,7 x 0,3 м на глубине около 0,1 – 0,15 м) скелет новорожденного теленка, лежащий в анатомическом порядке (рис. 10). Передние конечности находились в состоянии максимального сгибания. Это позволяет предполагать, что передние ноги животного были сильно согнуты и крепко связаны перед положением в яму. Фаланги передних конечностей отсутствуют. В засыпке ямы встречен фрагмент кованого железного листа. В непосредственной близости от того края ямы, где располагался череп животного, на поверхности нар встречены три медных монеты: две монеты чеканки Колыванского монетного двора 1771 и 1800 гг., обе достоинством в одну копейку, и одна монета достоинством две копейки Екатеринбургского монетного двора 1800 г. В верхней части заполнения котлована найден нож универсального хозяйственного типа с хорошо выраженным переходом от спинки к черенку (рис. 9–3). Клинок сильно вытянутого клиновидного сечения с двухсторонней заточкой. Толщина спинки 4 мм, черенок четырехгранный, на конце него петлевидный загиб, служивший для жесткой фиксации цельной деревянной рукояти*. Нож находился в вертикальном положении под обваловкой жилища – был воткнут либо в нары, либо

* Описание железных изделий выполнено сотрудником ИИА УрО РАН А.П.Зыковым.



Рис. 10. Скелет новорожденного тельника, обнаруженный под нарами в жилище 2

зовалось железное орудие) (рис. 9 – 8), абразивные плитки и прямоугольный брусок-оселок, отбойники на речных гальках.

Остеологический материал представлен не только уже описанными костями крупного рогатого скота (останки тельника – 124 кости от одной особи), но и лошади (19 костей от двух особей, северного оленя (2 кости от одной особи), лисицы (челюсть от одной особи), двумя костями птиц*. Привлекает внимание малое количество останков рыбы – одного из основных составляющих традиционного пищевого рациона.

Изложенные результаты раскопок двух хантыйских жилищ начала XIX в. дают интересную возможность сравнения археологических данных с теми реалиями материальной и духовной культуры угорских народов, что фиксируются этнографами.

Реконструированные на основании археологического материала жилища находят почти полные аналогии в угорских традиционных постройках [Соколова, 1998.

в край котлована жилища. В заполнении котлована найдено также железное тесло, предназначенное для изготовления долбленых деревянных изделий (рис. 9 – 4). В обваловке обнаружены фрагмент железной полосы с подрезанными уголками и костяной наконечник стрелы (рис. 9 – 6). Кроме того, на дне котлована и в слое обваловки обнаружены фрагменты русской гончарной поливной и сероглиняной неполивной керамики от трех сосудов, осколок фарфорового изделия, осколки многогранных бутылок. Одно целое глиняное рыболовное грузило обнаружено на дне котлована (рис. 9 – 1), другое – в обломках – найдено перед входом. Грузила линзовидной формы, обертывались берестой и крепились к нижней тетиве невода. Найдены также остатки рыболовного поплавка плоской формы, крепившегося к верхней тетиве невода и изготовленного из двух кусков бересты круглой или овальной формы, сшитых стежками лыка. Помимо этого, в обваловке объекта встречены орудия из камня: обломок шлифованного каменного ножа (при его изготовлении исполь-

* Определение остеологического материала выполнено канд. биол. наук П.А.Косинцевым. Авторы признательны за разрешение использовать полученные результаты в данной работе.

Рис. 7, 8; табл. V, 2 VI, 1; ИЭАС, С. 162, табл. 2-1; С. 198, табл. I – 7, 8; с. 209, табл. XII – 1, 2, 8]. Особенно это касается второго жилища, сходного по конструкции с “земляными домами” хантов типа *кот-мых*.

Многие из традиционных поселений имели свободную (нерегулярную) планировку, обусловленную представлениями, топографией, дренированностью почв, господствующими ветрами и многим другим. Строгой ориентировки входа в жилище по сторонам света у хантов не существовало. Как правило, вход в жилище ориентирован либо к реке, либо в подветренную сторону. В поселке жилище ставят входом к дороге либо к центру поселка [Лукина, Бардина, 1994. С. 43]. Описывая летнее поселение хантов р. Казым авторы отмечают, что жилище поставлено входом на Ю. Также отмечено, что в юго-восточной и в восточной частях поселения расположены навесы и вешала для продуктов, вещей, сушки рыбы [Лукина, Бардина, 1994. С. 27]. В жилищах поселения Сырой Аган 12 этот принцип не нарушен – входы обоих жилищ обращены на Ю. Подобная ориентировка связана, скорее всего, с наибольшей освещенностью южной стороны жилищ и максимально быстрым таянием снега перед входом. К ЮВ от входа в жилище фиксировались крупные столбовые ямы, вероятно связанные с какими-то хозяйственными сооружениями – сушила, вешала (?).

Чувалы изученных жилищ расположены традиционно в предвходовых углах, однако в первом жилище – справа от входа, во втором – слева. По этнографическим наблюдениям, чувал чаще сооружался в правом предвходовом углу, но мог располагаться и в левом [Гемуев, 1990. С. 23, 24, рис. 10, 11; Салымский край, 2000. С. 144, 146]. Таким образом, наши раскопки подтверждают данные о том, что в представлениях угров принципиальным было деление внутреннего пространства на менее престижную переднюю (предвходовую) половину и престижную заднюю, наиболее удаленную от входа, а не на левую и правую его половины. Этнографы также отмечают, что наиболее почетным и священным местом в жилище (в его горизонтальном членении) были нары вдоль стены, противоположной входу и “задний угол на стороне чувала” Угловые же нары хозяина и хозяйки жилища находились обычно в углу, противоположном тому, где располагался чувал. Этот угол обогревался лучше всего, поскольку зев чувала направлен по диагонали [Гемуев, 1990. С. 28].

Наши материалы также подтверждают подобное членение жилища на престижную и менее престижную половины. В первом жилище – это фиксация на нарах остатков деревянного ящика – “священного” сундука. В нем, напомним, встречены фрагмент медного листа и круглая оловянная нашивка с солярной символикой. Как правило, подобные “сундуки” с прикладами хранились в срубных домах хантов и манси на чердаке, имевшем наибольшее сакральное значение в вертикальном членении дома. В домах каркасно-столбовой конструкции, где чердака в принципе не было, такие сундуки и домашние святыни часто хранились на специальной широкой полке, устраиваемой в дальних от входа углах дома, обычно в правом [(Гемуев, 1990. С. 19, 20; Карьялайнен, 1995. С. 17; Салымский край, 2000. С. 147]. Возможно, отмеченный сундук первоначально помещался на такой же полке, а затем, при разрушении жилища, мог упасть на нары. Но очевидно, что сундук располагался в наиболее почитаемой части жилища.

Во втором жилище, в первую очередь, привлекает внимание обнаруженный под противоположными входу северными нарами в яме скелет новорожденного теленка. В непосредственной близости от ямы, где располагались останки животного, на поверхности нар встречены три медных монеты, в засыпке ямы встречен фрагмент кованого железного листа. Обнаруженные останки теленка можно трактовать как следы кровавой жертвы, связанной с нижним миром, либо строительной жертвы, принесенной при возведении жилища. Обычай зарывать шкуру оленя, забитого в качестве жертвоприношения при окончании строительства дома, отмечен и у юганских хантов. По окончании строительства дома совершалось жертвоприношение: в чувале сжигали куклу в красной одежде, а на следующий день забивали оленя, шкуру которого закапывали под нарами. Первая жертва полагалась *Найими* – Огня женщина, вторая – *Мых Анки* – Матери Земли для обеспечения благополучия жителей дома [Салымский край, 2000. С. 146]. А.К. Каннисто описывает подобный обряд у манси, проживавших в бассейне р. Сосьва. Он отмечает, что при кровавых жертвоприношениях, посвященных хозяину нижнего мира, шкуру жертвенного животного кладут под нары, а кровь уносят в лес [цит. по: Кулемзин, 1984. С. 119]. Правда, обычно у угров такой кровавой жертвой служил олень, но нередко в жертву приносили лошадь, крупный рогатый скот, в том числе телят [Карьялайнен, 1995. С. 97–101]. А строительные жертвы животных при закладке дома – обычай достаточно распространенный во многих древних и традиционных обществах в разных частях ойкумены.

Медные монеты, вероятно, служили в качестве “приклада”. По мнению Е.Ю. Рукосуева, производившего нумизматическое определение, монеты очень быстро были выведены из обращения, вследствие чего имеют отличную сохранность. Не исключено, что монеты были завязаны в углах жертвенного платка, какие нередко вывешивались на задней стенке дома.

Остальные находки в жилищах, описанные выше, имели хозяйственное назначение, но и среди них есть вещи, использование которых в сакральных целях также не исключено. Это каменное рыболовное грузило, завернутое в бересту. Оно найдено в первом жилище под бревнами северной стенки, т.е. противоположной входу, имевшей наибольшее сакральное значение, и вполне могло быть связано с обрядовой практикой, проводимой при возведении жилища. Привлекает внимание положение ножа во втором жилище: он был вертикально воткнут либо в нары, либо в край котлована жилища. Зачастую сакральное значение имели и наконечники стрел. Напомним, что костяной наконечник стрелы найден в обваловке второго жилища. В остеологической коллекции выделяется фрагмент челюсти лисицы. Шкурки красных и черных лис также нередки в жертвенных прикладах угров [Гемуев, 1990. С. 37, 43 и др.]. Справедливости ради отметим, что и остальные животные, чьи останки встречены в жилищах – лошадь, олень – также широко использовались в культовой практике угров.

Таким образом, при интерпретации археологического и остеологического материала в качестве жертвенных (культовых, священных и т.п.) вещей и комплексов, даже с привлечением этнографических аналогий, все же нет полной уверенности, что выводы соответствуют реальной действительности. Но метод подобного сопоставления этнографических наблюдений и материалов археологических памятни-

ков традиционных обществ, хронологически перекрывающих друг друга, делает выводы на базе археологических источников более достоверными, чем по данным археологических памятников “классической” первобытности. Хотя и здесь есть существенные ограничения (даже в реконструкции объектов материальной сферы). В частности, на примере анализа поселения Сырой Аган 12 у нас так и не появилась полная уверенность в достоверности реконструкции каркасов сооружений, особенно первого жилища.

Литература

- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Карачаров К.Г. Археологическое обследование объектов обустройства месторождений испрашиваемых ОАО «Юганскнефтегаз» в Нефтеюганском и Сургутском районах ХМАО: Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2000.
- Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск, 1995. Т. 2.
- Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
- Лукина Н.В., Бардина П.Е. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1, кн. 2. Томск, 1994.
- Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. Салымский край. Екатеринбург, 2000.
- Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮГАНСКО-БАЛЫКСКИХ ХАНТОВ

Локальные этнические группы среди хантов этнологи выделяют в соответствии с языковым диалектным делением. Признаками таких групп, помимо особого диалекта, являются компактная территория расселения (обычно бассейн обского или иртышского притока), собственное самоназвание (по названию реки), своеобразие культуры, эндогамия (заключение браков внутри общности). В данной статье речь пойдет о юганских и балыкских хантах, расселенных по притокам Средней Оби. В основу работы легли полевые материалы автора, полученные в ходе экспедиций 1993 и 2001 гг. Нужно отметить, что юганские ханты достаточно полно сохранили самобытные традиционные черты в хозяйственно-бытовом укладе и мировоззрении (прежде всего это относится к проживающим в небольших юртах из 1–10 семей); балыкские практически утратили черты традиционной культуры и родной язык.

С учетом данных языкознания и сведений информаторов, можно говорить о большой близости юганской (самоназвание *ягун ях*) и балыкской (самоназвание *полэк ях*) групп хантов. Юганские ханты проживают по Большому и Малому Югану. В конце XVIII – начале XX в. это была территория Большеюганской и Малоюганской волостей Сургутского уезда. Группа *полэк ях* локализуется в бассейне р. Балык (включая Малый Балык), по протокам Юганская Обь, Большая Юганская. В указанный период описываемая территория относилась к Юганско-Подгородней (Подгородно-Юганской) волости Сургутского уезда. На связь жителей Балыка с остяками, живущими по протоке Реп-Еган, Юганской Оби и между Большой и Юганской Обью, указывал в начале XX в. С.А. Куклин. По его мнению, остяки этого региона, известные под названием “балыкские ханты”, были объединены общностью экономических интересов (совместное пользование рыболовными, кедровыми и охотничьими угодьями). Отличие их от соседних, юганских, автор усматривал в обрусении, проявлявшемся в заимствовании от русских многих черт быта [Куклин, 1925. С. 5]. Современные информаторы также считают балыкских хантов обрусевшей группой. “Обрусение” связывается с распространением огородничества и животноводства.

По имеющимся на сегодняшний день сведениям, балыкско-юганский регион заселялся хантами с Иртыша. До угров на территории Среднего Приобья проживали самодийские племена. На сегодняшний день еще не решен вопрос о том, сформировались ли ханты в единый этнос на какой-то определенной ограниченной территории и оттуда ли расселялись по местам своего современного проживания? Скорее всего, этнические процессы протекали по-иному. Формирование хантов протекало на обширной территории на протяжении очень длительного периода времени. Из Нижнего Прииртышья (включая бассейн Конды) группы угорского населения постепенно проникали в Среднее Приобье. Они взаимодействовали с аборигенным самодийским населением, частично вытесняя, а частично ассимилируя его. В сло-

жении балыкских и юганских хантов приняли участие и группы коми-населения, начавшие мигрировать в Западную Сибирь с начала II тыс. н. э. Не исключено присутствие в их составе и тюркских компонентов.

Для хантов балыкско-юганского района характерны представления о вертикальном устройстве мира: Верхний мир – небо, Средний мир – поверхность земли, Нижний мир – подземный. Общая трехчастная картина мироздания осложняется дополнительными членениями Верхнего и Нижнего миров на семь планет-ярусов. Самым главным и сильным богом ханты считают *Тору́ма* или *Санки (Торум Санки)*, живущего на самом верхнем, седьмом, небе. Ему полагается дарить ткань красного цвета, его дерево – сосна.

Главной (“всевышней”) из женских богинь считается *Санки Пугос*, ведающая благополучием. К ней обращались за помощью в исключительных случаях, когда не помогали божества более низкого ранга. *Чорас най анки (Чорас най ими)* почитается как главная среди водных богинь. Она богиня северного огненного моря, ее цвет – красный. По материалам И.А. Карапетовой и К.Ю. Соловьевой, это божество является самым могучим богом, матерью небесного огня и всего живого [Карапетова, Соловьева, 2000. С. 202].

Мыг анки (Земли мать) “отвечает” за жизнь людей в Среднем мире, ей устраивали угощение *поры* после завершения строительства дома, после рождения нескольких детей. *Пугос анки (Анки пугос)* – Божественная мать, богиня-жизнеподательница и мать огня, живущая, по одним сведениям, на небе, по другим – на Малом Югане, по третьим – на Вахе.

Хозяином Нижнего мира считается остроголовый *Хынь ики*, он же *Мыг ики* и *Пыр сарын рутан кон*. Он насыпает на людей болезни и смерть, забирает людские души. Ему полагается жертвовать оленя темной масти.

Большое значение в религиозно-культурной практике ханты отводили духам Среднего мира, которые, как считалось, оказывали каждодневное воздействие на людей. В “иерархии” божеств такие духи следовали за небесными. В этнологической литературе их принято относить к местным (локальным) и родовым духам-покровителям. Они выступали покровителями определенных коллективов людей – жителей бассейна реки, селения, представителей одного рода. По представлениям хантов, местные духи имели определенные места обитания – либо в лесу, либо непосредственно в поселке. Обычно вместилищем духа служит срубный амбар на сваях (лабаз), в котором и хранится изображение духа, подарки для него. В некоторых случаях лабазов не строили, деревянные идолы ставили под деревьями на священном месте.

Нужно отметить, что представления о божествах подобного ранга связаны с осмыслением роли мифологических предков. По мнению Н.В. Лукиной, духи-покровители обских угров считаются духами-предками – богатырями (*урт*) – древних времен [Мифы, предания, 1990. С. 19]. К.Ф. Карьялайнен отмечал, что в героических песнях и сказках имеются представления “о местных духах как бывших людях, сильных героях, которые в конце жизни, прожив “долгую жизнь старого человека, многие годы пожилого человека”, поселяются где-нибудь как духовное существо, “принимающее жертвы пищевые и кровавые” [Карьялайнен, 1995. С. 159]. Согласно обско-угорским преданиям, сначала богатыри были предками и предводителями

родов, затем стали почитаться как духи, оберегающие сородичей-потомков. З.П. Соколова сравнивала духов-покровителей с тотемами генеалогических групп [Соколова, 1971. С. 216].

По словам информаторов, к местным духам люди обращаются чаще всего. Такие духи наделяются способностью оказывать помощь в промыслах, обеспечивать благополучие и здоровье. Им могли приносить “кровавые” (ритуальное забивание животного) либо бескровные жертвы, как индивидуально, так и коллективно. К наиболее значительным духам этой категории у балыкско-юганских хантов относятся “дети” верховного бога Торума (Санки). В фольклоре юганских хантов упоминаются три сына: *Кон-ики* (Царь мужчина), *Ягун ики* (Юганский мужчина) и *Вой вурт ики* (Лесной богатырь мужчина).

По легенде, Кон ики, Вой вурт ики и Ягун ики постоянно дрались. Чтобы покончить с этим, *Санки* разделили их силу: старшим, т.е. самым сильным, назначил младшего (Кон ики), вторым по значимости – Вой вурт ики, посылающего людям удачу. По другой версии, братьями считаются Ягун ики (старший) и Кон ики (младший). Кон ики – миролюбивый, а Ягун ики – воинственный. Кон ики хотел старшим быть, он сказал: “Если я младший, то мне жертвы мало будут приносить. Пятнистые и белые олени тебе достанутся”. Пospорили братья, подрались. Отец Торум это увидел, не понравилось ему. Люди болеть начали. Сказал Торум Ягун ики: “Уступи. Пусть Кон ики старшим считается” Так и стал Кон ики главным, хотя он моложе Ягун ики.

Кон ики представляется в образе всадника в еобольем *saxe* (шубе) на белом коне. Он успевае обскакать вокруг земли, пока горит кусочек бересты, предназначенный для разжигания огня (по другой версии, пока сгорят семь тонких кусочков бересты). Кон ики почитается как главный над другими местными духами.

Кон ики считается божеством-покровителем хантыйских юрт по Большому Югану от Мулганово до Ларломкино (представителей фамилий Мулгановых, Ярсомовых, Усановых, Тайлоковых, Ларломкиных, Курломкиных, Колсомовых). Его поочередно “держат” представители перечисленных фамилий. Через каждые три года “хозяин” (*тунг орт*) меняется. Говорят, что изображения Кон ики у юганских хантов сейчас нет, но сохраняется его олицетворение в виде соболиного саха (шубы) с воротником из выдры, надетого на несколько мужских рубах, сверху его покрывают суконным сахом, на голове вместо шапки – соболиные, лисьи шкуры.

По словам информаторов, “настоящее” изображение духа-покровителя хранится на его родине – р. Конда. Как поясняли ханты, имя Кон ики происходит от “Кон-тых” – Конда. Еще в начале XX в. ханты с Югана ежегодно зимой ездили на Конду, где совершали жертвоприношение Кон ики. Жертвенных оленей возили с Югана. Нередко оставались на Конде на зимнюю охоту.

О божестве р. Юган *Ягун ики* имеются сведения в литературе [Кулемзин, 1984. С. 96–98; Зенько, 1997. С. 29–31; Карапетова, Соловьева, 1997. С. 69–70; Карапетова, Соловьева, 2000. С. 200–208; Салымский край, 2000. С. 274–277]. Он считается главным духом-покровителем юганских хантов. На эту “должность” его назначил отец – верховный бог *Санки*. В подчинении Ягун ики находятся духи-хозяева лесов, рек, покровители селений, домашние и личные духи [Карапетова, Соловьева, 2000. С. 203].

Священный лабаз Ягун ики находится в юртах Каюковых (хантыйское название *Тунг нуутль* – “Духа селение”). Его изображение (большая антропоморфная фигура) вырезается из ствола лиственницы, растущей у бывших юрт Чегаевых. Как говорят информаторы, оно находится на помосте (нарах) у противоположной от входа стены амбара. Ягун ики “одет” в семь халатов, шубу из собольих шкурок (завязки на ней якобы ящерицы, они же – помощники божества), на голове – шапка из меха выдры, обут он в зимние меховые кисы с подвязками-змеями.

Справа и слева от него лежат по семь стрел (*нельт*), украшенных разноцветными лентами. За спиной у Ягун ики на оленьей шкуре сидит охранник *Йенк лор имиен икиен пах* (“Болотного озера дедушки-бабушки сын”), впереди всегда находится помощник – *Янгтор ики* (Ледяного озера мужчина), сзади – *Вунт ики* (Лесной хозяин). Более подробное описание лабаза Ягун ики приведено в работе А.П. Зенько, участвовавшего в церемонии жертвоприношения божеству [Зенько, 1997. С. 29–31].

По словам информаторов, *Ягун ики* может принимать зооморфный облик медведя, соболя. По мнению И.А. Карапетовой и К.Ю. Соловьевой, помощники божества в виде змей свидетельствуют о связи Ягун ики с Нижним миром [Карапетова, Соловьева, 1997. С. 69]. В облике самого божества имеется много медвежьего, иногда он ведет себя как медведь, он же является и хозяином медведей [Карапетова, Соловьева, 2000. С. 203].

Держат духа по очереди представители фамилии Каюковых. Хранитель бога (*тунг орт* или *тойтэ ко*) сменяется каждые три года, он ежемесячно “передевает” изображение божества-покровителя. Жертвоприношение (*йири*) Ягун ики совершается ежегодно перед началом охотничьего сезона, у духа-покровителя просят помощи в промыслах и благополучия. Во время жертвоприношения дарят ткань, олени шкуры, их оставляют в лабазе. Лабаз находится с южной стороны от дома “держателя”

Согласно взглядам юганских хантов, у каждой фамилии имеются свои родовые духи-покровители. Божества этого ранга обычно представляются в двух ипостасях – антропоморфной и зооморфной. Члены одного рода (*ныкыт*) иногда называют себя по имени тотема (“народ глухаря”, “люди орла”, “люди селезня” и т. п.). Тотемных животных и птиц запрещается убивать и употреблять в пищу.

В ходе полевых работ у хантов Большого Югана были выявлены следующие *ныкыт*: Нюгломкины – *сэв ныкыт* (сороки род); Кельмины – *шопырки ныкыт* (лягушки род); Бисаркины – *явэх ныкыт* (совы род); Когончины – *нэхас ныкыт* (соболя род); Ярсомовы – *лук ныкыт* (глухаря род); Мултановы – *вой сыр* (зверинный род).

Родовое божество Когончиных управляет грозой и молнией. У него имеются семь помощников – тучи. Изображение духа (высотой около 0,7 м) находится в лабазе. На него надеты *сахы* и платки (по семь). Божеству полагается дарить отрезки ткани размером 3 или 7 м. Обновляют изображение тогда, когда умирает человек, делавший прежде идола.

Дух-покровитель Сапоркиных – *Сапорки ики* – может принимать облик лягушки. Этого духа привезли на лодке с р. Демьянка. Сейчас изображение хранится в лабазе в юртах Сапоркиных. Держат его по очереди: передают младшему сыну или племяннику (младшему в роде). Раньше старики ежегодно весной, перед началом

рыболовного сезона, ходили на Демьянку на священное место, где совершали жертвоприношение духу – забивали трех пятнистых оленей.

Родовой дух-покровитель Мултановых – *Вонт ики* (Лесной старик). Его священное место (*йимэн кара*) находится в верховьях речки Тланкты коим. Там имеется небольшая гора, на ее вершине расположен дом духа – небольшой бугор *мых коот* (земляной дом). Лабаза на священном месте нет, небольшое (высотой 0,3–0,4 м) антропоморфное изображение духа из ствола кедра стоит у дерева. Дух-покровитель Рыскиных – *Соу юх ики* (С костьюем мужчины) находится в одноименных юртах. Он считался охранником Ягун ики.

По обычаям юганских хантов, женщина после замужества получала от отца небольшое изображение родового духа-покровителя, которое называлось “маленький ребенок духа”. Считалось, что через этого идола родовой дух будет оказывать покровительство женщине в доме мужа. Представители некоторых фамилий делали выходявшей замуж дочери “куклу” (*наки*), сделанную из ствола дерева, растущего на родовом священном месте. На фигурку надевали платье, халат-сах, платок. Такая “кукла” считалась дочерью родового духа покровителя, она “отвечала” за благополучие и здоровье членов семьи. Ее хранили дома на священном месте вместе с другими предметами культа.

О местных духах балыкских хантов имеются лишь фрагментарные сведения. Информаторы помнят, что главными божествами р. Балык считались *Полэк ики* и *Полэк ими*. Известно, что одно из священных мест балыкских хантов располагалось у юрт Усть-Балыкских на левом берегу Юганской Оби, где на высокой гриве стоял священный лабаз с деревянными антропоморфными идолами. Другое священное место находилось в черте современного г. Нефтеюганска. Священное место имелось и на берегу речки Кучиминки за юртами Сайгатиными, туда ежегодно приезжали ханты из с. Юганского и устраивали жертвоприношение (забивали овцу).

В представлениях хантов главное место среди животных отводится медведю, который считается священным – *йимын вой*. Особое отношение фиксируется к лоску, кошке, собаке, ястребу, змее, ящерице, лягушке. Их нельзя “обижать”, чтобы не навлечь гнев духов.

В этнологической литературе отмечается почитание медведя у всех народов таежной зоны Сибири. Причиной этого большинство исследователей, вслед за Г. М. Василевич, считают сходство строения его тела с телом человека [Василевич, 1969. С. 216]. У хантов и манси шкуру с убитого медведя принято сдирать способом, имитирующим снятие одежды. Хантыйские представления о медведе характеризуются двойственностью: с одной стороны – он сходен с человеком (его называют терминами родства “дядя”, “братишка”), с другой – он существо, близкое духам.

Культ медведя у балыкско-юганских хантов имел некоторые своеобразные черты. По сведениям Н. В. Лукиной, на Югане медвежий праздник (*пути екты*) могли отмечать члены одной семьи, глава которой исполнял требуемые 300 песен [Лукина, 1990. С. 182]. Медвежьи пляски длились три ночи; по некоторым данным, добычу медведицы отмечали в течение 4 ночей. После праздника череп медведя хранили на крыше (чердаке) жилища, он считался охранителем дома и семьи.

Во время экспедиции была получена более подробная информация о медвежьем празднике балыкско-юганских хантов. Убитого медведя разделявали в лесу, шкуру

снимали вместе с головой и лапами. Ее вместе с тушей несли в селение. Мясо делили поровну между участниками промысла, а шкура доставалась нашедшему берлогу. В его доме устраивали пляски.

Шкуру медведя клали на стол, который помещали у передней стены напротив входа. “Медведя” одевали в хантыйский халат-сах (мужской или женский в зависимости от пола животного) и помещали в специально устроенную клетку *пути екты сорт коот*. Ее делали из жердей диаметром около 5 см, длиной 50–70 см. Эти жерди прибавали к столу, делая ограждение с трех сторон – сзади и с боков. “Клетку” мастерил хозяин с помощью 2-3 мужчин. В это время другие мужчины изготавливали берестяные маски. После этих приготовлений хозяин приглашал гостей. Все входящие в первую очередь “здоровались” с медведем – наклонялись к носу и лапам, произнося при этом: “Это не я, это ружье тебя убило”. Мужчины располагались в правой половине дома, женщины – в левой. Соответственно накрывали два стола – мужской и женский. Часть продуктов пришедшие приносили с собой. Опоздавших к началу церемонии обрызгивали водой. Трапеза сопровождалась исполнением специальных песен и танцев. Все делали только мужчины, женщины выступали только как зрительницы. Мужчины обряжались в специальные костюмы и маски (их надевали поверх головы). Ритуал продолжался трое суток, за это время полагалось исполнить 300 песен. Сохранились воспоминания, что в былые времена нужно было “плясать медведя” в течение 4-5 дней (в зависимости от того, убит медведь или медведица).

Медвежье мясо варили во время плясок, соответствующее распоряжение отдавал хозяин. Голову варили на улице в специальном большом котле, ее ели только мужчины. На употребление в пищу других частей медвежьей туши запретов для женщин не было. После окончания плясок с медведем прощались – наклонялись к лапам и носу, говорили: “Не обижайся на людей. Мы песни хорошие пели, людей накормили, напоили. Не пугай людей”. Медвежьи кости собирали и топили в реке или озере. Череп не выбрасывали, его хранили на крыше дома или лабаза.

У балыкских хантов медвежий праздник отмечался в упрощенном варианте. Убитого медведя привозили в селение на лошадях. При въезде в юрты охотники стреляли в воздух – в знак приветствия. Тушу медведя заносили в дом охотника. Ее укладывали на пол, лапы вытягивали вдоль туловища. После этого мужчины по очереди ложились рядом с медведем – мерились (значение этого действия информаторы не могли объяснить). После этого с медведя снимали шкуру, которую помещали на нары. Звали гостей. День-два плясали, пели песни, показывали сценки. Медвежье мясо варили, его раздавали всем участникам праздника.

Ханты отмечали и лосиный праздник. После добычи первого в году лося звали гостей. Варили лосиную голову. Ее помещали на тарелку в центре стола. Присутствующие три раза поворачивались по ходу солнца и наклонялись. Затем приступали к трапезе. После окончания вновь трижды поворачивались и кланялись. Оставшееся не съеденным мясо хозяева раздавали гостям. Лосиный череп уносили в лес, там оставляли либо на земле, либо на дереве.

В религиозно-мифологической системе хантов значительное место занимают представления о духах-предках или героях-богатырях. В фольклоре юганско-балыкских хантов герой-богатырь обозначается словом *матур*. Специалисты выделяют в

обско-угорском фольклоре особый жанр – героическое сказание или богатырская сказка [Мифы, предания, 1990. С. 47]. В их текстах основное место занимают богатырские походы и поединки. Герои-богатыри нередко отождествляются с родоначальниками территориальных групп или военными предводителями. Действия в них происходят на определенной территории, причем часто указываются конкретные названия местности, в том числе и населенных пунктов. Такие топографические увязки создают впечатление “историчности”, что позволяет реконструировать события из прошлой жизни хантов.

К сожалению, фольклорные данные не дают сколько-нибудь точных датировок, поэтому судить о времени описываемых явлений можно лишь по соподчиненности сюжетов и их сопоставимости с реальными событиями. Центральным героем преданий о богатырях-предках у юганско-пимских хантов является Танья-богатырь (другие варианты имени – Тонья, Таньга, Тонима). К настоящему времени опубликовано три варианта легенды о нем [Дунин-Горкавич, 1911. С. 29–30; Мифы, предания, 1990. С. 177–178; Салымский край, 2000. С. 68–69]. Нам удалось записать еще два варианта.

Мултанов В. С.
(юрты Рыскины)

Танья родился в селении Люкси пуутль на Юганской Оби (ниже с. Каркатеево). Он был без пупа (пуклин тых ко – “беспупый”). Танья – богатырь, он “самый сильный начальник” Про него такой рассказ есть.

Жила девочка со стариком. Старик обижал ее. Однажды пошла девушка по ягоды. Вдруг видит – сверху на белом коне всадник спустился. Человек на коне ей со своей шубы бросил кусок соболинного саха и сказал: “У тебя будет сын. Назови его Танья”

Девушка вернулась к дедушке. Через некоторое время у нее родился сын. Она назвала его Танья. Он начал очень быстро расти. Однажды старик добыл большую щуку, весом около 10 кг. Танья говорит: “Хорошая щука. Можно одному съесть” Тогда старик разделал щуку и сказал: “Ешь. Если все не съешь, я тебе голову отрублю”

Танья ест щуку, не может всю осилить. А его мать, закрывшись платком, говорит: “Вместо воды ешь сырой щучий хребет” Танья так и сделал. Съел всю щуку. Сказал старику: “Я тебе могу голову отрубить” Но не стал этого делать. Ушел он с матерью от старика. Старик тем временем сообщил в Сургут, что Танья вырос и убежал. Казаки из Сургута поехали его искать.

А Танья с матерью поехал к юртам Еутским (они находились ниже пос. Угут), где жила родня его матери. Там есть высокая гора Еутунвонт, прямо у реки Юган. Танья сказал родственникам матери: “Дайте мне лук” Родня не дала. Тогда Танья попросил их из лука выстрелить. Родня разрешила. Выстрелил Танья и пробил насквозь мерзлое дерево.

После этого пошел Танья выше по р. Юган. Между юртами Когончиньими и Угутом есть Мукут-урий. Танья там с матерью обосновался. Построил там избушку. Тем временем казаки его ищут. Сообщил им кто-то, что Танья в своем городке у Мукутурий. Казаки туда и поехали. Родные начали помогать Танье луками и стрелами, делали их для него. Человек сто казаков подъехали к городку. Танья начал по ним из лука стрелять, а казаки в него из ружей. У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает. А Танья их из лука бьет – за один раз троих убивает. Стрелял он из окна в доме. Поубивал всех. После этого он начал головы врагам рубить и укладывать их через урий. Не хватило одной головы. Тогда Танья отрубил собачью голову и поставил.

Танья свою избушку водой облил. Замерзли стены, льдом покрылись. Тем временем другие казаки подошли. Начал Танья отбиваться. Стрелы у него кончились, нечем стрелять. А казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил. Кончились бревна. Казаки проникли вовнутрь. Танья в яму сел, а шубы кусок наружу выкладывает. Увидели его казаки и поймали. Повезли его в Сургут. По дороге остановились ноче-

вать. Загородили Танью лошадиными телегами и колокольчики повесили, чтобы слышно было, если бежать надумает. А Танья под снегом ход вырыл и убежал.

Пришел Танья к юртам Рыскиным, что по Большому Югану. Там жила сестра Таньи с мужем. Танья говорит зятю: “Дай мне два добрых оленя-быка” Зять сначала отказал. Тогда сестра сказала мужу: “Если не дашь, он тебе голову отрубит” Дал зять ему двух оленей. Поехал Танья вверх по Югану. Остановился за юртами Ярсомовыми, чтобы олени отдохнули. Там кедр рос посреди болота. Танья с него сучки срезал и метку (валькум юх) сделал. Сказал: “Когда дерево без сучков упадет, то век переменится” Сейчас этот кедр еще стоит.

Танья дальше поехал. Остановился он в вершине Большого Югана. Хотели его там поймать. Казаки объявили: “Кто Танью поймает, тому благодарность будет” Где-то на Демьянке Танью мухоморами накормили. Он начал дурачиться. Песни поет, пляшет. Начали люди его копыями тыкать. Кишки выползли, а он все пляшет. Потом умер Танья.

Сообщили люди казакам, что Танья умер. Приехали казаки на Демьянку. Смотрят – лежит Танья как живой. Приехал начальник казаков и говорит: “Зачем Танью убили. Он должен век жить. Вместо боженьки быть”

Бог наказал Танью, потому что он собачью голову срубил. Это грех. Если бы Танья собачью голову не срубил, то был бы начальником (президентом) у всех хантов.

Каюков В.Г
(юрты Каюковы)

Танья родился в юртах Люкси пуутль на Юганской Оби. Его мать овдовела. От мужа у нее были дочь и сын. Однажды женщины позвали вдову собирать черемуху. Она отошла ото всех, вдруг слышит, что кто-то с ней разговаривает. Это человек сверху в белых одеждах на белом коне ей говорит: “У тебя родится сын” Человек дал ей от своего белого сахара рукав и кусочек сукна, предупредив: “Чтобы ни один край земли не коснулся” Но сброшенная одежда коснулась земли. Тогда человек на белом коне сказал: “Поэтому ребенок твой долго жить не будет”

Родился у женщины Танья. Начал быстро расти. Волосы ему не стригли. Он носил косы длинные. Бегал Танья очень быстро. Когда бежал, Танья привязывал хорей за концы кос, так во время бега хорей земли не касался – приподнимался над землей.

Танья женился. Жил он сначала на Малом Югане со старшим братом недалеко от устья реки. Однажды казаки (**кошекат**) спускались на плотах. Таньи с братом не было дома. Казаки зашли в дом и напугали жен, что-то им сделали. Танья вернулся домой, увидел это и сильно рассердился на казаков. Решил отомстить. Сел с братом на облас и поплыл. Догнали казаков у Пысл кыт (пос. Каменный). Сначала казаков рубил только Танья, брату он сказал: “Когда рукоятка моего меча станет красной – помоги мне” Увидел брат, что рукоятка стала красной, начал помогать. В живых осталось только несколько казаков. Танья сказал: “Если русский царь (**руть хон**) хочет со мной воевать, пусть готовит новое войско” Казаки передали это царю.

Танья начал готовиться к войне. Около Угута укрепил свой городок. Построил из бревен избушку с бойницами – как крепость. Сверху кедровым корнем бревна привязал. Облил все водой, избушка замерзла. Танья на помощь позвал и других сильных (**толптых**) людей. Один из них жил в юртах Рыскиных (**Рыскин ко**), другой – в вершине Малого Югана (**Немль**). В вершину Малого Югана Танья отправил посыльного, через которого передал: “Если Немль не поможет, то по Малому Югану только вода будет течь. В живых никого не останется” Немль согласился и поехал на подмогу Танье. Доехал он до бора **Канджа урулем**, остановился, чтобы дать передохнуть оленям. Думает: “Зачем еду. Вдруг Танья слабее меня” Выстрелил Немль из лука в дерево – насквозь прошиб стрелой ствол толщиной в три пальца. Отправил после этого к Танье посыльного, через которого передал: “Пусть Танья приедет сюда. Посмотрю, какой он силач. Буду ему помогать, если он окажется сильнее меня” Приехал Танья. Выстрелил из лука. Его стрела наполовину в дерево вошла. Но Танья уговорил Немля помогать ему.

Собрались все в городке Таньи. Идут русские казаки. Рыскин ко выстрелил – хотел посмотреть как упадет русской женщиной рожденный человек. Но ему самому пуля попала в рот.

У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит. А Таня из лука быстро стрелял. Таня побил казаков. Те побежали за помощью. Таня убитым казакам головы отрубил и перегородил ими урий. Не хватило до берега немного. Тогда он головы собачьи отрезал. Наказал его бог за это – лишил силы.

Тем временем второе казачье войско пришло. Поймали Таню в его крепости. Убили его, а голову отправили к русскому царю в Москву.

Нужно отметить, что все варианты преданий о богатыре Танье перекликаются между собой, хотя и отличаются в деталях. В них совместились реальные события и религиозно-мифологические представления – Таня представлен как старший сын божества Кон-ики.

Судя по фольклорным записям, речь в преданиях идет о событиях не столь далекого прошлого – освоении Сибири русскими. Нужно отметить, что в литературе указывалось на соотнесение Тоньи с реальным историческим лицом – сыном сургутского “князца” Бардака Тонимой [Салымский край, 2000. С. 68, 283]. Тонима со своим братом Суетой “заворовали и погромили” государеву казну. А.А. Дунин-Горкавич датирует это событие 1617 г., а С.В. Бахрушин – 1619 г. Из Сургута против смутьянов был послан отряд казаков, антирусское выступление подавили.

Видимо, в героических преданиях о Танье нашли отражения реальные события на территории балыкско-юганского региона. Нужно обратить внимание на то, что легенды об этом богатыре до сих пор широко известны среди юганских, пимских и балыкских хантов. Действия в героических сказаниях происходят в бассейнах рек Большой и Малый Юган, Пим, Балык, Демьянка. Это свидетельствует в пользу тесных контактов этих групп хантов между собой в прошлом.

Судя по полевым материалам, современные информаторы из юганских хантов единодушно связывают место рождения Тоньи с юртами Люкси пууль на Юганской Оби. А.А. Дунин-Горкавич привел данные о проживании богатыря на Большом Балыке возле третьих юрт от устья. На карте С.У. Ремезова третьими от устья Балыка обозначены юрты Мымраковы, которых нет на более поздних атласах. В материалах переписи 1926 г. по Сургутскому району приведены сведения о юртах Тангиных на Юганской Оби, которые имели другое название – Люкси-пугол [Список населенных пунктов, 1928. С. 150]. Из материалов ревизских переписей 1858 г. видно, что в ю. Тангиных проживали остяки по фамилии Мумраковы (Мымраковы). Таким образом, фольклорные сведения о Танье можно увязать с данными переписей. Не исключено, что ремезовские юрты Мымраковы и более поздние юрты Таньгины – одно и то же поселение. Известно, что ханты по каким-либо причинам нередко всем селением мигрировали в другое место. Не стоит исключать, что на Балыке располагалось зимнее поселение, а на Юганской Оби – летнее.

Что касается разных версий о гибели Тоньи (по разным причинам и в разных местах), то это можно объяснить более поздними трансформациями предания. Пимские ханты “винят” в гибели Тоньи балыкских, юганские – демьянских, т. е. чужих.

В целом религиозные представления юганско-балыкских хантов являются локальным вариантом обско-угорских. Их боги-покровители, с одной стороны, вписываются в общий для хантов и манси пантеон, с другой, отражают особенности мировоззренческой системы этой локальной этнической группы.

Литература

Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т.1. Тобольск, 1904. Т.2. СПб., 1910. Т.3. Тобольск, 1911.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск, 1997.

Карапетова И.А., Соловьева К.Ю. Проблемы адаптации юганских хантов в современных условиях / Культура народов Сибири: Материалы Третьих сибирских чтений. СПб., 1997.

Карапетова И.А., Соловьева К.Ю. Образ хозяина Югана “Явун-ики” как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. М., 2000.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. Н. В. Лукиной. В 3 т. Т. 2. Томск, 1995.

Куклин С.А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистико-экономическое описание с 6 приложениями и 8 диаграммами / Изд. Сургут. Район. Исполн. Комитета. Тобольск, 1925.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Лукина Н.В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990.

Мартьянова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Салымский край. Екатеринбург, 2000.

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. // История Сибири: Первоисточники. Вып. 6. Новосибирск, 1996.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. Л., 1971.

Список населенных пунктов Уральской области. Т.12: Тобольский округ. Свердловск, 1928.

АТРИБУТИКА МИР-СУСНЕ-ХУМА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТГИАМЗ

Мифологическая картина мира хантов и манси имела трехчленное деление. По некоторым свидетельствам у манси верхний и нижний миры были поделены еще на три, но эта усложненная картина знакома далеко не всем представителям этноса. По наиболее распространенным представлениям, верхний мир связывается с *Нуми-Торумом*, на среднем уровне – земле – живут люди, за которыми наблюдает *Мир-Сусне-Хум*, младший (седьмой) сын Нуми-Торума. С нижним миром связан *Куль-отыр* – младший брат Нуми-Торума, хозяин нижнего мира (Преисподней).

В различных обрядах хантов и манси широко используется атрибутика одного из главных божеств угорского пантеона Мир-Сусне-Хума – “За миром наблюдающего мужика”. В мифологии обских угров он известен еще как “Золотой богатырь”, “Солнечное божество”, “Сын золотого света”, “Сынок женщины”, “Всадник на семикрылом коне”. В этнографической литературе достаточно широко и полно исследованы как функции, так и атрибутика Мир-Сусне-Хума. По представлениям хантов и манси, Мир-Сусне-Хум каждую ночь объезжает землю и воду на семикрылом коне, наблюдает за тем, как живут люди, осуществляя их связь с верховным божеством Нуми Торумом. При необходимости его по ночам вызывают камлающие в “темном доме” шаманы. Рядом с домом ставят четыре металлические (серебряные) тарелочки, на которые встает копытами его конь.

Интересно отметить и тождество коня Мир-Сусне-Хума с птицей, что специфично для индоиранской традиции. Сходство с индоиранским, в частности скифо-сарматским, миром проявляется и в зооморфном воплощении Мир-Сусне-Хума, имевшем облик “золотого гуся”. При триедином понимании мира образ водоплавающей птицы служил символом трех зон мироздания: водоплавающие птицы – единственные представители земной фауны, обладающие способностью передвигаться во всех трех стихиях: по суше, по воде или под водой и по воздуху. В гусяном облике Мир-Сусне-Хум выступает посредником разных миров: он совершает полеты в южную страну *Морт маа*, устанавливает порядок перелета птиц с севера на юг.

Само рождение Мир Сусне-Хума предопределило его посредническую роль. Его мать Калташ, которую именуют “Нижнего мира мать”, была сброшена с неба на землю и при падении родила Мир-Сусне-Хума. По записям Б. Мункачи, она имела связь с Куль-отыром, хозяином подземного мира, за что муж сбросил ее с неба на землю.

Значительная часть мифов о Мир-Сусне-Хуме связана с перелетными птицами – носителями весны, например, сон и пробуждение главного героя соотносимы с прилетом птиц и возвращением весны. В мифах действиями Мир-Сусне-Хума вызывается смена времен года: “на Оби вскрывается лед, когда Мир-Сусне-Хум поднимет

локоны своих волос”, “солнце стоит в его волосах”, более того, он сам выступает солнечным божеством. Роль Мир-Сусне-Хум выступал в качестве посредника, что проявлялось не только в природной, но и в социальной сфере – через него люди вступали в отношения с различными божествами. Это находит аналогии в индоиранском пантеоне, где *Митра* – мифологический герой, связанный с идеей договора, – выступает как бог солнца. Его имя указывает на то, что он имеет отношение к “обозначению идеи посредничества, взаимности, обмена, закономерности, согласия, состояния мира, дружбы, симпатии”. Эти функции Мир-Сусне-Хума проявлялись и в медвежьем празднике обских угров.

Несмотря на богатый материал о Мир-сусне-хуме, имеющийся в этнографической литературе, весьма ценным представляется обращение к этнографическим коллекциям музеев, где нередко хранятся уникальные варианты культовой атрибутики, не нашедшие отражения в научных публикациях.

В этнографической коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее – ТГИАМЗ) имеется несколько предметов, которые с определенной долей уверенности можно отнести к атрибутике Мир-Сусне-Хума. Безусловно, к этому комплексу вещей относятся жертвенные покрывала (3 предмета), так называемые “шаманские” шапки (3 предмета) и два культовых изображения божества.

К атрибутике Мир-Сусне-Хума исследователи относят прежде всего жертвенные покрывала (манс. – *ялтын-улама*). Жертвенные покрывала обских угров известны в нескольких вариантах: прямоугольные полотнища с изображением всадников на коне в один или два ряда (на четырех, шести и семи полях), шлемы, шапки, накидки (меньшего размера – на саблю и большего – на круп животного). Покрывала с расположением всадников в один ряд, являясь частью общего корпуса жертвенных покрывал, обладают при этом рядом признаков, позволяющих выделить их в отдельную тему исследования. Данный элемент культовой атрибутики был впервые описан Н.Ф. Прытковой. Во всех случаях, когда изображены всадники, их бывает четверо. Это подтверждает мнение И.Н. Гемуева о том, что первым из покрывал в семье изготавливалось четырехпольное. У хантов известны пятипольные покрывала, на которых имеется изображение медведя; у манси такие покрывала

неизвестны. По материалам И.Н. Гемуева покрывала манси состоят из четырех – семи частей (*ломт* “ов). Как правило, они окаймлены мехом лисицы, выдры или ондатры. Поскольку *ялтын-улама* является не только “седлом бога”, но и его “конем”, к середине задней стороны покрывала пришивали “хвост”, состоявший



из нескольких полос материи и лисьего хвоста. Нередко ко всем четырем его углам крепились кисточки из полосок ткани, оставшиеся после изготовления *ялтына*, а также колокольчики или бубенчики, монеты, шкурки пушных животных.

Наиболее часто употребляемая на покрывалах цветовая пара – красный и черный. Использование данных цветов может быть связано с тем, что главная идея жертвоприношения заключалась в схеме: живое (олень, конь) – мертвое (оно убито) – ради живого (сын бога должен дать еще больше живых зверей охотнику). В этом случае красный и черный цвет ассоциировался соответственно с цветом жизни и смерти. Красный цвет, также может быть связан с солнечной ипостасью Мир-Сусне-Хума. Как уже говорилось, многие хантыйские и мансийские покрывала имеют опушку из меха красной лисицы. Образ лисы – один из ведущих в культовой практике обских угров. Считалось, что шкуру добытой красной лисы нельзя продавать, она должна быть пожертвована “шайтану” или Мир-Сусне-Хуму. На спину животного поверх жертвенного покрывала и платка клали связки лисьих шкур.

Хранящемуся в доме изображению *Урта* (один из вариантов имен Мир-Сусне-Хума) непременно жертвуют красную лисицу – это *урт-вой* (“богатыря зверь”). Девушка, выходя замуж, берет из родительского дома урт-вой и приносит его в священный угол в дом мужа. Это едва ли не единственное приношение, допускаемое с женской стороны в обмене святынями разных домов. Более того, “зверь богатыря” и впоследствии остается символом связи домов: если молодожены едут в гости к родителям, они берут с собой шкуру красной лисицы, чтобы “богатырские звери” двух домов повидались.

Красный цвет сукна, так же как и красный цвет лисьей опушки покрывал, может стоять в одном ряду с такими элементами солярной символики небесного всадника, как золотые, серебряные или просто круглые блюда-приклады.

В этнографической коллекции Тобольского музея представлено три жертвенных покрывала (Тмкп 16878; 1354; 9603). Первое покрывало (2 x 0,5 м) выполнено из красного и желтого сукна в традиционном варианте: состоит из четырех квадратов, в каждом из которых изображен Мир-Сусне-Хум верхом на коне, и обшито лисьим мехом. К углам покрывала пришиты лапы лисицы, а в середине верхней части – шкурка с головы лисицы, в середине нижней части – хвост. Поступило в музей из юрт Вежакарских в 1936 г. от А.А. Авдеева. Второе покрывало сшито из красного и синего сукна, оторочено мехом выдры. Оно также имеет четыре поля-*ломт'а*, на которых изображен всадник. По углам пришиты бубенцы. В трех местах были ввязаны монеты-приклады (сохранилась только одна). Покрывало куплено в г. Березово в 1936 г.





Третье покрывало наиболее интересно, в книгах поступлений указано, что оно “из старых коллекций” (поступило не позднее 1898 г.). Его скорее можно назвать ковриком, чем покрывалом, так как оно скроено из цельного куска зеленого сукна и подбито хлопчатобумажной тканью. Сверху на лицевую сторону в зеркальном отображении нашиты две фигуры лошади из красного сукна. Это достаточно редкий вариант жертвенного покрывала. Подобное было обнаружено на р. Сосьве и представляло собой черное суконное

полотнище, в центре которого была нашита красная фигура коня без всадника. По данным С.В. Иванова, покрывала с фигурами коней без всадников отмечены у хантов.



Интерес представляют культовые шапки. Как правило, шапки, изготавливаемые как дар Мир-Сусне-Хуму, сшивались из нескольких разноцветных клиньев, имели опушку из меха лисицы или выдры (реже ондатры) и кисточку из сукна на макушке. Реже встречаются шапки с изображением всадника.

В коллекции ТГИАМЗ все три “шаманские” шапки различны по покрою и оформлению. Одна из шаманских шапок (Тм кп 7228; 1375; 12262) (ханты; поступила в 1927 г.) сшита из четырех чередующихся желтых и красных суконных клиньев и обшита лисьим мехом. На макушке шапки пришито четыре га-

русных тесьмы малинового цвета. Вторая шапка (из старых коллекций, поступила не позднее 1898 г.) сшита из красного и желтого сукна, украшена мозаикой (изображение гуся) и оторочена мехом. Третья шаманская шапка (ханты; поступила в 1986 г. от березовского окружного исправника) имеет каркас из свернутой в виде конуса бересты, который обтянут хлопчатобумажной татью (из-за сильного выцветания, нельзя определить точно изначальный цвет предмета, скорее всего темно-розовый). На шапку нашита полоса блестящей тесьмы и пуговицы, вероятно, символизирующие “глаза”. На макушке шапки закреплены три металлические подвески.



Первую и вторую шапку из коллекции ТГИАМЗ можно отнести к “шаманским” условно, так как подобные шапки надевали участники медвежьих игрищ во время



исполнения священных призывных песен. Хранили такие шапки вместе с прочими культовыми предметами как атрибут бога Мир-сусне-хума. Не случайно, на орнаментированной шапке представлено изображение гуся – одной из зооморфных ипостасей Мир-сусне-хума. Определение в книгах поступления подобных шапок как “шаманских” не вызывает отрицания. Известно, что во время шаманских камланий хантыйские и мансийские шаманы облачались в суконные шапки и халаты из прикладов Мир-сусне-хума, который являлся подателем шаманского дара и покровителем шаманов.

В коллекции ТГИАМЗ имеется целая группа скульптурных деревянных изображений угорских божеств. Одно из них можно интерпретировать как культовое изображение Мир-Сусне-Хума. Эта деревянная скульптура (0,7 см) имеет остроконечную голову, лицо (две плоскости под углом) с глазами, ртом и носом, обозначенными горизонтальными прорезами, небольшими отростками-руками и хорошо проработанными ногами со ступнями. На изображение божества надет зеленый халат и пояс. Судя по описаниям в книгах поступлений, прежде на него были надеты суконный колпак и сапоги. Наличие таких элементов одежды как островерхий колпак и сапоги позволяет соотнести это культовое изображение с Мир-Сусне-Хумом. Безусловно, следует отметить в коллекции ТГИАМЗ отлитое из металла изображение “Всадника на лошади” (Тм кп 7212), поступившее в 1925 г. из юрт Левдымских (Кондинский р-н).

Таким образом, обращение к этнографическим коллекциям музеев с целью исследования корпуса предметов культовой атрибутики и многообразия функционирования в традиционных обрядах позволяет раскрыть богатство и неповторимость культовой практики обских угров.

Литература

- Анучина В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. Т. 2. СПб., 1914.
- Бауло А.В. Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Мансийского музея // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997.
- Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.
- Глушкова Т.Н. Одежда культовых изображений манси // Культурное наследие народов Западной Сибири: Материалы II Сиб. симпозиума. Обские угры. 12 – 16 дек. 1999. Тобольск; Омск, 1999.
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. Н. В. Лукиной. В 3 т. Т. 1. Томск, 1994; Т. 2. Томск, 1995; Т. 3. Томск, 1996.
- Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976.
- Кулемзин В.М. Природа и человек в верованиях хантов. Томск, 1984.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Томск, 1977.
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.
- Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. СПб., 1884.

- Прокофьева Е.Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27.
- Прыткова Н.Ф.** Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Т. 15.
- Ромбандеева Е.И.** История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора). Сургут, 1993.
- Руденко С.И.** Инородцы Нижней Оби. СПб., 1914.
- Федорова Е.Г.** Одежда манси XIX – XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196-208.
- Федорова Е.Г.** О значении предмета (на примере плечевой одежды хантов) // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 98-104.
- Федорова Е.Г.** Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
- Финш О., Брэм А.** Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
- Шатилов М.Б.** Ваховские остяки. Тюмень, 2000.
- Южанинова М.В.** Хантыйский сах // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

ВОССТАНИЕ ТОНЬИ-КИНЕМЫ В ПИСЬМЕННЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Среди разных групп хантов Средней Оби в течение нескольких столетий бытовали схожие исторические предания, героем которых является богатырь Тонья (другие варианты имени – Танья, Танга). Впервые легенду об остяцком князе Танге изложил, со слов юганских хантов, в начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич. Согласно этому варианту предания, князь Танга сначала проживал по Большому Балыку, затем переселился на Большой Юган [Дунин-Горкавич, 1911. С. 29–30]. Приходится только сожалеть, что легенды о Танге не были собраны от балыкских хантов в первые десятилетия XX в., пока эта группа сохраняла традиционный образ жизни и этнографические особенности. Однако вплоть до наших дней предания о Тонье живут в устной традиции юганских и пимских хантов.

К настоящему времени опубликованы 3 варианта сказаний о Тонье. Авторы двух первых публикаций – А.А. Дунин-Горкавич (1911 г.) и Н.В. Лукина (1990 г.) – не ставили вопрос о соотношении легендарного остяцкого богатыря с каким-либо реальным историческим лицом. О.В. Кардаш, записавший на Ай-Пиме еще один вариант сказания, провел сопоставление фольклорного персонажа Тоньи с историческим остяцким князем, известным по русским письменным источникам начала XVII в. [Салымский край, 2000. С. 68–69, 283–284]. В свое время выдающийся сибиревед С.В. Бахрушин кратко изложил по архивным источникам события, связанные с антирусским движением остяков Средней Оби во втором десятилетии XVII в. Во главе этого движения стоял сын местного князька Бардака Тонема, или Кинема [Бахрушин, 1955. С. 141–142]. Поскольку в русских источниках чаще употреблялся последний вариант имени этого бунтаря (Кинема), то до С.В. Бахрушина исследователи на имя *Тонема* не обращали внимания. Таким образом, выстраивается цепочка сопоставлений: С.В. Бахрушин показал, что Тонема и Кинема в письменных источниках – одно и то же лицо; современные историки отождествили Тонему с героем хантыйских исторических преданий Тоньей. Однако первый из них не знал фольклорных преданий, а вторые – не обращались к сохранившимся архивным документам, на которые опирался С.В. Бахрушин. Все это приводит к необходимости продолжить исследование данной темы, учитывая как письменные, так и фольклорные источники.

Поиски в исторических преданиях хантов реальной событийной основы и прототипов – явление в науке мало разработанное. Можно, конечно, указать на традицию, идущую от исследователя фольклора хантов С.К. Патканова, который использовал остяцкий героический эпос для реконструкции жизни хантыйского общества в дорусский период. В настоящее время эта традиция поддержана А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым, которые, отталкиваясь от сказания о богатырях остяцкого городка Эмдера, произвели детальные археологические раскопки данного городка [Зыков, Кокшаров, 2001]. Однако речь в этом случае идет о дорусском бесписьменном

периоде истории хантов, а только археологические материалы не способны подтвердить достоверность конкретных лиц и событий, обрисованных в героическом сказании. Попытка отождествления пришедшего из устной традиции Тоньи с Кинемой письменных источников является на сегодняшний день уникальной темой, открывающей новый аспект в изучении культурного наследия хантов.

Восстание Кинемы Бардакова до сих пор по разному интерпретируется в научной литературе. Например, существует путаница в хронологии действий восставших. Так, первый историк Сибири Г.Ф. Миллер относил разбойные действия сургутских остяков к 1616 г. А.И. Андреев, один из издателей труда Миллера, с ним не согласился и выдвинул другую датировку – осень 1618 г. [Миллер, 2000. С. 43, 664]. П.Н. Буцинский (его труд впервые был опубликован в 1893 г.) писал об одном нападении остяков Бардаковой волости – в 1617 г. на воеводу Бобарыкина, который следовал по Оби в Томск [Буцинский, 1999. С. 95]. С.В. Бахрушин акцентировал внимание на разгроме отряда Кинемы и Суеты Бардаковых, который, согласно документам, имел место в 1619 г. Сами антирусские действия остяков историк относил тоже к этому году [Бахрушин, 1955. С. 141]. А.Т. Шашков высказал мнение, что мятеж сыновей Бардака начался в 1616 г., продолжился нападением на воеводу Бобарыкина в 1617 г. и был подавлен к 1619 г. [Очерки Югры, 2000. С. 147]. В интерпретациях указанных историков, за исключением А.Т. Шашкова, можно отметить очевидный недостаток: все они почему-то искали только одну достоверную дату выступления Кинемы Бардакова и отдавали предпочтение какому-либо одному свидетельству, игнорируя другие документы. Между тем, анализ сохранившихся документов позволяет создать непротиворечивую хронологию бунтарских действий Кинемы, которые, как будет показано ниже, относятся к 1616–1619 гг.

Представляется целесообразным сначала воссоздать, опираясь на письменные источники, историческую основу событий, а уже затем “наложить” на получившуюся картину фольклорный материал. Нами просмотрены наиболее ранние письменные источники, в которых могли бы содержаться сведения о князе Бардаке, его сыне Тонеме-Кинеме и судьбе Бардакова княжества в целом в условиях подчинения русской власти.

В 1585 г. русским отрядом во главе с воеводой И.А. Мансуровым на правом берегу Оби, приблизительно напротив устья Иртыша, был основан Обской (Мансуровский) городок. Известно, что городок существовал до 1594 г., являясь в это время опорной базой для продвижения русской колонизации в районы Среднего Приобья. К сожалению, нам неизвестно, как и когда состоялись первые разведочные походы из Мансуровского городка вверх по Оби, поскольку за 1587–1592 гг. письменных свидетельств почти не осталось. На основании более поздних документов можно утверждать, что около 1592 г. вверх по Оби “на государевых же изменников на остяков войною” были посланы кодские остяки (200 человек) во главе с князем Игичеем Алачевым. Русское правительство к этому времени уже настолько доверяло остякам Коды, что они совершили поход самостоятельно, без русских служилых людей [РГАДА, ф. 214, стб. 203, л. 46]. В 1595 г. у кодских остяков обнаруживаются нарымский и тымский “полон”, из чего можно сделать вывод, что князь Игичей прошел в 1592 г. по Оби до устьев Тыма и Кети. Как указывает “Книга Большому

чертежу”, область Нарым, расположенная в районе слияния Кети и Оби, называлась русскими в конце XVI в. “Пегой ордой”. Во главе Пегой орды – политического объединения нарымских остяков (селькупов) – стоял князь Воня (в специальной этнографической литературе нам не удалось обнаружить этимологического объяснения имени этого князя-вождя; но следует обратить внимание на схожесть словообразования имен Воня – Тонья). Именно во время этого похода в русский плен попал сын Вони Урунк (возможно и другое прочтение – Урунк).

В начале 1590-х гг. представления русской администрации о географических названиях районов Средней Оби были достаточно смутными. Об этом свидетельствует наказ от 19 февраля 1594 г. воеводам Борятинскому и Оничкову, которым предстояло заложить город Сургут. Им было указано поставить город “вверх по Оби в Сургуте или в Безекове волости в Лунпекех”. После постройки острожных укреплений воеводам указывалось “волости все и городки, которые пошли от Обского городка от усть Иртыша к новому городу – Сургут и Соमारовская волость – и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой орде и выше Пегие орды ведати судом и управою...” [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 24, 28].

Из данного наказа ясно, что словом “Сургут” обозначалась тогда целая местность, название которой воспринял вновь построенный русский город. В специальной литературе утвердилось мнение, что г. Сургут был заложен на территории так называемого “Бардакова княжества”. Нам не известно, когда сам Бардак принял русское подданство – в том же 1594 г. или это случилось немного ранее. Неясными остаются и более важные вопросы: о территориальных границах и этнической принадлежности населения Бардакова княжества, которое в условиях формирования русской административно-территориальной системы превратилось в отдельную волость Сургутского уезда. По вопросу об этническом составе Бардаковой волости высказано два мнения. Большая часть исследователей считает его хантыйским. Г.И. Пелих привела аргументы в пользу того, что сам Бардак и подчинявшееся ему население были селькупами, представляя к концу XVI в. наиболее северный район расселения этого самодийского народа [Пелих, 1981. С. 19–23]. На сегодняшний день этот вопрос остается открытым, поскольку русские источники XVII в. для его разрешения почти бесполезны. На протяжении всего столетия и ханты, и селькупы выступают в русских документах под общим названием остяков. Только в XIX в. селькупов стали отличать от хантов и выделять названием “остяко-самоеды”. Нам представляется вероятным, что если не все население Бардаковой волости, то ее княжеская верхушка (Бардак и его род) могли являться самодийцами.

В науке не решен вопрос и о территориальной локализации Бардаковой волости. Например, известный исследователь сибирских народов Б.О. Долгих уверенно писал: “Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам город Сургут был основан на территории этого княжества” [Долгих, 1960. С. 81]. Утверждение о нахождении резиденции Бардака в устье Тром-югана, в 30 верстах выше Сургута, содержится и в некоторых других работах. Между тем, не совсем ясно, на чем основывается это мнение. В своих детальных путевых записках Г.Ф. Миллер, говоря о Тром-югане, ни словом не упоминает Бардака и его городок на этой реке, зато фик-

сирует речку Бардаковку вблизи Сургута [Сибирь XVIII века, 1996. С. 207–208]. В 1675 г. о “речке Бордака” рядом с Сургутом писал Николай Спафарий [Спафарий, 1960. С. 48]. Возможно, что локализация Бардаковой волости на Тром-югане восходит к карте конца XVII в. С.У. Ремезова “Чертеж земли Сургутского города”, где выше устья р. Тор-юган буквами обозначена “волость Барданкова”. В то же время речка Бардаковка расположена на этой карте недалеко от Сургута.

Нами обнаружен документ, который может указать (хотя бы частично) на географическое положение Бардаковой волости. В 1626 г. остяк Матокиных юрт Бардаковой волости Тырмаско Калыдалов подал в Сургуте воеводе Н.Е. Пушкину челобитную с жалобой на действия людей второго воеводы, Богдана Белкина. Суть жалобы Калыдалова состояла в следующем. Зимой этого года к нему в юрты остяк Салымской волости Милко Пунсеев привез двух дворовых людей упомянутого воеводы Белкина. Эти двое русских ехали из Тобольска, требуя, чтобы остяки выполняли подводную службу (т.е. перевозили их на собачьих упряжках). К Пунсееву их доставил остяк тоже Салымской волости. Применяв насилие, люди Белкина заставили Калыдалова довести их до Сургута [РГАДА, ф. 214, стб. 8, л. 62–63]. Между Салымской волостью и Сургутом, если следовать с юго-запада, лежит бассейн р. Б. Балык. Именно здесь мы бы искали Матокины юрты Бардаковой волости. По крайней мере, свидетельство данного документа имеет не меньший вес, чем указания карты Ремезова о “Барданковой” волости на Тром-югане.

Таким образом, можно предположить, что первоначально территория дорусского “Бардакова княжества” простиралась от устья Тром-югана вниз до района собственно Сургута и далее по Оби (и/или Юганской Оби), захватывая часть бассейна Балыка. Наше предположение стало бы убедительней, если бы удалось точно локализовать упоминаемые в документе юрты Матокины. Однако среди остяцких юртов Сургутского уезда второй половины XVIII – XIX в. поселения с таким названием обнаружить не удалось. Впрочем, еще С.К. Патканов обращал внимание на то, что некоторые из “остяцких юрт Сургутского округа” имеют “от двух до трех названий”. Вероятно, юрты Матокины позднее сменили свое первоначальное название.

Итак, что же известно о Бардаке и его сыновьях по достоверным письменным источникам? Впервые имя князя Бардака появляется в царской грамоте, составленной в Москве 31 августа 1596 г. и адресованной сургутскому воеводе. Сама грамота, как это было принято в управленческой практике, являлась ответом на сообщения воеводы Сургута о местных делах. Из грамоты ясно, что в 1596 г. Бардак весьма лояльно относился к русской власти. Именно он лично сообщил воеводе О.Т. Плещееву о том, что “Кучум царь подкочевал к Пегой орде” и договаривается с нарымским князем Воней о совместном нападении на Сургут. Плещеев сообщал в Москву, что 14 мая 1596 г. в Сургут приехал “Бордоков сын Тонем” и поведал схожие новости, которые передали ему лунпуколские и ваховские остяки: что князь Воня отказывается платить ясак и намеревается идти на Сургут войной. В Москве было решено организовать большой поход в Нарымское Приобье, соединив отряды из Тобольска, Березова и Сургута. Интересно отметить, что присоединение к этому войску остяков Бардакова княжества было, с точки зрения Москвы, нежелательным. Предполагалось участие кодских остяков князя Игичея Алачева, и только в случае их отсутствия Москва рекомендовала сформировать отряд из уже приведен-

ных в подданство остяков Сургутского уезда, в том числе и “Бордаковых людей” [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 7 об.– 23 об.].

Есть все основания согласиться с мнением С.В. Бахрушина, что первоначально, после подчинения русской власти, “княжество Бардака” находилось на особом положении по сравнению с другими ясачными волостями Сургутского уезда. Как и князья Коды Алачевы, Бардак владел своей “вотчиной” и считался, видимо, не князьком ясачной волости, а служилым князем. С людей, подвластных ему, взимался не ясак, а так называемые поминки (тоже пушнина), которые были меньше окладного ясака и подчеркивали особый статус “Бардаковых людей”

В начале 1597 г. в Москве стало известно, что в верховьях реки Пура “живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе” У нас вызывает сомнение тот факт, что во времена самостоятельного существования Бардак взимал регулярную дань со столь отдаленных от него самоедов (предков лесных ненцев и энцев). Скорее всего, речь идет о периодических набегах “Бардаковых людей” на промысловые владения пуровских самоедов, во время которых могли иметь место военные столкновения и сбор дани с последних. В 1740 г. Миллер записал, что сургутские остяки по Тром-югану и Агану “ходят на Пур, в особенности ради бобровой охоты” [Сибирь XVIII века, 1996. С. 208]. В ясачной книге 1625 г. было отмечено, что с остяков Бардаковой волости недобран ясак по цене 120 соболей, потому что “они отошли для бобрового промыслу в дальние места” [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 284 об.]. Возможно, именно поэтому в более позднее время Тром-юган и Аган связывался с людьми Бардака.

Скорее всего, Бардак, прикрываясь именем далекого русского царя, сделал попытку собирать ясак с пуровских самоедов в свою пользу. Как бы то ни было, сургутский воевода должен был заявить Бардаку насчет самоедов: “То люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети”. Опыт походов “бардаковцев” на Пур русское правительство решило использовать к своей выгоде. Бардак должен был “послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих”, привести самоедов в ясачное состояние, взять у них заложников и доставить в Сургут. При необходимости воеводе указывалось добавить к отряду Бардака сургутских казаков. Вместе с тем самому Бардаку было запрещено возглавлять поход, “потому что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну его лучшему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж (т.е. в Сургуте – *Е.В.*) для того, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не сделал” [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 44 об.–45 об.]. Как видим, в первые годы после основания Сургута правительство еще не вполне доверяло бывшему самостоятельному правителю.

Указание Москвы об организации похода на Пур было выполнено только в 1601 г. До этого, в 1597 г., произошел разгром Пегой орды, и Нарымское Приобье было включено в состав России. Мы достоверно не знаем, участвовал ли Бардак со своими остяками в этом знаменательном деянии. И не известно, был ли он еще жив к 1601 г. В научной литературе поход из Сургута на Пур неверно датируется 1602 г. Между тем, в царской грамоте (от 6 сентября 1602 г.) совершенно определенно говорится, что участники похода вернулись в Сургут 24 ноября (разумеется, не это-

го, а предыдущего года). Отряд состоял из сургутских казаков под предводительством атамана Богдана Сидоровича Зубакина и остяков во главе с сыном Бардака князем Кинемой [РГАДА, ф. 214, кн. 1. л. 113–115]. Однако сургутская инициатива с объяснением далеких самоедов опоздала. В 1601 г. на р. Таз был основан центр нового уезда – Мангазея, служилые люди из которой уже успели собрать ясак с населения Пура и Таза. Заметим, что, начиная с изложенного документа, сын Бардака выступает под именем Кинема, а не как “Тонем”. Думаем, что эту фонетическую трансформацию имени следует объяснять, исходя из смешанного самодийско-хантыйского населения Бардакова княжества.

За 1603-1615 гг. в сохранившихся русских источниках нет никаких сведений о Бардаковой волости и ее князьях. Сама же Россия в эти годы пережила целую эпоху, заполненную тяжелыми и кровавыми событиями Смуты. Гражданская война и интервенция в центре России отразились на темпах освоения Сибири. Русская колонизация в восточном направлении приостановилась на 15 лет. В эти годы контроль за воеводами Сибири со стороны центра значительно ослаб, что открывало для них широкие возможности для злоупотреблений. С другой стороны, новое правительство Михаила Романова (с 1613 г.) находилось в тяжелом положении и отчаянно нуждалось в финансовых средствах. В таких условиях воеводы Сургутского уезда могли по своему почину пойти на ликвидацию привилегированного положения Бардакова княжества и наследников Бардака. К этому времени все другие князцы и “лучшие люди” волостей Сургутского уезда лично платили ясак, наравне с остальным населением. Как нам представляется, ликвидация служилого статуса наследников Бардака и могла поднять последних на своего рода восстание.

Осенью 1616 г. сургутские воеводы Вельяминов и Зубатой отправили в Кетский острог сообщение, что 17 августа “Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати” [Мидлер, 2000. С. 273]. К сожалению, процитированный документ дошел до нас в копии XVIII в., поэтому в тексте возможны мелкие неточности. Но в данном случае даже малые искажения имеют большое значение. На кого напал Кинема со своими сторонниками? На остяков Бардаковой волости, которая включала аганских, аслыпских и юганских остяков? Или после “Бардаковой волости” первоначально стоял союз “и”, который исключает перечисленных остяков из ее состава? В принципе допустимо и то, и другое.

Если Кинема хотел начать военные действия против населения своей же волости, то возникает вопрос о причинах конфликта. В истории Западной Сибири первой половины XVII в. легко обнаружить сходную ситуацию. В 1636 г. кодские ханты “вотчины” князя Дмитрия Алачева отказались ему подчиняться и платить оброк. Как ни странно, они просили русское правительство перевести их на обычное ясачное положение с уплатой ясака в государеву казну, мотивируя просьбу “насильствами и налогами” со стороны князя Дмитрия Алачева [Бахрушин, 1955. С. 130–131]. Другими словами, подчинение непосредственно русской власти представлялось кодским хантам более предпочтительным, чем быть “вотчинными” людьми своего князя. Последний статус означал как уплату поминков в государственную казну, так и содержание князя с его ближайшими воинами-дружинниками. Сход-

ные причины могли лежать и в основе конфликта Кинемы с остяками Бардаковой волости.

Однако и против русской власти Кинема Бардаков тоже имел зуб. Поскольку остяки “остереглись”, то он начал громить проходившие по Оби русские суда. В устье р. Турунганки (Тром-юган ?) Кинема напал на дощаник Третьяка Огородника и убил 9 человек. На Вахе нападению подверглись 6 каюков промышленных людей; было убито 17 человек. Помимо этого, погибли 2 казака сургутского гарнизона и 2 холопа воеводы Ивана Зубатого. Разбойные действия Кинемы сопровождалась грабежом товаров и имущества. Остяки, которые избежали набегов Кинемы, донесли о его намерениях в Сургут: мятежный вождь будто бы собирался “украдом на Оби и в лесу русских людей” побивать, а в ясачные волости “с смутю посылати”. Получив об этом известия, сургутские воеводы выслали против Кинемы отряд казаков и верных русской власти остяков, всего 50 человек. Возглавлял отряд старый знакомый Кинемы атаман Богдан Зубакин. Преследование, однако, было неудачным, поскольку Кинема и его сторонники “побежали безвестно” [Миллер, 2000. С. 273]. Видимо, “подвиги” Кинемы на Средней Оби продолжались дальше и стали широко известны. Так, в конце 1616 – начале 1617 г. казаки гарнизона Томска направили в Москву челобитную с просьбой о присылке положенного им жалованья. Описывая свою нищету и дефицит в одежде, они, в частности, указали: “Торговые люди не заежжают, место дальнее, а от Сургута, государь, и до Нарыма обские остяки торговых людей не пропускают в Томской город, грабят и побивают” [Миллер, 1999. С. 439]. Нет сомнений, что здесь имелись ввиду действия Кинемы “с товарищи”

Центральным эпизодом антирусских действий Кинемы в научной литературе считается нападение на воеводу Федора Бобарыкина, который направлялся к месту своего назначения в Томск. При этом почему-то игнорируется утверждение тобольского воеводы И.С. Куракина из его отписки в Пелым, датированной 2 декабря 1618 г.: “А Федор Бобарыкин в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было”. В данной отписке говорится о том, что “сее осень (т.е. 1618 г. – *Е.В.*) заворовали сургутские остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих” [Миллер, 2000. С. 289]. Обращение к документам показывает, что Федор Васильевич Бобарыкин еще в июне 1616 г. являлся воеводой Тюмени, а к концу этого года находился уже в Томске, где и воеводствовал до лета 1620 г. [Вершинин, 1998. С. 176]. Томск Бобарыкин не покидал, поскольку воеводам это было запрещено. Таким образом, Бобарыкин проследовал вверх по Оби где-то во второй половине лета 1616 г. Именно тогда он имел единственный шанс встретиться с отрядом Кинемы, однако о нападении на него в это время ничего не известно.

Вообще, источником сведений о “погроме” Бобарыкина являлись только слухи, ходившие в 1618 г. среди иртышских остяков и вогулов притоков Иртыша. По этим слухам, восстание подняли “казымцы и нарымской князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, которой ехал в Томской город” Заметим, что конкретно имя якобы убитого воеводы не называлось; тобольский же воевода Куракин отлично знал, что последним по времени томским воеводой, плывшим по Оби и благополучно прибывшим в Томск, был Бобарыкин.

Совершенно невероятными были слухи, ходившие среди кондинских вогулов, о том, что число восставших достигает 1900 человек, которые собираются осадить

Сургут. И все-таки данные слухи представляют определенный интерес. Во-первых, действия Кинемы получили широкий резонанс среди аборигенного населения Оби и низовьев Иртыша, стали предметом толков и преувеличений. Во-вторых, в “нарымском князьке Доне” легко узнается Тонем, ставший фольклорным героем Тоньей. Обозначение его как “нарымского князька” заставляет вспомнить рассуждения Г.И. Пелих о широком распространении топонима “Нарым” (“болотистое место”) в Западной Сибири. Г.И. Пелих была уверена, что, помимо того Нарыма при устье Кети, где возник одноименный русский острог, местность “Нарым” существовала и в районе Сургута [Пелих, 1981. С. 15]. В этом ряду ассоциаций можно вспомнить, что в 1626 г. остяки Бардаковой волости заявили, “что де они живут на болоте” [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 316]. Таким образом, именование Тонема нарымским князьком имеет под собой основания.

Итак, мы имеем сведения о выступлении Тонемы-Кинемы в августе 1616 г. и осенью 1618 г. Говоря о причинах “измены” наследника Бардака, тот же осведомленный Куракин указал, во-первых, на обиды и насильства от воевод (каких – неясно); во-вторых, “что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали”. Здесь речь идет, очевидно, о карательной экспедиции атамана Зубакина, который осенью 1616 г. самого Кинему не нашел, а захватил семьи повстанцев. Как развивались события в 1617 г., нам неизвестно. Ясно только, что движение Кинемы широкой реальной поддержки среди аборигенного населения Средней Оби не получило. По сведениям Куракина, “большие люди” ясачных волостей, идущих от Сургута вниз по Оби, заявили о том, что они “государю служат и прямят”. Кинема же со своими немногочисленными сторонниками, начиная с 1616 г., от русских властей скрывался.

В чем конкретно проявилось “воровство” Кинемы летом-осенью 1618 г., нам почти неизвестно. Можно только с уверенностью утверждать об одном факте: нападении на томских служилых людей, которые везли “денежную казну” для гарнизона своего города. Хотя часть документа, где говорится об этом, испорчена [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 247–250], год нападения восстанавливается как 7126 (1 сентября 1617 г. - 31 августа 1618 г.). Как говорилось выше, незадолго до того казаки Томска жаловались в Москву на задержку в выдаче им жалованья. За денежным жалованьем в XVII в. сибирские служилые люди сами, с разрешения воевод, ездили в Москву. Подобные станицы были немногочисленными и состояли из 6–8 человек. Именно такую томскую станицу “погромил” Кинема летом 1618 г. и захватил 400 руб. – сумму по тем временам весьма значительную (поскольку самой большой монетой в XVII в. была копейка, то 400 руб. представляли 40 000 тыс. коп. в нескольких мешках). Видимо, убийство нескольких томских казаков и послужило источником преувеличенных слухов, ходивших среди аборигенов Средней Оби, о нападении на томского воеводу. Выше было показано, что в 1618 г. никакой томский воевода по Оби следовать не мог.

Действия Кинемы Бардакова необычны уже тем, что примириться с русской властью он не хотел. В Сургуте продолжал воеводствовать Иван Зубатой, при котором и начались разбой Кинемы. Воевода наконец сделал решительный ход. 15 июня

1619 г. из Сургута вышел отряд казаков во главе с местным подьячим Иваном Афанасьевым и толмачом Иваном Парабельским. Выбор подьячего (чьей обязанностью было сидеть в приказной избе и составлять документы) в качестве командира военного отряда довольно необычен. Однако Афанасьев не был типичным служителем канцелярии. Известно, например, о его пристрастии к конной охоте на чернобурых лисиц. Воевода Зубатой имел, очевидно, серьезные основания для своего выбора. Толмач Иван Парабельский принял крещение и служил в составе сургутского гарнизона; как указывает его прозвище, он происходил из аборигенов Нарьмского уезда и, возможно, был селькупом.

К сожалению, сведения о финале антирусского движения Кинемы тоже кратки; они содержатся в грамоте 1624 г. о награждении Афанасьева и Парабельского за их заслуги [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 247–250]. Из данного документа мы узнаем, что вместе с Кинемой в “измене” участвовал и Суета Бардаков, очевидно, его брат. Возможно, что Афанасьев располагал точными сведениями о местонахождении мятежников. Казаки “тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемина сына болшово и жену в полон взяли”; кроме того, удалось отыскать 400 руб., отобранных в свое время Кинемой у томских казаков. Итак, Суета Бардаков был убит, жена и старший сын Кинемы попали в плен и были увезены в Сургут. Документы молчат о дальнейшей судьбе самого Кинемы. Очевидно, что ему удалось избежать и гибели, и плена, иначе эти факты отразились бы в документе. Возможно, что потерявший свое небольшое войско вождь был убит в какой-нибудь ясачной волости самими остяками, как об этом говорят фольклорные предания.

Разгром мятежных потомков Бардака был полным, поскольку сведения о нападениях на русские суда в районах Средней Оби с этого времени прекращаются. Трудно сказать, сколько остяков содержалось в сургутской тюрьме по “делу Кинемы”. В одном из просмотренных нами документов мимоходом упоминается, что еще в марте 1626 г. в Сургуте находились “тюремные сидельцы остяки, которые сидят в твоём государеве изменном деле” [РГАДА, ф. 214, стб. 8, л. 80–81]. Видимо, это были родственники и сторонники Кинемы, захваченные во время похода Афанасьева в 1619 г. До нас дошел перечень отписок, которые были посланы из Тобольска в Москву в августе 1634 г. Среди прочего там находился и такой документ: “Отписка о сургутских остяках тюремных сидельцах, а под отпискою их челобитная, Бардаковы волости ясачных людей Капалчейка Олчикова да Ослопейка Чичеева” [РГАДА, ф. 214, стб. 656, ч. 2, л. 435]. Если челобитчики были сподвижниками Кинемы, то к этому времени они уже 15 лет находились в тюремном заключении. Впрочем, Капалчи Олчиков был прощен и получил свободу. В 1646 и 1655 гг. мы встречаем его среди “лучших людей” Бардаковой волости [РГАДА, ф. 214, стб. 282, л. 79; стб. 501, л. 86].

В первой из дошедших до нашего времени ясачных книг Сургутского уезда (1624/25 г.) для Бардаковой волости (89 плательщиков ясака) князцы и “лучшие люди”, вопреки обычной практике, не указаны. Однако в ясачной книге следующего года в качестве таковых уже фигурируют Ярла Уитин и Сана Тангиреев [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 283 об., 314]. В связи с этим С.В. Бахрушин писал: “Позднее во главе Бардаковской волости мы встречаем князцов, непосредственную связь которых с родом Бардака установить нельзя. Возможно, что восстание привело к устра-

нению от власти прямой линии потомства Бардака” [Бахрушин, 1955. С. 142]. Мнение С.В. Бахрушина не бесспорно. Учитывая один из вариантов имени Тонемы-Кинемы, зафиксированный в фольклоре (Танга), можно предположить, что Сана Тангиреев и был “большим сыном” Кинемы, попавшим в плен и освобожденным к 1626 г. В качестве князца (а не просто “лучшего” человека) Бардаковой волости он фигурирует в документах по крайней мере до 1656 г. Помимо Саны известны Елта и Ларых Тангиреевы (в документах все они чаще писались как Тынгиреевы); около 1646 г. Ларых был убит самоедами [РГАДА, ф. 214, стб. 282, л. 79]. В 1656 г. на коллективной челобитной остяков Сургутского уезда тамгу Бардаковой волости (оленя) поставил Бардачко Елтин, очевидно, племянник Саны Тынгиреева [РГАДА, ф. 214, стб. 503, ч. 1, л. 207–207 об.]. Предположение о прямой генеалогической связи Тынгиреевых с Бардаком и Кинемой требует дальнейшего специального исследования.

Для отождествления фольклорного героя Тоньи с историческим Тонемой Бардаковым есть веские основания. Дело в том, что на протяжении XVII – XIX вв. другого столь длительного и последовательного антирусского движения среди аборигенного населения Средней Оби не было. У нас есть глухие известия о том, что в 1662 – 1663 гг. среди обских остяков также поднималось антирусское восстание, которое было инициировано башкирским выступлением на юге Западной Сибири [Житие протопопа Аввакума, 1960. С. 87–88]. Однако ничего конкретного о масштабах и предводителях этого движения мы сказать не можем.

Последовательное сопротивление сургутским властям в течение 4 лет, смелые нападения на русские суда, истребление небольших групп казаков и промышленных людей стали основой рассказов, которые со временем трансформировались в исторические предания юганских и пимских хантов (а возможно, и других групп). Чем больше поколений разделяло рассказчиков преданий о Тонье от начала XVII в., тем меньше реалий этого далекого столетия оставалось в самих преданиях. Тем не менее даже сейчас в этих преданиях можно выявить совпадения с реальными историческими событиями.

В нашем распоряжении имеется 7 преданий о Тонье, записанных в течение XX в.¹ Для удобства дальнейших ссылок мы обозначим их номерами вариантов:

Вар. 1 – опубликован, записан от юганских хантов [Дунин-Горкавич, 1911. С. 29–30];

Вар. 2 – опубликован, записан в 1974 г. от юганских хантов [Мифы, предания, сказки, 1990. С. 177–178];

Вар. 3 – опубликован, записан в 1995 г. на р. Ай-Пиме [Салымский край, 2000. С. 68–69];

Вар. 4 – записан от хантов р. Б. Юган в 1999 г. [Карачаров, 2000];

Вар. 5 – записан от хантов р. М. Юган в 2000 г. [Карачаров, 2001];

Вар. 6 и 7 – записаны от юганских хантов в 2001 г. [публикуются в статье Е.П. Мартыновой “Религиозные представления юганско-балыкских хантов” в настоящем сборнике].

¹ Хочу выразить признательность Е.П. Мартыновой и К.Г. Карачарову за предоставленную возможность ознакомиться с их записями преданий о Тонье.

В легендах сохранились воспоминания о высоком социальном статусе Тоньи: “Тонья – царь хантов” (вар. 2); если бы Тонья не погиб, то “был бы начальником (президентом) у всех хантов” (вар. 6). В большинстве преданий противниками Тоньи выступают русские казаки, в одном случае – татары (вар. 5). Причины конфликта с русскими вполне соответствуют реалиям XVII в.; правда, не все исполнители предания помнят и рассказывают о них. В одном случае предание говорит (вар. 1): “В это время юганские остяки платили уже дань русскому царю. С Танги стали также требовать определенной дани. Но Танга не только отказался сам платить дань, но даже стал уговаривать окружающих остяков, чтобы и они сделали тоже. Остяки согласились и вокруг Танги собрались недовольные. Когда об этом узнал русский царь, то он послал отряд, которому было приказано схватить Тангу вместе с его братом” Таким образом, Тонья отказался платить дань (ясак XVII в.) русскому царю. Выше уже высказывалось предположение, что причиной бунта сыновей Бардака стало переведение их волости на обычное ясачное положение. Предание в определенной степени подтверждает эту мысль. С историческими реалиями совпадают и другие детали самой ранней записи легенды. Она указывает, что у Тоньи был брат, который его поддерживал (исторический Суэта Бардаков). В легенде присутствует агитация Тоньи среди остяков в пользу отказа платить дань русским (вспомним известное намерение Кинемы “в волости с смутю посылати”).

В другом варианте названы схожие причины конфликта (вар. 2): “Тонья был царь хантов. Он в Сургуте, ему ханты по белке отдавали. Казак его попросил, он не дал, говорит: Сам удерживаю со своих, пусть он с казаков удерживает”. В начале XVII в. сбор ясака в Сургутском уезде мог происходить двояким образом. Его собирали или русские ясачные сборщики в волостях, или привозили в Сургут сами волостные князцы. В приведенном выше фрагменте Тонья удерживает дань со “своих” остяков в свою же пользу, что перекликается со словами источника 1597 г.: “Полно Бардаку и того, что ему своими людьми владеи”. В этом же варианте легенды сохранились сведения о малочисленности сторонников Тоньи – “у Тоньи пять человек и брат, а казаков сто”, что в целом соответствует исторической действительности.

Последняя резиденция (городок) Тоньи локализуется большинством преданий на Б. Югане недалеко от современного Угута. Именно там происходит битва Тоньи с посланными из Сургута казаками. В нескольких преданиях говорится, что казакам не сразу удается одолеть Тонью, который истребляет первые отряды своих противников. При этом количество убитых русских подверглось вполне понятной фольклорной гиперболизации (вар. 2, 6, 7). Указания легенд на неоднократные попытки поймать Тонью содержат в себе зерно исторической правды.

Интересно устойчивое описание огнестрельного оружия казаков, приводимое разными информаторами: “У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает” (вар. 2); “У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит” (вар. 7); “У татар было такое ружье трехметровое: один его поднимает; второй куженьку подает, порошу насыпать. Один держит, второй целится, третий механизм нажимает” (вар. 5). Эта деталь явно уводит нас в XVII в., в эпоху фитильных и кремневых

пищалей. Такие пищали (иногда под ними имелись ввиду и мушкеты) было трудно держать на весу, и поэтому при полевой стрельбе пользовались подшошками, т.е. рогульками, втыкавшимися в землю. За целый день боя из пищали или мушкета можно было сделать 12 выстрелов [Богоявленский, 1938. С. 270, 272]. Трудоемкость и медлительность стрельбы из оружия XVII столетия весьма ярко запечатлелись в фольклорных преданиях.

Требует определенного объяснения следующий факт. Легендарный Тонья “кочует” в основном по р. Балыку, Большому и Малому Югану, в то время как исторический Кинема совершал свои нападения на русские суда на Оби выше г. Сургута. Очевидно, что предания о Тонье больше шансов имели сохраниться среди населения Бардаковой волости, для которого он являлся когда-то “своим” князем. Выше уже говорилось, что часть Бардаковой волости охватывала низовья Балыка и Югана. Не исключено наличие еще не выявленных преданий о Тонье среди аганских хантов. Кроме того, русских людей в XVII в. можно было встретить в основном на Оби, которая являлась оживленной транзитной водной дорогой.

Согласно ряду сообщений (вар. 5, 6, 7), Тонья родился в юртах Люкси-пууль на Юганской Оби, недалеко от современного Нефтеюганска. Такие юрты действительно зафиксированы переписью 1926 г., причем другое их название – юрты Тангины. Это тоже подтверждает предположение, что когда-то Бардакова волость шла от Сургута вниз по Юганской Оби. Любопытно название *Люкси*, которое не хантыйского происхождения. Мы бы связали его со староселькупским понятием *ляк* (*лак*), которым обозначались когда-то особо искусные воины, составлявшие опору селькупских вождей [Головнев, 1995. С. 137]. Таким образом, Люкси-пууль – селение воинов-дружинников. Это свидетельствует в пользу существующего в научной литературе мнения о самодийском происхождении рода Бардака.

О гибели Тоньи предания рассказывают по-разному. Варианты 1, 2, 4 и 5 говорят о смерти Тоньи среди пимских хантов, которые его отравили, а отрезанную голову послали русскому царю. Вариант 3, наоборот, обвиняет в гибели героя балыкских хантов. Еще одна легенда повествует о смерти Тоньи от рук хантов где-то на Демьянке (вар. 6); наконец, в одном предании Тонья погибает во время защиты своего городка от казаков (вар. 7). В нескольких вариантах содержится сюжет о пленении Тоньи после последней битвы с казаками; они везли его в Сургут, но по дороге ему удалось бежать. Возможно, так оно и случилось в действительности. Тогда понятно, почему русские документы, исходящие от сургутского воеводы, умалчали об этом неприятном факте. Потерявший семью и последних сторонников Тонья-Кинема скрывался от русских властей, пока одинокого беглеца не убили в какой-то из ясачных волостей.

Таким образом, основу фольклорных преданий о Тонье составляют исторически достоверные события. Доказательство этого факта имеет существенное значение для изучения фольклорной культуры и исторической памяти хантов. Русский народ, как известно, создал немало песен и прозаических рассказов о бунтаре Степане Разине, достоверность существования которого бесспорна. В этом же типологическом ряду следует рассматривать и исторические предания о Тонье, в которых отразились драматические коллизии вхождения народов Среднего Приобья в состав Русского государства.

Литература

Житие протопопа Аввакума. М., 1960.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2.

Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. 1938. № 4.

Буцинский П.Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск / Под ред. С.Г. Пархимовича; Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север. Тобольск, 1911. Т. 3.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Карачаров К.Г. Рекогносцировочное археологическое обследование верхнего течения реки Большой Юган от юрт Ларломкиных до юрт Каюковых в Сургутском районе ХМАО в 1999 г.: Отчет о НИР. Екатеринбург, 2000 // Архив ИИА УрО РАН.

Карачаров К.Г. Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения реки Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 г.: Отчет о НИР. Екатеринбург, 2001 // Архив ИИА УрО РАН.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. продолж. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Пелих Г.И. Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981.

Салымский край. Екатеринбург, 2000.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.

Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ЦЕРКВЕЙ СУРГУТА

История возникновения Сургута во многом похожа на судьбы других сибирских городов, появившихся в конце XVI в. Город был построен по царскому указу служилыми людьми в короткие сроки. Его планировка отражала нормы крепостного строительства того времени и, конечно, должна была отвечать насущным потребностям жителей нового острога. Если обратиться к планам сибирских городов из “Чертежной книги Сибири” С.У. Ремезова, а также к наказам воеводам, на которых возлагалось строительство острогов, то нетрудно определить комплекс построек, возводившихся в первую очередь – это крепостные укрепления, воеводский двор, казенные амбары, церкви и жилые постройки. Не было исключением и Сургут. Его первая церковь была построена уже при основании города. Она была освящена во имя Живоначальной Троицы и ее стали называть Троицкой [Древний город, 1994. С. 95].

Церкви возводились сразу же при строительстве городов. Русским первопроходцам необходимо было место, где они могли бы отправлять христианские требы, им, как никому, нужны были вера и защита Всевышнего в тяжелейших условиях несения службы на далекой восточной “украине”. В 1638/39 г. служилые люди построили “по своему обещанию” вторую церковь в Сургуте. Этот храм был освящен во имя святителя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 344, л. 568–570]. Он считался приходским, а Троицкая церковь – соборной.

Все сибирские церкви на протяжении всего XVII в. стояли перед острейшей проблемой – обеспечение богослужебными книгами и церковной утварью. Решить эту проблему возможно было лишь при участии государства. Московские власти охотно откликались на просьбы мирян и отправляли в качестве царских пожалований все необходимое для богослужений. Имеются данные и о поступлении из Москвы от имени царя Михаила Федоровича книг и икон для церкви во имя святителя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина.

Однако длительное время эта церковь оставалась без колоколов. В июле 1654 г. казачий и стрелецкий голова Первой Самойлов, атаман Евдоким Алексеев и все служилые люди обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой дать указание о присылке к приходской церкви колоколов и указали на еще одну проблему – содержание причта этой церкви [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 344, л. 568–570]. До того времени сургутские жители сами нанимали попа, дьячка и пономаря, а следовательно, и содержали их. Но к 1654 г. служилым людям это стало в большую тягость. В своей челобитной они писали: “Государь, мы, холопи твои, в твоём государеве Сургуцком безпашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и семьянисты”

Действительно, как показывают исследования Н.И. Никитина, хотя жалование сургутских служилых людей было несколько выше по сравнению с южными “пашенными” городами Сибири, тем не менее оно едва обеспечивало прожиточный

минимум и лишь при условии его регулярной и полной выплаты. Так, рядовые казаки получали в год 5 руб. 25 коп., 36 пудов (холостые) или 49,5 пудов (женатые) хлеба, 1,25 пуда (холостые) или 1,5 пуда (женатые) соли [Никитин, 1995. С. 106–107].

Денежное жалование должно было выдаваться из сургутских денежных доходов. Доходы и расходы города были не соизмеримы. По данным 1625 г. в городскую казну было собрано 600 руб., а на различные расходы потребовалось 1304 руб. 48 коп. [Буцинский, 1999. С. 84]. Дефицит бюджета покрывался присылкой денег из Москвы. Но и этих средств не всегда хватало в полном объеме, приходилось экономить и на жаловании служилых людей. Долги государства служилым людям накапливались годами. Так, только в 1654 г. из Москвы дослали остатки окладных денег за 1650/51 и 1651/52 гг. [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 344, л. 695–96].

Служилые люди не раз обращались к царю с просьбой выдать вперед денежное жалование тем, кто отправляется в дальние посылки, так как “город безхлебной, непашенной” и единственная возможность сделать запасы – это купить хлеб у приезжих людей летом, пока есть навигация [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 344, л. 675–677 об.]. В 1654 г. у служилых людей не нашлось средств, чтобы нанять причт и в приходской церкви перестали проводиться богослужения. Как писали челобитчики, “церковь ныне стоит пуста, без пения”. Поэтому сургутские жители просили царя прислать кроме колоколов еще и попа с церковнослужителями и установить им полный государев оклад.

Духовенство в раннем Сургуте играло довольно заметную роль в общественной жизни. По данным 1646 г. в городе проживали черный поп Меркурий, белый поп Афанасий и один церковный дьячок [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 285, л. 1–3]. Оба священника служили при соборной Троицкой церкви. Грамотные люди в Сургуте были большой редкостью. Так, в 1646 г. из 155 служилых людей смогли собственноручно подписать челобитную только 15 человек. За остальных подписывали священники Меркурий и Афанасий. Под челобитной 1654 г. также за основную массу челобитчиков, своих духовных детей, приложил руку поп Афанасий.

В случае каких-либо конфликтных ситуаций между воеводой и служилыми людьми та и другая сторона подавали свои челобитные и явки священникам. Таким образом, духовенство должно было представлять некую нейтральную третью сторону. Есть основания предполагать, что оно все-таки больше тяготело к союзу с воеводами. Это наглядно проявилось в конфликте между воеводой А. Измайловым и группой казаков во главе с казачьим и стрелецким головой Семеном Поповым, разгоревшимся в 1646 г.

Довольно часто почвой для обвинений в несоблюдении государева интереса являлись нарушения при праздновании царских именин. Одно из многочисленных обвинений С. Попова с товарищами в адрес воеводы как раз касалось подобной ситуации. В своей челобитной они сообщали, что 16 марта 1646 г. на государев ангел в приходской церкви Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеева после вечерни “за государево многолетнее здоровье молебствовали и Бога молили”, а в соборной Троицкой церкви воевода А. Измайлов после вечерни не велел служить молебен за здоровье государя и не ставил свечи из “государева воска” перед образом государева ангела – иконой святого Алексея человека Божия. Правда,

позже на следствии в Тобольске челобитчики добавили, что молебен с участием воеводы все-таки состоялся, но уже в сам праздник после заутрени. При разбирательстве всю вину за нарушение канонов празднования государева дня ангела взял на себя поп Афанасий, заявив, что воевода здесь не при чем. Признавая свою вину, священник серьезно рисковал, потому что такие проступки при желании легко можно было квалифицировать как посягательство на государеву честь и здоровье. В ходе разбирательства выяснилось также, что в Троицкой церкви не было иконы святого Алексея человека Божия, поэтому свечу из “государева воска” поставили перед иконой Живоначальной Троицы.

Несколькими годами раньше в подобной ситуации уже воевода пытался придти на помощь священнику. Так, во время застолья у воеводы А. Вельяминова (служил в Сургуте с 1639 по 1642 г.) поп Ермолай после чаши вместо многолетия государю запел нечто такое, что тобольский подьячий С. Кляпиков, сообщивший об этом случае в 1640 г., никак не решался повторить. Сургутский и томский воеводы пытались скрыть это происшествие [Покровский, 1988. С. 43]. Трудно сказать, что стало с Ермолаем, но в 1646 г. в Сургуте его уже не было.

Данный материал может служить лишь первым шагом по созданию полноценной истории приходской жизни в Сургуте. Для этого необходимо дальнейшее полноценное исследование, основанное на целенаправленном поиске документов в архивохранилищах Москвы, Петербурга и Тобольска.

Литература

Буцинский П.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск / Под ред. С.Г. Пархимовича; Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999.

Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.

Никитин Н.И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. 22–25 марта, 1994. Екатеринбург, 1995.

Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII – XVIII вв. по “слову и делу государеву” как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

ДОКУМЕНТЫ XVII ВЕКА ПО ИСТОРИИ СУРГУТСКОГО УЕЗДА

В топографическом описании Тобольского наместничества, завершеном в 1790 г., в разделе “О городе Сургуте” на вопрос анкеты об основании Сургута местный канцелярист или землемер дал следующий ответ: “Когда построен и какими людьми спервоначалия заселен, не известно, ибо в 1712 г. вес город, канцелярия и дела згорели, а потому и выправится не по чему” [Описание, 1982. С. 175]. В наше время, через 200 с лишним лет после произнесения этой беспомощной фразы, воссоздание истории Сургутского уезда (а значит, и Среднего Приобья) в XVII в. представляется делом не столь безнадежным. Конечно, катастрофичные последствия сургутского пожара 1712 г., при котором, действительно, сгорела воеводская канцелярия “со всякими государевыми грамотами и указами и воеводскими наказами”, повергают современных историков в некоторое уныние. Но с их стороны было бы слишком смело надеяться, что, не случись пожара 1712 г., они располагали бы комплексом ценных документов по Сургуту в первое столетие его существования. Увы, история ранних местных архивов сибирских городов в XVIII–XIX вв. – это история по большей части их гибели и весьма часто бесследного исчезновения. Более скромными являются сожаления о том, что сургутский архив XVII в. не “дотерпел” до приезда в город Г.Ф. Миллера, чьи знаменитые копии документов из других сибирских архивов в той или иной мере восполняют утрату подлинников.

Г.Ф. Миллер прибыл в Сургут 21 июня 1740 г. и уже через 2 недели отправился далее вниз по Оби. Поскольку архивных материалов XVII в. Миллер в этом городе не обнаружил, то впоследствии, говоря о Сургутском уезде в своей “Истории Сибири”, ученый вынужден был опираться только на документы из архивов других сибирских городов, в которых содержались упоминания о Сургуте [Элерт, 1995. С. 281–284]. Это является причиной очевидной слабости “сургутских страниц” в труде отца сибирской историографии. По иронии судьбы Миллер, изучивший все сибирские архивы в поисках старинных документов, лишен был возможности работать с материалами центрального приказного делопроизводства. Между тем, в фонде Сибирского приказа хранилась целая книга (кн. 1), содержавшая несколько десятков документов по истории Сургута за первые 30 лет его существования.

Создание этой копийной книги следует, очевидно, связать с публикуемым ниже док. № 14. После московского пожара 3 мая 1626 г., в огне которого погибли документы центральных приказов, в Сибирь было послано распоряжение о снятии копий со всей документации текущего делопроизводства и, кроме того, с воеводских наказов и указных грамот прошлых лет. Распоряжение об этом, вместе со списком подлежащих копированию документов, получили воеводы главного города тогдашней Сибири – Тобольска. Они переслали соответствующий указ в Сургут, куда он поступил 8 августа 1626 г. От сургутских воевод Н.Е. Пушкина и Б.И. Белкина требовалось скорейшим образом организовать копирование местных документов и

выслать их в Тобольск к 6 октября. Данная работа проводилась под надзором одного Пушкина, поскольку второй воевода в делах управления участия фактически не принимал. Копирование производилось в съезжей избе несколькими лицами в отдельные тетради. Эти тетради были отправлены через Тобольск в Москву, где в конечном итоге и составили сургутскую копияную книгу. В нее вошли 11 самых ранних наказов сургутским воеводам, 48 указных грамот (начиная с 1596 г.), 8 отписок из Сургута, 2 ясачные книги по Сургутскому уезду за 1624–1625 гг. и книга окладного жалованья 1625/26 г.

Сургутская копияная книга в конце XIX в. была впервые использована П.Н. Буцинским; мимо документов, содержащихся в ней, не прошли в своих работах и последующие известные историки-сибиреведы (С.В. Бахрушин, Б.О. Долгих, В.А. Александров). Еще в 1937 г. А.И. Андреев при публикации I тома “Истории Сибири” Миллера указывал на необходимость издания наказов и грамот данной книги. Тем не менее, несмотря на дефицит и ограниченность письменных источников по ранней истории Сургута, подобное издание до сих пор не осуществлено.

Предлагая вниманию читателей настоящую подборку документов, авторы ощущают необходимость сделать краткий обзор опубликованных источников по истории Сургутского уезда в XVII в. Сразу заметим, что таких публикаций немного. В 1909 г. были изданы два самых первых наказа (1594 и 1595 гг.) воеводам Сургута [ЧОИДР, 1909. С. 2–8], извлеченные из копияной книги, речь о которой шла выше. В 1914 г. А.М. Гневушев опубликовал несколько документов из этой книги – наказ 1608 г. и 9 грамот в Сургут за 1609–1610 гг. [Гневушев, 1914. С. 363–374]. Этот же наказ воеводам Ф.В. Волынскому и И.В. Благому был не так давно издан снова; вместе с ним по сургутской копияной книге опубликованы 2 грамоты за 1604 г., где идет речь идет об основании Томска [Первое столетие, 1996. С. 37–41]. Этим, насколько известно, публикация документов из кн. 1 фонда Сибирского приказа ограничивается. С нашей точки зрения, нет особой необходимости в публикации воеводских наказов, кроме тех, которые относятся к первым годам существования того или иного города. Сибирские указы довольно рано приобрели шаблонный вид и писались по единому формуляру [Вершинин, 1998. С. 65–80]. Намного больший интерес представляют указные грамоты, которые часто являлись реакцией центральной власти на челобитные русского и аборигенного населения.

Среди сотен документов, изданных в качестве приложения к двум томам “Истории Сибири” Г.Ф. Миллера, материалов по Сургутскому уезду почти нет. В первом томе исключение составляют документы (№ 73–75), извлеченные Миллером из архивов Нарыма и Березова [Миллер, 1999. С. 421–423]; во втором томе – несколько документов о выступлении сургутских ясачных людей против русской власти в 1616–1619 гг. и ямской гоньбе в Сургутском уезде (№ 117, 138, 140, 424) [Миллер, 2000. С. 273, 288–289, 290, 580–586].

Недавно М.О. Акишиным издан сборник материалов, содержащий так называемые “прибыльные дела” сибирских воевод и таможенных голов XVII в. Здесь, в частности, опубликовано дело о награждении И.Ф. Нерадовского, бывшего в 1635–1639 гг. таможенным головой в Сургуте. В этом же сборнике содержится интересный документ, повествующий о восприятии казаками Сургута известий о московском восстании 1648 г. [Прибыльные дела, 2000. С. 294–297, 188–192]. Челобитная

атамана Тугарина Федорова и фрагменты сургутской разборной книги служилым людям 1689 г. по архивным подлинникам были опубликованы в учебной хрестоматии по истории Ханты-Мансийского автономного округа [Хрестоматия, 1999. С. 82–83, 85–86]. Наконец, О.Н. Вилковым была опубликована таможенная книга Сургута за 1674/75 г., из которой можно почерпнуть сведения о промыслово-торговой деятельности сургутских казаков и фамильном составе жителей города [Таможенные книги, 1997. С. 19–66]. Весьма краткие сведения о Сургутском уезде встречаются и в некоторых других изданных документах, которые здесь не упоминаются.

Таким образом, можно констатировать фрагментарность и даже случайность в деле публикации документов по истории Сургутского уезда в XVII в. Между тем, в фонде Сибирского приказа РГАДА хранится ряд книг и столбцов (в хронологическом отношении – со второй четверти XVII в.), которые полностью или частично состоят из дел, относящихся к Сургутскому уезду. Материалы этого огромного фонда в советский период нашей историографии нашли отражение в нескольких фундаментальных тематических сборниках документов. Однако территория Среднего Приобья из этих публикаций фактически выпала. Возможно, это объясняется первоочередным вниманием к наиболее многочисленным сибирским народам [см. сб.: Колониальная политика, 1936; Сборник ... по истории Бурятии, 1960], а также исследовательским интересом к “ярким” темам. К числу последних принадлежат русское землепроходческое движение, включая полярное мореплавание вдоль берегов Сибири [см.: Открытия русских землепроходцев, 1951; Русские мореходы, 1952], и взаимоотношения России с Китаем и кочевыми народами Южной Сибири в XVII в. [см.: Русско-китайские отношения, 1969–1972; Русско-монгольские отношения, 1959–2000]. На этом фоне история Среднего Приобья в составе России кажется несколько “скучной”. Автохтонное население края – ханты – не оказали впечатляющего сопротивления установлению русской власти, а Сургутский уезд довольно рано, с основанием Мангазеи (1601), Томска (1604) и Енисейска (1619), превратился во внутреннюю территорию “русской Сибири”. Постоянное русское население в “беспашенном” Сургутском уезде в XVII в. было малочисленным, что повлияло на ограниченный интерес к нему историков русской колонизации Сибири. Из специальных работ, посвященных этой теме, наиболее ценными являются давний очерк П.Н. Буцинского [Буцинский, 1999. Т. 2. С. 80–95], соответствующие главы из коллективной монографии по истории Сургута [Древний город, 1994. С. 87–100, 115–134] и статья Н.И. Никитина о сургутском гарнизоне в XVII в. [Никитин, 1995. С. 99–115] Надо отметить, что русское население Сургутского уезда, благодаря трудам Н.А. Миненко, намного подробнее исследовано для XVIII и XIX вв. [Миненко, 1975; Древний город, 1994. С. 135–208].

В большей мере материалы Сибирского приказа использовались для характеристики автохтонного населения сургутского Приобья в XVII в. С появлением в Западной Сибири русской администрации история местных народов шагнула из туманной области фольклорных преданий и археологических интерпретаций в область письменной истории, утратив, правда, при этом значительную долю самостоятельности и романтической таинственности. Научная литература по истории и этнографии хантов весьма значительна, однако исследования, в которых использовались бы архивные источники XVII в., занимают в ней скромное место. Создается

впечатление, что современные авторы историко-этнографических работ безоговорочно признали тщетность новых обращений к этим источникам после появления блестящих исследований С.В. Бахрушина и Б.О. Долгих. И тем не менее ни С.В. Бахрушин в своей широко известной работе “Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.” [Бахрушин, 1955. С. 86–152], ни Б.О. Долгих, использовавший в основном документы ясачного учета [Долгих, 1960. С. 78–86], не исчерпали всех возможных письменных источников по истории Среднего Приобья. Уместно будет заметить, что эти ученые и не ставили перед собой задачи акцентированного изучения данного района; их работы в территориальном и тематическом отношении имеют более широкий характер. На документах Сибирского приказа основана монография Ю.Б. Симченко, однако автора этой чисто этнографической по задачам работы интересовало не столько содержание документов, сколько их оборотная сторона, где имелись тамги остяков Сургутского уезда [Симченко, 1965. С. 120–133].

Ниже публикуется 40 документов из дел фонда Сибирского приказа РГАДА. Примерно половина из них характеризует положение ясачного (аборигенного) населения, другая часть показывает методы воеводского управления, состав гарнизона Сургута и обыденную жизнь его жителей в XVII в. Составители откликнулись на давний призыв А.И. Андреева и включили в публикацию 10 документов из сургутской копийной книги 1626 г. При этом они посчитали целесообразным издать вновь 2 самых первых наказа сургутским воеводам, поскольку их предыдущая публикация давно стала библиографической редкостью. Большой интерес представляют документы столбца 8 фонда Сибирского приказа. Данный столбец содержит 186 листов и полностью состоит из “сургутских” дел. Для публикации были выбраны все значимые и интересные, с точки зрения авторов, документы этого столбца. Разборная книга служилым людям Сургута 1689 г. и городской список 1697 г. сохранились полностью в книгах 931 и 1164 фонда Сибирского приказа. Отдельные документы были извлечены из столбцов 16, 117, 282, 344 и 501. За исключением док. № 1, 2, 19 все остальные источники публикуются впервые.

Часть документов отнюдь не является открытием авторов публикации. В той или иной степени на них ссылались (иногда – с цитированием) названные выше историки. Однако поступательное развитие исторической науки требует от новых поколений исследователей обращения к полному тексту источника, а не к его восприятию через вторые руки (пусть даже таких мастеров, как П.Н. Буцинский и С.В. Бахрушин). С другой стороны, авторы надеются, что подлинные тексты XVII в. привлекут внимание не только профессиональных историков, но и просто любознательных читателей, в первую очередь современных жителей Ханты-Мансийского округа, которым небезразлично прошлое своего края.

Док. № 3, 5–32, 34 подготовлены к публикации Е.В. Вершининым, док. № 1, 2, 4, 33, 35, 36 – А.Т. Шашковым. Сокращенные слова под титлом или без него раскрываются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Места текста, не поддающиеся прочтению, обозначены отточием. В случае, если документ публикуется в сокращении, что специально указывается, пропущенная часть текста также отмечается отточием. Восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Составители считают своим долгом предупредить, что публикация не преследует филологичес-

ких целей. Поэтому в слова типа “далный”, “сколко”, “Васка” внесены изменения, соответствующие современному правописанию. Некоторые отступления от академических правил издания диктуются и задачей авторов облегчить понимание текстов XVII в. читателем – неспециалистом.

Издание документов сопровождается статьей, которая не имеет единого сюжета, а является своего рода комментарием к публикуемым источникам.

Город Сургут, основанный в 1594 г., стал центром обширного уезда, население которого в XVII в. состояло исключительно из “ясачных иноземцев”. Русское население (среди которого, впрочем, были и представители иных этносов), состоявшее в основном из служилых людей, проживало в самом Сургуте. В 1601 г. в Сургуте насчитывалось 280 казаков, в 1620-е гг. в сургутском гарнизоне числилось 2 атамана и 200 служилых людей (см. док. № 13, а также: Первое столетие, 1996. С. 55). Такой состав (или чуть меньше) сохранялся в Сургуте вплоть до конца XVII в. [Никитин, 1988. С. 29].

Сургутскими атаманами в первой четверти XVII в. были Тугарин Федоров и Богдан Зубакин. Если личность и карьера Федорова неоднократно вызывали специальный интерес историков [Александров, Покровский, 1991. С. 80–81; Древний город, 1994. С. 122–123], то атаман Зубакин подобным вниманием обойден. Служба Федорова в Сургуте началась с момента основания города; Зубакин впервые по известным документам упоминается в 1602 г. В этом году атаман Богдан Зубакин был послан с отрядом из Сургута к верховьям р. Пур для объяснения тамошних самоедов. Выяснилось, однако, что последние уже платили ясак в только что возникший город на р. Таз – Мангазею (док. № 6). Заметим, что в некоторых работах, где идет речь об этом походе, фамилия атамана звучит как Чубакин, что является ошибкой [Буцинский, 1999. Т. 2. С. 89; Древний город, 1994. С. 105]. Возможно, данная неточность, допущенная когда-то П.Н. Буцинским, помешала отождествлению атамана “Чубакина” с тем атаманом Богданом Зубакиным, который в 1616 г. был послан на поимку восставших под предводительством Кинемы остяков [Миллер, 2000. С. 273]. Любопытно, что Зубакин и Кинема, сын остяцкого князца Бардака, в 1602 г. вместе участвовали в походе на пуровских самоедов. В док. № 17 (V) упоминается жена Зубакина Катерина. Согласно окладной книге жалованья (док. № 34), Богдан Сидорович Зубакин еще в 1625 г. был сургутским атаманом.

Вообще фамилии, содержащиеся в ранних документах по Сургуту, интересно сопоставить с фамильным составом его жителей, который, благодаря исследованиям Н.А. Миненко, довольно хорошо известен для XVIII–XIX вв. Потомки первых сургутских атаманов Федорова и Зубакина среди сургутских служилых людей в следующие столетия не прослеживаются. Нисколько не претендуя на детальный сравнительный анализ фамилий сургутских жителей, отметим лишь те из них, носители которых явно стояли у истоков династий сургутских старожил (при этом мы оставляем в стороне фамилии типа Иванов, Яковлев и т.д.; больше уверенности для сопоставлений дают несколько необычные фамилии, корневая основа которых связана с прозвищами или вещами).

Уже в 1609 г. известен сургутский служилый человек Иван Кайдалов, который был убит восставшими остяками в 1616 г. [Миллер, 2000. С. 247, 273]. В нашем

вопроса правительство стало организовывать ямские слободы, населенные русскими людьми. Не позднее 1600 г. возникла ямская слобода в Верхотурском уезде, которая состояла из 50 русских семей. Служба в ямщиках была нелегкой. Как говорили верхотурские ямщики, “гоняют они всякие службы зимние и летние ежедневно на шесть дорог... верст по 400 и по 500 и от тех многих дальних служб лошадьми опали и одолжали великими долгами” [Буцинский, 1999. Т.1. С.52]. Сначала им было положено денежное и хлебное жалованье, но затем вместо хлеба они получили земли под пашни, а денежное жалованье с 20 руб. было сокращено до 13 руб. В начале 1601 г. в Москву поступила челобитная от тюменских служилых татар, которые просили сложить с них ямскую повинность. Правительство Бориса Годунова указало “на Тюмени устроить ямщиков против Верхотурского и Япанчинского (Туринского. – *Авт.*)” [Миллер, 2000. С. 192–193].

Здесь необходимо сделать пояснение о терминологии документов, говорящих о ямской службе. В русском языке того времени устоялось выражение “гонять подводды” У нас слово “подвода” ассоциируется с летней или зимней повозкой, запряженной лошадей. Но в Сибири данное слово было более многозначно. И связано это с тем, что за Уралом ямщики обслуживали не только сухопутные, но и водные пути. Более того, в северных районах Западной Сибири вообще не было удобных сухопутных дорог и не разводились лошади, а ямщики тем не менее “давали подводды”. Объясняется это весьма просто. Если ямщик по обоснованному требованию проезжающих садился на судно в качестве гребца-проводного, это и означало “получить подводду”. В таких случаях под “подводой” подразумевалось конкретное лицо, а не телега с лошадей. Наши предки, не занимаясь изобретательством, перенесли термины сухопутной ямской гоньбы и на обслуживание водных путей.

Как известно, на Иртыше ниже Тобольска русские ямские слободы (Демьянская и Самаровская) возникли в 1637 г. А кто до этого выполнял ямскую гоньбу, начиная от Тобольска? Здесь тоже уже с первых шагов русской колонизации подводная повинность была возложена на представителей местных народов. Если говорить о судоходстве по Иртышу ниже Тобольска и по Средней Оби, то “судовыми ямщиками” от Тобольска до устья Демьянки выступали русские и татары, а далее – ханты Тобольского и Сургутского уездов. Система ямской гоньбы на Средней Оби, которую пытались установить русские власти, предстает в следующем виде. Специальных поселений ямщиков здесь не было, поэтому за ямы были приняты остяцкие юрты, которые довольно часто встречались по берегам Оби. Ямская повинность хантов заключалась в сопровождении судов (летом) и перевозке грузов на нартах (зимой). Особенно трудно было сопровождать суда против течения. Здесь использовались весла, шесты (для толкания судна) и бечева, которой тянули дощаники по берегу. Сургутский воевода обязан был выделять хантов-ямщиков тем, кто предъявлял казенные подорожные. В идеале расчет был простой: остяки от Сургута сопровождали судно до ближайших населенных юртов, где они сменялись (и так далее вплоть до Нарымского и Кетского острогов). На одну смену гребцов тогда приходилось бы не больше 1–2 дней пути. Практика, однако, не соответствовала теоретическим расчетам.

Уже в челобитной от 7 июня 1626 г. остяков всех волостей Сургутского уезда (док. № 11) слышится стон по поводу ямской гоньбы: “А подводды, государь, с нас,

сирот твоих, перед прежними годами емлют многие: летом на судех ходим, а зимою и з женишками тянем нарты на себе безпрестани под всякими служилыми людьми. И от подвод, государь, нам стала нужна великая: недели по 2 и по 3 нас, сирот твоих, на судех держат и многие юрты провозят не переменяя” Отписка этого же года сургутского воеводы Н.Е. Пушкина (док. № 20) раскрывает любопытные подробности привлечения остяков в качестве судовых ямщиков. В июле 1626 г. в Сургуте остановился письменный голова Семен Чаплин, посланный из Тобольска в Томск для какого-то “сыского дела”. Прожив неделю, он явился к воеводе и заявил, что ему, согласно подорожной, необходимо выделить 19 подвод. Пушкин отправил в ясачные волости уезда двух казаков для сбора “остяков в подводы”. Задача была непростой, так как незадолго до этого в волости уже были отправлены казаки с той же целью. Эти-то “подводы” (т.е. ханты), предназначенные для других проезжающих, и были отданы Семену Чаплину на судно. В источнике сказано: “И те подводы Семен отдал беречь толмачу Лучке Туполку, и ис тех подвод остяк ухоронился, и в то место Семен на толмаче доправил человека”. Из данной цитаты совершенно очевидно, что словом “подвода” здесь обозначен один человек. Далее Пушкин сообщал, что с Чаплиным и другими проезжающими одновременно отпущено по подорожным 50 подвод. Вслед за ними прошел из Тобольска дощаник с хлебом, на который в качестве охраны сели два сургутских казака. Казенному дощанику также были даны “подводы”. Этот дощаник дошел вверх по Оби до Аслымских юрт: “И как де они приехали в Аслымские юрты, а в тех юртах на яму остяков нет, разбежались, и перемянуть де тех подвод у них, которые были на дощанике, некому. И те де остяки от яму от Аслымских юрт отъехав, на пустом месте от них с дощаника учили метатца на берег, а говорили де им, что они голодны, а подводде по ямом нет. И они де тех остяков учили имать и те де остяки, переломав шесты, их били и ножи хотели резать”

Воевода Пушкин допросил остяков, сбежавших с казенного дощаника у Аслымских юрт. Ханты в свое оправдание заявили: “проезжали де они многие юрты, а ни в одних подвод нет, перемянуть де их некому. А провозят де их на судех недели по 2 и по 3, не переменяясь, и поморят де их с голоду, не кормят и бьют. И мы де почали с судов метатца на берег...” В июле 1626 г. в Сургут из поездки по Оби вернулись казаки Малафейко Кузьмин и Ортюшка Дербень. Со слов хантов они заявили, что “остяки с ямов с Оби реки разбежались”, потому что Семен Чаплин им “тесноту чинил великую, едучи, их бил, и от того де остяки с ямов разбежались, и на ямах де им жить нельзя”. Свою отписку в Москву Пушкин заключил неутешительным выводом о попытках создания на Оби организованной ямской службы: “И из Сургута, государь, посыланы были в Сургуцкой уезд казаки многожды ямов строить, чтоб подводы были у остяков по ямом беспеременно ж. И остяки не слушают, по ямом не живут, бегают, а говорят: бьем де мы челом государю о сыску безпрестани, что на ямах нам жить от проезжих людей от налоги невозможно, и нам де сыску и указу нет...” Между прочим, подобные жалобы хантов не оставались без ответа. Незадолго до воеводства Пушкина в Сургут была прислана царская грамота, в которой указывалось ясачных людей “беречь от посланников и ото всяких служилых проезжих людей” и даже посылать “для обереганья” вместе с остяками-гребцами сургутских атаманов и пятидесятников. Однако воплотить этот указ в жизнь было не так просто.

Стремительное продвижение русской колонизации в Восточную Сибирь во много раз увеличивало интенсивность транзитного Обь-Иртышского судоходства. Между тем, количество остяков Тобольского и Сургутского уездов было невелико. В последнем в 1626 г. было учтено 835 плательщика ясака (из них 717 хантов, остальные – селькупы и кеты, также называвшиеся остяками). Очередную жалобу на тяжесть ямской повинности подали 5 января 1629 г. остяки Нижнего Иртыша (док. № 23). Они совершенно правильно отметили причины ее возрастания: “И перед прежним, государь, подвод прибыло много, потому что Божию милостью и твоим государевым счастьем под твою государеву высокую руку прибывают новые землицы, и ис Тобольска, государь, в те новые землицы посылают детей боярских и служилых людей, и ис тех новых землиц дети боярские и служилые люди с твоею государевою соболиною казною и с отписками и со всякими твоими государевы дела ездят в Тоболеск, а мы, сироты твои, под ними в подводах ходим ж. И на нас, государь, сиротах твоих, стали подводы безпрестанные, и на соболиные промыслы ходить мы, сироты твои, добывать на твой государев ясак не поспеем от тех безпрестанных подвод”

Совершенно определенно, что Демьянский и Самаровский ямы с русскими ямщиками возникли вследствие коллективной челобитной остяков 25 волостей Тобольского, Сургутского и Березовского уездов. В феврале 1635 г. дьяк Устюжской четверти Пантелеймон Чириков получил указ о наборе в поморских городах 100 человек с семьями, которые должны были заселить Самаровский и Демьянский ямы [Буцинский 1999. Т. 1. С. 120]. Однако не так просто было набрать 100 ямщиков – “охочих людей, а не из тягла и не из холопей и не крепостных людей”. Для их набора в поморские города из Москвы были посланы дворяне Федор Скрябин и Иван Погожий. В 1661 г. самаровские ямщики вспоминали, что “гоняют они ямскую гоньбу” с 1637 г. [Лопарев, 1997. С. 151]. Таким образом, указ об основании Демьянского и Самаровского ямов состоялся в 1635 г., а к 1637 г. они были заселены, и их жители стали реально нести ямскую службу. Но уже в 1639 г. многомудрые столичные чиновники изменили свое мнение и решили все русское население двух ямов перевести в Томский уезд и поселить на пашню. Подводную повинность вновь предполагалось возложить на обь-иртышских остяков, уменьшив при этом наполовину их ясачный оклад [Миллер, 2000. С. 541–543].

Однако данный проект не был осуществлен из-за противодействия ясачных людей. Они опять подали челобитную, в которой обещали “ясак и поминки платить полной оклад по прежнему”, а русским ямщикам выделить земли под пашни из своих угодий. Последнее было важным условием, так как правительство обеспечивало ямщиков только денежным жалованьем и настаивало, чтобы вместо хлебного жалованья ямщики обрабатывали свои пашни. В начале 1640-х гг. сургутский воевода А.С. Вельяминов предложил “разобрать” местных остяков: “добрым” остякам по-прежнему платить ясак, а “бедным и худым” – выполнять ямскую повинность. Однако эта инициатива встретила возражение и со стороны остяков, и со стороны Москвы. Дело осложнялось тем обстоятельством, что возле Самаровского яма земель, пригодных для пашни, не было, что вызывало необходимость снабжения самаровских ямщиков казенным хлебом. Наконец, после долгих колебаний в 1645 г. в Москве было решено Демьянский и Самаровский ямы не уничтожать, но “сургуц-

ким ясачным людем... ямскую гоньбу гонять и наш ясак платить сполна по прежнему” [Миллер, 2000. С. 580–585].

Таким образом, основание Самаровского яма только частично сняло ямскую повинность с остяков Сургутского уезда, так как самаровские ямщики “гоняли” не далее самого Сургута. Поэтому неудивительно, что в 1655 г., когда сургутский воевода выяснял причины недоимок в сборе ясака за 30 лет (док. № 32), представители всех ясачных волостей опять-таки указали на тяжесть ямщицкой службы: “Как де государевым счастьем роспространились сибирские города и остроги, Кузнецкой и Енисейской и Красноярской и на великой реке Лене, и с тое де поры почала быть подводная гоньба многая. В которую де пору летом соры запираем и сухую рыбу готовим, с чем ходим на лешие свои промыслы для государева ясаку и поминков, и в ту де пору мы, ясашные люди, Томсково и Ленсково розрядов под воеводы и под их запасы и под всякими служилыми людьми вверх и вниз, летом на дощаниках и на каюках, а зимою в нартах ходим в подводах безпрестани”

Нет сомнений, что ямская повинность тяжелым бременем лежала на хантах Сургутского уезда в течение всего XVII в. Об этом свидетельствуют как русские документальные источники, так и записки иностранных путешественников. В 1692 г. в Китай было отправлено очередное посольство, во главе которого был поставлен купец голландско-немецкого происхождения Избрант Идес. В составе посольства находился и немец Адам Бранд. Оба они вели дневниковые записи и впоследствии в разное время опубликовали их в Западной Европе. В разделе “Какие люди живут по берегам Иртыша” Избрант Идес писал: “Большая часть жителей здесь – русские ямщики, получающие ежегодно жалованье от его царского величества, за что они должны бесплатно обеспечивать подводами и рабочими присланных воевод и всех других проезжающих по служебным делам его царского величества в Сибири и за небольшую плату возить их летом по воде, а зимой по льду до города Сургута на Оби. У ямщиков много собак, которыми пользуются, когда случается ехать зимой...”

Адам Бранд записал, что на пути от Тобольска до Демьянского яма они (члены посольства плыли на двух дощаниках) ежедневно 2 или 3 раза в день получали свежих гребцов. 1 августа дощаники выплыли на Обь. По словам Бранда, “она оказалась широкой, глубокой и неудобной для судоходства как ввиду большой опасности кораблекрушения, так и из-за ужасного волнения... 9 августа мы покинули Сургут, получив в нем смену молодых гребцов, которых мы воодушевили ласковыми речами, так что они налегли на весла...”. Вспоминая о плавании вверх по Кети, Идес жаловался: “Мне пришлось выдержать много неприятностей и испытаний на этом тяжелом и продолжительном пути, так как запасы продуктов питания и прежде всего муки сильно уменьшились... Мое положение было бы лучше, если бы не сочувствие к находившимся на судне остякам. Когда по расположению места это было необходимо, они тащили нас с берега на бечеве и из-за продолжительной тяжелой работы были настолько измучены, что нам приходилось все время следить, чтобы они все не разбежались. Не было дня, чтобы, сколь зорко ни сторожили их наши люди, кто-либо из них не сбежал. В конце концов из-за наступивших холодов и ежедневного изнурительного труда они так обессилели, что никуда не годились” Таким образом, прижимистый посол сетовал на то, что ему приходилось кормить остяков-гребцов, которые все-таки в конце пути “никуда не годились”. Адам Бранд

дополняет Идеса: “От Сургута до Маковского у нас на обоих судах гребцами были молодые и часто сменявшие друг друга остяки, которых господин посол должен был кормить. Это ленивый народ, который бежит от работы, как от чумы, даже если ему не на что прожить хотя бы один день... Они 2–3 раза в месяц, или 16–20 раз в год, меняют местожительства в поисках более удобных и безопасных земель. Когда мы спросили их о причине передвижений, они ответили, что их вынуждают к этому невыносимые страдания, причиняемые им проезжающими, которые повсюду их разыскивают, насильно уводят из юрт и против воли сажают на весла” [Избрант Идес и Адам Бранд, 1967. С. 91, 97, 105, 107, 114]. Между прочим, о ямской судовой повинности как причине локальных миграций обских остяков в XVII в. исследователи, насколько известно, еще не писали. Наблюдения иностранцев подтверждаются документальными источниками. В 1690 г., согласно донесению воеводы В.Б. Бухвостова, “в розных числах дано из Сургута до Нарыма московским и сибирским стрельцом ясашных остяков 75 подвод, и ис тех де подводчиков, идучи из Нарыма в Сургут, дорогою з голоду померло 8 человек” [РГАДА, ф. 214, стб. 1299, л. 28].

Таким образом, мы можем констатировать факт близкого знакомства среднеобских остяков с русскими речными судами XVII в. (по крайней мере, с дощаниками и более легкими каюками). Это дает определенные аргументы в пользу мнения о заимствовании хантами навыков русского судостроения. Например, этнограф Н.В. Лукина пишет: “Вряд ли эпизодические встречи хантов с такими судами (т.е. русскими – *Авт.*) могли привести к заимствованию” [Лукина, 1985. С. 93]. Между тем, крытая дощатая лодка с мачтой и парусом, которую Н.В. Лукина описывает у восточных хантов и которую она склонна считать оригинальным достижением этого народа, – это, собственно, русский каюк XVII в. С первого века русской колонизации крытые каюки использовались для перевозки грузов и товаров по сибирским рекам на большие расстояния. Сибирские народы (помимо хантов – кеты) приспособили крытый каюк под временное жилье на воде. А в том, что знакомство сургутских остяков с русскими каюками не носило характер “эпизодических встреч”, не приходится сомневаться.

Нелегкую ямскую повинность ханты Среднего Приобья несли весь XVII в. В 1707 г. остяки Сургутского уезда в очередной раз жаловались на тяжесть ямской гоньбы: “По твоему государеву указу служим мы тебе, государю, в Сургуте в Подгородных и Лунпоколской и Ваховской волостях и твой государев ясак ... платим сполна. А яму, государь, у нас в Сургуте нет. А всякую, государь, подводную гоньбу гоняем мы от Сургута до Нарыма и до Самаровского яму и от той подводной гоньбы вконец разорились, и люди у нас многие померли, а которые у нас были собаченки, и те також померли. И мы, государь, продаем котлы и топоры и ножи и тем мы подводную гоньбу не останавливаем. А у нас, государь, место безхлебное, а когда мы уловим рыбы, и мы тем и сыты бываем, а когда не уловим, и мы з голоду умираем ... Не вели, государь, нам той подводной гоньбы гонять, а вели ... в Сургуте поставить ям”. В первый раз Сибирский приказ пошел навстречу жалобам остяков и предписал сургутскому воеводе освободить их от ямской повинности, а для служебных посылок нанимать гребцов из “охотников” [Древний город, 1994. С. 212]. Организация ямской гоньбы в Среднем Приобье в XVIII в. требует специального изучения.

Публикуемые документы дают яркое представление и о собственно ясачной политике, проводимой в отношении аборигенов Сургутского уезда. С 1610 г. ежегодный оклад каждого ясачного человека составлял 9 соболей (или их эквивалент в шкурках других зверей). В течение XVII в. московские приказные дельцы упорно закрывали глаза на быстрое “испромышление” соболя в Среднем Приобье и от каждого нового воеводы требовали сбора недоимок по ясаку, накопившихся за прошлые годы. С другой стороны, Москва неукоснительно придерживалась принципа: “По государеву указу во всех сибирских городех на ясашных людех государеву ясашную и поминошную рухледь збирают ласкою, а не правежем”. А результат получился такой. В 1699 г. в 14 волостях Сургутского уезда насчитывалось 720 ясакоплательщиков, на которых (в денежном переводе ясака) “довелось взять” 2322 руб. 45 коп. Недобор в сборе ясака на 1698/99 г. составил 1294 руб. Всего же доимочного ясака с 1625 г. по 1700 г. на остяках Сургутского уезда накопилось на 136 533 руб. 17 коп. [Первое столетие, 1996. С. 157]. Если бы даже московскому правительству вдруг пришла мысль все ясачное население Сургутского уезда распродать в холопы, то и эта операция не покрыла бы накопившегося долга по ясаку. Впрочем, подобные идеи в Москве никогда и не появлялись. Все это указывает на основной принцип “колониальной” политики России в XVII столетии: грозные указы с требованием полной уплаты ясака и молчаливое согласие с реальным положением дел.

Сталкиваясь с подобной двойственной позицией центральной власти, сибирские воеводы (напомним, люди военные и полные хозяева в своих российских поместьях) испытывали большие затруднения. Так, в 1644 г. сургутский воевода А.А. Измайлов докладывал в Москву, что в течение двух лет отправлял во все волости служилых людей с заданием: выслать ясачных остяков на зверовые промыслы, дабы они могли уплатить ясак сполна. Однако ясачные люди волостных князцов не послушали, “на зверовые промыслы ходили немногие, а иные многие на свои лешие промыслы не ходили”. В результате кто-то заплатил полный ясак, кто-то только его половину или треть, а иные вообще не платили. Свои недоумения Измайлов изложил следующим образом: “И я, холоп твой, тем непослушником, которые на лешие свои промыслы не ходили и твоего государева ясаку и поминков не платили, а мяхкую добрую рухледь втай ... продавали, без твоего государева указу за их непослушанье наказанья чинить им не смею, потому что в наказе у меня, холопа твоего, написано: велено мне ... к ясашным людям держать ласку и привет и береженье и твой государев ясак и поминки збирать ласкою, а не жесточью и правежем” [РГАДА, ф. 214, стб. 134, л. 385–385а].

Наши документы отчасти проясняют, почему постоянный и большой недобор ясака в Сургутском уезде начался именно с 1625 г. (док. № 10–12). В 1623–1625 гг. воеводами в Сургуте были И.Р. Безобразов и Ф.Г. Шишкин, которые решили отличиться перед царем административным рвением. В 1627 г. Шишкин, привлеченный для справки в приказ Казанского дворца, сказал: “Как де Иван Безобразов да он, Федор, были на государеве службе в Сибири в Сургутском городе, и Иван Безобразов да он, Федор, перед прежними годы учинили государю прибыли ... во всякой мяхкой рухляди 3000 рублей, ... ясачных людей приискали вновь 230 человек”. За свою радетельную службу воеводы были пожалованы у царского стола: Безобразов

получил серебряный кубок и соболиную атласную шубу ценой в 114 рублей, Шишкин – серебряный кубок, 10 аршин лазоревой камки и 40 соболей [Прибыльные дела, 2000. С. 75–76].

Однако парадный триумф воевод в Москве имел довольно шаткую основу. Уже следующий сургутский воевода Н.Е. Пушкин выяснил, что его предшественники пошли на обман. Согласно утверждениям остяцких князцов и лучших людей, Безобразов и Шишкин записали в ясак 256 человек – людей физически немощных, старых, увечных и недорослей, т.е. всех тех, кто находился на иждивении взрослых ясакоплательщиков. Небольшое, видимо, исключение составляли так называемые захребетники и холопы, жившие при самих князцах. Они являлись социальным реликтом дорусской эпохи и напоминали о более высоком статусе некогда независимых вождей остяцкого общества. Зачисление в ясак зависимых от князцов людей окончательно подрывало престиж и экономическую основу власти “лучших людей” над своими сородичами. Убежденный челобитными остяков, Пушкин доложил в Москву, что без жестких насильственных мер (правежа и тюремного заключения) полного ясака по новым спискам Безобразова и Шишкина с аборигенов Сургутского уезда не собрать. Однако в Казанском дворце сидели хотя и доморощенные, но весьма искусные софисты. Для ответа Пушкину был приглашен Иван Безобразов, который, разумеется, стоял на том, что прибранные им с Шишкиным новые ясачные люди вполне способны к уплате ясака, а ранее по своей злонамеренности просто избегали его. Дьяки Казанского дворца приняли сторону Безобразова. Основным аргументом в пользу его правдивости послужил факт запоздалой реакции сургутских остяков на обманные действия Безобразова и Шишкина. Логика московских приказных дельцов была такой: если ясачное обложение, учиненное Безобразовым, было несправедливым, то почему остяки тут же не подали соответствующую жалобу в Тобольск, которому подчинялись и сургутские воеводы? А если они сделали это при Никите Пушкине, то, значит, сам Пушкин и научил их писать кляузные челобитные. Вслед за московскими бюрократами мы тоже вправе задуматься: почему это приобские аборигены, жившие небольшими общинами на огромных расстояниях, не имевшие своей письменности и почти не знакомые с бумажными законами “московской волокиты”, немедленно не обжаловали действия воевод, которые и представляли далекого от них грозного царя? Надо ли говорить, что ответ на данный вопрос заключается во всем различии этнокультурной истории “аборигенов” и “колонистов”. Инициатива остяков, поддержанная Пушкиным, потерпела неудачу, и с этого года за ясачным населением Сургутского уезда стал расти “хвост” долгов по неуплате положенного ясака.

Значительная часть публикуемых документов посвящена воеводской “смуте”, что в сибирской практике управления того времени случалось часто. Бывало, что “рознь” между двумя воеводами одного города, доходившая до открытых столкновений, значительно дезорганизовывала управление уездом [Александров, Покровский, 1991. С. 129; Вершинин, 1998. С. 61]. Воеводы Никита Евстафьевич Пушкин и Богдан Иванович Белкин были назначены в Сургут 7 февраля 1625 г. [наказ им см.: РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 198-214 об.]. Возможно, что Никита Пушкин уже не первый раз бывал за Уралом, так как его отец, Евстафий Михайлович, в 1601–1603 гг. служил в должности второго воеводы в Тобольске (во время гонений на

Пушкиных со стороны Бориса Годунова). Биографическими сведениями о Б.И. Белкине мы не располагаем. Нам неизвестно, почему Пушкин и Белкин столкнулись на сургутской земле в смертельной вражде, но, скорее всего, нити этой вражды тянулись к их взаимоотношениям еще до назначения в Сибирь. Оказавшись “товарищами” по воеводству, Пушкин и Белкин взялись за сочинение клеветных челобитных, выискивая любые поводы, чтобы дискредитировать друг друга. Впрочем, реальную власть в городе захватил Пушкин, умело используя слабости противника – страсть к хмельному питию и прекрасному полу. В порыве обличения друг друга оба воеводы создали колоритнейшие картины нравов своего времени, сдобренных спецификой существования далекого сибирского города. Нет особой нужды комментировать перипетии борьбы между Пушкиным и Белкиным, поскольку в данном случае лучший рассказчик – сами документы. Очевидная вражда между этими сургутскими воеводами повлияла, возможно, на известный указ 1627 г. о ликвидации должности второго воеводы в ряде сибирских городов [АИ, 1841. С. 236–237]. В 1627 г. в Сургут приехал уже один воевода кн. М.С. Гагарин.

Большой интерес для изучения магических представлений русских жителей Сибири в XVII в. представляют материалы следственного дела 1679 г. о “порче” семьи сургутского воеводы кн. К.Н. Щербатого его дворовыми и местными служилыми людьми (док. № 33). Сходное дело, когда двумя колдунами был “изведен” туринский воевода Игнатий Дурново, разбиралось в 1686 г. Еще раньше, в 1650 г., в Томске велось жестокое следствие над присланной из Нарыма группой колдунов, нанесших немалый вред нескольким жителям города и самому нарымскому воеводе Федору Головачеву. Примерно тогда же боролся с колдовством в Енисейске Афанасий Пашков [см.: Оглоблин, 1894. С. 234–236; Он же, 1895. С. 200, 371; Покровский, 1975. С. 113–115, 128; Он же, 1988. С. 159–162].

В 1654 г. в Сибири оказался еще один чародей – Иван Прокопьевич Жеглов, личность, небезызвестная в русской истории XVII в. И.П. Жеглов жил в середине этого столетия в Новгороде Великом и служил в чине сына боярского при новгородском митрополичьем дворе. Характер имел Жеглов независимый и вспыльчивый, а к тому же увлекался чернокнижием. Он не побоялся войти в конфликт с новгородским митрополитом Никоном (будущим патриархом), за что тот отправил Жеглова в тюрьму, заковал в кандалы и даже “вымучил на нем денег триста рублей”. Из тюрьмы Жеглова освободило Новгородское восстание 1650 г. Ореол мученика способствовал тому, что мятежники сделали Жеглова фактическим руководителем восстания. Однако в апреле 1650 г. Иван Жеглов ценой тайной измены купил себе жизнь у царского правительства [Шашков, 1990. С. 83–88]. После подавления восстания и проведенного сыска он вместе с семьей был сослан в самый дальний сибирский город – Якутск. Ссылка, однако, не исправила его задиристого характера. В Сургут Жеглов прибыл на дощанике 3 июня 1654 г. в сопровождении тобольского пристава Богдана Жукова и казаков. Здесь бывший мятежник вознамерился сойти на берег, чему Жуков воспротивился. Между приставом и Жегловым произошла драка, в ходе которой ссыльный буян “Богдана Жукова резал ножом”. Сургутский воевода кн. Н.Ф. Мещерский вынес Жеглову наказание (“бить на козле кнутом нещадно”) и отправил в Енисейск (док. № 31). В дальнейшем Иван Жеглов, будучи на разных службах в Якутии, еще не раз демонстрировал свой неукротимый и алчный

характер, а его внук, Иван Степанович Жеглов, был в 1687 г. сожжен в Якутске за несправимую тягу к чародейным книгам и колдовской практике.

Литература

АИ. СПб., 1841. Т. 3.

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2.

Буцинский П.Н. Сочинения: В 2 т. / Под ред. С.Г. Пархимовича; Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999. Т. 1–2.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

Гневущев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.

Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936.

Лопарев Х.М. Самарово. Тюмень, 1997.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. М., 1999–2000. Т. 1–2.

Мищенко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.

Никитин Н.И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995.

Оглоблин Н.Н. Бытовые черты XVII в. // Русская старина. 1894. № 3.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч. 1.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. док. М., 1951.

Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996.

Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Изд. 2-е. М., 1988.

Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 2000.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. М.;Л., 1952.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М., 1969–1972. Т. 1–2.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сб. док. М., 1959.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. док. М., 1974.

Русско-монгольские отношения. 1655–1684: Сб. док. М., 1996.

Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сб. док. М., 2000.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999.

ЧОИДР. М., 1909. Кн. 2.

Шашков А.Т. Якутское дело XVII в. о колдуне Иване Жеглове // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.

Элерт А.Х. Сургутский уезд первой половины XVIII в. в экспедиционных материалах Г.-Ф. Миллера // Сургут, Сибирь, Россия: Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

1594 г., февраля 19. – Наказ царя Федора Ивановича воеводе кн. Ф.П. Борятинскому и голове В. Оничкову о строительстве города Сургута

(Л. 24) Лета 7102-го февраля в 19 день память князю Федору Петровичю Борятинскому да Володимеру Оничкову. По государеву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу велено им быти на государеве службе: вверх по Оби город ставити в Сургуте или в Безекове волости в Лумпекех. А что с Володимером послано будет с Лозвы в тот новой город наряду, и зелья, и свинцу, и хлебных запасов, и тому с ним послана роспись подлинная. И Володимеру, взяв под себя подводы по подорожной, ехати ему в Пермь Великую да на Лозву. (Л. 24об.) А приехав на Лозву, взяти у воеводы у князя Ондreja Елецкого в новой город на Обь государевы хлебные запасы и деньги по росписи, и покласти те запасы в суды, итти с Лозвы вместе с воеводою со князем Ондреем с Елецким на весне рано, как лед вскрыетца. А пришед на Пелым, взяти у воеводы у князя Петра Горчакова пелымских казаков по росписи, итти в Тобольской город. А пришед в Тобольской вместе со князем Федором з Борятинским, взяв в Тобольском у воеводы у князя Федора Лобанова-Ростовского с товарищи (Л. 25) тобольских людей по росписи, – а подлинно об их отпуске писано ко князю Федору Михайловичю, как князь Федор приговорит, и в котором месте город им ставити, – итти вниз по Иртышу в Обский город. И пришед в тот Обской город, взяти из Обсково города с усть Иртыша у Гневаша Лутохина ратных людей, литву и казаков, которые годуют в Обском городе, и наряд, и в казне зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы по росписи. А хлебное бы жалованье и денежное послал князь Федор к тем людем, чтобы они не разбежа - (Л. 25 об.) лися з голоду. И дождовся з Березова города з головою с Молчаном с Норовым да с атаманом з Денисом з Базаровым с остяки, а послал бы князь Федор Лобанов к Микифору Троханиотову с товарищи, чтоб ранее прислал людей и наряд не мешкая. А к Микифору Троханиотову ведено послать тех людей з Березова, чтоб им в Опской город на усть Иртыша притти к Петрову дни. А сождався князю Федору Борятинскому и Володимеру Оничкову з березовскими (Л. 26) людьми, сождався у Обсково города, итти из Обсково города вверх по Оби в Сургут или в Лумьпуки в Безекову волость. А Обской город велел розломать и жечи, и впредь ему не быть; а Гневаша з детьми отпустил в Тобольской город, и быть им со князем Федором с Лобановым. А пришед князю Федору и Володимеру в Сургут, в котором месте пригоже, высмотря место крепкое под город, и поставить город всеми людьми, и тутошными, и под город очистить и город поставить. А делать город и лес возить всеми ратными (Л. 26 об.) людьми, да то место написать в

роспись, и на чертеж начертить, и всякие крепости выписать, где станет город; да о том отписать ко государю подлино, как придут ис Тобольсково вниз Иртишом и вверх по Обью и сколько будет ходу суды, - чтоб государю все было ведомо. А вскинуть город делати на всю рать, на литву и на казаков, на тобольских, и на березовских, и на новоприборных, и на татар на княж Игичеевых, и на ближние волости на остяков, которые блиско того нового города будут. А лес на город велети ронити (Л. 27) лехкой, чтоб вскоре город зделать, и житницы на государев запас велети поставить, и государев запас велеть в житницах устроить. А сперва тутошных людей беречися, велети им лес ронить и привозить под город, а стояли б под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепитца. А которые не почнут слушати и лесу к городовому делу возить, и их велеть воевать и поистращать. Устроая город, наряд по городу и всякие пушечные запасы устроити в казне по росписи, какова роспись с ними (Л. 27 об.) послана. И быти в городе князю Федору и Володимиру по сему государеву наказу, и государев запас в житницах держать за своими печатми, и и устроить город, и сторожи по городу устроить крепкие.

А велети житницы делати плотником в ту же пору тотчас, как город почнут делать. И жити в городе с великим береженьем и сторожи по городу и караулы были в день и в ночь крепкие, и выбрати сторожей к житницам и к городовым воротам и х казне из ратных людей, которых добрых, и жало- (Л. 28) ванье им денежное и хлебное годовое давати по государеву указу. А как князь Федор и Володимер город поставит; и им отписать и чертеж тому новому городу прислати ко государю к Москве в приказ дияку к Ондрею Щелканову, чтоб было государю ведомо.

А волости все и городки, которые пошли от Обсково городка от усть Ир-тиша к новому городу Сургут, и Сомаровская волость, и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой Орде, и выше Пегие Орды ведати судом и управою (Л. 28 об.) и ясаком в тот в новый город князю Федору и Володимеру, и ясак им платить по прежнему, как они платили в Тобольской город. А имати соболи добрые и лисицы черные, сорок соболей в тридцать рублей, и в полтретьяцать рублей, и в дватцать рублей, и в пятнатцать рублей, а меньше пятинатцати рублей сороков не имати, и ясачные книги тем всем волостям взяти в Тобольском (Л. 29) у воеводы у князя Федора Лобанова, по чему с них ясаку в Тобольском имано преже сего, и береженье к тем волостям держать великое, и збирая, отсылать им в Тобольской город ко князю Федору. А что зберут ясаку всякого и что отошлют в Тобольской, о том подлинно ко государю отписать, с кем пошлют. А князю Федору Лобанову велено их, пересмотря, с теми людьми и отпущать ко государю велено. А что с тех городков и с волостей ясаков зберут, и князю Федору (Л. 29 об.) и Володимеру тое государеву казну весь збор посылать в Тобольской город к воеводе ко князю Федору Лобанову-Ростовскому с товарищи. А для береженья посылать за казною до Тобольсково города из тово из ново города литву и казаков, чтобы ее довести здорово до Тобольсково города. А из Тобольсково города князю Федору велено тое казну

объскую присылати ко государю к Москве в приказ к дьяку к Ондрею Шелканову вместе (Л. 30) с тобольскою казною. А которые волости пошли по Иртишу от устья Иртишского к Тобольскому городу, и с тех волостей со всех ясаков в тот в новой город князю Федору и Володимеру не имать. А имати ясак велено с тех городков и с волостей князю Федору Лобанову в Тобольской город.

А которые люди посланы по росписи ис Тобольскаго города, и которые посланы с Пельми, и которые з Березова города, и которые из Обсково ис старого города, и тем всем казаком государево хлебное жалованье велено дать (Л. 30 об.) годовое тобольским людям в Тобольском, а пельмским на Пельми, а березовским на Березове.

А которой запас послан в новой город на запас сверх жалованья, и тот запас держать и устроить в государевых житницах, а взяти ис того запасу на татарские расходы пятьдесят чети муки, десять чети круп, десять чети толокна – чем татар и остяков кормить и приводить в новый город под государеву руку. А будет которых казаков и литву нужда имет хлебом, и до государевых до хлебных до новых запасов хлеба у них (Л. 31) не станет, и будут хлебом добре нужны, и им давать хлеба понемногу ис того государева запасу, чтоб им з голоду не помереть до новых хлебных запасов.

И быти в новом городе князю Федору и Володимеру с великим береженьем, и сторожи на городе и караулы были крепкие, чтобы городу никоторой порухи не было.

А Вонина сына Урунка взяти князю Федору Борятинскому и Володимеру с собою в новой город у князя Федора, и к отцу к его приказати, чтоб он был в новой город в Сургут, и ясак с себя и со всей Пегой Орды собрав, (Л. 31 об.) привез к вам. А государь его пожаловал, велел ему сына ево отдать, и велел его держати под своею царьскою рукою. А будет только Воня сам в новой город не будет, а пришлет ясак с племянником или с лутчими людми, и им ясак взять, а сына Вонина отпустить к отцу. А будет Воня ясаку не пришлет к ним в город, а отпустить князю Федору с Володимером, перебрав, с ним лутчих людей князя Игичея с лудьми и тутошних остяков в Пегую Орду воевать, чтоб ево извоевать и ясак с него и со всей Пегой Орды (Л. 32) прошлой и нынешней собрати и привести их под государеву руку, чтоб они приходили в новой город и ясак с себя давали сполна.

А как князь Федор и Володимер город поставят и остяков под государеву руку приведут и поустроятца, и им о том отписати и чертеж новому городу прислать ко государю к Москве в приказ ко дьяку к Ондрею Шелканову, чтобы про тамошние про всякие дела государю было ведомо.

А посылал ко государю к Москве з грамотами казаков человека по два или по три мимо Березов город да на Вымь, и о всяких о тамошних Л. 32 об.) делех отписывати подлино.

На л. 24 пометы: В тетратях наказ князя Федора Петровича Борятинского.

В тетратех государевых дел 105-го году с наказу и с государевых указных грамот списки слово в слово.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1 Л. 24-32об. Копия XVII в.

№ 2

1595 г., февраля 10. – Наказ сургутским воеводам О.Т. Плещееву и И.И. Колемину

(Л. 1) Лета 7103-го года февраля в 10 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велел воеводе Осипу Тимофеевичю Плещееву да голове Ивану Ивановичю Колемину быти на своей государеве службе в Сибири в новом городе в Сургуте на княж Федорово место Борятинского, а тамо готово голова Володимер Оничков, а князя Федора Борятинского ис Сургута отпустит. А что с ним послано с Москвы в новый город в Сургут зелья и свинцу, и что взяти с Лозвы сургуцким служилым и жилецким людем хлебных запасов, (Л. 1 об.) и тому послана с ними роспись подлинная за приписью дияка Василья Щелкалова; а что велено делати под сургуцкой запас судов, – и о том укас послан преже сего на Лозву к Ивану Нагово.

И воеводе Осипу Тимофеевичю и голове Ивану, взяв под себя и под зелье и под свинец подводы по подорожной, и ехати с Москвы в новой город на Лозву; а приехав, взяти у воеводы Ивана Траханиотова с товарищи в новой город в Сургут государевы хлебные запасы и деньги сургуцким служилым людем на жалованье по росписи, и под те государевы хлебные запасы и под себя взяти суды, как мочно государевы запасы устроить. И у воеводы (Л. 2) у Ивана Траханиотова с товарищи в государеве наказе и в росписе написано подлинно, сколько им в новой город в Сургут государевых хлебных запасов и денег с Лозвы отпустить, и что под те запасы судов дать, и сколько лозвинских стрельцов на судех для запасов до Пелыми отпустить. А как даст Бог на весне лед вскрыетца, и воеводе Осипу и голове Ивану, устроая государевы хлебные запасы и деньги в суды и взяв с Лозвы лозвинских стрельцов сколько пригож, как мочно государевы хлебны запасы провадить, итти в Сибирь вместе с воеводами.

А пришед в новой город на Пелынь, взяти на Пелыми у Богдана у Полева пелымских стрельцов потому ж, сколько (Л. 2 об.) человек надобе для провожанья, кому проводить на судех государевы сургуцкие хлебные запасы до Тобольского города; а лозвинских стрельцов с Пелыми отпусти ти назад. А пришед в Тобольской город, взяти у воевод у князя Меркуря Олександровича с товарищи для провожанья на суды двадцать человек тобольских стрельцов и казаков, которым проводить государевы запасы вниз Иртишом и вверх по Оби в новой город в Сургут, а пелымских стрельцов отпустить ис Тобольска на Пелым назад.

А пришед воеводе Осипу и голове Ивану в новой город в Сургут, взяти у князя Федора Брятинского государев подлинной наказ и государевы гра- (Л. 3) моты о всяких государевых и земских делах, и городовые и острожные ключи и город и острог, и на городе и на остроге наряд, и в казне зелье и свинец, и всякие пушечные запасы, и в житницах хлеб, и книги – приход и расход деньгам и хлебу, и служилых людей по росписи пересмотря на лицо, и ясашные книги, по чему с Сургута и з городков, которые пошли вниз по Оби до устья Иртишского, и которые пошли вверх по Оби к Пегей Орде, и по чему ясаку имать с Пегие Орды с Вони князя и с его людей. А взяв государев наказ и государевы грамоты о всяких о государевых делах, по тому воеводе Осипу и головам Ива- (Л. 3 об.) ну и Володимеру Оничкову государевы дела делать, смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее.

И с ясашных людей, с Сургута и з городков с Обских и с волостей, которые волости приписаны к новому городу к Сургуту, и со всей Пегие Орды по государевым книгам государев ясак собирать по государеву указу. А что с которово городка и с волости и с ково именем государева ясаку возмут соболей или лисиц, и шуб соболевых и белых, и бобров, – и то все записывать в книги подлинно, порознь, по статьям; а что ясашные люди принесут сверх ясаку государю челом ударить, или воеводам что принесут за ясаком в поминках, – и то все по тому же записывати в книги доподлинно (Л. 4) порознь по статьям. И держать ясашную казну за своими печатми.

А которые князьки ясашные тотарове государю непослушны, не добились челом и государева ясаку не платят, и в город к воеводам не приходят, – и воеводе Осипу Тимофеевичю с товарищи и с ним Володимеру Оничкову над теми ясашными людьми промышлять, чтобы их повоевать и ясак собрать сполна, и привести их под государеву руку, чтобы их истращать и их укрепить. А посылати во всякие посылки воеводе Осипу Володимера Оничкова, а с ним посылати, выбрав лучших людей, литву и казаков добрых с вогненным боем, а са- (Л. 4 об.) мому быти в городе и жити в то время с великим береженьем, чтобы было бережно. И будучи в новом городе в Сургуте, к служилым людям, к литве, и к казаком, и к стрельцом и к ясашным тотарам береженье и ласку держати великую, чтобы в таком дальнем месте нужи и тесноты некоторые не было.

А атаману Темирю Иванову и его прибору казаком терьским, и вольским, и донским сказати государево жаловальное слово, чтобы они ныне потерпели и государю послужили, а государь их за их службу и за терпение пожалует своим великим жалованьем, и перемену на их место к новому (Л. 5) году пошлет, и отпустит их в [... Пелым]

И государево денежное и хлебное жалованье сургутским служивым людям роздати по росписи, какова роспись с ним, с Осипом, и с Иваном послана за приписью дьяка Василья Щелкалова. А раздавати государево денежное и хлебное жалование служивым людям на два срока, чтобы в государевых житницах во весь год без запасного хлеба не было.

А которые князьки и ясашные тотарове учнут приезжати в новой город в Сургут с вестьми или с ясаком, и тех князьков поить и кормить, и приводить к шерте, – что им вперед быти от государевы милости неотступным и ясак с собой платити ежегод беспереводно, и отпускати их к себе, не издержав.

А князя Федора Борятинского ис Сибири отпустить. А самому воеводе Осипу и головам Ивану и Володимеру Оничкову и с ними служивым людям быти в новом городе в Сургуте по росписи и жити с великим бережением, чтобы на городе и в остроге на сторожах и на караулах были сторожи крепкие, казаки и стрельцы по переменам, чтобы сургутские люди из городков и из волостей, татарова, пришед, над городом какие порухи не учинили, и бережение от них держати великое, только они не укрепились и государю не добились челом. (Л. 6) А обо всяких томашних делех обсылатисе и писати в Тобольской город и воеводам, чтобы в сибирских городах меж воевод всякие вести были ведомы.

А что у князя Федора Борятинского государевых хлебных запасов и денег и наряду и всяких пушечных запасов возьмут, и Осипу и Ивану и Володимеру вместе о том о всем отписать и роспись прислати ко государю к Москве в Посольской и в Четвертной приказ к дьяку к Василию Щелкалову, чтобы про то государю было ведомо. А посылати ко государю з грамоты казаков и стрельцов прямо мимо Березов город да на Вымь, чтобы государю про всякие вести было ведомы.

Да память воеводе ж Осипу Тимофеевичю и Ивану. Приехав им в новой город в Сургут, пересмотрети и переискати у князя Федора у Борятинского и у Володимера у Оничкова и у всех детей боярских на их дворах сибирские всякие мяхкие рухляди – приносных, и поминочных, и купленных соболей и лисиц, и бобровых. А у ково что найдут, и тое всеех рухлядь переписати и писати имянно, у ково что найдут; а переписав и запечатав своими печатми, да служилыми и торговыми людьми про то сыскати накрепко, у ково они купили какие рухляди, и сколько они мяхкие рухляди из Сибири, живучи, посылали к себе, и с кем именем, и в котором году посылали, – про то про все сыскати накрепко, да тот весь сыск, и тое всеех рухлядь, и тое рухляди роспись прислати ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси к Москве з государевою казною вместе в Посольской и в Четвертной приказ к дьяку к Василию Щелкалову.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 1-7. Копия XVII в.

**1596 г., августа 31. – Грамота сургутскому воеводе
О.Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под
предводительством головы И.И. Колемина**

(Л. 7 об.) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь в новой город в Сургут воеводе нашему Осипу Тимофеевичю Плещееву с товарищи. Писали есте к нам с сургутскими казаки с Первущему Лукиным да Якушом Матфеевым, что в нынешнем в 104 году посылали вы в Пегую орду князю к Воне нашего ясаку собирать на нынешней на 104 год и на прошлой на 103 год ясачиков (Л. 8) стрельца Ивана Беляева да казаков Ваську Черкаса да Тимоху Вячанина, а к Быковым детям посылали стрельца Иванка Ясыря да казака Савку Корелу. И Воня князь в Пегую орду наших ясачиков к себе не пустил, а взял к себе одново ясачика Иванка Ясыря, да, взяв его к себе, ясаку ему на нынешней на 104 год и на прошлой на 103 год с собя и с людей своих не дал и к Быковым детям его не пропустил и ему отказал, что ясак с себя и своих людей не дает.

Да вы ж к нам писали, что писано к вам от нас в нашей грамоте с атаманом (Л. 8 об.) с Митию Гизниным: которых воинских людей посылати в дальние посылки на наших изменников в Пегую орду и тех было людей к вам присылать по зиме, и тех к вам людей не присылавали. А только на Пегую орду войны не будет, и с Пегой орды и с иных волостей нашего ясаку николи сполна им не давывать. А как будут на Пегую орду воинские люди, и в Пегой бы орде поставити острог на одну осень, покамест приведут волости под нашу под царскую руку и ясак возьмут сполна, и у них бы поимати заклады лучших людей изо всех волостей и кому мочно было впе- (Л. 9) ред верить. А заклады бы у них поймав, в город в Сургут привесть. А острогу бы в Пегой орде вперед и нашим людям не быти, потому что место дальнее, вода верховая, запасы провадить великою нужею, а малым людям быти в Пегой орде в остроге нельзя, что у Воня князя с братьею и з детьми збираетца 400 человек, а все около ево ходом во днище, а иные де волости подошли к Воне блиско ж.

Да вы ж писали к нам, что вы город Сургут и острог укрепили и чеснок круг города и острогу поставили всеми служилыми людьми и живете в новом (Л. 9 об.) городе в Сургуте с великим бережением. Да приехал де к вам в город в Сургут мая в 14 день Бордоков сын Тонем, а в розпросе вам сказал: слышал де он от ваховского остяка от Тадыбина сына от Нона, а ходил де он в Лунпукол вверх и слышел он от лунпуколских остяков, что Воня князь нашего ясаку дати не хочет, а хочет де, собрався с своими людьми и з дальними волостми, приходит к городу к Сургуту. Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бордак, что Кучюм царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею князем (Л. 10) ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу

Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить. И нам бы вам о том о всем велети указ свой учинити.

И вы то зделали гораздо, что город Сургут и острог укрепили и чеснок круг города и острогу поставили. А что вы писали про Пегую орду про Воню князя: только на Пегую орду на Воню князя посылки не будет, и Воне князю ясаку нам не давывать, потому что Воня князь нашим ясачиком отказал и ясаку с себя не дал да (*Л. 10 об.*) к Быковым детям наших ясачиков по ясак не пропустил; да Воня же князь ссылаетца с Кучумом царем, а хочет на весну приходить к городу к Сургуту и на нашу казну и на запасы – и мы ныне по тем вестям велели послати в Пегую орду в поход войною.

А ратных людей в поход велели есмя послать к сургуцким людям в прибавку ис Тобольского да з Березова. Из Тобольского велено послати с сыном боярским с Романом с Нееловым казаков з двема атаманы 50 человек с оружием, выбрав лучших людей, а запасу им (*Л. 11*) велено дать в поход по осьмине муки ржаной, по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна – итого 25 чети муки, 12 чети с осьминою круп, 12 с осьминою толокна. Да им ж велено в поход дати по 2 фунта зелья, по 2 фунта свинцу человеку – итого полтретья пуда зелья, полтретья свинцу. Да ис Тобольского ж велено послати тобольских юртовских татар с сыном боярским с Максимом или с Фуником з Быкасовым да с атаманом с Черкасом с Олександровым, выбрав лучших татар з Бйбахтою да с Кызылба- (*Л. 11 об.*) ем 100 человек. А запасу им велено дати 50 чети муки ржаной, по осьмине человеку. И всего из Тобольского велено послати з детьми боярскими с Романом Нееловым да з Быкасом Максимовым или с Фуником казаков и юртовских татар 150 человек.

Да з Березова велено послати, только будет Югорская земля умиралася и на мере стало и шатости и измены в них некоторые не почаяют, з детьми боярскими с Прокофьем с Воейковым да с Иваном с Пешневым казаков з двема атаманы (*Л. 12*) 50 человек, выбрав лучших людей. А запасу им велено дати по осьмине муки ржаной человеку да по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна – итого 25 чети муки, 12 чети с осьминою круп, 12 чети толокна с осьминою. Да им же велено в поход дати по 2 фунта зелья, по 2 фунта свинцу человеку – итого полтретья пуда зелья да полтретья пуда свинцу. Да з Березова ж велено послати со князем Игичеем или с его братьею людей его остяков, выбрав лучших, 100 человек. А запасов им велено дати 50 (*Л. 12 об.*) чети муки ржаной, по осьмине человеку. Да з Березова ж велено послати к вам в Сургут наряду для походу 5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы, а к ним велено послати по 100 ядер железных, итого 500 ядер, да 4 пуды зелья; а те пищали, сходяв в поход, велено оставить в Сургуте впредь для походов. И всего з Березова велено послати з детьми боярскими и атаманы донских и волских казаков со князем Игичеем или с его братьею татар людей его 150 человек, только будет Югорская земля умиралася и на мере стала и шатости (*Л. 13*) и измены некоторые не почаяют. А только будет Югорская земля не умири-

лася и на мере не стала и почаяют от них какие дурные шатости и измены – и з Березова тех ратных людей посылати к вам в Сургут не велено. И всего из Тобольского и з Березова велено послати казаков и тотар з детьми боярскими 300 человек, и в Тобольской и на Березов о том указ наш к воеводам послан.

Да и к тому велели есмя послати ис сургутцких казаков и ис стрельцов, выбрав лучших, 100 человек, а в городе оставить 55 человек. А только будет в городе тех (*Л. 13 об.*) людей оставить мало, с теми будет людьми в городе жить и от остяков страшно – ино велено в поход отпустить вам 80 человек, а в городе оставити 70 человек. А запасу им дати в поход, как мошно сходить, смотря по тамошнему делу. А с теми со всеми ратными людьми велели есмя в поход итти тебе, Ивану Колемину. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы до походу зимою жили в городе в Сургуте со всеми служилыми людьми с великим бережением, и сторожи и караулы у вас были (*Л. 14*) крепкие, чтобы Воня князь со своими людьми и с иными волостми сложася к городу к Сургуту не пришел и над городом какие порухи не зделал. А про поход о прибыльных людех тотчас по сей нашей грамоте отписали в Тобольской и на Березов к воеводам, чтобы они по нашему указу тех ратных людей к вам в Сургут прислали по весне тотчас, как лед вскроетца. Да и о вестях бы естя к ним отписали про вести подлинно, чтобы им про то было ведомо. А они, смотря по вестем, ранее ратных людей пришлют. Да и впредь (*Л. 14 об.*) бы есте в Тобольской и про вести писали потому, чтобы в Тобольском про всякие вести было ведомо, а указ наш в Тобольском городе есть. Будет где вести объявятца не тихи, и чаяти к городу от изменников приступу или которые волости изменят, а без прибыльных людей повоевати их не мошно, и ис Тобольского велено на помочь ратных людей посылати в те города. И которые наши ратные люди казаки и тотаровя з детьми боярскими из Тобольского или з Березова к вам в Сургут наперед приедут, и вы бы тем людем велели дожидатися в Сургуте: будет березовские (*Л. 15*) наперед приедут, и вы бы велели дожидатися тобольских ратных людей, а будет тобольские ратные люди приедут к вам в Сургут наперед, и вы бы велели дожидатися березовских ратных людей. Да как по нашему указу ис Тобольского и з Березова наши ратные люди все сполна к вам в Сургут приедут, и вы бы велели дати сургутским ратным людем, которым итти в поход запасу, как им мошно в поход сходить. А будет тобольским и березовским ратным людем нашего запасу дано мало в Тобольском и на Березове, тем будет запасом (*Л. 15 об.*) в Пегую орду в поход не сходить, и вы бы тем нашим ратным людем тобольским и березовским велели дати запасу в Сургуте из наших житниц из запасного хлеба, смотря по тамошнему делу, как им мошно в поход сходить, чтобы людей з голоду не поморити. Запасу бы им дати побольше, потому что итти в поход в судех, а вода верховая. А суды бы естя под сургутцких ратных людей велели дати добрые и лехкие, чтобы ити было Обью рекою лехко. А у березовских и у тобольских ратных людей готовы суды, в которых они

судех ис Тобольского и з Березова (Л. 16) ... А будет у которых наших у ратных людей у тобольских или у березовских суды в поход ити худы, а в Сургуте будет таковские суды есть, и вы бы велели тем людям дати в Сургуте суды в обмену в поход до тех мест, до коих мест в поход сходят. А как ис походу сходят, свои сургуцкие суды велели у них взяти назад, а им велели отдати их старые суды, только будет им назад в Тобольской и на Березов до заморозов мошно итти.

А собрався со всеми ратными людьми да по сеи нашии грамоты ты, Иван, (Л. 16 об.) взял у воеводы у Осипа тобольских и березовских ратных людей: тобольских ратных людей с детьми боярскими с Романом Нееловым ... казаков и тотар 150 человек, а березовских ратных людей с детьми боярскими с Прокофьем с Воейковым да с Иваном с Пешневым казаков да со князем Игичеем или с его братьею людей его тотар всего 150 же человек, да сургуцких стрельцов и казаков, выбрав лучших людей, 100 человек, а в Сургуте оставити 55 человек – а будет (Л. 17) в Сургуте теми людьми остатися от остяков страшно будет, ино взяти в поход 80 человек, – да с ними детей боярских Кулюпановых одного Луку или Семена, которой из них лутчи, да наряд пищали полковые и ядра и зелья, которой наряд и ядра и зелье пришлют к вам в Сургут з Березова – взяв с собою шел на нашу службу в поход в Пегую орду. А вожей бы взял с собою трех или четырех, выбрав лучших, которые тамошние места знают гораздо и которые по тамошнему языки толмачить умеют, и запасу дал, как им мочно в поход сходити в Пегую (Л. 17 об.) орду. А что с Пегой орды по нашему указу велено ясаку имати и что на них доведетца взяти погромныя рухляди и которые городки и волости стоят по Обе реке едучи к Пегой орде, а нам не послушны и в город в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не дают, и что с них велено по нашему указу взяти ясаку и погромные рухляди – тому бы еси всему у Осипа взял ты, Иван, роспись подлинно порознь по статьям, чтобы тебе про то было ведомо, что с них ясаку и погромные рухляди собрати.

А только будет з Березова ратных (Л. 18) людей казаков и тотар з детьми боярскими и со князем Игичеем или с его братьею не пришлют для того, нешто будет Югорская земля не умиралась и на мере не стала и почаяют в них шатости и измены и о том к вам з Березова воеводы отпишут – и ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургуцких остяков, которые волости вниз по Обе к устью Иртыскому, и вверх, которые остяки нам служат и прямят и от которых не чаеи измены, и Бордаковых людей всего послал 150 человек и (Л. 18 об.) сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясаках им велим польготити. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже.

А ты, Иван, взяв тех сургуцких и тобольских людей и наряд и зелье и ядра, по тому же шел на нашу службу в Пегую орду в судех. А будет того наряду много, и ты бы взял три пищали, что з Березова пришлют, и ты

бы, Иван, к тому наряду по тому и зелья из Сургута имал, то (Л. 19) бы естя зделал, смотря по тамошнему делу. А ты, Осип, отпустя Ивана в поход, жил в городе в Сургуте со всеми служивыми людьми бережно и сторожи бы и караулы были крепкие, чтобы Воня князь, собрався со своими людьми и с иными волостями, которые нам не послушны, безвестно к городу не пришли и над городом какие порухи не учинили. А ты, Иван, шел бы еси в поход в Пегую орду Обью рекою бережно и устороживо и по станом бы сторожи и караулы были крепкие, чтобы остяки, которые нам не послушны, безвестно на тебя не пришли и порухи (Л. 19 об.) которые не зделали. А которые к Пегой орде идучи волости по Обе реки стоят, а нам не послушны, в город в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не платят, и ты бы тех волостей к Пегой орде идучи не воевал потому, чтобы в Пегую орду притти тебе безвестно. А едучи бы тебе Обью к Пегой орде в тех волостях, которые нам не послушны, однолично не объявится, чтобы они в Пегую орду вести не подали. А притить бы тебе в Пегую орду безвестно, а пришед в Пегую орду первое велел добывати языки, а добыв (Л. 20) языки, спрашивал и пыткую их крепкою пытал, сколько у Вони князя людей и в собраньи ли он стоит или не в собраньи, и есть ли про наших служилых людей про поход у Вони князя весть или нет, и нет ли у Вони князя с Кучюмом царем ссылки и где Кучюм царь кочует, сколькo далече от Пегой орды. А добыв языки и роспрошав и допытався прямых вестей и смотря по тамошнему делу и по вестям, будет скажут, что Воня князь стоит со всеми людьми в собраньи и только будет лучитца Воню князя сперва приходити всеми людьми, не поставя острогу, (Л. 20 об.) и ты бы всеми людьми приходил на Воню князя, чтобы ево извоевать – то бы еси зделал, смотря по тамошнему делу и по вестям, как нашему делу прибыльнее, чтобы Воню князя и волости ево все повоевати, а себя бы уберечь. А то все бы естя допряма проведывал, сколько у Вони князя людей и где в собраньи стоят и есть ли у Вони князя ссылка с Кучюмом царем и где Кучюм царь кочует и нет ли у Вони князя кучюмовых людей, и по тем бы естя вестям над Вонею князем промышлял, сколько Бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу (Л. 21) и по вестям, как нашему делу прибыльнее, чтобы Воню князя однолично извоевать и ясак с него и людей ево собрати весь сполна и погромная рухлядь и заклады поимать и к шерти привести, что ему впредь быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну платить по вся годы сполна безпереводно. А будет Воня князь станет к тебе присылати и за вину свою станет нам бити челом и ясак сполна заплатит и заклады даст тотар добрых и шертует на том, что ему со всеми людьми своими вперед быти под нашею царскою рукою неотступно, и ты (Л. 21 об.) бы Вони князя волости и ево не воевал, а собрав ясак с Вони князя и с людей ево весь сполна и погромную рухлядь и поймав заклады лутчих тотар и к шерти привел Воню князя и всех его лучших тотар на том, что им вперед быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно.

А собрав с Пегой орды с Вони князя и с ево людей ясак весь сполна и заклады поймав, ис Пегие орды шел назад в Сургут, разоря острог или жогши. А острогу бы в Пегой орде однолично не разоря и не жегши (Л. 22) не оставил для того, чтобы Воня князь того острогу не занял. А которые волости ис Пегой орды идучи на Обе реки стоят, а нам не послушны и в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не дают, и ты бы те волости идучи ис Пегие орды воевал и ясак с них собрал весь сполна и заклады у них поимал лутчих тотар и к шерти их привел, чтобы им вперед быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно.

А как ис походу в Сургут (Л. 22 об.) придешь, и ты бы Осип и Иван тех тобольских и березовских ратных людей всех распустил назад по городом: тобольских в Тобольской, а березовских на Березов, а сургуцким велел быти по прежнему в Сургуте. Да о том о всем подлинно про поход отписали к нам к Москве в Четверть дьяка нашего Ивана Вахрамеева. А будет в Пегую орду итти невозможно, что будет людей мало, з Березова не пришлют, ино бы волости повоевати. Однолично бы еси ты, Иван, нашим делом в походе промышлял с великим (Л. 23) радением, тем бы еси нам послужил, чтобы тебе Пегая орда извоевати, над Воню князем промыслить и ясак с Вони и с людей ево собрати весь сполна и заклады поимать и к шерти их привести, Воню князя и всех лутчих тотар, что быти им под нашею под царскою рукою неотступным и ясак по вся годы платить в нашу казну весь сполна безпереводно. И которые волости стоят по Обе реки, а нам не послушны, по тому ж извоевать и ясак с них собрать весь сполна и заклады поимать, и о всем бы еси промышлял, смотря по тамошнему делу, как (Л. 23 об.) нашему делу прибыльнее. А о всяких о тамошних делех в походе ты, Иван, роспрашивал князь Игичея Алачева, только будет в походе князь Игичей, да атамана Черкаса Олександра, потому что им тамошние сибирские всякие дела и походы за обычей.

Писан на Москве лета 7104 г. августа в 31 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7 об.-23 об. Копия XVII в.

№ 4

1597 г., января 31. – Наказ сургутским воеводам кн. С.М. Лобанову-Ростовскому и И.Н. Ржевскому

(Л. 34) Лета 7105-го генваря в 31 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии велел воеводе князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичю Ржевскому быти на своей государеве службе в Сибири в новом городе в Сургуте на Осипово место Плещеева да на Иваново место Колемина. А Осипа Плещеева да Ивана Колемина из Сургута отпустить.

А что с ними послано с Москвы в новой город в Сургут сургутским всяким служилым людем, ружником и оброчником, государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии денежнаго жалованья, и что послано с ними зелья и свинцу, и что взяти на Лозве (*Л. 34 об.*) сургутским служилым всяким жилецким людем хлебных запасов, и что послано с ними сургутских старых казаков, которые приезжали из Сибири к Москве, что с ними послано с Москвы новоприборных казаков, – и тому послана с ними роспись подлинная за приписью дияка Ивана Вахрамеева. А что велено делати под сургутской запас судов на Лозве, и о том государев указ послан преж сего на Лозву к Ивану к Траханиотову с товарищи.

И воеводе князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичю Ржевскому, взяв под себя и под денежную казну, и под зелье, и под свинец подводы по подорожной, ехати им из Москвы (*Л. 35*) в новой город на Лозву. А приехав на Лозву, взяти у Ивана Траханиотова с товарищи в новой город в Сургут государевы царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии хлебные запасы служивым сургутским людем на жалованье по росписи. И под те государевы хлебные запасы и под денежную казну, и под зелье, и под свинец, и под себя взяти суды, как мочно государевы хлебные запасы, и денежная казна, и зелье и свинец в тех судах устроити. И кем хлебные запасы в суды грузити, тому всему послана с ними роспись за приписью дияка Ивана Вахрамеева. А на Лозве у Ивана у Траханиотова с товарищи в государеве царева и великого (*Л. 35 об.*) князя Федора Ивановича всеа Русии указе и в росписи о том о всем подлинно написано ж, сколько им в новой город в Сургут государевых хлебных запасов, и зелья, и свинца, и денежные казны с Лозвы отпустить, и что под те запасы дати судов, и кем хлебные запасы в суды грузити, и сколько лозвинских стрельцов на судех для запасов до Пелыми отпустить, – о том о всем государев указ на Лозве у Ивана у Траханиотова есть.

И как даст Бог на весне лед вскроетца, устроя государевы хлебные запасы, и денежная казна, и зелье, и свинец в суды, и, взяв с Лозвы лозвинских стрельцов сколько пригож к сургутским казакон (*Л. 36*) в прибавку, как мочно хлебные запасы и казна провадить, итти с Лозвы в Сибирь с сибирскими воеводами вместе. А пришед в новый город на Пелым, взяти на Пелыми у воеводы у Богдана у Полева пельмских стрельцов по тому же, против лозвинского, или сколько человек пригоже для провожанья, кому проводить на судех государевы сургутские хлебные запасы и казна до Тобольского города, а лозвинских стрельцов с Пелыми отпустить назад на Лозву.

А пришед в Тобольской город, взяти у воевод для провожанья на суды двадцать человек или сколько будет пригоже стрельцов и казаков, котрым проводить государевы хлебные запасы (*Л. 36 об.*) и денежная казна вниз Иртишом и вверх по Оби в новой город в Сургут. А пельмских стрельцов отпустить ис Тобольского назад на Пелым.

А пришед в новой город в Сургут, велети государевы хлебные запасы ис судов устроить в государевы житницы, а денежная государева казна, и зелье, и свинец поставити в государеву казну. А устроя государевы хлебные запасы, и денежная казна, и зелье, и свинец, держати за своими печатми.

Да взяти им у Осипа Плещеева и у Ивана Колемина государев подлинной и прежней наказ и государевы грамоты о всяких государевых, о земских делах, и городовые, и острожные ключи, и город и острог, и на городе и на остроге наряд, и в казне зелье и свинец, (*Л. 37*) и всякие пушечные запасы, и в житницах хлеб, и книги приход и расход и деньгам и хлебу, и государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Русии ясачной и поминочной, и казне подлинную роспись, что у Осипа у Плещеева с товарищи по их приезд государеве ясачной и поминочной казны собраной – с ково именем взято, и чево на ком недонято, и ясачные подлинныя книги, по чему Сургута из городков, которые пошли вниз по Оби до устья Иртишского, и которые пошли вверх по Оби к Пегей Орде, и по чему ясаку иматъ с Пегей Орды с Воня князя и с людей ево; да и служивых людей всех взяти по росписи, и пересмотрети их всех на лицо. (*Л. 37 об.*) А взяв им у Осипа у Плещеева с товарищи государев прежней подлинной наказ и государевы прежние грамоты о всяких государевых и о земских делах, и городовые и острожные ключи, и наряд, и зелье, и всяких служивых людей, и книги приходные и розходные и ясачные книги, и Осипа Плещеева и Ивана Колемина отпустить ко государю к Москве со государевою с ясачною и с поминочною казною.

А самим им быти в городе в Сургуте: в большом городе быти воеводе князю Семену Михайловичю, а в остроге быти голове Ивану. А ратных людей ведати им по росписи, какова с ними роспись послана. Да по тому государеву прежнему и по сему государеву наказу и по прежним государевым (*Л. 38*) грамотам, вычитая, всякие государевы дела делати по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу и смотря по тамошнему делу, как государеву делу прибыльнее. И в городе и в остроге держати береженье великое, чтоб по сторожам и по караулом сторожи были крепкие, чтоб литва, и стрельцы, и казаки стояли по караулом всегда по переменам. И о всяких о тамошних делах промышляти по государеву указу и смотря по тамошнему делу, как государю прибыльнее. И с ясачных людей Сургута и з городков Обских и с волостей, которые волости приписаны к новому городу к Сургуту, и со всей Пегей Орды по государевым по ясачным (*Л. 38 об.*) книгам государев ясак збирати по государеву указу. А что с которого городка, и с волостей, и с кого именем государева ясаку возмут соболей, и лисиц, и шуб соболий, и белых, и бобров, и то все записывать в книги подлинно, порознь, по статьям; а что ясачные люди принесут сверх ясаку государю челом ударить или воеводам что принесут за ясаком в поминках, и то все по тому ж записывать в книги подлинно порознь по статьям. И держать государеву ясачную и поминочную казну за своими печатми.

А ясатчиков посылати по ясак стрельцов и казаков, выбирая лутчих, добрых и присужих, и которые душою прямы; и, посылаючи их, товаров у них продажных осматривати, (*Л. 39*) чтоб с ними продажных никаких товаров не было; и как ясатчики поедут из городков и из волостей назад в Сургут, и им посылати навстречу, и велети ясатчиков обыскивать посульные и продажные мяхкие всякие рухляди. Да что у ясатчиков мяхкие посульные и торговые рухледи сыщут, и та вся рухлядь взяти на государя, а тех ясатчиков велети бити и метати в тюрьму на неделю и на две, чтоб на то смотря, иным неповадно было воровати.

А которые князьки и ясачные татарове государю непослушны, не добили челом и государева ясаку не плотят, и в город к воеводам не приходят, – и воеводе князю Семену Михайловичу с товарищи над теми (*Л. 39 об.*) ясачными людьми промышлять, чтоб их повоевать и ясак собрать сполна, и привести их под государеву руку, чтоб их истращать и укрепить. А посылати во всякие посылки не в дальние детей боярских, а с ними посылать, выбирая, лутчих людей, литву и казаков добрых и просужих, с вогненным боем. А куды лучитца посылати большая посылка, ино посылати в посылку голову Ивана и с ним детей боярских, и литву, и казаков, выбрав лутчих людей сколько человек пригож. А самому князю Семену быти в городе и жити в то время с великим береженьем, чтоб было бережно. И, будучи в новом городе в Сургуте, к служилым людям, к литве, и к казакком, и к стрельцом и к (*Л. 40*) ясачным тотаром береженье и ласку держати великую, чтоб им в таком в дальнем месте нужи и тесноты некоторые не было.

А государево денежное и хлебное жалованье сибирским служивым людям роздати по росписи, какова роспись с ними послана за приписью дияка Ивана Вохромеева. А роздати государево денежное и хлебное жалованья служивым людям на два срока пополам, чтоб в государевых житницах во весь год [без] запасово хлеба не было, да и для того, что многие литва и казаки и стрельцы – воры, взяв [в]друг государево денежное и хлебное жалованье, да и проворуют.

А которые (*Л. 40 об.*) князьки и ясачные татарове учнут приезжати в новой город в Сургут с вестьми или с есаком, и тех князьков поить и кормить, и ласка и береженье к ним держати великое, и проводить к шерти; чтоб им и вперед быть от государевы милости неотступным, и ясак с себя платить ежегод беспереводно, и отпускати их к себе, не задержав.

А самим им жити в городе в Сургуте со всеми служилыми людьми с великим береженьем, чтоб сургутские люди, из городков и з волостей тотарова, пришед, над городом какие порухи не учинили; и береженье от них держать великое, только они не укрепились и государю не добили челом. А обо всяких (*Л. 41*) о тамошних делах обсылатись и писати про всякие вести в Тобольской город и на Березов и воеводам, чтоб в сибирских городех меж воевод всякие вести были ведомы.

А что у Осипа Плещеева и у Ивана Колемина государевых хлебных запасов, и денег, в наряду, и всяких пушечных запасов возьмут и сколько госу-

даревы ясачные и поминочные казны с Осипом Плещеевым пошлют, и что вестей поновитца, и что государева денежново и хлебново жалованья, и кому имянем дадут, – и воеводе князю Семену и голове Ивану о том о всем отписати, и тому всему росписи и прислати ко государю к Москве в Четверть дияка Ивана Вахрамеева, чтоб про то государю было ведомо. (Л. 41 об.) А посылати ко государю з грамотами казаков и стрельцов прямо, мимо на Березов город да на Вымь, чтоб государю всякие вести были вскоре ведомы.

Да память воеводе ж князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичю Ржевскому. Приехав им в новой город в Сургут, пересмотрети и переписати у Осипа у Плещеева да у головы у Ивана Колемина и у Володимера у Оничкова, и у всех детей боярских на их дворах сибирские всякие мяхкие рухляди – приносных, и поминочных, купленных соболей и лисиц черных, и шуб соболевых, и белых, и горно-стайных, и бобров. А у ково что найдут, тое все рухлядь (Л. 42) переписатьи имянно, у ково что найдут; и, переписав и запечатав своими печатми, да служивыми и торговыми людьми про то сыскати накрепко, у ково они какие рухляди купили или посулу от чево взяли, и сколько они мяхкие рухляди из Сибири, живучи, посылали к себе, и с кем имянем, и в котором году посылали, – про то про все сыскати накрепко, да тот весь сыск и тое все рухляди роспись прислати ко государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси к Москве з государевою с ясачною казною вместе в Четверть дияку Ивану Вохромеему.

Да память воеводе князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове (Л. 42 об.) Ивану Микитичю Ржевскому. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу и по боярскому приговору велено послати из Сургута в поход в войну в Пегую Орду на Воню князя, только будет Воня князь в Сургут братьи и детей своих и людей в заклад не прислал, и государева ясаку сполна не заплатил; да и на те волости велено послать в войну, которые волости стоят по Оби вверх, а государю непослушны и ясаку государева не платят. А к сургуцким людем в прибавку для походу велено послати ратных людей ис Тобольсково да з Березова литвы и казаков и татар. А сколько и с соторого города з детьми боярскими велено (Л. 43) послати литвы и казаков и татар, и сколько им велено дати запасу, и что велено послати з Березова наряду, и как им велено из Сургута в поход ходити и в походе промышляти, – о том о всем послано в Сургут государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамота за приписью дияка Ивана Вахрамеева к воеводе к Осипу Плещееву с товарищи.

И как воевода князь Семен и голова Иван в Сургут придут, а до их будет приезду ис Пегие Орды Воня князь в Сургут братьи и детей и людей своих в заклад не прислал, и государева ясаку сполна не заплатил, и Осип будет Плещеев до их приезду в поход в Пегую Орду в войну не послал, и тех волостей, которые (Л. 43 об.) стоят по Оби вверх, волость Пораберца и иные волости Дайбоцовы дети, а государева ясаку не платят, – не пово-

евал и под государеву руку не привел, и государева ясаку сполна не собрал, а из Сургута будет им, опричь Пегие Орды на те волости послати до осени в войну мочно, и воеводе князю Семену Михайловичю да голове Ивану Микитичю по прежней государеве грамоте и по сему государеву наказу послати из Сургута в поход в войну детей боярских и с ними литвы и казаков, выбрав лутчих, сколько человек пригоже, на те волости, которые стоят по Оби вверх, а государева ясаку не платят, волость Порабеца и иные волости, и в кунную самоеды, и велети (*Л. 44*) те волости повоевать и заклады поимать, и государев ясак сполна собрать, и к шерти их привести, что им быти под царскою государевою рукою неотступным и государев ясак платити по вся годы сполна беспереводно. А в Пегую Орду послати в войну по прежнему государеву указу по весне в 106-м году. А в государеве в прежней грамоте о всем написано подлинно про поход в Пегую Орду, как промышляти, да иньими всякими государевы дела им промышляти по государеву указу, вычитая прежние государевы указы и грамоты, да по тому и делати, как государеву делу лутче и прибыльное, и смотря по тамошнему делу. А обо всяких о тамошних о сибирских делах в прежних государевых (*Л. 44 об.*) царевых и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамотах писано подлинно.

Да память воеводе князю Семену Михайловичю Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичю Ржевскому. В Сургуцком уезде вверх Пути реки живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе. И воеводе князю Семену и голове Ивану Бордаку говорить: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бордаку и тово, что ему своими людьми владети. И он бы Бордак однолично государю тем (*Л. 45*) послужил, тое кунную и асицкую самоедь под государеву под царскую руку привел и ясак с них собрал по государеву указу сполна и заклады у них поимал и в город в Сургут привел, и государь его за его службу пожалует своим великим жалованьем. А только будет Бордак станет на тое кунную и асицкую самоедь прошати государевых ратных людей к своим людем в прибавку, и воеводе князю Семену и голове Ивану Бордаку дати сургуцких ратных людей и детей боярских и казаков и стрельцов, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. И велети тое кунную и асицкую самоедь з Бордаковыми братьею и с людьми повоевать и ясак с них собрать и заклады у них поимать и к шерти их привести, (*Л. 45 об.*) что им вперед быти под государевою под царскою рукою неотступным и государев ясак платити по вся годы беспереводно. А велети Бордаку послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих, а самому Бордаку в поход ходити не велети, потому что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну ево лучему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж для тово, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не зделал.

Вахромеев.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 34-45 об. Копия XVII в.

№ 5

1601 г., сентября 18. – Грамота в Сургут о досрочной выдаче хлебного жалованья семьям служилых людей

(Л. 111) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Сибирь Сургутского города воеводе нашему князю Якову Петровичю Борятинскому да голове Володимеру Васильевичю Пивову. Били нам челом сургуцкие стрельцы и казаки и литва и черкасы десятник Иванко Ладога и в товарищев своих дву сот осмидесят человек место. А сказал: служат де они наши службы в дву острогах, в Нерымском да в Куняцком, а ныне де их товарищев послано на Енисею острогу ставить 50 человек. И без них де женам их и детем нашего хлебново жалованья не ставает, помирают голодом. А вы де им нашего хлеба (Л. 111 об.) до нашего жалованья в долг не даете.

И нам бы их пожаловати, велети давать в долг до нашего жалованья женам их хлеб из наших житниц. И будет так, как нам стрельцы и казаки и черкасы били челом, и как к вам ся наша грамота придет, а которые будут наши служивые люди, литва и казаки и стрельцы, посланы будут по нашим службам, а без них жены их и дети учнут, к вам приходя, бити челом о запасе для нужи – и вы б им для их нужи наш запас из наших житниц давали, смотря по тамошнему делу, чтоб им в том нужи не было. А по них в том запасе (Л. 112) до тех мест, как учнут мужем их наше жалованье давать, имали поруки. Да как учнете им давать наше хлебное жалованье, и вы б тот хлеб, что дадете без них женам их и детем, зачитали в их оклады в наше в хлебное жалованье.

Писан на Москве лета 7110 году сентября в 18 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 111-112. Копия XVII в.

№ 6

1602 г., сентября 6. – Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов

(Л. 113) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Сибирь в Сургуцкой город воеводе нашему князю (Л. 113 об.) Якову Петровичю Борятинскому да голове Володимеру Васильевичю Пивову. Писали есте к нам, что посылали вы в кузнецкую самоедь на Пур-юган реку атамана Богдана Зубакина да Бордокова сына князя Кинему к самоецким князьком к Акубе да к Комге да к Салыме с нашим з жалованным словом и приводити их к шерти, чтоб они были вперед под нашею царскою рукою неотступно и ясак с себя и с своих людей сполна платили и приезжали б в город в Сургут. И ноября в 24 день приехал из кузнецкой самоеди

атаман Богдан Зубакин с товарищи, (*Л. 114*) а в роспросе вам сказали: наехали де они кунемскую самоедь Акубу князя с товарищи на Пур-югане реке и наше царское жалованное слово сказывали и ясаку на 110 год прошали и в город их в Сургут звали. И Акуб и с товарищи им отказали, что емлют де в новой в Монгазейской острог ясатчики нашего ясаку по 5 соболей с человека и они де хотят платить наш ясак в новой Монгазейской острог. И водили де они Богдана Зубакина с товарищи в Зырянской городок к ясатчиком на Таз реку и в том (*Л. 114 об*) деи Зырянском городке из Монгазейского острогу от князь Василья Масальского да от Савлука Пушкина ясатчики – тобольской казак Андрюшка Архипов да березовский казак Федька Князев. А собирают наш ясак в Мангазею с монгазейцов по 5 соболей с человека. И те деи князцы Акуба да Комга да Салыма с товарищи дали наш ясак Ондрюшке Архипову с товарищи, да и вперед деи они ясак платить хотят в Монгазейский острог.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с кунемской самоеди с князцов Акубы да с Комлы да с Салыма с товарищи (*Л. 115*) имали нашего ясаку по 5 соболей лутчих ценою против 11 соболей и велели им наш ясак платить в Сургут по-прежнему. А буде им ясак платить ближе в Монгазейский острог, и вы б им велели ясак платить в Монгазейский острог и о том в Мангазею отписали, чтоб нашего ясаку имали по 5 соболей с человека ценою против 11 соболей. И береженье б есте к дальным волостям держали, чтоб им нужи и тесноты никоторые не было.

Писан на Москве лета 7111 сентября в 6 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113-115. Копия XVII в.

№ 7

1603 г., ноября 29. – Грамота о расследовании причин “измены” ясачных людей Сургутского уезда

(*Л. 130 об.*) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь в Сургуцкой город Федору Васильевичю Головину да голове Гаврилу Ивановичю Писемскому. В нынешнем во 112 году писали к нам ис Тобольска воеводы князь Ондрей Голицын с товарищи: в прошлом в 111 году июля в 23 день писали есте к ним, что роспрашивали вы Сургуцкие земли князьков и остяков нерымсково князька Кичеева брата Басаргу да князь Вонина сына Сегея, да Лунпоколские волости князца Каданка, да тое ж волости лутчих людей Велиумка (*Л. 131*) да Июрка, да Ваховские волости лутчих людей Наска да Колика, да Югорские волости князь Лахчакова сына Югры да лутчих людей Ройдака да Булата да Ехака да Лимги, да Селиярские волости лутчих людей Сагры да Никкумы, да Салымские волости лутчих людей Атысы да Выникли да Саги, да Темлечеевы волости лутчих людей Бозьяна да Булата да Алача и остяков, которые были с ними, их волостей: за что в верхних землях измена учинилась и от нашии царские высокия руки стали они отступны?

И те князцы и лутчие люди и остяки вам сказали, что измена де в верхних землях учинилась от нашего ясаку, имали де князь Яков Борятинской да Володимер Пивов (*Л. 131 об.*) с них наш ясак тяжол, по 11 соболей с человека черных и лисицы и бобры имал черные, и сажали де их в тюрьму и они де ясак платили, жены и дети продавая. А прежние де наши воеводы таких ясаков с них не имывали.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали во все в ясачные волости и в остроги, а велели быти к себе князьком и лутчим людем из волости человека по два и по три. А как они в Сургут будут, и вы б им велели быти у себя в съезжей избе, а сами и служивые люди в те поры были в цветном платье, и сказали им наше царское жалованье: что мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и нашего (*Л. 132*) [царского] величества сын великий государь царевич [Федор] Борисович всеа Русии, велели князю Якову Борятинскому да Володимеру Пивову, будучи на нашей службе в Сургуте, их во всем беречь и насильства и убытков и продажи некоторые ни от кого не было, и ясаков лишних имать с них не велели, а велели с них ясак имать, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом. А на кого будет ясак положен тяжел не в силу и вперед того платити немочно, или хто которого году не лесовал – и наше царское величество велел того сыскивати, а по сыску велели им в тех ясаках давати сроку. А с самых з бедных людей, кому платити ясаку немочно, по сыску имать (*Л. 132 об.*) не велели, чтоб им, сибирским ... ни в чом нужи не было.

И ныне ... государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и нашего царского величества сыну великому государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии ведомо учинилось, что князь Яков Борятинской и Володимер Пивов, будучи на нашей службе в Сургуте, воровали и чинили им насильства и продажи великие и ясак с них имали тяжол мимо нашего царского указа, и от того у них у сибирских людей в земле оскуденье великое. И ныне мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и нашего царского величества сын великий государь царевич князь Федор (*Л. 133*) Борисович всеа Русии велели вам Федору и Гаврилу ... сем беречи и ясак велели с них имать ... мочно платить, чтоб им в том ну[жи не] было, и они б, сибирские земли всякие люди ... в нашем царском жалованье и промыслы всякими промышляли и нам служили и прямили во всем по своей шерти, на чом нам шерть дали. И над воры воровства и шатости и всякого лихоу умышленья смотрели и берегли накрепко, и братью и дядью и племянников и друзей к себе отовсюды призывали, и в городех юрты и в уездех волости полнили. А наше царское величество во всем их пожалуем своим царским жалованьем и льготу им вперед дати велим. А в ко- (*Л. 133 об.*) торых будет людех почаят шатости, и они б воров не укрывали и ... и тем нам службу свою и правду ... и тех воров, в которых почаят шатости ... сказывали про них, имая привозили к ... Федору и к Гаврилу. А кто на кого ... какое воровство и измену, а сышетца про то допряма, и мы тех людей

велели пожаловати своим царским жалованьем. А будет князь Яковлевым и Володимеровым небереженьем, хто из служивых людей кого ни буди из них в городех или в юртех и в волостях приезжая изобидели, а князь Яков и Володимер того не сыскивали и оборони им не давали – и они б на тех людей (*Л. 134*) свои обиды приносили к вам челобитные. А вам по нашему указу на тех людей велено дать оборонь.

А сказав им наше царское жалованье и напоя и накормя отпустить по домом, а вперед бы есте к ним ласку и береженье держали великое и поили б есте их и кормили нашими запасы. А будет кому за службу что доведетца дать наше жалованье, платье и сукна, и вы б давали, смотря по службе и по тамошнему делу. И тягости б некоторые им ни в чом не чинили и ясак с них имали по нашему указу и смотря по тамошнему делу, а лишнего б ясаку не накладывали, чтоб им в том нужи и тесноты некоторые не было и шатости б на них в том некоторые (*Л. 134 об.*) не навести. Не так бы учинили, как воровали князь Яков Борятинской да Володимер Пивов, для своего воровства и бездельные корысти на ясачных людей ясак накладывали и тех сибирских людей от нас отогнали.

Писан на Москве лета 7112 г. ноября в 29 день.

*РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 130 об.-134 об.
Копия XVII в.*

№ 8

1622 г., декабря 6. – Грамота в Сургут о запрете иртышским татарам ходить на охоту в Юганскую волость

(*Л. 193 об.*) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Сургуцкой город воеводам нашим Ивану Захарьевичю Кутузову да Григорью Ивановичю Фефилатьеву. Били нам челом Сургуцкого города есашные люди князек Югра Ловчаков да Муса Булатов и во всех Юганские волости ясашных людей место Тобольсково уезду на иртишских тотар, а сказали: ходят де те иртишские тотаровя в наше жалованье в Сургуцкой уезд в их ухозя в Салым и в Юган с усть Иртиша вверх по Обе реке до Сургута (*Л. 194*) и побивают де те тотаровя соболи и лисицы и бобры и всякой зверь, и им от тех тотар ставитца теснота великая и в нашей казне недобор великой, и они де в том недоборе в конец погибли и жены и дети свои позакладывали. А преже де сего те тотарове в их ухозя не хаживали и зверя никакова у них не лавливали, и они к нимне хаживали. И нам бы их пожаловать, вперед тем тотаром в их ухозя ходити и зверя у них никакого ловити не велети.

И будет так, как нам сургуцкие ясашные люди князек Югра Лахчаков да Муса Булатов и во всех Юганские волости (*Л. 194 об.*) людей место били челом, и как к вам ся наша грамота придет, а наперед сево будет иртышские тотаровя в Сургуцком уезде в Салыме да в Югане от усть Иртиша

вверх по Обе реке не хаживали и соболей и лисиц и бобров и всяково зверя не лавливали – и вы б вперед тем иртишским тотаром в Сургуцкой уезд в Салым да в Юган от усть Иртиша вверх по Обе реке ходити и соболей и лисиц и бобров и всяково зверя ловити не велели, чтоб сургуцким ясашным тотаром князьку Югре Лахчакову с товарищи от тех иртишских (Л. 195) тотар насильства и обиды ни в чем не было.

Писано на Москве лета 7131 декабря в 6 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 193 об.-195.

Котия XVII в.

№ 9

1622 г., декабря 8. – Грамота в Сургут о запрете зырянам охотиться в Юганской волости

(Л. 195) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Сургуцкой город воеводам нашим Ивану Захарьевичю Кутузову да Григорью Ивановичю Фефилатьеву. Били нам челом из Сибири Сургуцкого города есашные люди князек Югра Лохчаков да Муса Булатов и во всех Юганские волости ясашных людей место на зырян, на мезенцов да на вымич да вычегжен да на (Л. 195 об.) сысолян и на всех на прихожих людей, а сказали: приходят де те зыряне и мезенцы и вычегженя и вымичи и сысоленья и всякие прихожие люди в Сургуцкой уезд в их ухожея и своим насильством ловят в их ухोजее соболи и лисицы и бобры и во всяких угодьях у них вылавливают всякого зверя. А они де с тех угодей платят нам есак, и им де от их насильства нашего есаку взяти негде. И в нашей казне перед прошлыми годы ставитца нашему есаку недобор великой. А преже де сего дана им была наша грамота, что тем всяким людем в их ухожеи (Л. 196) ходити и зверя всякого ловити никому не велено. И они де ныне в их насильстве и в обиде жены и дети свои позакабалили, платя наш ясак. И нам бы их пожаловати, не велети тем прихожим людем в их ухожеи ходити и зверя всякого ловити.

И будет так, как нам Сургуцкого города князек Югра Лахчаков да Муса Булатов и во всех Юганские волости есашных людей место били челом, и как к вам ся наша грамота придет – и вы б тем прихожим людем зыряном, мезенцом, вычегженом, вымичам, сысоляном в Сургуцкой уезд в Юганскую волость сургуцких есашных (Л. 196 об.) людей князька Югры Лахчакова с товарищи в ухожеи ходити и зверя всяково ловити и насильства сургуцким есашным людем делати не велели. А будет хто ис приержих людей учнет в Сургуцкой уезд в Юганскую волость ездити для звериные ловли, и вы б тем людем наказанье чинили, смотря по вине.

Писан на Москве лета 7131 г. декабря в 8 день.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 195-196 об. Котия XVII в.

**1626 г., не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы
Н.Е. Пушкина о причинах недобора ясака с остяков
Сургутского уезда за 1625/26 г.**

(Л. 2) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Никитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 134 году посылал я, холоп твой, из Сургута в Сургуцкой уезд в твои государевы ясашные в верхние и в нижние волости восемь сургуцких служилых людей, десятников Пятка Яковлева, Ивашка Арапа, Ивашка Тюменца, Ивашка Капыртанова с товарищи. Да в те ж, государь, в ясашные волости посылал я, холоп твой, весною сургуцких служилых людей десятников Степанка Косолапа, Михалка Ондреева, Первушку Иванова с товарищи для збору твоего государева ясаку и поминков. И сургуцкие, государь, служилые люди десятники Степанко Косолап да Михалко Ондреев, Пятко Яковлев с товарищи не добрали твоего государева (Л. 3) ясаку и поминков в верхних и в нижних волостях на нынешней на 134 год дватцать дву сороков дватцать трех соболей. Да с подгородных с Юганских и с Бардаковы волостей и с ваховских и с аслымских ясашных людей недобрано твоего государева ясаку и поминков одинатцать сороков дватцать трех соболей. И всего, государь, в Сургуцком уезде со всех волостей недобрано твоего государева ясаку и поминков на нынешний на 134 год тритцати четырех сороков.

И я, холоп твой, Сургуцкого уезду твоих государевых ясашных всех волостей князцом и ясашным лутчим людем Салтыку да Пынже да Ахтамаку да Югре да Ясле с товарищи велел быть в Сургут и говорил им в съезжей избе многижды: для они чево твоего государева ясаку и поминков на нынешней на 134 год сполна не выплатили? А преже сево они твой государев ясак и поминки платили сполна, (Л. 4) да и на прошлой на 133 год остался на них недобор немногой. И Сургуцкого, государь, уезду князцы и ясашные люди Салтык да Пынжа да Ахтамак с товарищи сказали мне, холопу твоему: преже де сево мы государев ясак и поминки платили не по все ж годы сполна, а недобор оставался немногой, потому что на нас, на ясашных людах, ясак и поминки положен на тех, которые могли ясаком и поминки промышлять. А в прошлом де в 132-м и во 133-м году переписаны у нас вново в ясак больши полутретья ста человек, и многие де в тех новоприисканных людах писаны в ясак стары и увечны, которые издавна от твоего государева ясаку за старость и за увечье отставлены; да и детишка де, государь, их в ясак переписаны, которые твоим государевым ясаком и поминки промышлять не могут. А ис Тобольска де твой государев боярин и воевода князь Юрья Янше- (Л.5) евич Сулешев писал в Сургут к воеводам к Ивану Безобразову да к Федору Шишкину: в твой государев ясак детей их менши пятнатцати лет писать не велел. И оне де,

государь, князцы и ясашные лутчие люди в прошлом в 132 и во 133 году за тех новоприискных старых и увечных людей и малых робят твой государев ясак и поминки платили своим рухледишком. А в нынешнем де, государь, в 134 году многие ясашные люди были у них голодни и наги и боси, а иные болны, на промысл не ходили. А которые, государь, на лешние промыслы и ходили, и им де лешня не удалась, соболей и иново зверя в ясак добыли мало, и за новоприискных за старых и за увечных людей и за детей своих им на нынешней на 134 год твоего ясаку и поминков платить нечим; что де было у них, у ясашных у лутчих людей, своего старова заводу котлишков и платишка, и оне де распрадали и тем в (Л. 6) прошлом 132 и во 133 году за старых и за увечных и за малых робят платили твой государев ясак и поминки. И от тово де они ныне обнищали. А за которых де, государь, оне Салтык да Пынжа да Ахтамак с товарищи за старых и за увечных людей в прошлом в 132 и во 133 году твой государев ясак и поминки платили, привозили их с собою в Сургут человек з дватцать и больши и тех людей ставили передо мною, холопом твоим, в съезжей избе. И те, государь, люди, которых Салтык да Пынжа да Ахтамак с товарищи привозили с собою в Сургут и ставили в съезжей избе, многие увечны, без рук и без ног и стары и худы.

И били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Салтык да Пынжа да Ахтамак с товарищи, чтоб их ты, государь, пожаловал: велел послать в их волости дозрить, что у них в волостях (Л. 7) в прошлом во 132 и во 133 году таких старых и увечных людей в ясак переписано много, и те люди кормятца меж их юрт наги и боси; и им де, Салтыку да Пынже да Ахтамаку с товарищи, за тех людей твоего государева ясаку и поминков платить стало невозможно. И в том недоборном ясаке принесли ко мне, холопу твоему, в съезжую избу челобитную. И я, холоп твой, на тех старых и на увечных и на худых людех правежем твоего государева ясаку и поминков править не смел, потому что в твоём государеве наказе у нас, у холопей твоих, написано: велено с ясашных людей имати твой государев ясак, смотря по промыслом, а правежем на ясашных людех ясаку и поминков править не велено. А в прошлом де, государь, в 132 и во 133 году многие новоприискные люди в твоём государеве ясаке в тюрьме сидели и на правеже стояли, и потому на них твоего государеву ясаку на прошлой на 133 год немного (Л. 8) и недобор остался. И мне, государь, холопу твоему, в твоём государеве недоборном ясаке как укажешь. А без правежу, государь, твоего государева недоборного ясаку на нынешней на 134 год на ясашных людех выбрать нельзя.

На л. 2 об. помета: 135 г. ноября в 21 день подал сургуцкий казачей десятник Степан Косолап.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 2-8. Подлинник.
Датируется по упоминанию 134 г. как "нынешнего"*

1626 г., июня 7 – Челобитная остяков Сургутского уезда о
тяжести ясака и подводной повинности

(Л. 23) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сирота твои из Сибири Сургутцкого города ясашные людишка остяки Юганские волости Югра да Васка Локчаковы, Ангач Миликов, Лаптымко Асыртов;

Лунпукольских трех волостей Пынжа Лайканов, Салтык Тулиев, Саначей Копсорков, Оголча Янлимков;

Васюганские волости Челок да Селман Олесовы, Калкунко Юрлымков; Ларьяцкой волости Селой Коптеев; Тымской волости Юганко Пакачеев ... Саров, Пынжа Вомчинов;

Короконские да Сымские Учелта Дебин, Дылдым Патамов;

Салымские волости Ахтамах Ясакин, Араман Елчинов, Наум Сапкиев;

Селярские волости Икома Атырев, Моголохко Яногин;

Темличеевой волости Бозьянко Темличеев, Оничка Торов, Салдук Ибалеу;

Белогорские Ерток да Рынга Ярановы;

Бардаковы волости Ялар Уитин, Тагачей Вадычипков, Сана Тынгириев и во всех волостей товарищей своих ясашных людей место.

С прошлых, государь, лет, как твой государев Сургуцкой город поставлен, по 131 год давали мы, сирота твоя, в твою государеву казну поминки и ясак соболями и всякою мяхкою рухлядью, считаячи в соболей место по окладу сполна. А в иных, государь, годех давали не сполна, потому что лешня бывала худа и осени непогожи (Л. 24) ... [дожд]ливы, зверя было добыть немошно. А которые, государь, ясашные старые людишка и увечные и хромые и безрукие и с давних лет от ясака были отставлены и из ясашных книг за старостью и увечьем выписаны, – и те, государь, бедные людишка в наших волостях живучи по нашим юртишкам по нас кормились: жен у них ни юртишек ни заводу нет никакого, чем им твой государев ясак добывать, ни платышка нет же, ходят зимою и летом в рыбных кожанишках. И которые, государь, недоросли робята и детишка и братья и племянничиска и холопи наши – и тех, государь, всех старых и увечных и отставленных людишек, которые кормились по нас, и недорослей и холопей наших в прошлых в 132 году и в 133 году твои государевы воеводы Иван Романович Безобразов да Федор Григорьевич Шишкин написали в новики 256 человек. И в тех людех многие старые и увечные. И написав, положили на них оклад, твой государев ясак платить с нами ровно по девяти соболей с человека. И те, государь, старые и увечные и бедные людишка приезжали в город и били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, что им твоего государева ясаку платить нечем. И твои государевы воеводы Иван Безобразов да Федор Шишкин сажали их в тюрьму и на правеже били. И мы, сирота твоя, видя их бедных, старых и увечных и недорослей детишек своих и братью

(Л. 25) и племянничиков, с правезу окупали и ясак за них платили своим, продавали жен своих. И у которых, государь, у нашей братьи старое заводило было, платьишко шубенка собольи и бельи и соболишка и лисиченка и бобришка и однокордченка и котлишка – и те, государь, все свои животишка выдали, платя за бедных людишек в твой государев ясак, у которых што было, чтоб их на правезе не побили.

А преж, государь, сего нас, сирот твоих, в твоём государеве недоборном ясаке в тюрьму не саживали и на правезе не бивали, а платили мы, сирота твоя, ясак по вся годы в оклады свои всяким зверем, как кому промысл удасться. А которые, государь, старые и увечные и бедные людишка и недоросли и холопи наши – и те, государь, хаживали в подводах под твоими государевыми воеводами и под всякими служилыми людьми. А подводы, государь, с нас, сирот твоих, перед прежними годами емлют многие: летом на судех ходим, а зимою и з женишками тянем нарты на себе безпрестани под всякими служилыми людьми. И от подвод, государь, нам стала нужна великая: недели по 2 и по 3 нас, сирот твоих, на судех держат и многие юрты провозят не переменяя. А за тем, что мы, сироты твоя, живем не в одном месте, в розни по рыбным ловлишкам, и тесноту нам всякие проезжие (Л. 26) люди делают великую: платьишко с нас сымают, бьют и не кормят. И рыбная, государь, ловля у нас от подвод стала, запасу застави к зиме, рыбы летом ловить неколи; а лета, государь, у нас живет немного времени, а окроме, государь, рыбных запасов у нас, сирот твоих, иных запасов никаких не живет. А место, государь, у нас бедное перед иными сибирскими городами хлебными; хлеба не пашем и скота у нас никакова нет, кормимся одною рыбенкою, и того запасть неколи от подвод и от волокиты. И твоего государева ясаку промышлять без запасу на лес ходить нечем. И в юртишках своих, живучи з женишками и з детишками, помираем з голоду.

Да у нас же, государь, сирот твоих, прежние зверовые угоды, которые были во ближе леса, выгорели и запустели, и зверя никакого нет. А ходим, государь, мы, сирота твоя, для твоего ясаку на лес промышляти в дальние места недель по 10 и больше, наги и боси и беззапасны; и от зимние великие стужи и от голоду на лесех многие мы, сирота твоя, помираем. А иные, государь, ясашные люди в нынешнем во 134 году в Васюганской волости, не стерпя голоду, собаки переели. Да в той же, государь волости (Л. 27) ясашной остяк Пыхтыко Наслыков для твоего государева ясаку пошел на лес промышлять и с промыслу не бывал и вести про него нет. А женишко, государь, его без него, не стерпя голоду, двоих детей своих съела.

А в прежние, государь, годы мы, сироты твои, для нуж своих и бедности у всяких людей имали в долг платье и обувь и котлы и топоры и нарты и тем промышляли, твой государев ясак давали и платили и з долгами расплачивались. А ныне, государь, нам, сиротам твоим, никто ничего в долг не дает, не верят, потому что мы, сирота твоя, обнищали, долгу платить

нечем. А из города, государь, от воевод приходят к нам зимою частые выбылщики и нас, сирот твоих, из юртишек наших выбывают на лес и велят нам промышлять твоим государевым ясаком. И нам, сиротам твоим, стало изнеможение великое, зимою твоим государевым ясаком промышляти невозможно безодежным, и с стужи на лесех помираем. И платя твой государев ясак за старых и за увечных и за недорослей и от подвод от волокиты вконец погибли, обнищали, з женишками и з детишками стали наги и боси и беззапасны и голодны.

И в нынешнем, (Л. 28) государь, в 134 году в твоём государеве ясаке на нас, сиротах твоих, стал великой недобор, за старых и за увечных и за недорослей твоего государева ясаку окладов их платить невозможно, нечем. А твой государев воевода нам, сиротам твоим, в недоборном ясаке сроку не дает, велит нам, сиротам твоим, безрошно ясак платить сполна. Милостивый царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, вели, государь, в своем государеве недоборном ясаке нам дати сроку до тех мест, как мы, сирота твоя, твоим государевым недоборным ясаком промыслим. И пожалуй, государь, нас, бедных, не вели в своем государеве недоборном ясаке на правеже убить. И пожалуй, государь, нас, бедных сирот своих, вели про наше бедное житьишко и нужу сыскать и новиков, которые в прошлых в 132 и 133 году переписаны старые и увечные и бедные, которые бродят по нашим юртишкам и кормятца, дозреть, и в подводах облегчить, чтоб мы, сирота твоя, до конца не розорились и твой государев ясак на нас и досталь не залег и юртишек своих не отбыли, с наготы и з босоты вконец не погибли и голодною смертью з женишками и з детишки не померли. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 23-28. Подлинник.
Датируется по сопровождающей отписке воеводы
Н.Е. Пушкина (там же, л. 1)*

№ 12

1626 г., декабря 10. – Допрос в приказе Казанского дворца бывшего сургутского воеводы И.Р. Безобразова о возможности бездоимочного сбора ясака с остяков Сургутского уезда

(Л. 29) И в приказе Казанского дворца дьяки Иван Болотников да Иван Грязев против отписки Микиты Пушкина допрашивали Ивана Безобразова.

И в допросе Иван Безобразов сказал: Микита де Пушкин писал ко государю про ясачной недобор не делом, что будто при них, Иване Безобразове да при Федоре Шишкине, в Сургуте во 132 и во 133 году переписаны вновь ясак платить ясачные люди старые и увечные и робята малые, меньше

15 лет, которые ясаку промыслить не смогут. А они де сыскивали вновь ясачных людей по государеву указу и по отписке ис Тобольска боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева вправду, кому ясак платить мочно. А посылали де они в Сургуцкой уезд переписывать лутчих служилых людей и толмачей и подьячих, а из иных де изо многих волостей приходили ясачные люди в съезжую избу к ним и били челом и извещали на свою братью и говорили речью, что у них живут в волостях многие захребетные люди, а ясаку не платят, а на лешню ходят и всякими промыслы промышляют и живут своими юрты. И они де, записав их челобитье, посылали к ним в юрты сыскивать и переписывать лутчих служилых людей и толмачей и подьячих (Л. 30) и тех ясачных людей, которые им в Сургуте извещали и которые служилые и ясачные сургуцкие люди извещали в Тобольску боярину князю Юрию Яншеевичю Сулешеву про захребетных людей – и они де и тех посылали сыскивать тех захребетных ясачных людей с лутчими служилыми людьми и с подьячими в знатках для указа, что они их юрты и их знают. А велели де они ясачных людей в ясак писать, кому мочно ясак платить, смотря по их промыслу и по животам, роспрашивая ясачных людей. И перепесав де тех захребетных людей, служилые люди и толмачи проводили их с ясаки в Сургут, и они де их, смотря по людем, и велели в ясак писать. И ясак они с себя платили. А старых и увечных и робят малых моложе 25 лет в ясак они не писывали, а писали в 25 лет и в 30 и в 40 и в 50 лет, которые жили в захребетниках, а ясаку с себя не плачивали. А имали с них ясак себе в подмогу лутчие люди, а сами многие лутчие люди не плачивали. А что де Микита Пушкин написал многой недобор, и при них де также бывал недобор с ясачных людей, с старых и новиков, только невеликой. И при них де ясачные люди для своих бедностей, которые ясаком не издобудутца, бивали челом государю, чтоб государь их пожаловал, велел им в недоборном ясаке дать срок (Л. 31) до другою году. И приносили к ним ясачные люди челобитные за своими знамены, и они ясачным людем в недоборном ясаке давали сроку до другою году для их бедности, и они де и выплачивали тот недобор в другой год сполна.

Да положил Иван Безобразов сургутцких ясачных людей челобитные, каковы приносили к нему в Сургуте о недоборном ясаке, и в челобитных пишет:

Челобитная остяков Лунпуколской волости

(Л. 32) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии быют челом твоя сирота государевы Сургуцково уезду Лунпуколские волости князцы и ясашные люди Пынжа да Салтык, Рубашка да Мучуко и во всех товарищей своих место ясашных остяков. Осталось, государь, на нашей Лунпуколской волости на нынешней на 133 год твоево государева недоборново ясаку три сорока тритцать три соболи. Потому, государь, осталось, что у нас в нынешном во 133 году был в земли голод великой; ели, государь, собаки и человечину, а преже, государь, у нас

такой голод не бывал, как и мы, сирота твоя, под твою царскую высокую руку приведена.

Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, смилуйся, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, тот свой недоборной ясак нам, сиротам своим, в новой год платити на 134 год. Царь, государь, смилуйся.

Челобитная остяков семи волостей Сургутского уезда

(Л. 33) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом сироты твои государевы ясашные остяки Сургуцкого уезду Юганские волости князцы и ясашные люди Югра да Ангач, Салымские волости Ахтамах да Арама, Темличеевы волости Бозьян да Оника, Белогорские волости Артик, Бардаковы волости Ярла да Сана, Лунпуколские волости Рубашка да Салтык да Пынжа, Тымские волости Мар да Юган, Кораконские волости Учел да Дылдым и во всех товарищев место. В нынешнем во 133 году недоплатили, государь, мы, сироты твои, твоего государева ясаку в полной оклад потому, что был на нас голод великой; таков голод не бывал на нас из давних лет. И многие, государь, ясашные люди холодом померли, а иные многие люди на промысле находили, потому что собаки з холоду примерли, и нам было, сиротам твоим, твоего государева ясаку на нынешней на 133 год сполна заплатить нечем. Милосердный царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, в том недоборном ясаке дати срок до 134 году. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Челобитная остяков Ларьятской волости Сургутского уезда

(Л. 34) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом сирота твоя ларьяцкие ясашные остяки Селя Коптеев ... Болдашко Малчин и во всех товарищев своих ясашных людей место. На нынешней, государь, на 133 год осталось на нас твоего государева недоборного ясаку семьдесят пять соболей; и ныне, государь, нам, сироте твоей, того твоего государева ясаку платити нечем, потому что был на нас голод великой, с осени и до весны были голодны, ели человечину и собаки, женишка и детишка у многих померли, и собаки все примерли, и от те, государь, великие бедности з голоду на промысел не ходили, и недоборным ясаком промыслить было невозможно.

Милосердный царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, покажи милость, пожалуй нас, сирот своих, для нашей бедности, не вели, государь, на нас того своего государева ясаку недоборного на нынешней на 133 год править и вели, государь, нам в том недоборном ясаке дать сроку до нового году. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Челобитная остяков Васюганской волости Сургутского уезда

(Л. 35) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом сирота твоя васюганские ясашные остяки Оян Почекон да

... Лагаков да Адарка Рымкин и во всех товарищев своих ясашных людей место. На нынешней, государь, на 133 год было на нас, сиротах твоих, недоборного ясаку в доимке шесть сороков семь соболей. И в то число собрали и заплатили в твою государеву казну полтретья сорока дватцать семь соболей, и тое, государь, нам, сироте твоей, того твоего государева недоборного ясаку заплатить нечем, потому что на нас был голод великой, с осени и до весны были голодни, женишка и детишка померли у многих, и собаки все примерли з голоду, ели человечину и собаки, и был, государь, великой голод. Многие ясашные люди по смерти женишка свои и детишка разбрелись безвестно и вести про них нет, живы ли они или нет. А иные, государь, ясашные люди женишка свои и детишка на корм продавали в холопи. И от тое, государь, великие бедности твоим государевым ясаком промышлять было невозможно.

Милосердный царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, покажи милость, пожалуй нас, сирот своих, для нашей великие бедности, не вели на нас того своего государева недоборного ясаку на нынешней на 133 год править и вели, государь, нам в том недоборе дать сроку до нового году. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 36) И 135 г. декабря в 10 день дьяки Иван Болотников да Иван Грязев, отписки Микиты Пушкина и роспросу Ивана Безобразова слушев, приказали: послать государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоту в Сургутцкой город к воеводам к Миките Пушкину да к Богдану Белкину, что Микита Пушкин пишет ко государю не делом, что Сургутцково уезду на ясашных людех на 134 год многой ясак не выбран за тем, что, будучи во 132 и во 133 году Иван Безобразов да Федор Шишкин вновь переписали Сургутцкого уезду в ясак старых и увечных людей и робят малых, меньше пятинатцати лет, и ясак бутто за тех новоприбылых людей во 132 и во 133 году платили сургутцкие лутчие люди и бутто во 132 и во 133 году сургутцкие ясашные люди ясак платили по неволе за правежем, и в тюрьму бутто ясашных людей в ясаке сажали, да и ему, Миките, без правежу ясаку на 134 год выбрать нельзе.

А на Москве Иван Безобразов сказал, что в Сургутцком де уезде новоприбылые ясашные люди переписываны в ясак лет по дватцати по пяти и по тритцати и по сороку и по пятидесят лет, а переписываны те, которые жили в захребетниках безьясачно. А старых и увечных и малых ребят не пере- (Л. 37) писывали. А ясак с ясашных людей збирали они из воли, а правежем ясаку на ясашных людех не правливали и в тюрьму ясашных людей в ясаке не саживали. А которые ясашные люди бедны, ясаку вскорее за бедностью заплатить нечим, и они ясашным людем в ясаке давали сроки. А как был на государеве службе в Сибири боярин князь Юрьи Яншеевич Сулешев и после того боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, и сургутцкие ясашные люди в тех новоприбылых людех и в том, что на них ясак збиран правежем и в тюрьму они, ясашные люди, в

ясаке сажены, на Ивана Безобразова и на Федора Шишкина не бивали челом, и челобитья их о том не бывало.

И он, Микита, пишет ко государю не делом, только б Иван Безобразов и Федор Шишкин в Сургутском уезде ясашных новоприбылых людей переписывали в ясак старых и малых, и сургутские б ясашные люди на Ивана Безобразова и на Федора Шишкина били челом о том боярину князю Юрию Яншеевичю Сулешеву или боярину князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому. А то сургутских ясашных людей о том по ево Микитин приезд челобитья не бывало, и то знатно, что тех ясашных людей научил бити челом он, Микита. Да и то пишет он ко государю не делом, что ему на ясашных людех ясаку без правежу выбрать (Л. 38) нельзе. А по государеву указу во всех сибирских городех на ясашных людех государеву ясашную и поминошную рухледь збирают ласкою, а не правежем. А которым ясашным людем вскоре ясаку заплатити за чем немочно, и тем людем в ясаках дают сроки, как пригоже, и по ся места в сибирских городех с ясашных людей мяхкая рухледь збиралась ласкою, а не правежем, а во всех сибирских городех недобору не бывало. Которая мяхкая рухледь в котором году будет хотя б невелика и в недоборе, и тое недоборную рухледь выберут в другой год. А он, Микита, на ясашных людех ясак хочет збирать правежем и тем ясашных людей хочет от государева жалованья отогнати и их тем хочет оскорбити. И то знатно, что он, Микита, о том пишет ко государю для своей корысти, чтоб ему ясашным людем полехчить, а в государеве бы ясаке недобор учинить, и чтоб ему ясашных людей описати и складна учинить.

И он бы, Микита Пушкин и Богдан Белкин, на ясашных людех государеву ясашную и поминошную рухледь, которая не выбрана по прежнему государеву указу, збирали ласкою, а правежем на ясашных людех государевы ясашные и поминошные рухледи не правили, чтоб ясашных людей тем от государева жалованья не отогнати и тем бы их не оскорбити. А которым будет ясашным людем за бедностью или за чем иным заплатити вскоре немочно, и тем ясашным (Л. 39) людем в ясаке давать сроки, насколько пригоже, смотря по людем и роспрашивая про тех людей ясашных лутчих людей, на колько тем ясашным людем в ясаке доведетца дати сроку. А выбрать бы государеву ясашную и поминошную рухледь из доимки все без недобору, чтоб о той мяхой рухледи новым воеводам, которые воеводы приедут на их места, недобору не оставить в доимке ничево.

А будет государеву ясашную и поминошную рухледь Микита Пушкин и Богдан Белкин зберут меньши тово, что во 132 году ис Сургу́та Иван Безобразов да Федор Шишкин прислали ко государю, или что недоборной рухледи новым воеводам напишут на ясашных людех в доимке, и тое недоборную рухледь велит государь взять на них, на Миките и на Богдане, мимо ясашных людей, да им же за то быть от государя в опале.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 29-39. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

1625 г., не ранее сентября 14 - 1627 г., не позднее февраля 7. –
Отписка воеводы Н.Е. Пушкина о службах
сургутских казаков

(Л. 54) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В прошлом, государь, в 133 году июля в 7 день писал ис Тобольска в Сургут ко мне, холопу твоему, твой государев боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а велено, государь, мне, холопу твоему, послать ис Сургута с тобольским сыном боярским с Яном ... на твою государеву годовую службу в Томской город и в Мелеской острог сургутских служилых людей прежним сургутским служилым людям на перемену сорок пять человек. Да июля, государь, в 12 день писал ис Тобольска в Сургут ко мне, холопу твоему, твой государев боярин и воевода князь Дмитрий ж Тимофеевич Трубецкой, что отпущены ис Тобольска в Енисейский острог с твоими з государевыми хлебными (Л. 55) запасы на шти дощаниках енисейские служилые люди Никитка Ондреев с товарищи три человека, а с ними, государь, посланы на тех судех в провожатых и в гребцах ис Тобольска до Сургута кузнецкие новоприборные служилые люди Казаринко с товарищи семнатцать человек. А как, государь, енисейские служилые люди Микитка Ондреев с товарищи ис Тобольска в Сургут с хлебными запасы приедут, и мне, государь, холопу твоему, велено послать с ними ис Сургута до Енисейского острогу за теми хлебными запасы в провожатых сургутских служилых людей сорок два человека, по семи человек на дощаник. А велеть им на тех судех гресть с енисейскими служилыми людьми и запасов беречь вместе заодин, чтоб порухи некоторые над твоими государевыми хлебными запасы не учинилось. Да в Кецкой, государь, острог велено послать прежним годовальщиком сургутским служилым людям на перемену дватцать (Л. 56) человек.

И я, холоп твой, на твои государевы годовые службы в Мелеской и в Кецкой остроги послал ис Сургута сургутских служилых людей сорок человек, по дватцать человек в острог. А в Томской город на твою государеву годовую службу сургутских служилых людей прежним годовальщиком на перемену ис Сургута не послано потому – которым, государь, сургутским служилым людям довелось быть на твоей государеве годовой службе в Томском городе прежним годовальщиком сургутским служилым людям дватцати пяти человеком на перемену, и я, холоп твой, тех служилых людей послал дватцати пяти человек в провожатых и в гребцах на енисейских на пяти дощаниках под енисейскими хлебными запасы. Да к тем же, государь, к дватцати к пяти человеком на те ж дощаники прибавлено сургутских же служилых людей семь человек для того, чтоб твои государевы енисейские хлебные запасы на дороге не стали и замороз не взял. И в Томской, государь, город сургутских служилых людей на твою

государеву годовую службу послать было ис Сургута (*Л. 57*) неково. Все-го, государь, в Сургуте по имянному списку сургутских служилых людей и с атаманы двести два человека.

И в прошлых, государь, в 132 и во 133 году при Иване Безобразове да при Федоре Шишкине послано ис Сургута на твои государевы годовые службы в Томской город и в Мелеской и в Кецкой остроги и к Ямыш озеру по соль и за твоею государевою соболиною казною к тебе к государю к Москве и в иные россылки для твоих государевых всяких дел сургутских служилых людей сто два человека. А в Сургуте, государь, служилых людей за годовыми службами и за розсылками для обереганья города и острога и городово и острожного и тюремного караула и розсылок осталось всего дватцать восемь человек. И те, государь, служилые люди с ыюля с 17 числа по 134 год по сентября по 14 число на городе и на остроге и у тюрьмы на караулах были беспременно. А караулы, государь, в Сургуте сургутские служилые люди на городе караулят по десять человек (*Л. 58*) днем и ночью, а на остроге караулят по тому ж, да у тюрьмы караулят по три человека днем же и ночью. И только, государь, послать было ис Сургута в Томской город по тобольским отпискам, и в то число не доидет сургутских служилых людей против имянново списку шти человек. А книги, государь, имянные и списки сметные и пометные ис Сургута в Тоболеск посылают ежегод, и пишут ис Тобольска про люди, не справяся. И о том, государь, я, холоп твой, к твоему государеву боярину и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому ис Сургута в Тоболеск писал.

На л. 54 об. помета: 135 г. февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 54-58. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате и по помете*

№ 14

1626 г., не ранее сентября 1. – Отписка воеводы Н.Е. Пушкина о создании копий документов, хранящихся в сургутской приказной избе

(*Л. 59*) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В прошлом, государь, в 134 году августа в 8 день писал к нам, холопом твоим ис Тобольска в Сургут воевода князь Ондрей Ондреевич Хованской. В твоей государеве царевице и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте в Тоболеск писано: в 134 году мая в 3 день учинился на Москве пожар, и город и в Кремле-городе и в приказе Казансково дворца всякии дела погорели. И что ныне в Сибири в Тобольску и во всех сибирских городех и в острогах на посаде и в уездех в твоих государевых селех и за монастыри и за

детьми боярскими и за всякими сибирскими служилыми людьми сел и деревень и пустошей и заимок и в них пашень и вытей в живущем и в пуге, и что в Тобольску и во всех сибирских городех по окладу твоих государевых всяких денежных и мяжкии рухляди или иных доходов – тово всего не ведомо. И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича (Л. 60) всеа Русии указу велено для приправки взяти из Сибири ис Тобольска и изо всех сибирских городов списки с писцовых и из дозорных и из ясашных книг и сметные списки прошлово 133 году и пометные списки ко 132 году и иные всякие дела, бес которых быть немошно.

А велено, государь, у твоих государевых дел во всех городех и острогах сидеть нам, холопом твоим, самим и смотреть над подьячими накрепко, чтоб спешили тем твоим государевым делом днем и ночью неоплошно. А что каких дел взять в Тобольску и во всех сибирских городех и в острогах порознь, и тем всем делам прислана от тебя, государя, с Москвы в Тоболеск роспись, а с тое, государь, росписи, что велено у нас в Сургуте взяти твоих государевых всяких дел, прислана нам из Тобольска роспись. И нам бы, холопам твоим, по той росписи всякии твои государевы дела велеть писать в тетради, а списав, прислати в Тоболеск нарошным гонцом. А тово б нам себе однолишно в оплошку не поставити, отставя иныи всякии твои государевы дела, велеть те дела, которые к нам в росписи написаны (Л. 61) списать наспех днем и ночью. А будет в Сургуте в съезжей избе подьячих мало и вскоре тех дел по росписи списать немошно, и нам бы для поспешенья велеть взяти площадных подьячих и от церкви дьячков и пономарей и стрельцов и пушкарей, которые писать умеют, и велети бы им твои государевы дела писать с подьячими вместе наспех. А самим бы нам, холопом твоим, от тех твоих государевых дел не отходить, быти у подьячих безотступно, чтоб однолишно поспешить наскоро и дела прислати в Тоболеск на срок на Оспожин день.

И которые, государь, в Сургуте умеют писать, церковной дьячок и служилые люди, и я, холоп твой, велел в съезжей избе с подьячими списывать в тетради твои государевы наказы и указныи грамоты наспех днем и ночью и над ними смотрил безотступно, чтоб твоим государевым делом спешили, писали неоплошно. А Богдан Белкин твоего государева указу не послушал, к делу не ходил, а делает во всем твоему государеву делу поруху. И в Тоболеск я, холоп твой, на Богдана Белкина писал.

На л. 59 об. помета: 135 г. февраля в ... день подал Миқитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 59-61. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

1626 г., марта 26. – Челобитная остяка Бардаковой волости о насильственных действиях людей воеводы Б.И. Белкина

(Л. 62) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, во 134 году марта в 26 день бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Сургуцкого города Бардаковы волости остяк Тырмас Кылыдалов, а в съезжую избу принес челобитную. И я, холоп твой, тое ево челобитную, подклея под сею отпискою, послал к тебе государю. А наперед сево о том я, холоп твой, писал к тебе государю.

(Л. 63) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твоя остяк Бардаковы волости Матокиных юрт Тырмаско Калыдалов. В нынешнем, государь, в 134 году ехали ис Тобольска в Сургут Богдановы люди Белкина два человека на подводах, а привезли их к нам в юрты Салымские волости остяк Милко Пунсеев. И мы, сироты твои, того остяка допрашивали, почему их везет, есть ли у них подорожная печать. И тот, государь, остяк Милко нам сказал: к нам де их привез остяк Салымской же волости, а сказывают де оне, что де им дана подвода ис Тобольска. И с нарты, государь, постели свои и запасы переклали на мои нартишка. И один Богданов человек на нарте лег, а сказал: я де сургуцкому воеводе Богдану Белкину брат, зовут меня Кирилою, повези де меня до города на нарте, а у меня де ноги [больны], а будет де не повезешь, и тебе де от воеводы от Богдана Ивановича быть битую и в тюрьме сидеть. И я, сирота твой, учал ему говорить: подорожной у тебя нет, а лежишь на нарте и запасы и постели поклат, а мы люди бедные и голодны, а собаки голодны, худы и весть вас нечем, а конных у нас подвод нет, нарты тянем сами под запасы, а людей не возим. И те, государь, Богдановы люди Белкина меня, сироту твою, хотели убить и взяли в подводы сильно. И я четыре собаченки впряг да и сам тянул, и тянуть не смог, и оне меня на дороге хотели убить же. И тех, государь, людей Богдана Белкина привез я, сирота твой, в Сургут к Богдану на двор и говорил, чтоб велел меня накормить и корму дать на дорогу, чем назад в юрт дойти. И он меня накормить не велел и корму на дорогу не дал, а велел з двора збить.

Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, сироту свою, вели мне за ту подводу наем заплатить и пожалуй, государь, не вели с нас насильством вперед ... Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 62 об. пометы: Писать в Тоболеск, велеть князю Ондрею отписать от себя к сыщику или к воеводе: велеть про то сыскать и по сыску на Богдане будет доведетца взять и отдать остяку.

135 г. февраля в 11 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

1626 г., не ранее октября 18. – Отписка сургутского воеводы
Н.Е. Пушкина о толмаче Иване Парабельском

(Л. 68) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. Писал к тебе, государю, на меня, холопа твоего, Богдан Белкин, что бутгося я отставил в Сургуте от толмачества городского толмача Ивана Парабельского, а вего Ивашково место в толмачех в Сургуте велел быть казаку Лучке Туполку. И я, холоп твой, толмача Ивашка Парабельского от толмачества не отставлял, а Лучка, государь, Тупол в Сургуте толмачил до меня при Иване Безобразове да при Федоре Шишкине. А в прошлом, государь, во 133 году, как мы, холопы твои, приехали в Сургут на перемену Ивану Безобразову да Федору Шишкину, и тот Иван Парабельской тебе государю бил челом, а к нам в съезжую избу принес челобитную, а сказал: велено де ему, Ивашку, по твоей государеве грамоте в Сургуте быть в толмачех. И Иван Безобразов и Федор Шишкин ему, Ивашку, толмачить не велели, а велели де толмачить Лучке Туполою. И я, холоп твой, Ивана (Л. 69) Безобразова и Федора Шишкина спрашивал: за что ему, Ивашку, толмачить не велели по твоей государеве грамоте? И Иван, государь, и Федор мне сказали, что де его, Иванка, с толмачество не будет, ничего не знает. Да на него же де Ивашка били челом тебе, государю, Сургуцково города яшашные люди и принесли в съезжую избу челобитную за своими знамены, чтоб ты, государь, их пожаловал: того Ивашка Парабельского от толмачества отставил, а у них бы велел быть толмачю иному, что он, Ивашко, нуж их и росказать не умеет, да и смута де от него, Ивашка, у них в земле была.

И та, государь, их челобитная, и ныне в Сургуте в съезжей избе. Да и при нас, государь, Сургуцково города яшашные люди тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси о том били же челом, чтоб ты, государь, их пожаловал: тому Ивашку Парабельскому в толмачех у них быть не велел, а велел бы у них быть толмачу иному. Да на тово же, государь, Ивашка Парабельского в Сургуте извещал тебе, государю, Лучка Тупол, что он твой государев ясак, взяв с остяка с есаулом с Елтою, утаили, и то, государь, ево Ивашково воровство сыскано. Да тот же де Ивашко Парабельской в прежние годы, как подгородные ...

На л. 68 об. помета: 135 г. февраля в 11 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 68-69. Подлинник.

Окончание документа отсутствует.

Датируется на основании док. № 17 (V)

Отписки сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о непорядочном поведении второго воеводы Б.И. Белкина

I. 1626 г., не ранее июля 23 - не позднее сентября 1

(Л. 76) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 134 году июля в 23 день Сургуцково города просвирница черница Пелагея, пришед, сказывала: ходят де с Богданова двора Белкина люди ево на город и на башню. И я, холоп твой, посылал целовальника Гришу Моржа да десятника Степанка Косолапа досматривать, куды оне ходят на город и на башню. И целовальник, государь, и десятник на городе досматривали и пришед сказали, что де з Богданова двора Белкина у города выломаны пазушины и меж углов переколочены доски и зделано лесницов, куды ходят на город. И я, холоп твой, те пазушины велел заделать и Богдану Белкину говорил: для он чево людей своих на город посылает, у города пазушины выломал и лесницы на город поделал? И Богдан Белкин меня, холопа твоего, (Л. 77) за то лаял всякою неподобною лаею и говорил: ты де мне какой укащик? Да и многое, государь, ево Богданово, воровство объявилоса, крадет и всякое дурно делает и похваляетца своим воровством: я де так заворюю, что меня велят, сковав, взять к Москве. А в Тоболеск, государь, про его многое воровство писал многажды, и сыску и указу нет.

И что, государь, от его Богданова воровства какое дурно учинитца над твоею государевою казною и над городом и над острогом, и мне б в том от тебя, государя, в опале не быть.

На л. 76 об. помета: 135 году февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 76-77. Подлинник.

Датируется по упомянутой в тексте дате

II. 1626 г., не ранее марта 25 - не позднее сентября 1

(Л. 80) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 134 году марта в 25 день пришед в город в караульную избу пьян казак Мишка Леонтьев сын и десятников и казаков, которые стоят на карауле, лаял матерно и хотел бить. И я тово Мишку велел посадить в тюрьму. И того же, государь, числа Богдан Белкин, идучи от вечерни пьян, ис тюрьмы тово Мишку взял к себе на двор, и тюремных сидельцов остяков, которые сидят в твоем государеве изменном деле, ис тюрьмы мало не ропушал. И я к нему на двор посылал с караулу десятника Третьяка Вершинина, а велел ему говорить: для он чего ис тюрьмы выймал казака Мишку и к себе на двор взял. А тот казак посажен был в тюрьму за воровство.

И тот, государь, десятник пришед мне, холопу твоему, сказал: велел (Л. 81) де его, Богдан, з двора збить. И что, государь, вперед учинитца от него Богдана какое дурно, и мне б, холопу твоему, в его воровстве от тебя государя в опале не быть. А наперед сево о том я, холоп твой, писал к тебе государю.

На л. 80 об. помета: 135 февраля в 11 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 80-81. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

III. 1626 г., октября 22

(Л. 92) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 135 году октября в 22 день бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Сургуцкаго города подьячей Офонька Кондаков на Богдана Белкина в бою и в увечье своем, а в съезжую избу принес челобитную. И я, холоп твой, тое ево челобитную, подклея под сею отпискою, послал к тебе ко государю.

(Л. 93) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Сургутцкого города подьячишко Офонька Кондаков.

Жалоба, государь, мне на воеводу на Богдана Ивановича Белкина. Деялось, государь, в нынешнем в 135 году октября в 18 день: по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу посылал меня, холопа твоего, из съезжие избы твой государев воевода Микита Остафьевич Пушкин с сургутским с троецким с черным священником с Ылинархом да с торговыми людьми с целовальники да с сургутцами ж с служилыми людьми с атаманом с Тугарином Федоровым и с десятники и с казаки к тому Богдану Белкину на двор, а велел, государь, у него вынять подговорную жонку тобольского стрельца Макаркуву жену Оринку. И как я, холоп твой, с черным священником с Ылинархом и с торговыми людьми и с целовальники и с атаманом и с служилыми людьми к тому Богдану на двор пришел, и тот Богдан вышел на крыльцо с людьми своими с саблями и с пищальми и учал меня, холопа твоего, лаять матерны и всякою неподобною лаею и говорил: как де ты смел ко мне на двор притти и какие у меня жонки хочешь выимать? И учал меня, холопа твоего, бить по щекам и бороду драть, и на голове волосы выдрал, и, убив меня за смертью, покинул и оглушил. И у того, государь, Богдана, выняли в горнице в залавке подговорные две жонки, одну рускую, а другую тотарку.

Милостивый царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели про мое увечье и позор сыскать

теми (Л. 95) людьми, которые были на выимке и видели, и по сыску, государь, пожалуй, в моем увече, вели свой царской указ учинить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 92-95. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

IV. 1626 г., не ранее сентября 28

(Л. 106) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 135 году сентября в 28 день пришел в съезжую избу в час ночи Сургуцково города казак Обросим ... и сказал: пришел де на острожной караул Богданов человек Белкина Ивашко Васильев, а сказывает де за собою твое государево дело. И я, холоп твой, тово Ивашка велел поставити перед собою в съезжей избе. И тот, государь, Ивашко в роспросе сказал: был де он преж сево на Тумени в полачах, и с Тумени де збежал в Тоболеск. А ис Тобольска в прошлом в 134 году привез его, Ивашка, в Сургут сургуцкой казак Сидорко Юдин. И было де на нем на Ивашке Сидорковых заемных рубль денег. И тот де Сидорко за тот свой долг отдал ево, Ивашка, Богдану Белкину молоть. И он де, живучи у Богдана, молот.

И в нынешнем же 135 году (Л. 107) Богданов человек Белкина Кирилко Васильев и сказал Богдану: писал де ис Тобольска в Сургут воевода князь Ондрей Ондреевич Хованской ко мне, холопу твоему, Микитке, а велел де у тебя подговорную жонку вынять, Макарку жену тобольского стрельца. И Богдан де Белкин позвал нас всех, людей своих, к себе в горницу и говорил де им: не выдайте де меня, как придет ко мне на двор Микита Пушкин с служилыми и с своими людьми выимать у меня жонки, и вы де порадейте, мимо всех служилых людей и Микитиных людей убейте из лука или из пищали преже Микиту Пушкина, а в том де я государю за вас отвечаю. Да будет де иной де где ваш случай будет, и вы де Микиту Пушкина убейте не блюдяся, я де за вас ответ дам. И говорил де им, всем людям своим: емлите де себе пищали и сабли и держите у себя готово, а ему де, Ивашку, дал остяцкой лук и стрелы. А жонка де тобольского стрельца Макарку жена и ныне живет у Богдана в горнице в казенке, да и другую де жонку подговорил, татарку, у бухаретина у мулы. А привела де к нему на двор тое татарку (Л. 108) Сургуцково города атамана Богданова жена Зубакина Катеринка да казака Якушка Кушников сын Панка. А хочет де Богдан тех обеих жонок отпустить к Руси. И я, слыша от Богдана Белкина такой его завод и приказ, что он велит нам убить тебя, Микиту, и я де з двора от него сшол, что де от ево Богданова воровства учинитца убийство, и мне б де в том не погинуть, и пришел де на караул и сказал за собою государево дело, потому чтоб меня отвели в съезжую избу.

И я, холоп твой, тово Ивашка Васильева послал из Сургута в Тоболеск за приставом с тобольскими служилыми людьми с Нефетком Тихановым да с литвином с Якушком Сапожником на судне у торговово человека у Мосейка Ортемьева.

На л. 106 об. пометы: Писать в Тоболеск, будет того Ивашка ис Сургута в Тоболеск Микита послал, и ево про то велеть роспросить имянно и написать в сыскное дело.

135 г. февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 106-108. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

V. 1626 г., не ранее октября 18

(Л. 115) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 135 году писал ко мне, холопу твоему, ис Тобольска в Сургут преосвященный Макарей архиепископ да воевода князь Ондрей Ондреевич Хованской: бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси тобольской стрелец Макарко Ортемьев, а сказал: в прошлом де в 133 году был он, Макарко, на твоей государеве службе у соли, и без нево де Богдан Белкин с людьми своими подговорил жену ево Иринку, а подговоря – свез с собою ис Тобольска в Сургут. А с нею свез живота ево платия и денег на 60 рублев. И мне б послать к Богдану Белкину на двор сына боярсково или атамана добра, ково с то дело будет и кто б зделал не манюу, а с ним попов и дяконов и служилых и посацких и торговых людей, сколько человек пригоже. И велеть тое жонку *(Л. 116)* Макаркову жену у Богдана Белкина на дворе вынять. А выняв ее, велети привести в съезжую избу в том платье, в какове зайдут. А привести и роспросить ее в съезжей избе при тех же людях, которые будут на выимке, коими обычаи она у Богдана объявилася. А роспрося доподлинно, записку тому учинить, да к тому спросному списку, что она скажет, велеть тем людям, которые на выимке будут, руки свои приложить. А которые будет грамоте не умеют, в тех место велеть руки приложить отцем их духовным или товарищем их друг друга в место. Да тое жоночку Макаркову и записку той выимке и роспросной список прислать в Тоболеск с кем пригоже.

И в нынешнем, государь, в 135 году октября в 18 день посылая я, холоп твой, к Богдану Белкину на двор Сургуцково города троецкого черного священника Илиарха да подьячего Офонасья Кондакова да атамана Тугарина Федорова да служилых людей десятников и казаков да торговых людей целовальников Михалка Колмогорца да Вторушку Иванова *(Л. 117)* с товарищи. И как к нему, Богдану, на двор пришли, и он с людьми своими с Митькою Тютчевым да Ефремком Петровым вышел пьян на крыль-

цо с саблями и с пищальми и учал говорить: для де вы чево ко мне на двор пришли? И священник, государь, и подьячей и атаман и десятники и служилые и торговые люди Богдану говорили: присланы де мы к тебе, а велено тебе говорить: отдай подговорную Макарку жену Иринку тобольского стрельца. И Богдан де Белкин им сказал: у меня де жонки никакой нет, – и учал их лаять матерны и подьячего Офонася Кондакова убил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал. И служилых, государь, людей десятников Ивашка Арапа да Максимка Валцова убил, а человек его, Ефремко Петров, Максимка колол саблею. И двери у сеней и окна заперли и у горницы двери заложили. И служилые, государь, люди к нему, Богдану, в задние сени и в горницу вломилися и выняли у него в горнице, в залавке схоронены, две жонки – тобольского стрельца Макарку жену Иринку да татарку Кузаку, подговорную ж жонку мулы бухарца, и привели их в съезжую избу, да дву человек Богдановых, (Л. 118) которые билися, Митьку Тютчева да Ефремка Петрова привели в съезжую же избу.

И татарка, государь, в роспросе сказала: приходил де на двор атамана к Богданове жене Зубакина к Катеринке Богданов человек Белкина Митька Тютчев, и Богданова де жена Зубакина да Богданов человек Белкина Митька, подговоря ее у мулы бухарца, привели к Богдану на двор. А жила де она у Богдана в горнице с Макарковою женою с Оринкою и спали вместе с Богданом Белкиным. И хотел де Богдан с Макарковою женою и с нею итить в мыльню паритца. И как де пришли к нему на двор для выимки, и Богдан де их у себя в горнице в казенке схоронил в залавок. А жила де она у Богдана недель з десять. А Макаркувы, государь, жены спрашивать было нельзя; как привели в съезжую избу и она не говорила, а только и сказала: Богдан де Белкин посылал человека своего Ефремка Петрова к казаку к Ивашку Бесперстово для коренья, и ее де Богдан окормил кореньем, и потому де она больна и не говорит и опухла вся. А выняли, государь, тое жонку у Богдана Белкина и привели в съезжую избу роскручену, накинута платом поостяцки, в шубенке в белье под киндяком алым, босое и без ... А татарку, государь, (Л. 119) выняли у Богдана укручену по-русски в подбруснике да в повойце; на ней сарафанишко, на ногах поршни. А третью, государь, подговорную жонку Анютку, Богдан Белкин что подговорил у кузнецково казака у Федьки Васильева, скупив нарымсково казака Федотка Федорова, сослал ее с ним из Сургута в Нарым. И тот, государь, нарымской казак в той жонке в Нарыме дан на поруки, как тое жонки спросят, и ему поставить.

А Богданов человек Белкина Ефремко Петров в роспросе сказал: посылал де его Богдан к казаку к Ивану Бесперстово по коренью, и Ивашко де ему коренью дал, и он де, Ефремко, тое коренью принес и отдал Богдану. А битца де им велел с служилыми людьми, ис пищалей стрелять и саблями сечь, Богдан Белкин для того, чтоб не дать жонок вынять, и мы де потому и билися.

И те, государь, подговорные жонки, Макаркова жена Иринка да татарка мулы бухарца, отданы за приставы беречь Сургуцково города служилым людям. И служилые люди в съезжей избе били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, что им тех женок кормить нечим, город Сургут беспашенной, а твоего де государева хлебного жалованья и самим им до сроку (Л. 120) не ставитца. А в тюрьму, государь, вкинуть, и они б померли з голоду, кормить их некому. И я, холоп твой, к Богдану Белкину посылал целовальников служилых людей Моржа да Онисимка Банщика да торговых людей и целовальников Михалка Колмогорца да Вторушку Иванова, а велел де ему говорить: которые у него подговорные жонки выняты, и он бы их кормил до тех мест, как их в Тоболеск пошлют. Да и о том, государь, ему Богдану велел же говорить, чтоб он нанял или людей своих отпустил, кому тех женок до Тобольска довесть, а пристава им дадут служилого человека. И Богдан Белкин целовальников к себе не пустил, а выслал к ним человека своего Кирилка Васильева, а велел им сказать: ходите де воровством и разорили де вы меня со всем моим животом. А не послал я, холоп твой, тех женок в Тоболеск потому, что воевода князь Ондрей Ондреевич по отписке своей не писал, Богдану ли велеть тех женок до Тобольска проводить и дорогою беречь или подводы под них дать. А подвод я, холоп твой, под тех женок без твоего государева указу дать не смею; есашные люди (Л. 121) о те поры все были на промыслу и подвод по ямом нет. А которые для твоего государева дела ездят ис Тобольска в города или в Тоболеск, и под тех подводы в Сургуте наймут, а деньги дают ис твоей государевы казны.
На л. 115 об. помета: 135 году февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 115-121. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате*

№ 18

1626 г., октября 19. – Из расспросных речей по делу о проживании у воеводы Б.И. Белкина двух “подговорных женок”

(Л. 125) ... А тобольсково стрельца Макаркова жена Оринка в роспросе не сказала ничево, а только сказала: я де больна, говорить не смогу, Богдан де посылал человека своего Ефремка Петрова к сургуцкому казаку к Ивашку Осипову по коренью и меня де окормил кореньем, и от тово де ныне больна и опухла.

И октября в 19 день казачьи жены Юшкина Оксютка Кайдалиха да Дорошкина жена Оринка в съезжей избе ставлены и спрашиваны. И Юшкина жена Оксютка Кайдалиха в роспросе сказала: присылал де ко мне Богдан Белкин на двор, и я де к Богдану ходила. А как де к Богдану при-

шла, и у Богдана де в горнице в казенке лежит на постеле тобольсково стрельца Макаркова жена Оринка больна, брюхо де у ней опухло. (Л. 126) И мне де Богдан учал сказывать, что де Оринка ела коренье и от тово де лежит больна и опухла. А сам де Богдан у той Оринки груди и брюхо и рожу мажет мазью и, стоя де над нею, плачет. И яз де учала ево спрашивать: чем ее мажешь? И он де, Богдан, сказал, что ее, Оринку, мажет маслом деревяным. А мне де Богдан говорил: будет де знаешь, чем в том ей пособить, и ты де пожалуй, лечи, а яз де челом бью, что пожалуйеш, возьмешь. И у меня де была медвяжья желчь, и ею де Оринку мазала по брюху. А как де я была у Богдана Белкина на дворе у Оринки – тому с неделю. Тово же числа Дорошкина жена Оринка сказала в роспросе: присылал де ко мне Богдан Белкин человека своего в понедельник, (Л. 127) а тому де есть ден шесть. И я к нему не пошла, и он де ко мне присылал вдругорят человека своего да казака Ивашка Осипова сына Бесперстово, и я де к нему приходила в вечеру, как смерклось. А у него де в горнице лежит тобольсково стрельца Макаркова жена Оринка на постеле больна. И Богдан де Белкин сказывал мне, что она ела коренье и от тово де она больна и брюхо у ней опухло. И бил де мне челом Богдан, чтоб мне с Макарковою женою сходить в баню, и я де с нею в баню ходила. А ее де, Оринку, Богдановы люди два человека в баню на руках несли. А как де пришла в баню, и Оринка де, приход в баню, и рубашку с себя снять не дала, велела вынести себя из бани вон, а велела де себя маслом коровьим по брюху рукою помазать. И я де ее маслом коровьим мазала, а болши де тово я над нею ничево не делала, (Л. 128) да и пошла к себе на двор. А после тово я у Богдана на дворе не бывала.

А казак Ивашко Осипов сын Бесперстово в съезжей избе ставлен и роспрашиван и в роспросе сказал: просил де у меня Богдан коренья и человека своего Ефремка Петрова присылал. И яз де к нему послал коренья, иру степново, и с тово де коренья люди не пухнут, нешто де будет Богдан ей иное коренье лихое давал.

(Л. 130) ... А татарка Кузака мулы бухарца в роспросе сказала: подговорила де меня атаманова (Л. 131) Богданова жена Зубакина Катеринка. А отвел де меня на двор к Богдану Белкину человек ево Митька Тютчев. А жила де я у Богдана Белкина недель з десять, а живучи, зделала ему, Богдану, кафтан пупчатой соболей. И татарка Кузака допрашивана, как она была у Богдана Белкина, Макаркова жена Иринка как у Богдана жила и кто к ней каких людей приходил. И Кузака сказала: Богдан де Белкин с Макарковою женою с Оринкой жил, что с прямою женою, и спал с нею вместе. А приходили к Богдану на двор к Макаркове жене Оринке сургуцких служилых людей жены, Юшкина жена Кайдалиха Оксютка да Дорошкина жена Оринка. А как де Макаркова жена учала быть больна, и Богдан де и от своих людей почал таитца и казать Макарковы жены не стал, а на двор де и в мыльну носил ее сам ...

РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 125-131. Подлинник.

Публикуется с сокращениями.

Окончание документа отсутствует

1626 г., ноября 11. – Челобитная сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова с изложением его службы

(Л. 133) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, во 135 году ноября в 11 день бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Сургуцкого города казачей атаман Тугаринко Федоров, а ко мне, холопу твоему, в съезжую избу принес челобитную. И я, холоп твой, тое ево челобитную, подклея под сею отпискою, послал к тебе ко государю к Москве.

(Л. 134) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой Сургуцкого города атаманишко казачья Тугаринко Федоров. Служу я, холоп твой, тебе, государю, в Сибири в Сургуте тридцать пять лет всякие твои государевы службы летние и зимние и нартовые и струговые. А как, государь, в Сибири города Пелым и Сургут ставили, и я, холоп твой, был с твоими государевы воеводы и тебе, государю, служил. Да меня ж, государь, холопа твоего, посылал из Нарыму твой государев воевода князь Семен Михайлович Лобанов в Томской город, и я, холоп твой, есашных людей привел под твою царскую руку и есак с них взял.

Да меня ж, государь, холопа твоего, посылал из Сургута твои государевы воеводы князь Федор Тимофеевич Долгорукой да Олексей Иванович Голохвастов на Енисею, и я, холоп твой, есашных людей привел под твою царскую руку и есак с них взял. А которые, государь, енисейские остяки твоего государева указу не послушали и есаку не дали, и мне, холопу твоему, велено их воевать и побивать. И я, холоп твой, по твоему государеву указу их воевал и многих побил, а иных князцов и лутчих людей в Сургут привел. И как, государь, Пегая орда отложила, и меня, холопа твоего, из Сургута посылал твой государев воевода князь Яков Петро- *(Л. 135-136)* вич Борятинской да Володимер Васильевич Пивов в Пегую орду. И я, холоп твой, Пегие орды всяких людей под твою царскую руку привел и город поставил и есак с них взял.

Да я ж, холоп твой, выезжаючи из Сибири к тебе, государю, к Москве с твоею государевою соболиною казною, служил тебе, государю, многие службы: был в полку с твоим государевым боярином и воеводою со князь Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским под Калугою и с твоими государевы изменники бился явственно и языки многие имал. Да ис под Калуги, государь, был послан под Лихвинскую засеку твой государев стольник и воевода Василей Иванович Бутурлин, а у него был в полку голова Гаврило Посевьев; и я, холоп твой, был у Гаврила в сотне под Лихвинскою засекою и тебе, государю, служил и языки многие имал и был ранен и Лихвинскую засеку взяли и твоих государевых изменников всех побили, а достальных переимали и привели к Москве. Да я ж, холоп

твой, был под Москвою с твоими государевы бояры без съезду, как сидели в Москве литовские люди, и с твоими государевы изменники с польскими и с литовскими людьми и с рускими воры бился явственно и многжды был ранен.

А твоего царского жалованья денежново мне, холопу твоему, за мое службишка идет по пятна- (*Л. 137*) цети рублей денег да хлеба по пятнатцети четвертей. И ныне я, холоп твой, ото многих служб от ран увечен и твоей царской службы служить не смогу.

Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мои службишка и за кровь, вели поверстать во свою государеву царскую службу сынишка моего Петрушку. А сынишко мое, государь, дватцати лет, пожалуй его своим царским жалованьем денежным и хлебным из моего окладу, как тебе государю Бог известит, чтоб я, холоп твой, з женишкам и з детишками, бродя меж двор. голодною смертью не умер. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 133 об. помета: 135 г. февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина Федька Костантинов.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 133-137. Подлинник.

№ 20

1626 г., не ранее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о тяжести подводной повинности для остяков

(*Л. 138*) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Пушкин челом бьет. В прошлом, государь, во 134 году июня в 16 день писал ис Тобольска к нам в Сургут воевода князь Ондрей Ондреевич Хованской: посланы ис Тобольска в Сургут для твоего государева сыскново дела Семен Чаплин да подьячей Гаврило Ерофеев. И как Семен и подьячей в Сургут приедут, и им бы в Сургуте велеть дати дворы, где им стоять, а для розсылки и для ослушников дати им служилыи людей, сколько человек пригоже. И Семену, государь, Чаплину да подьячему в Сургуте дворы и служилые люди для розсылки даны были. И Семен и подьячей жили в Сургуте больши недели, а сыску у них ни в каком деле не бывало. И июля, государь, в 12 день приходили ко мне, холопу твоему, в съезжую избу торговые люди Устюга Великого торгового человека Исаков прикащик Ревякина Вто- (*Л. 139*) рушка Иванов да Ярославля торгового человека Григорьево прикащик Селуянова Грязнушка Левонтьев да усонец Филька Ларионов с товарищи. И били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, что де ис Семен Чаплин да подьячей волочат: ставят перед собою ожедень и говорят им, что оне присланы ис Тобольска в Сургут для твоего государева сыскнова дела, и их де Семен да подьячей угроживают, хотят сажать в тюрьму, а в каком деле хотят сажать в тюрьму, и того не скажут. И оне де

торговые люди, им говорят: быть де до них есть какое твое государево дело, и их бы велели дати на поруки и срок учинили стать им на Москве или в Тобольску. И назавторие, государь, тово дни Семен Чаплин да подъячей пришли ко мне, холопу твоему, в съезжую избу и я им говорил: бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси торговые люди, а ко мне приходят в съезжую избу безпрестанно, что их волочите, велите ставить перед собою ожедень и их уграживаете, а говорите – хотите их сажать в тюрьму. А ис Тобольска писано, что посланы для государева сыскнова дела, а у вас ни в каком деле сыска нет. И Семен Чаплин (*Л. 140*) сказал: мне де указано – велено их посадить в тюрьму, а как де на весну поеду ис Томи назад в Тоболеск, тогда мне и сыскивать велено.

И говорил, государь, мне о подводах, чтоб ему, Семену с подъячим, дать подводы по подорожной, дватцать без подводы. И я, холоп твой, в Сургуцкой уезд волости для остяков в подводы послал Сургуцкого города дву человек казаков, Мишку Батурина да Дружинку Максимова. А велел им, собрав подводы, привести в Сургут. А преже, государь, Семена Чаплина отпущены из Сургута в Томской город з запасом Осипа Хлопова люди да Ивана Нармансково да Федоровы люди Полтева з запасом в Нарым. Да после, государь, того приехали в Сургут Ивановы люди Кологривова з запасом да Ондреев сын Ошанина Матвей да подъячей Воинко Терентьев. И в Сургуцкой, государь, уезд для остяков в подводы наперед Семеновых подвод Чаплина, что ему посланы збирать казаки Мишка Батурин да Дружинка Максимов, посланы ж были для остяков в подводы казаки Ивашко Осипов да Мишка Вымитин. И которые, государь, подводы приведены были Ивановым людем (*Л. 141*) Кологривова да Матвеем Ошанину, и те подводы отданы Семену Чаплину на судно для того, что он сказал: послан де он, Семен, в Томской город наспех для твоего государева великого дела. И те, государь, подводы Семен отдал беречь толмачу Лучке Туполку, и ис тех подвод остяк ухоронился, и в то место Семен на толмаче доправил человека. А нанял Лучка Туполко Ивашка, прозвищо Соболка, от Сургута до первых юрт, а тот Соболко умеет остяцкому языку. И как, государь, Семен и подъячей из Сургута поехали и на дороге встретили с подводами Мишку Вымитина. И те подводы у него, что он собрав вел в Сургут, взял Семен Чаплин к себе же на дощаник. И отъехал от Сургута днищ с четыре в Туруюганские юрты с судна своего остяков, которые у него были в подводах, Семен Чаплин послал от себя с людьми своими в Сургут. А приехав в ночи, велел человеку своему стать на дворе у литвина у Якунка Плешовсково. И я, холоп твой, Якушка Плешовского о том допрашивал: для он чево пришед не сказал, как Семенов человек приехав у него ночевал. И Якушко, государь, Плешовской сказал: в том де я виноват, что не сказал, а присылал де Семен человека своего (*Л. 142*) с вестью к Ондрееву сыну Ошанину, чтоб ехал. А Семен де к нему выслал людей своих с подводы и дожидаютьца де на дороге, не доезжая Сургута. И Ондреев, государь, сын Ошанина из Сургута по Семенове присылке

Чаплина поехал тое ж ночи. А наемного человека Семен Чаплин Ивашка Соболку, которой нанят из Сургута до первых юрт, назад не отпустил, взял с собою.

И всех, государь, подвод из Сургута вдруг отпущено по подорожным 50 подвод. А как из Сургута Ивановы люди Кологривова отпущены, и подводы им даны. А с ними на том же дощанике отпущен ис Тобольска с твоим государевым хлебным запасом в Кецкой острог Сургуцково города казак Фетка Осипов сын Колмогорец. Да из Сургута, государь, отпущены на том же дощанике для береженья твоего государева хлебново запасу прежним годовальщиком в Кецкой же острог служилым людям на перемену сургуцкие казаки Тренька Рудометов да Степанко Башмаков. И назад приехали в Сургут с судна сургуцкой казак Тренька Рудометов да Иванов человек Кологривова Елисейко и сказали: как де оне приехали в Аслымские юрты, а в тех юртах на яму остя- (Л. 143) ков нет, розбежались, и перемянить де тех подвод у них, которые были на дощанике, некому. И те де остяки от яму от Аслымских юрт отъехав, на пустом месте от них з дощаника учили метатца на берег, а говорили де им, что оне голодны, а подвод де по ямом нет. И оне де тех остяков учили имать, и те де остяки, переломав шесты, их били и ножи хотели резать.

И я, холоп твой, по тех остяков, которые ходили в подводах, посылал, и оне, государь, в роспросе сказали: проезжали де оне многие юрты, а ни в одних подвод нет, перемянить де их некому; а провозят де их на судех недели по 2 и по 3, не переменяясь, и поморят де их з голоду, не кормят и бьют; и мы де почали с судов метатца на берег, и они нас хотели имать, и мы де им не дались.

И июля, государь в ... день посыланы из Сургута в верхний волости в твоём государеве изменном деле по Трегороцких остяков Сургуцкого города казаки Малафейко Кузьмин да Ортюшка Дербень. И те казаки, приехав в Сургут, сказывали в съезжей избе, что остяки с ямов с Оби реки розбежались, а приказывали де с ними Сургуцково уезду есашные остяки: как де ехал в Томской город Семен Чаплин, и им де остяком тесноту [чинил] (Л. 144) великую, едучи их бил, и от того де остяки с ямов розбежались, и на ямах де им жить нельзя. А сами де, государь, остяки в город в Сургут о том бить челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии не поехали за тем, что оне запасы пасут, ловят рыбу, с чем им итить на лешие промыслы для твоего государева ясаку и поминков. А что, государь, с собою взял Семен Чаплин ис Сургута в подводах Ивашка Соболка, и ево де Семен посылал от себя с судна збирать подводы и он де, Соболко, остяком налогу и продажу делал многую. А тот, государь, Ивашко Соболко в прошлом в 130-м году в Тобольску за воровство бит кнутом, и ис Тобольска прислан в Сургут, и писано об нем: а не велено ево в Сургуцкой уезд в ясашные волости отпускать для воровства. А во 133 году твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии с Москвы прислана грамота в Сургут к воеводам к Ивану Безобразову да к Федору Шишкину по челобитью Сургуцково

уезду князцов и ясашных людей, а велено их, ясашных людей, беречь от посланников и ото всяких служилых проезжих людей, которые ездят (Л. 146) в городы и в остроги. И посылати, государь, велено с теми проезжими людьми атаманов и пятидесятников для обереганья, чтоб их, ясашных людей, проезжие люди не били и не грабили и тесноты и налоги некоторые не делали.

А Сургуцково, государь, города князцы и ясашные люди в Сургуте в съезжей избе бьют челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю беспрестани другой год: как де ехали воеводы в городы на перемену и посланники и многих де остяков имали к себе на суды в под-(Л. 145) воды силно и их били и тесноту делали многую. И оне де, ясашные люди, с судов металися в воду и тонули. И от тово де у них в твоём государеве ясаке недобор стал великой.

А в прошлом, государь, во 132 году ехал в Томской город голова Богдан Болкошин, а с собою вез на судне дву человек торговых людей со многими товары, Ярославля торговово человека Грязново прикащика Селуянова Грязнушку Левонтъева да Кузьмина прикащика Огнева Омельку Григорьева, а подводы указаны твои государевы. И тех, государь, торговых людей я, холоп твой, велел (Л. 147-148) с судна сметать. И Богдан Болкошин приходил в съезжую избу и сказывал, что те торговые люди отпущены с ним ис Тобольска на дощанике. Да после, государь, тово ехал ис Тобольска же для твоего государева сыскнова дела сын боярской Гарасим Обольянинов, а с собою вез на судне торгового человека с товаром Будилка. А подводы ис Тобольска Гарасиму указаны были по подорожной твои государевы. И тово, государь, торгового мужика Будилка я, холоп твой, велел с твоего государева судна скинуть. И приходил в съезжую избу многожды Гарасим Обольянинов, а сказывал, что де тот Будилко с товаром отпущен с ним ис Тобольска.

И из Сургута, государь, посыланы были в Сургуцкой уезд казаки многожды ямов строить, чтоб подводы были у остяков по ямом беспеременно ж. И остяки не слушают, по ямом не живут, бегают, а говорят: бьем де мы челом государю о сыску беспрестани, что на ямех нам жить от проезжих людей от налоги невозможно, и нам де сыску и указу нет. А в Тоболеск я о том писал к воеводе ко князю Ондрею Ондреевичу Хованскому, и сыску нет неведомо почему. И что, государь, вперед учинитца какое дурно от есашных людей, и мне б, холопу твоему, в том от тебя, государя, в опале не быть.

На л. 138 об. помета: 135 г. февраля в 7 день подал Микитин человек Пушкина Федька Константинов.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 138-148. Подлинник.
Датируется по упоминанию 134 г. как "прошлого" и по помете*

1626 г., не ранее сентября 29 - 1627 г., не позднее сентября 1. –
 Отписка сургутского воеводы Б.И. Белкина о том, что
 Н.Е. Пушкин отставил его от дел

(Л. 166) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Богдашко Белкин челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровичя всеа Русии указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровичя всеа Русии службе в Сибири в Сургутском городе и всякие твои государевы дела делать с Микитою Пушкиным вместе. И в прошлом, государь, 134 году декабря в 16 день Микита Пушкин с людьми своими с Федькою да Воинком меня, холопа твоего, в съезжей избе лаел позорною лаею и били насмерть. И бил я челом, холоп твой, тебе (Л. 167) государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, что мне, холопу твоему, с Микитою Пушкиным от ево Микитина убийства и от бездельной ево Микитиной корысти у твоего государева дела быть немочно, чтоб ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал: для моей болезни от Микитина убийства Пушкина велел меня, холопа своего, взять к Москве или велел мне, холопу своему, до твоего государева указу быть в Тобольске.

И писал ко (Л. 168) мне, холопу твоему, воевода князь Андрей Андреевич Хаванской, велел мне быть у твоего государева дела с Микитою Пушкиным. И я, холоп твой, блюдися от тебя, государя, опалы, для твоих государевых дел в съезжую избу приходил. И Микита Пушкин велел подьячим, которья сидят у твоих государевых дел в съезжей избе, Ивану Офонасьеву да Офонасью Кондакову твои государевы дела и книги приход (Л. 169) и расход деньгам и хлебу и есачные и поминочные и именныя книги, что с которой волости и ково имяны на тебя, государя, есаков збираетца, держать от меня, холопа твоего, за печатью, а честь мне твоих государевых дел и книг довать не велел. И в нынешнем, государь, 135 году сентября в 29 день велел Никита Пушкин у меня, холопа твоего, подговорить детинку моего Ивашко Васильева и велел ему, Ивашку, сказать за собою на меня, холопа твоего, дела твое государева. Да и послал тово моего детинку в Тоболеск к воеводе ко князю Андрею Андреевичю Хаванскому. А мне, холопу твоему, велел подьячему Офонасью Кондакову от твоих государевых дел отказать. И подьячий Офонасей Кондаков по Микитину велению Пушкина мне, холопу твоему, в съезжей избе от твоих государевых дел отказал при целовальниках Гришке Морже да Мишке Колмогорце. И отпускал, государь, Микита Пушкин в твои государевы сургутския есачныя волости есачных зборщиков сургутцких служилых людей Петрушку Федулова, Ямышка Юрьева, Ивашко Тюменца, Нилка Еремеева с товарищи збирать с есачных людей твоей государевой есачной и поминочной и соболиной казны на нынешний на 135 и недоборной соболиной казны на прошлой на 134 год, а наказныя памяти велел им, есачным зборщиком, довать Микита за одну свою печатью. И учинитца, государь, в

Сургуте твоей денежной и есачной соболиной казне недобор, и мне б, холопу твоему, в том от тебя, государя, в опале не быть.

На л. 166 об. помета: 136 г. сентября в 10 день подал Богданов человек Белкина ...

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 166-169. Подлинник.
Датируется по упомянутым в тексте датам*

№ 22

1626 г., не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Б.И. Белкина с жалобами на товарища по воеводству Н.Е. Пушкина

(Л. 175) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Богдашко Белкин челом бьет. В нынешнем, государь, в 134 году по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу посланы ис Сургута в Сургутцкой уезд в твои государевы ясачные волости ясачные зборщики сургутския служилыя люди Ивашко Арап, Нехорошко Анфилофьев, Ивашко Тюменец, Пятунка Яковлев, Петрушка Федулов, Савка Клепиков с товарищи збирать с есачных людей твоей государевы есачной и поминочной соболиной казны на нынешней на 134 и недоборной соболиной казны на прошлой на 133 год. И имали, государь, с собою есачные зборщики в Сургуте у торговых людей у ... у Исакова прикащика Ревякина у Петрушки Иванова да ерославца у ... прикащика Селуянова у Репушки Левонтьева в твои государевы есачные волости многия товары.

Да Микита, государь, Пушкин ис Сургута ж отпуская в Сургутцкой уезд в твои государевы есачные волости для долгов и в князь Михаила вотчинну Игичеева в Коду с товары сургутцова козака Сеньку Серебреника до приходу в Сургут твоих государевых есачных людей с твоею государевою есачною и поминочною соболиною казною и со всякою мяхкою рухлядью. И проезжую, государь, память давал ему Микита за одною своею печатью.

И как, государь, пришли в Сургут сургутския есачные зборщики Ивашко Арап, Нехорошка Анфилофьев, Ивашко Тюменец, Пятунка Яковлев, Петрушка Федулов, Савка Клепиков с товарищи, а с ними, государь, пришли в Сургут есачные люди с твоею государевою есачною и поминочною соболиною казною и со всякою мяхкою рухлядью. И у есачных, государь, зборщиков у Ивашка *(Л. 176)* Орапа, Нехорошка Анфилофьева, Ивашко Тюменца, Пятунки Яковлева с товарищи мяхкая рухлядь объявилась [с] товары, которых оне товаров есачные зборщики Ивашко Арап с товарищи в есачных волостях не испродали, а привезли в Сургут. И Микита, государь, Пушкин велел тое мяхкую рухлядь и товары отдать тем же есач-

ным зборщиком Ивашку Оралу, Нехорошко Анфилофьеву, Ивашку Тюменцу с товарищи, а на тебя, государя, велел с тое мяжкия рухледи взять у есачных зборщиков десятою. И как есачные люди учели платить твою государеву есачную и поминочную соболиною казну, и Микита, государь, Пушкин указнова толмача Ивашка Палаберского от твоих государевых есачных людей отставил без твоего государева указа, а велел быть у есачных людей в толмачах сургутцкому казаку Лучке Туполлю для его Лучкиных долгов и для своей бездельной корысти, што, у него, Лучки, многия сургутцкие есачные люди должны великим долгом. (Л. 177) И приходили ко мне, холопу твоему, на двор ясачныя люди Лунполския волости Кирнатку да Орнат с товарищи с указным толмачом Ивашком Палабельским и извещали мне, холопу твоему, при целовальниках, которои примали твою государеву есачную и помичною соболиною казну у есачных людей, Мишкою Андреевым, Гаврилкой Раголевым, Филькою Усольцем, Меньшичкой Анцифоровым: отбирал де у них, есачных людей, сургутцкий козак Лучка Тупыл соболя добрыя и бобры и, отобрав, велел им, есачным людям те отборные соболи и бобры приносить на двор к Миките Пушкину для ево Микитины (Л. 179) воровския поминки. И за то, государь, ко мне ... Микита Пушкин указнова толмача Ивашка [Парабельского] велел бить ботоги и держал ево, Ивашка, в тюрьме три недели и есачным человеком с ним, Ивашком, сходитца не велел. А по твоей государевой грамоте велено быть за службу у сургутцких есачных людей в толмачах одному ему, Ивашку Палаберскому. И как государевы есачные люди платят в Сургуте твою государеву поминочною и есачную соболиною казну, и у которых, государь, сургутцких служилых людей на есачных людех долги, и служилые, государь, люди по Микитину веленью емлют на есачных людех за свои долги в городе и в есачных волостях соболи и бобры и всякою мяжкою рухлеть. И в том, государь, есачным человеком чинитца утеснения великая. И у которых, государь, есачных людей были лисицы черныя живыя, а кормлены в твои государевы поминки и в есак, и те, государь, лисицы велел Микита сургутцкому казаку Лучке Тупылку взять у есачных людей на себя, а в твой государев есак велел Микита збирать с есачных (Л. 181) людей за соболи песцы и собрав велел те песцы продать, а в твой государев есак велел купить соболи. А которыя, государь, твое государевы есачные люди приходили ко мне, холопу твоему, на двор, а принесли ко мне дворовых поминков сорок четыре соболя да лисицу красную при целовальниках Мишке Андрееве, Гаврилке Роголеве, Фильке Усольце, Меньшичке Ансыферове, и я, холоп твой, свое дворовыя поминки отослал в твою государеву казну с теми ж целовальники Мишкою Ансыферовым с товарищи.

И о твоих государевых делах и о своем убийстве на Микиту Пушкина и на сургутцкого козока Лучку Тупыля я, холоп твой, в Тобольск к воеводе князю Андрею Андреевичу Хаванскому писал и по моим, государь, отпискам прислан был ис Тобольска от воеводы князя (Л. 178) Андрея Андреевича Хаванского в Сургут обыскивать про твои государевы дела Се-

мен Чаплин да подьячей Гаврила Ерофеев. И как, государь, Семен Чаплин и подьячей Гаврила Ерофеев в Сургут обыскивать приехали, и Микита Пушкин Семена Чаплина и подьячева Гаврила Ерофеева звал к себе на двор и не по однажды. А Семен Чаплин и подьячей Гаврила Ерофеев к Миките Пушкину на двор приходили и про все, государь, дела Семен Чаплин и подьячей Гаврила Ерофеев ... не обыскивали, поехали ис Сургута для твоих государевых дел в Томской город. И мне, холопу твоему, у твоего (Л. 182) государева дела с Микитою от Микитина убийства Пушкина быть не мочна, и впредь на меня, холопа твоего, Микита убийствам похваляетца. Которые, государь, твои государевы наказы из казны и грамоты прежних воевод и к нам, холопам твоим, и те государевы наказы и указныя грамоты держит Никита Пушкин за одною своею печатью, а мне, холопу твоему, твоих государевых прежних воевод наказных грамот честь Микита Пушкин не дает. И ис Тобольска, государь, от воеводы князя Андрея Андреевича Хаванскова отписок в Сургут бес себя, Микиты, мне, холопу твоему, распечатывать не велит и меня, холопа твоего, лаят позорно лаею. И которая твоя государева поминочная и есачная соболиная казна в нынешнем 134 году в зборе, а отпущена ис Сургута к тебе государю к Москве и тое твою государеву поминочную и есачною соболиною казну збирал Микита Пушкин. А я, холоп твой, от Микитина убийства и ево Микитиных людей лежал в ту пору болен. И учинитца, государь, в нынешнем 134 году твоей государевой поминочной и есачной соболиной казне перед прежними годы недобор и в твоём государевом деле поруха и от Микитина умышленья в обысках которыя будут неправды, и мне бы, государь, холопу, твоему, в том от тебя, государя, в опале не быть.

На л. 175 об. помета: 135 г. генваря в 20 день подал отписку Богдана Белкина человек ...

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 175-182 (листы перепутаны). Подлинник.
Датируется по упоминанию 134 г. как "нынешнего"*

№ 23

1629 г., января 25. – Челобитная остяков Тобольского уезда о тяжести подводной повинности и невозможности платить ясак в установленном размере

(Л. 334) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии богомолец твой государев Макарей архиепископ Сибирский и Тобольский Бога молю и челом бью. В нынешном, государь, в 137 году генваря в 25 день били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Тобольсково уезда ясачных волостей остяки, которые живут вниз по Иртышу, Ясколбинской волости ... *(пропущены*

названия волостей и имена лучших ясачных людей, которые полностью совпадают с перечисленными ниже в челобитной) и во всех товарищев своих место Тобольского уезда низовых волостей ясачных остяков, а мне, богомольцу твоему государеву, подали челобитную. И я, богомолец твой государев, тое челобитную, подклея под сее отписку, послал к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве февраля в 23 день.

(Л. 244) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом сироты твои государевы Тобольского уезду ясачных волостей остяки, которые живут вниз по Иртышу, Ясколбинской волости Тогунчейко Турмышев да Берделейко Урусбахтыев; Аремзянской волости Курманко Янсыреев, Сабанчейко Идилбаев; Натцынской волости Теречайко Исенев да Байбалда Тынасов; Карбинской волости Бузойко Ашлыкчеев да Малысейко Парамыков; Туртаской волости Солтонкочайко Сабучаков да Елбулдейко Ябашев; Назымской волости Варламко Амалыков да Итейко Тугунмасов; Демьянской волости Кармышанко Бояров да Токбердейко Мочов; Нерымской волости Малюбердейко Алибеков да Кулдайко Тыгилов; (Л. 245) Тарханской волости Нурсейтко Андогарин да Илипкойко Васильев; Верхдемьянской волости Куляйко Тамляков да Енбулатко Тенимбаев; Верхтуртаской волости Кушулченко Миткин и во всех товарищев своих Тобольского уезда низовых волостей ясачных остяков место.

Платим, государь, мы, сироты твои, твой государев ясак с сибирского взятъя по вся годы, да на нас же, государь, сиротах твоих, емлют в твою государеву казну на всякой год весною сухую рыбу и жир. Да мы же, государь, сироты твои, ходим в подводах под твоею государевою денежною и соболиною казною и под детьми боярскими и под служилыми людьми и под целовальники, которые ездят в сибирские города на Березов и на Мангазею и на Обдор и на Кыртас и в Сургут и в Нарым (Л. 246) и в Томской город и в Кетцкой и в Енисейской и в Кузнецкой остроги. А как, государь, бывает в сибирские города воеводам перемена, и мы, сироты твои, под воеводами, которые ездят с Москвы в сибирские города и из сибирских городов к Москве, в подводах ходим же вниз и вверх до Тобольска, летнею порою ходим в подводах судами, а зимнею порою, в которых волостях лошадей нет, ходим нартами на собаках. А в которых, государь, волостях и лошади были, и по грехом нашим выпали, и мы, сироты твои, то ж ходим в подводах нартами на собаках.

И перед прежним, государь, подвод прибыло много, потому что Божию милостью и твоим государевым счастьем под твою государеву высокую руку прибывают новые землицы, и ис Тобольска, государь, в те новые (Л. 247) землицы посылают детей боярских и служилых людей, и ис тех новых землиц дети боярские и служилые люди с твоею государевою соболиною казною и с отписками и со всякими твоими государевы дела ездят в Тоболеск, а мы, сироты твои, под ними в подводах ходим ж. И на нас,

государь, сиротах твоих, стали подводы безпрестанные и на соболиные промыслы ходить мы, сироты твои, добывать на твой государев ясак не поспеем от тех безпрестанных подвод. А как, государь, осенью поспеет соболиной промысел, добывать на твой государев ясак, и в те поры мы, сироты твои, ловим ирвовую рыбу. А соболиные, государь, и бобровые промыслы выловить – по грехом нашим соболей и бобров стало мало, и воды, государь, в Иртише были великие, лис и гнезда по низким местом водою вытопило, а по борам пожарами выгорели, (Л. 248) потому что летами ... великие и на твой государев ясак нам добывать стало не мощно. А которые, государь, из нас, сирот твоих, ясачные люди стары и увечны, а иные и померли, а твой государев ясак и за тех старых и увечных и за мертвых платим мы ж, сироты твои, и в том, государь, нам, сиротам твоим, будет в конец погинуть.

Милосердный государь царь и великий князь Михаилу Федоровичу всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, не вели, государь на нас, сиротах твоих, за старых и увечных и за мертвых твоего государева ясаку имать для нашей великой бедности, что, государь, мы, сироты твои, от безпрестанных подвод в конец погibli и на соболиные промыслы ходить добывать на твой государев ясак не поспеем, и что, государь, соболиные и бобровые промыслы выловились и лис и гнезд водою вытопило, а иные (Л. 249) пожарами выгорели, сполна на твой государев ясак добывать немочно. И вели, государь, с нас, сирот твоих, за достальной ясак, чево мы, сироты твои, добыть сполна не можем рухледь по сороку или по пятьдесят, имать деньгами, чтоб нам, сиротам твоим, и досталь в конец не погинуть и впредь твоего государева ясаку не отбыть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 334 об. помета: 137 г. апреля в 11 день подал тобольской сын боярской Митрофан Брянской.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 16. Л. 334, 244-249. Подлинник.

№ 24

1646 г., июля 21. – Отписка воеводы А.А. Измайлова об остяках Сургутского уезда, которые выбыли из ясачного оклада

(Л. 72) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холоп твой Андрюшка Измайлов челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу в наказе у меня, холопа твоего, написано: которые, государь, будут ясашные люди учнут ко мне, холопу твоему, приходит и учнут бити челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, что у них, ясашных людей, переписаны ясашные люди в ясак малы, лет в десять и менши, или которые ясашные люди наперед сего ясак платили, а

ныне те ясашные люди от ясаку отбыли, стары или чем увечны, и на лешие свои промыслы не ходят и никакими промыслы не промышляют – и мне, холопу твоему, таких ясашных людей, малых и которые от промыслов своих отбыли, велеть ставить перед собою и тех ясашных людей досматривать мне, холопу твоему, а про мертвых ясашных людей сыскивать и ясашных людей допрашивать. Да о том мне, холопу твоему, отписать и сыски и досмотры прислать к тебе ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве.

И в нынешнем, государь, во 154 году приходили в Сургут в осень и весною Сургуцково уезду всех ясашных (Л. 73) волостей князцы и ясашные люди и били челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а мне, холопу твоему, сказали, что в Сургуцком уезде в Бардакове волости человек стар и увечен, от твоего государева ясаку отбыл и на лешие свои промыслы не ходит и никакими промыслы не промышляет. Да у них же де, государь, в разных волостях многие ясашные люди померли да трех человек самаядь убила, а в ясашных книгах написаны. И платить де, государь, за того старого и увечного и за мертвых ясашных людей твоего государева ясаку и поминков некому. И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу старого и увечного ясашного человека, которой от промыслов своих отбыл, велел я, холоп твой, перед собою поставить и ево досматривал и сверх, государь, своего досмотру про тово ясашного человека сыскивал и лутчих людей допрашивал, мочно ль тому ясашному человеку твой государев ясак и поминки платить или не мочно и за чем не мочно. И обыскные, государь, речи за знамяны князцов и ясашных людей и за руками ясашных зборщикова про того старого и увечного и про мертвых ясашных людей послал я, холоп твой, к тебе ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве под сею отпискою Сургуцково города с служилыми людьми з десятником с казачьим с Петрушкою Федуловым с товарищи июля в 21 день. И велел им явиться и отписку и обыскные речи подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому да твоему государеву дьяку Григорью Протопопову.

(Л. 74) Лета 7154 году июня в 19 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу воевода Ондрей Артемьевич Измайлов обыскивал в Сургуте юганскими и подгородными и волостными князцы и ясашными людьми по их вере и по шерти; в нынешнем во 154 году волостных два человека Кулбохты Капсымов, Яныпа Кулпосин да подгородной человек Корголтаей Онтинпов умерли ль, а после их дети и братия и племянники остались ли, кому мошно за тех мертвых людей платить государев ясак и поминки, и хто имяны?

И Юганские волости и Подгородные и волостные князец Васка Лахчаков, Окташ Ангачеев, Солготей Алчимов, Ньюколко Амелеков, Кутыпко Асыр-

тов, Вычиксы Балин, Молчанко Балин, Сырянтей Чамаров и все ясашные люди в обыску сказали по своей вере и по шерти: в нынешнем де в 154 году волостных два человека Кулбохты Катымов, Яньпа Кулпосин да подгородной Корголттей Онтинпов умерли, а после их дети и братия и племянники не остались. И у ково дети и братия и племянники остались, и те в имянных книгах написаны и платят, государь, ясак и поминки. А обыскные речи писал сургуцкой служилой человек Тимошка Савельев Кляпиков.

(Л. 75) Лета 7154 году июня в 18 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Андрея Артемьевича Измайлова Сургуцкого города ясашные зборщики Елфимко Савельев, Гришка Осипов Сомов, Тимошка Осипов, Нестерко Васильев обыскивали в Салымской и в Селяирской и в Темличееве и в Белогорской волостех князцы и ясашными людьми по их вере по шерти: в нынешнем во 154 году Салымские волости четыре человека Кочай Валпеев, Нары Толголев, Наспилип Тымов, Кондалко Чонбин да Селяирские волости один человек Имар Пилимов да Темличеевы волости два человека Тоси Катыров, Селяут Манов умерли ль, а после их дети и братья и племянники остались ли, которым за тех мертвых людей мошно платить государев ясак и поминки?

И Салымские и Селяирские и Темличеевы и Белогорские волостей князцы и ясашные люди Рым Атымортон, Турт Арамасов, Матвей Синбирев, Кора Валпоев, Якша Ясакин, Тасим Тохтоматов, Аушкал Моголахков, Саутей Сатолмин, Ялбахта Лукалев, Кикчел Кутыпков, Юплынпай Манов, Тимошка Темличеев, Кучема Ибалев, Вынга Катыров, Тасай Тагибердин, Айко Инокликов, Априут Манов, Понжлом Бегичеев, Ворлим Яранов сказали по своей вере по шерти: в нынешнем де во 154 году Салымские волости четыре человека Кочай Валпеев, Нары Толголев, Наспилип Тымов, Кондалко Чонбин да Селяирские волости Имар Пилимов да Темличеевы волости Тоси Катыров, Селяут Манов умерли, а после их детей и братьев и племянников не осталось. А у которых остались дети и братья и племянники, и те написаны в ясашных книгах и платят государев ясак и поминки. Писал обыскные речи сургуцкой служилой человек Куземка Яковлев.

(Л. 76) Лета 7154 году июня в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Андрея Артемьевича Измайлова Сургуцкого города ясашные зборщики десятник Тренька Федоров, Калинка Кузьмин, Ефремко Дементиев, Васька Офонасьев обыскивали в Лунпуколских волостях лутчими ясашными людьми по их вере по шерти: в нынешнем в 154 году в Лунпуколских волостях восемь человек ясашных Салтык Тулеев, Очан Торков, Ярмак Бояров, Пеленки Кослычиев, Надько Качиков, Ньюлымко Надымков, Кочали Весков, Темко Лаксымков померли ли, а после их дети и братья и племянники остались ли, кому за тех мертвых ясашных людей мошно

государев ясак и поминки платить, и будет у ково сколько детей и братья и племянников осталось и хто имяны?

И Лунпуколских волостей лутчие люди Урнук Пынжин, Сакил Тулеев, Алеко Лянмов, Кутыга Кадалков с товарищи сказали по своей вере по шерти, что в нынешнем в 154 году в Лунпуколских волостях ясашных людей восемь человек Салтык Тулеев, Очан Торков, Ярмак Бояров, Пеленки Кослычиев, Надыко Качиков, Нюлымко Надымков, Кочали Весков, Темко Лаксымков померли, и у которых дети и братья и племянники остались, и те платят государев ясак и поминки – то наши речи. А речи писал Офонька Иванов Кондаков.

(Л. 77) Лета 7154 году июня в 7 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Андрея Артемьевича Измайлова Сургуцкого города ясашные зборщики Пашко Михайлов Кляпиков, Ондрюшка Овсев Поршнев, Куземка Яковлев обыскали в Васюганской и в Ларьяцкой волостех князцы и ясашными людьми по их вере по шерти: в нынешнем во 154 году Васюганской волости три человека Кучюк Ваянов, Комани Ваянов, Кундапти Пинаров да Ларьяцкой волости два человека Кокуля Панкаев, Мокни Ленгирев умерли ль, а после их дети и братья и племянники остались ли, которым за тех мертвых людей мошно платить государев ясак и поминки, и будет у кого сколько осталось детей и братьев и племянников и хто имяны?

И Васюганские и Ларьяцкие волостей князцы и ясашные люди Урбук Тыкомин, Нянжепын Жалачеков, Сургим Колайнов, Валко Юрлымков, Купландей Иртишков, Етох Иртишков, Милка Елимков, Мугалымко Тиголков, Нюльмоко Мугалымков, Андрей Кымдыров, Масай Малтасаков, Лимбоки Легодеев и все ясашные люди сказали по своей вере и по шерти: в нынешнем де во 154 году в Васюганской волости три человека умерли де да в Ларьяцкой волости два человека умерли де, а после их детей и братьев и племянников не осталось. А у которых дети и братья и племянники и остались, и те платят государев ясак и поминки. Писал обыскные речи сургуцкой служилой человек ясашной зборщик Куземка Яковлев.

(Л. 78) Лета 7154 году июня в 4 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Андрея Артемьевича Измайлова Сургуцкого города служилые люди ясашные зборщики Ярошка Левонтъев, Аброско Давыдов, Пронька Матфеев обыскивали в Тымской волости тымскими князцы и ясашными людьми по их вере и по шерти: в нынешнем во 154 году тымские волости ясашные люди Сандыр Наумов, Непир Огорков, Лянлемковор Котяров, Парыснамар Тымков умерли ль, а после их дети и братья и племянники остались ли, которым за тех мертвых людей мошно платить государев ясак и поминки, и буде у ково сколько детей и братии и племянников осталось и хто имяны?

И Тымской волости князцы и ясашные люди Тырла Маров, Чигиргет Оскумков и все ясашные люди в обыску сказали по своей вере и по шерти: в нынешнем де во 154 году Тымской волости Сандыр Наумов, Непир Огор-

ков, Лянлемковор Котяров, Парыснемар Тымков умерли, а после их дети и братья и племянники не остались, а у которых дети и братья и племянники остались, и те в имянных книгах написаны и платят государев ясак и поминки. А обыскные речи писал в Сургуте сургуцкой служилой человек Тимошка Савельев Кляпиков.

(Л. 79) Лета 7154 году июня в 19 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу воевода Ондрей Артемьевич Измайлов обыскивал в Сургуте Бардаковы волости князцы и ясашными людьми по их вере и по шерти: в нынешнем во 154 году Бардаковы волости Вытко Кондыков, Чачиленки Пилимков, Сугус Пилков умерли ль, да трех человек Курманака Алчилеева, Тайби Непирева, Ларыха Тынгиреева самоедь убили ль, а после их дети братия и племянники остались ли, кому мошно за тех мертвых и убитых людей платить государев ясак и поминки, и хто имяны?

И Бардаковы волости князец Сана Тынгиреев, Елта Тынгиреев, Капатчи Олчиков, Ятык Непирев, Кутывели Тогормин, Мынган Чоголатков, Базан Олесов, Яксыкоча Яныпков, Осмос Непирев и все ясашные люди в обыску сказали по своей вере и по шерти: в нынешнем во 154 году Бардаковы волости волости Вытко Кондыков, Чачиленки Пилимков, Сугус Пилков умерли да трех человек Курманака Алчилеева, Тайби Непирева, Ларыха Тынгиреева самоедь убила, после их дети и братия и племянники не остались, и у ково дети и братья и племянники остались и те в имянных книгах написаны и платят государев ясак и поминки. А обыскные речи писал сургуцкой служилой человек Тимошка Савельев Кляпиков.

(Л. 80) Лета 7154 году июля в 21 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу воевода Ондрей Артемьевич Измайлов досматривал Бардаковы волости старово и увечново ясачново человека, которой от промыслу отбыл, государева ясаку и поминков платить не может, – и Бардаковы волости Вытко Севедин ослеп. И воевода Ондрей Артемьевич Измайлов сверх своево досмотру Бардаковы волости князца Сану Тынгиреева, Капатчи да Дылду Олчиковых с товарищи допрашивал, мочно ли тому ясачному человеку вперед государев ясак и поминки платить или нет. И Бардаковы волости князец Сана Тынгиреев, Капатчи и Дылда Олчиковы с товарищи сказали по своей вере по шерти: Бардаковы де волости Вытко Севедин ослеп и вперед государева ясаку и поминков платить ему не мочно.

На л. 72 об. помета: 155 г. ноября в 29 день подал сургуцкой казак Петрушка Федулов.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 282. Л. 72-80. Подлинник.

1646 г., не ранее июля 21 - не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы А.А. Измайлова о количестве ясака, собранного на 1645/46 г.

(Л. 81) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Андриюшка Измайлов челом бьет. В нынешнем, государь, в 154 году по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу собрал я, холоп твой, Сургуцкого уезду с ясашных людей твоих государевых поминков и ясаку и воеводцких поминков же мяхкою рухлядью на тысячу на триста на девяносто на пять рублей на осмнатцать алтын на полшесты деньги. Да деньгами, государь, за ясашную и за поминочную мяхкую рухлядь для бедности ясашных людей собрано шеснатцать рублей дватцать один алтын четыре деньги. Да из доимки, государь, взято на прошлой на 153 год твоего государева ясаку мяхкою рухлядью на одиннатцать рублей на дватцать на один алтын на четыре деньги. И всего, государь собрал я, холоп твой, Сургуцкого уезду с ясашных людей на нынешней на 154 и из доимки на прошлой на 153 год твоего государева ясаку и поминков мяхкою рухлядью и деньгами на тысячу на четыреста на дватцать на три рубли на дватцать на восемь алтын на полшесты деньги.

И недобрано, государь, перед прошлым 153 годом Сургуцкого уезду со всех волостей с ясашных людей на нынешней на 154 год твоего государева ясаку и поминков на сто на восьмдесят на шесть рублей на девятнатцать алтын с полуденьгою, потому: в прошлом, государь, в 153 году летом, в которую пору в Сургуцком уезде ясашные люди соры запирают и рыбу в запас ловят, с чем они ходят на зверовые промыслы для твоего государева ясаку и поминков, – и они, ясашные люди в ту (Л. 82) пору под воеводы и под их запасы и под всякими служилыми людьми вниз и вверх ходили в подводах беспрестани и для подводной, государь, гоньбы рыбных запасов не добыли. И в Сургуцком, государь, уезде во всех волостях с осени и во всю зиму голод был великой, и за голодом, государь, и для подводной гоньбы многие ясашные люди на зверовые промыслы в дальные места не ходили. А которые, государь, ясашные люди с невеликими запасы во близи по своим жилищам на зверовые промыслы и ходили, и тем, государь, ясашным людем лешня не удалась, соболей и всякого зверья добыли меньши прежнего. И за голодом, государь, и для подводной летной и зимной гоньбы в твоем государеве ясаке и в поминках в Сургуцком уезде учинился недобор.

Да с промышленных, государь, людей собрал я, холоп твой, твоей государевой десятинной мяхкой рухляди на нынешней на 154 год на восемьдесят на восемь рублей на десять алтын. И прибрано, государь, с промышленных людей твоей государевы десятинной мяхкой рухляди перед прошлым 153 годом в нынешнем 154 году на тритцать на семь рублей на дватцать на шесть алтын на четыре деньги, потому: в нынешнем, госу-

дарь, во 154 году в Сургуцкой уезд на Вах реку промышленных людей ис твоей государевы десятинной мяхкой рухляди на зверовые промыслы ходило больши прошлого 153 году ...

На л. 81 об. помета: 155 г. ноября в 29 день подал сургуцкой казак Петрушка Федулов.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 282. Л. 81-82. Подлинник.

Окончание документа отсутствует.

Датируется по помете и на основании документа № 24

№ 26

1654 г., января 3. – Челобитная остяков Юганской, Бардаковой и Подгородной волостей Сургутского уезда о тяжести для них подводной гоньбы

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом сироты твои Юганской волостной и подгородной и Бардаковы волостей князь Васка Лахчаков, Пайманко Булатов, Сырянтейко Чамаров, Мурзик Шайшов, Ньюколко Аймелеков, Мечатейко Высынков; Бардаковы волости Сана Тынгиреев, Каланчейко Олчиков, Вишко Ослопеев, Чамайко Асларпитков, Кызылбайко Аймыслыков и во всех товарищей своих Юганской и Бардаковы волостей ясашных людей место.

Преже, государь, сего ездили с твоею государевою соболиною ленскою казною мимо Сургута ленские служилые люди летом водяным путем в дощаниках и нам, сиротам твоим, была подводная гоньба в мочь. А в прошлом, государь, во 161 году с твоею государевою ленскою соболиною казною ленские служилые люди осеновали в Сургуте. А в нынешнем, государь, во 162 году осеновали в Нарыме, потому что, государь, с твоею государевою ленскою соболиною казною ленские служилые люди, едучи дорогою, в Енисейском и в Кецком и в Нарымском остроге мешкают для своей бездельной корысти. И в тех, государь, дву годех во 161 и во 162 году мы, сироты твои, ездили под твоею государевою соболиною ленскою казною зимним путем, а иные подводы наймовали дорогою ценою, служилых людей до Самаровского яму рублев по пяти и по шти, потому что, государь у нас людей столько нет, а поднятца некем, и жен и детей своих иззакладовали. И в той, государь, подводной гоньбе от тех служилых людей нам, сиротам твоим, чинитца теснота и обида великая: нас, сирот твоих, бьют и мучат, и зверовых собак и мяхкую рухлядь и оленишка, что добудем с лесу, у нас отнимают. А что мы, сироты твои, добудем в твой государев ясак и поминки мяхкие рухляди, и тем мы, сироты твои, в подводы наймовали. И от той, государь, подводной гоньбы мы, сироты твои, в прошлом во 161 и в нынешнем во 162 году сполна твоего государева ясаку и поминков не выплатили.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, с своею государевою ленскою соболиною казною ленским служилым людем мимо Сургут ездить летом водяным путем, чтобы нам, сиротам твоим, впредь твоего государева ясаку и поминков не отбыть и жен и детей своих в вечное холопство не розпродать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

*РГАДА. Стб. 344. Ч. 2. Л. 674. Подлинник.
Датируется по сопровождающей отписке воеводы
Н.Ф. Мещерского (там же, л. 673)*

№ 27

1654 г., не ранее января 1 - не позднее июля 24. – Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о подводной повинности остяков Среднего Приобья

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Никифорко Мещерской челом бьет. В нынешнем, государь, во 162 году ехали к тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве с твоею государевою казною Якуцково острогу ленские служилые люди пятидесятники Трифанко Евсевьев да Карпунка Едомской с товарищи да с ними же целовальники торговые люди вычегжанин Ленской волости Оверко Сытин да устюжанин Гришка Яковлев. И приехали, государь, в Нарымской острог водяным путем о Покрове и в Нарымском остроге заосеновали, а мошно было, государь, им водяным путем поспеть и в Сургут. И жили в Нарымском остроге зимою ноября по 30 число, не ехали, мешкали нарочно, дожидались, государь, того времени, в которое время в Сургуцком уезде ясашные зборщики твой государев ясак берут. А Сургуцкой, государь, уезд подшел близко к Нарыму, и они, ленские служилые люди Трифанко с товарищи и целовальники в ту пору ехали из Нарыма в Сургут и имали под твою государеву казну и под себя и под свой борошень подводы многие лишние. И ясашных людей напрасно бьют и налоги чинят. А ехали, государь, от Нарымсково острогу Сургуцким уездом до Сургута ноября с 30 числа да генваря по 1 число. И Сургуцково, государь, уезду ясашные люди, ведая их в Нарыме, что под твоею государевою ленскою казною и под ними, служилыми людьми и под целовальники, послыша многие подводы, розбежались по сторонным речкам в дальные места и твоею государева ясаку и поминков не платили и ясашным зборщиком не показались и в город не бывали. А иные, государь, ясашные люди от них, ленских служилых людей, откупались и подводы под них наймовали, что хто на промыслу мяхкие рухляди добыли – и то все мяхкую рухлядь им в наем и в откуп от подвод и отдали. И от того, государь, твоей государеве ясашной и поминочной казне учинился недобор.

А преж, государь, сего с твоею государевою ленскою казною проезжали мимо Сургут летним временем водяным путем. И будет, государь, впредь учнут с твоею государевою ленскою казною ездить зимним путем в ясащенное время, и твоей государеве казне в Сургуте в ясащенном зборе будет великой недобор, потому что под твоею государевою ленскою казною и под служилыми людьми и под целовальниками бывают, государь, подводы многие. И мне б, холопу твоему, в том недоборе от тебя, государя, в опале не быть.

На л. 684 об. помета: 163 г. генваря в 21 день с сургутским с казачьим головою с Первым Самойловым.

РГАДА. Стб. 344. Ч. 2. Л. 684. Подлинник.

*Датируется по упомянутой в тексте дате, по помете
и док. № 30*

№ 28

1654 г., июля 7. – Челобитная торгового человека Гостиной сотни Мелентия Крестьянинова об его ограблении на Оби беглыми красноярскими служилыми людьми

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой гостиные сотни Мелешка Крестьянинов. В нынешнем, государь, во 162 году отпущен я, холоп твой, ис Тобольсково в сибирские города для своего торгу и соболиного промыслу с торговыми людьми вместе. И как будучи на Обе к Сургутскому городу, ограбили меня, холопа твоего, беглые красноярские ссыльные служилые люди Мишка Осипов с товарищи. А взяли у меня, холопа твоего, посыльного запасу на великую реку Лену к дьяку Федора Тонково твоего государева боярина князь Бориса Александровича Репнина бочку вина, а запасов на 363 рубли с полтиною. Да моего, Мелешкина, денег и товару на 391 рубль с полтиною, а что чево взято денег и товаров и запасов и платья и ружья – и тому всему роспись под сею челобитною. А за теми ворами по твоему государеву указу посыланы были из Сургутского города служилые люди атаман Овдоким Олексеев с товарищи, и тех воровских людей у наших у торговых дощаников застали и нас, торговых людей, с собою в погоню имали, и порох у нас, у торговых людей, имали же, а дратца нам с ними, ссыльными воровскими людьми, не велели, и сами их без драки отпустили.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитьишко мое принять в Сургутском городе твоему государеву воеводе князю Никифору Федоровичю Мещерскому и послать то мое челобитьишко и роспись под отпискою к Москве. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 344. Ч. 2. Л. 678. Подлинник.
Датируется по сопровождающей отписке воеводы
Н.Ф. Мещерского (там же, л. 682)*

1654 г., не ранее июля 7 - не позднее июля 24. — Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о приеме в казну испорченного огнестрельного оружия

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Микифорко Мещерской челом бьет. В нынешнем, государь, во 162 году июля в 7 день принес в съезжую избу торговой человек устюжанин Васька Неронов, прозвище Лабута, два мушкета да три пищали коротких глатких. А в съезжей избе мне, холопу твоему, сказал: как де их, Ваську с товарищи, беглые люди воры июня в 27-м числе ниже Сургута на Оби реке грабили и пищали де, государь, у них добрые поимали, а они де, воры, покинули им, Ваське с товарищи, на судно два мушкета да три пищали коротких глатких. И бил челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси торговой человек Васька Лабута словесно, чтоб ты, государь, пожаловал ево, Ваську, велел те пищали у него в Сургуте принять в свою государеву казну.

И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу у Васьки Лабуты досматривал я, холоп твой, тех пищалей в съезжей избе: заорлены ли те пищали или не заорлены. И два, государь, мушкета да две пищали короткие глаткие заорлены, а третья пищаль короткая не заорлена. А замки у мушкетов и у пищалей все попорчены. И я, холоп твой, те два мушкета да три пищали коротких глатких велел, государь, взять в твою государеву казну. А починить, государь, тех пищалей некому, в Сургуте кузнеца нет.

На л. 683 об. помета: 163 г. генваря в 21 день с сургуцким с казачьим головою с Первым Самойловым.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 344. Ч. 2. Л. 683. Подлинник.

Датируется по упомянутой в тексте дате и по док. № 30

1654 г., июля 24. — Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о посылке ясачной казны в Москву

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Никифорко Мещерской челом бьет. В нынешнем, государь, во 162 году июля в 24 день по твоему государеву указу послал я, холоп твой, к тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве твоей государевы ясачной и поминочной и десятинной мяжкой рухляди в трех каюках двенатцать сум лосиных и оленьих и коровьих да четыре мешка холщовых да вьюк бобров с сургуцкими служилыми людьми з головою стрелецким и казачьим с Первым Самойловым с товарищи. Да на те ж, государь, каюки ис твоей государевы казны дано

им, служилым людем голове Первому Самойлову с товарищи, три паруса; в длину парус по пяти аршин с полуаршином, а в ширину по осми полотнищ; да три бечевы по сороку сажень.

На л. 681 об. помета: 163 г. генваря в 21 день с сургутским с казачьим головою с Первым Самойловым.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 344. Ч. 2. Л. 681. Подлинник.

№ 31

1654 г., не ранее июня 3 - не позднее июля 24. – Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о буйном поведении ссыльного сына боярского Ивана Жеглова

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Никифорко Мещерской челом бьет. В нынешнем, государь, во 162 году июня в 3 день по твоему государеву указу ехал ис Тобольска в Енисейской острог с сьльными опальными людьми в приставах тобольской сын боярской Богдан Жуков. И как Богдан Жуков с сьльными людьми приехал в Сургут и ево, Богдана Жукова, ссыльной опальной человек новгородец митрополичей сын боярский Ивашко Жеглов резал ножом. И я, холоп твой, Ивашка Жеглова велел привести в съезжую избу и ево, Ивашка Жеглова, спрашивал для чево он, Ивашко, пристава Богдана Жукова резал ножом. И ссыльной человек Ивашко Жеглов мне, холопу твоему, в съезжей избе сказал: виноват де я в том перед государем, стал де меня пристав Богдан Жуков бить, и я де, не истерпя ево побои, боронясь, резал ево, Богдана, ножом.

А тобольские, государь, служилые люди стрельцы и пешие казаки Левка Фояков да Оська Евсевьев с товарищи восемь человек да ссыльные опальные люди Мишка Муравьев да Никитка Хохряков с товарищи сказали по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии крестному целованью: пошел де Ивашко Жеглов с судна, а Богдан Жуков ему, Ивашку, с судна ходить не велел. И Ивашко де Жеглов пристава Богдана Жукова не послушал, с судна пошел. И Богдан де Жуков велел его, Ивашка, сковать. И Ивашко Жеглов пришел на судно, и учили де с Богданом Жуковым дратца. И деручись де Ивашко Жеглов Богдана Жукова резал ножом.

И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велел я, холоп твой, ссыльному человеку Ивашку Жеглову за воровство, что он пристава Богдана Жукова резал ножом, учинить наказанье: бить на козле кнутом нещадно. А учиня, государь, наказанье, послал я, холоп твой, Ивашка Жеглова в Енисейской острог с тем же приставом з Богданом Жуковым да с тобольскими служилыми людьми с Левкою Фояковым да с Митькою Евсевьевым с товарищи.

На л. 685 об. помета: 163 г. генваря в 21 день с сургуцким с казачьим головою с Первым Самойловым.

РГАДА. Стб. 344. Ч. 2. Л. 685. Подлинник.
Датируется по упомянутой в тексте дате и по док. № 30

№ 32

1655 г., июня 10. – Опрос остяков Сургутского уезда о причинах постоянного недобора ясака

(Л. 86) Лета 7163 году июня в 10 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии указу воевода князь Никифор Федорович Мещерской сыскивал Сургуцково уезду всех волостей юганскими, салымскими, темличеевыми, белогорскими, ваховскими, бардаковыми, лунпуколскими, васюганскими, ларьяцкими, тымскими, кораконскими, сымскими князцы и лутчими всеми ясашными людьми по их вере по шерти: для чево у них в Сургуцком уезде во всех волостях на ясашных людех почала быть доимка государеву ясаку и поминкам со 133 да по нынешней по 163 год? И для чево они, ясашные люди, того ясаку и поминков по окладом сполна не выплачивали?

И Сургуцково уезду Юганской волости князец Васка Локчаков, лутчие люди Мегинко Чамкин, Соколтейко Алчилеев, Ньюколко Амелеков, Ичла Айминин, Лыголко Немьлев, Есмурка Локчаков, Сырантейко Чамаров; Салымской волости Рымко Атымортвов, Матвейко Синбирин, Айтох Солин, Кортылко Тустиков, Ирки да Енора Нямтоковы, Ванчейко Пырчеев; Селярской волости Аушканко Моголов, Кикчелко Куптыков, Камакайко Севрин, Лурылко Пайманов;

Темличеевы волости Айко Инокликов, Тозайко Тагабердин, Чутко Кеулков, Сетко Аволопков, Еркала Тачемов, Талемко Воймоков, Енмачко Емышшов;

Белогорской волости Ворлимко Яранов, (Л. 84) Куланко Пыхлеев, Вочепко Тугеев;

Бардаковы волости князец Санка Тенгиреев, лутчие люди Капалчейко Олчиков, Кучемка Ачебин, Оскаско Тагачеев, Пычик Пакачеев, Игилко Сеисаков;

Ваховской волости Олтурма Идоков, Выкопка Огосков, Чанко Тыпин, Навычко Айрасов, Урывочко Солоков;

Лунпуколской волости Урнучко Пынжин, Сакилко Тулеев, Алечко Лягмов, Кутьчко Коданков, Кыргатко Самаров, Колвулжико Колвасов, Епарко Мучиков, Казачко Черкасов, Немлычко Салтыков, Алсымко Вартыков, Синялко Вартыков, Оснысемко Аремков, Окуппелко Ослопов;

Васюганской волости Урбучко Тыкомин, Копландейко Иртишков, Караулко Ваянов, Чулкатко Моголков, Сымылко Чиричеев, Чонка Кычимков;

Ларьяцкой волости Нечко Манаков, Таначко Улаков, Писемко Кохкилев, Нюлмочко Мугалымков, Нямыско Куласаков, Пуртамко Тыкомин; Тымской волости Тырла Маров, Чигиркетко Окумков, Ичка Бояров, Иги Бояров, Коялко Сюксин, Сопля Люнгин, Коготайко Соксин, Янакльчко Чигиркетов, Паглымко Карсомин, Понга Тадебин; Кораконской волости Сайгода Дедегитов, Пыгайко Люнгоксин, Магачко Тадебин, Конбайко Бугулчеев, Мелко Сапчин, Чонжа Дедегитов; Сымской волости Сарманко Тылин, Покалко Кубаков, Тагимко Валичеев и во всех товарищей своих Сургуцково уезду всех волостей ясашных людей место сказали по своей вере по шерти:

Как де государевым счастьем роспространились сибирские города и остроги, Кузнецкой и Енисейской и Красноярской и на великой реке Лене, и с тое де поры почала быть подводная гоньба многая. (Л. 85) В которую де пору летом соры запираем и сухую рыбу готовим, с чем ходим на лешие свои промыслы для государева ясаку и поминков, и в ту де пору мы, ясашные люди, Томсково и Ленсково розрядов под воеводы и под их запасы и под всякими служилыми людьми вверх и вниз, летом на дощаниках и на каюках, а зимою в нартах ходим в подводах безпрестани. И для де тое многие подводные гоньбы рыбных запасов добывать не можем и нам де, ясашным людем, на зверовые промыслы в дальные места для государева ясаку и поминков ходить не с чем. А которые де мы, ясашные люди, с невеликими запасы во близи по своим жилищам на зверовые промыслы и ходим, и нам де, ясашным людем, лешня не удаетца, зверя де всякого добываем мало, потому что де прежних годов зверя всякого в наших угодьях стало менши, и мы де, ясашные люди, все стали бедны и наги и боси и за бедностью де и за многию подводною гоньбою мы, ясашные люди, того государева ясаку и поминков на те прошлые годы за тем сполна и не выплачивали.

На л. 84 об., 85 об, 86 об.: тамги представителей ясачных волостей.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 501. Л. 86, 84-85. Подлинник.

№ 33

1679 г., января 13. – Отписка сургутского воеводы кн. К.Н. Щербатова о попытках “порчи” его семьи с допросными и пыточными речами обвиняемых

(Л. 1) Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великая и Малья и Белья Росии самодержцу холоп твой Костька Щербатово челом бьет.

В нынешнем, государь, во 187-м году (Л. 2) портили меня, холопа твоего, и женишку и детишек моих дворовые мои людишка – Гришка Егубьев с сестрою Акулькою да девка Марфутка Павлова. А в допросе, государь, они и с пытки говорили, что им наговорной хлеб, и соль, и траву, и порох

давали сургуцкой казак Ларка Ярофеев да денщик Ивашко Костянтинов. А велели де, государь, тот наговорной хлеб, и соль, и траву, и порох давать мне, холопу твоему, и женишке, и детишкам моим в ежу. А ведали де, государь, про то и велели в ежу класть мне, холопу твоему, и женишке, и детишкам моим девке Марфутке человекенко мой Гришка Егубьев с сестрами с Окулькою да с Улькою. И от тое, государь, порчи мне, холопу твоему, и женишке, и детишкам моим болезни чинят- (Л. 3) ца безпрестанно .

И я, холоп твой, по допросным и пыточным людишек своих речам велел их, Ларку и Ивашка, в приказной избе допросить и по допросным, государь, их речам велел я, холоп твой, Ларку и Ивашка пытаться.

Да дворовая, государь, моя жонка Акулька Егубьева с пытки говорила: есть де в Бежецком Верху, в селе Божонке, у брата моево князь Дмитрия Щербатово задворной человек Васька Михайлов. И он де, Васька, ворожит и коренщик. Да крестьянин де ево ж, князь Дмитриев, Васька Брюзга ворожбу свою отдал сыну своему Мишке Васильеву. Да в том же де, государь, селе Божонке детина Ермошка Антонов. И он, Ермошка, ворожит и знает. А та, государь, жонка Акулька взята ис тово ж села Божонки.

И я, холоп твой, служилого человека Ларку Ярофеева (Л. 4) да денщика Ивашку Костянтинова, да человекенка своего Гришка Егубьева до твоего, великого государя, указу велел посадить их в тюрьму, а девку, государь, Марфутку велел я, холоп твой, отдать за приставы, а женку, государь, Акульку велел я, холоп твой, отдать за крепкие приставы, чтоб она над собою чево не учинила.

А что, государь, людишка мои да денщик Ивашко Костянтинов в допросе и с пытки, и служилой человек Ларка Ярофеев в допросе и у пытки говорили, и с тово, государь, подлинново дела список за моею, холопа твоего, рукою под сею отпискою послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, к Москве с сургуцким казаком с Елескою Ляховым генваря в 13 день. И велел, государь, ему явиться и отписку и список подать в Сибирском приказе твоему великого государя боярину Родиону Матвеевичю Стрешневу, да твоему великого государя дьяком Льву Ермолаеву, Саве Таркову. А подлинное, государь, дело за руками и за рукою служилого человека Ларки Ярофеева и денщика Ивашка Костянтинова оставил я, холоп твой, в приказной избе.

(Л. 5) Список з допросных и пыточных речей слово в слово.

187-го году генваря в 6 день, стольник и воевода князь Костянтин княж Нефедьев сын Щербатово прислал в приказную избу дворовых своих людей Гришку Егубьева, да сестру ево родную Акульку, да девку Марфутку Павлову и велел их допросить.

Того ж числа дворовая жонка Акулька Егубьева в допросе и с пытки говорила: носил де к ней в бураке корень брат ее родной Гришка Егубьев, а велел де то кренье давать большой княжне пить для порчи. Да она ж с пытки говорила: в Бежецком де Верху, в селе Божонке, есть у князь Дмит-

рея княж Нефедьева сына Щербатово задворной человек Васька Михайлов. И он де, Васька, ворожит и коренщик. Да крестьянин де ево ж, князь Дмитриев, Васька Брюзга ворожбу свою отдал сыну своему родному Мишке Васильеву. Да она ж с пытки говорила: есть де в том же Бежецком Верху в селе Божонке у матери стольника и воеводы князь Костянтина княж Нефедьева сына Щербатово княгини Марьи Петровны дворовой человек Ермошка Антонов, и он де Ермошка ворожит и знатлив.

(Л. 6) Того ж числа дворовой человек Гришка Егубьев в допросе и с пытки говорил: дал де он денщику Ивашку Костянтинову, которой де ныне ходит в денщиках у стольника и воеводы князь Костянтина княж Нефедьева сына Щербатово, гривну денег. А велел де ему промыслить надобье, а посылал де ево по то надобье с своим бураком. И он де, Ивашко, принес к нему в том бураке розведенной порох. И он де, Гришка, тот бурак с порохом дал сестре своей Акульке, а велел де тот порох дать княжне большой пить для порчи. И тот бурак он, Гришка, принес в приказную избу. А по досмотру в том бураке и на кровле порох засох.

А денщик Ивашко Костянтинов в допросе и с пытки говорил: гривны де он денег стольника и воеводы князь Костянтина княж Нефедьева сына Щербатово у человека ево Гришки Егубьева не имывал и пороху де он в бураке розведенова не принашивал ему, Гришке, и не даывал.

Того ж числа дворовая девка Марфутка Павлова в допросе сказала: давал де ей наговорную соль сургуцкой казак Ларка Ярофеев, а велел де тое наговорную соль боярем класть в кушенье. Да она ж, Марфутка, подала в приказной избе мушкетной порох, а в допросе сказала, что де тот порох дал ей тот же Ларка Ярофеев, а велел де тот порох давать княжне большой пить для порчи. А приходила де к нему, Ларке, в дом она, Марфутка, и он де, Ларка, тое наговорную соль и порох дал ей у себя в дому в нынешнем во 197-м году, до Рождества Христова за неделю, из ящика.

А Ларка Ярофеев в допросе сказал: приходила де к нему дворовая девка Марфутка и просила де у него наговорново пороху и соли. И он де ей тот наговорной порох и соль дал.

Да дворовая ж девка Марфутка с пытки говорила: давал де ей наговорной хлеб с солью и траву сургуцкой казак Ларка Ярофеев и велел де тот наговорной хлеб с солью и траву давать боярем в кушенье. И я де боярем в кушенье хлеб с солью давала, а траву де кинула она. А про то де свела она, что он, Ларка, ворожит и знает, – сказывала де ей, Марфутке, сноха ево Ларкина Аринка Петрова. А как де она наговорной хлеб и соль боярем в кушанье метала, и про то де ведали и в кушанье велели метать Гришка Егубьев с сестрами с Окулькою да с Улькою, а иные де во дворе и грацкие люди про то не ведали, опричь Ларки, которой ей хлеб и соль наговорную и траву давал.

(Л. 8) Того ж числа сноха Ларки Ярофеева Оринка Петрова у пытки сказала: дворовой де девке Марфутке Павлове сказывала она, что свекор ее Ларка ворожит и знает.

А сургуцкой казак Ларка Ярофеев в застенке у пытки сказал: дворовой де девке Марфутке Павлове наговорной хлеб с солью и траву давал.

Да дворовые ж люди в допросе и с пытки говорили Микишка Максимов, Ольга Иванова:

(Л. 9) Генваря в 13 день дворовой человек Микишка Максимов в допросе сказал: Давал де ему наговорной перец коновал Кирюшка, а велел де он наговорной перец жонкам дворовым давать, и они де ево, Микишку станут любить и жить с ним. И он де тот перец никому не давал, и тот де перец он потерял. А тот де коновал Кирюшка приезжал ис Тобольска в Сургут в прошлом во 186-м году на дощенике у тобольсково посацково человека у Костьки Шапошника. А перец де ему давал торговой человек Оничка Степанов, а во дворе де грацкие люди про то никто не ведал, потому что де дал ему тот наговорной перец за городской калиткой. А толоч де он, Микишко, тот перец у себя на дворе в большом подклете.

(Л. 10) А торговой человек Оничка Степанов в допросе сказал: имал де у него дворовой человек Микишка Максимов перец, а в которое де время он тот перец и для чёго имал, того де он не знает.

Да дворовой же человек Микишка Максимов с пытки говорил: наговорной де он перец потерял, а наговаривал де сам он, Микишко, на соль, а учился де он наговаривать у тово ж коновала Кирюшки. И тое де соль метал во шти дворовой жонке Ольке Иванове для того, чтоб она с ним от мужа своего Понфилки Костянтинова жила блудным делом, и она де, Ольга, с ним жила блудным делом.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 117. Л. 1-10. Подлинник.

№ 34

1625/26 г. – Книга окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам

(Л. 320) Книги именные Сургуцкого города служилым людем и ружником и оброчником з денежными и с хлебными оклады нынешнего 134 году.

Пятнатцать рублей денег, тринаццать чети с полуосминою ржи, четь круп, четь толокна, три пуда соли:

атаман казачей Тугарин Федоров

Семь рублей денег, восьмь чети с полуосминою ржи, четь круп, четь толокна, два пуда соли:

атаман казачей Богдан Сидоров Зубакин

(Л. 320 об.) Семь рублей денег, восьмь чети с полуосминою ржи, четь круп, четь толокна, два пуда соли:

поляк Яков Плешевской

По девяти рублей с четью денег, по осми чети с полуосминою ржи, по чети круп, по чети толокна, по два пуда соли человеку:

поляк Яков Шпаковской
казак Яроха Леонтиев Самострелов.

По пяти рублей с полтиною, по семи чети ржи, по чети круп, по чети толокна, по полутора пуда соли человеку

(Л. 321) десятники стрелецкие и казацьи женатые:

Гриша Родионов Морж
Степанко Спиридонов Косалап
Данилко Иванов Голубятник
Якушко Юрьев Вергун
Рамашка Матвеев Немчин
Михалко Мартьянов Косой
Онисимко Яковлев Тверитин
Матюшка Матвеев Дамашов
Ивашка Сергеев Арап
Осипко Федоров Олексинец
Ивашка Иванов Кулага
Окинка Фомин Москвитин
Михалко Ондреев Устюжанин

(Л. 321 об.) Петруша Михайлов Серебряник

Меншичко Онцыфоров Усолец
Данилко Еремеев Вымитин
Петрушка Федулов Усолец
Нехорошка Анфилофьев

По пяти рублей с четью, по семи чети ржи, по чети круп, по чети толокна, по полутора пуда соли человеку

стрельцы и казаки рядовые женатые ж:

Осипко Леонтъев Бесперстной
Пятко Яковлев Вычегжанин

(Л. 322) Меншичко Филимонов Москвитин

Нассонко Олександров Городчиков
Митька Никонов Моголько
Онтошка Лукьянов Гребенев
Васька Оверкиев Вычегжанин
Ефимко Савельев Вычегжанин
Гришка Олексеев Кузнец
Богдашко Юрьев Сомов
Васька Мосеев Устюжанин
Первушка Иванов Устюжанин
Кувашко Федоров Вымитин
Меншичко Онисимов Вычегжанин
Якушко Федоров Мезенец

Микитка Федоров Чермной
Ивашка Фомин Тюменец
(Л. 322 об.) Ивашка Яковлев Рыбник
Куземка Иванов Кондаков
Лучка Иванов Тупыль
Дорошка Иванов Лучанин
Якушко Исаев Кушник
Олешка Давыдов Батурин
Мишка Леонтьев Нижгородец
Федька Иванов Вепрев
Лучка Степанов Провадников
Тимошка Савельев Устюжанин
Жданко Ортемьев Вычегжанин
Ларка Мартьянов Коква
Пашко Григорьев Пономарев
Савка Григорьев Клепиков
Оброско Давыдов Батурин
(Л. 323) новокрещен Ивашка Харпицкой
Меншичко Мокеев Чермной
Филипко Ануфриев Литвин
Жданко Дмитриев Масло
Еремка Дмитриев Рыкала
Ларка Семенов Устюжанин
Вахрушко Григорьев Пустозерец
Демьяшко Елистратов
Ивашко Ондреев Кривонос
Якимко Иванов Чеква
Степанко Игнатъев Песнин
Юшко Никонов Куйдаш
Ортюшка Иванов Дербень
Куземка Назарьев Мошенник
Юшко Данилов Кайдалихин
(Л. 323 об.) Ларка Никитин Вымитин
Никитка Тимофеев Двинянин
Онтошка Остафьев
Матюшка Степанов Ботало
Тимошка Еремеев Устюжанин
Пятко Ортемьев Вычегжанин
Максимко Петров Дальцов
Воинко Кондратьев
новокрещен Юшко Момот
Ивашко Осипов Ярославец
Мишка Давыдов Батурин
Гришка Ефремов Пивовар
Тренька Давыдов Вологжанин

Гаврилко Федоров
Селпа Ондреев Вычегжанин

(Л. 324) Мишка Спиридонов

Устинко Степанов Вымитин
Петрушка Васильев Губа
Пашко Михайлов Клепиков
Пашко Савельев Дулепский
Филька Офонасьев Белозерец
Ондрюшка Яковлев Шелевской
Мишка Онисимов Тверитин
Юдка Степанов Проводников
Ивашко Никонов Куйдаш
новокрещен Карпушка Аманатка
новокрещен Ондрюшка Торокан
Степанко Давыдов Попов
Васька Борисов Тюлька
Тренька Офонасьев Белозерец

(Л. 324 об.) Федька Юрьев Горопчанинов

Добрынка Григорьев Двинянин
Кирилко Степанов Проводников
Сидорко Юдин Вычегжанин
Федька Прокопьев Колпашников
Ивашко Осипов Капыртанов
Симанко Еремеев Вымитин
Ивашко Потапов Москвитин
Мокейко Григорьев Родюков
Федька Никитин
Калинка Кузьмин УSOLEЦ
Власко Агафонов Мезенец
Ивашко Окинфеев Щука
Завьялко Осипов Колмогорец
Марко Иванов Двоиник

(Л. 325) Семейка Савельев Силин

Семейка Прокопьев Баранов
Володька Дорофеев
Гуляйка Терентьев
Куземка Олексеев
новокрещен Ондрюшка Чаус
Оська Яковлев Кушников
Юдка Анисимов Тверитин
Ортюшка Петров Серебряников
новокрещен Федька Паруня
Ортюшка Павлов Серебряник
Никитка Гарасимов Плотник
Семейка Иванов Серебряник

Ондрюшка Давыдов Сапожник
Ивашка Давыдов Батурин
(Л, 325 об.) Малашко Кузьмин Вымитин
Ямысейко Юрьев
Куземка Еремеев Москвитин
Семейка Дмитриев Поморец
Ефремко Дементьев Вымитин
Девятко Прокопьев Двинянин
Ортюшка Григорьев Рудаков
Федька Федоров Сапожник
Сидорко Федоров Слобожанин
Якушко Ортемьев Пермитин
Дружинка Микитин Нашивошник

По пяти рублей с полтиною денег, по шти чети ржи, по осмине круп, по осмине толокна, по пуду с четью соли человеку

(Л. 326) холостые

Десятники:

Таганашко Анфилофьев

Олешка Леонтиев Кузнецов

По пяти рублей с четью, по шти чети ржи, по осмине круп, по осмине толокна, по пуду с четью соли человеку

Стрельцы и казаки холостые:

Калинка Федотов Вычегжанин

Тренька Иванов Колмогорец

Ивашка Алексеев Белокопыт

Трошка Дорофеев

Нестерко Наумов Сапожник

(Л. 326 об.) Тренька Федоров Вычегжанин

Игнашка Нефедов Вымитин

Якушко Жданов Маслов

Ортюшка Игнатъев Песник

Якушко Акинфиев

Рамашка Никифоров Девятой

Сергушка Хрисанфов Усолец

новокрещен Петрушка Парабельской

Володька Григорьев Бупров

Данилко Лаврентьев Балахонец

Митька Яковлев Кузнецов

Федька Васильев Тренин

Гришка Богданов Солов

Сивко Богданов Сомов

Оська Михайлов Качин

(Л. 327) Ивашка Филипов Вычегжанин

Ивашка Кузьмин Казанец

Карпушка Мокеев Попов
Степанко Софронов Вымитин
Семейка Григорьев Родюков
Гришка Овдокимов Мезенец
Никитка Яковлев Кузнецов
Ортюшка Федоров Малгин
Якимко Иванов Торопчанинов
Митька Иванов Кайдалов
Ивашка Иванов Кайдалов
Федька Мосеев Пипко
Ивашка Осипов Бесперстой
Федька Осипов Колмогорец
Ивашко Богданов Шилов

(Л. 327 об.) Ивашка Иванов Слобожанин

Семейка Петров Сысолятин
Савка Федов Вымитин
Степанко Максимов
Дружинка Максимов
Лучка Михайлов Двинянин
Макарко Яковлев Колмогорец
Чюдинко Федоров Вымитин
Баженко Васильев
Логинко Мосеев
Федька Савельев Силин
Карпушка Дорофеев
Ивашка Ондреев Новосильцов

(Л. 328) Да в нынешнем 134 году сургутцких служилых людей выбыло
одиннатцать человек, а в их место поверстаны в служилые новики:

Левка Григорьев Столбов
Роспука Ларионов
Юшко Федоров Гласков
Ивашко Павлов Дулепской
Гараско Дмитриев
Пятко Оверкиев Вычегжанин
Семейка Ортемьев Голой
Ивашко Трофимов Топчило
Митька Васильев Манастырщинов
Мишка Александров Городчиков
Ивашка Иванов Литвинов

(Л. 328 об.) Ружники и оброчники

Семнатцать рублей денег, четырнаццать чети с полуосминою ржи, три
чети круп и толлокна, три пуда соли:
подьячей Иван Офонасьев

Восемь рублей денег, восемь чети с полуосминою ржи, четь круп, четь толокна, два пуда соли:

подьячей Офона Кондаков

По осми рублей денег, по осми чети ржи, по чети круп, по чети толокна, по два пуда (*Л. 329*) соли человеку:

черной поп Илинарх

белой поп Дмитрией Тарасьев

По пяти рублей с четью денег, по шти чети с осминою ржи, по чети круп, по чети толокна, по полутора пуда соли человеку:

остяцкой толмач Ивашко Офонасьев Парабельской

Пушкари

Жданко Тарасов

Добычка Яковлев

Онисимко Мартьянов

Пять рублей с четью денег, пять чети (*Л. 329 об.*) ржи, осмина круп, осмина толокна, пуд с четью соли:

церковной дьячек Семейка Михайлов Колмогорец

Три рубли денег, пять чети ржи, осмина круп, осмина толокна, пуд с четью соли:

пономарь Гурей

Два рубли с полтиною, четыре чети ржи, осмина круп, осмина толокна, пуд с четью соли:

просфирница Пелагеица

Пять рублей с четью денег, шесть чети (*Л. 330*) ржи, четь круп, четь толокна ... :

городовой воротник и съезжие избы сторож Марко Иванов

Три рубли с полтиною, пять чети ржи, осмина круп, осмина толокна, пуд с четью соли:

острожной воротник Ивашко Филипов

Пять рублей с четью, шесть чети с осминою ржи, четь круп, четь толокна, полтора пуда соли:

палач Илейка Ондреев

(*Л. 330 об.*) И всего сургутских служилых людей и ружников и оброчников двести шеснатцать человек, а государева им денежного жалованья полной оклад тысяча сто семдесят три рубли шеснатцать алтын 4 деньги. Да хлеба и с новою прибавкою полной оклад тысяча четыреста шездесят

девять чети бес полуосмины ржи, триста семьдесят пять чети круп и толокна, триста шеснатцать пуд соли.

Подгородной юртовской остяк Телешко Нырпохтин умер, а оклад ему был денег два рубли да хлеба две чети (*Л. 331*) муки ...

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 320-331. Копия XVII в.

№ 35

1689 г., марта 18. – Разборная книга служилым людям города Сургута

(*Л. 1*) 197-го марта в 18 день. Роспись имянная сургуцким служилым людям, и что у кого детей, и братьи, и племянников, которые в службе и не в службе, и что им оклады денежного, и хлебного, и соляного жалования, и кто в которые лета и по какому указу в казачью службу верстаны, и при котором воеводе, и в котором году, и хто где служил, и в каких посылках хто где бывал, – и то писано в сих книгах порознь.

Денег по 10 рублиев. Хлеба по 5 чети с осминою, и по полу-2 четверика, и по полполучетверика и по пол пол полчетверика ржи; по 2 чети с полуосминою, и по пол получетверика, и по малому четверику, и по полумалово четверика овса. По 3 пуда соли.

Атаманы казачьи:

Алексей Торопчанинов. По нынешней по 197-й год пятьдесят (*Л. 1 об.*) ему пять лет. Служил по 191-й год в казачье службе дватцать четыре года. И был в посылках в Енисейск дважды, за ссыльными. А верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. А во 191-м году по указу великих государей и грамоте велено ему быть в атаманах. И служит в атаманех шесть лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки служит с служилыми людьми. У него сын Петрушка десяти лет, не в службе.

Яков Ботолин. По нынешней по 197-й год сорок ему два лета. Служил в казачье службе по 195-й год дватцать восемь лет. Верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. А в посылках был в Томску полтора года, а соляные и иные всякие посылки служил с служилыми людьми в ряд. И во 195-м году по указу великих государей и грамоте велено ему быть в (*Л. 2*) атаманех. И служит в атаманех два года. А у него сын Якушко пяти лет.

Денег 9 рублиев с четью. Хлеба 4 чети с осминою и пол-2 четверика, и пол получетверика, и пол малово четверика, и пол полумалово четверика ржи; 2 чети с полуосминою, и пол получетверика, и пол малово четверика, и пол полумалово четверика овса. 2 пуда соли.

Пятидесятник **Митька Ботолин**. По нынешней по 197-й год тридцати ему лет. Служил в казачьей службе восемь лет. А верстан в казачью службу в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И был в посылках в Томску на службе полтора года, а соляные ямышевские и иные посылки и городовые всякие службы служил с служилыми людьми в ряд по 195-й год. А во 195-м году по указу великих государей и грамоте велено ему быть в пятидесятниках. И служит в пяти- (*Л. 2 об.*) десятниках соляные и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с служилыми людьми. И служит в пятидесятниках два года.

Денег по 5 рублей с полтиною. Хлеба по 4 чети, и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика ржи; по 2 чети о полуосминою, и по пол полчетверика, и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика овса. По полу-2 пуда соли.

Десятники казачьи:

Федька Оксенов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тридцать один год. А в посылках был в Енисейск за ссыльными людьми в провожатых дважды, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы слу- (*Л. 3*) жит с служилыми людьми в ряд. У него сын Гаранка одиннатцати лет.

Васька Климов Косолапов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит дватцать девять лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служил в ряд с служилыми людьми. А в десятниках велено ему быть в нынешнем во 197-м году вместо отца ево при стольнике и воеводе Федоре Потемкине.

Тимошка Кайдалов. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. В службу верстан при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит тридцать лет. А соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с служилыми людьми.

(*Л. 3 об.*) **Васька Голощاپов**. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служил в казачье службе шеснатцать лет. И был в посылке в Енисейск за годовую, за ссыльными людьми в провожатых, а соляные ямышевские и иные посылки и городовые службы служил с своею братьею в ряд с служилыми людьми по нынешней по 197-й год. А в нынешнем во 197-м году велено ему быть в десятниках вместо десятника Ивашка Торопчанинова, а он, Ивашко, умре.

Стенька Проводников. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. В службу верстан при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тридцать лет. А в посылках был на Красном яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные посылки и городовые службы служил в ряд с своею братьею с слу- (*Л. 4*) жилыми людьми.

Васька Беляев. По нынешней по 197-й год сорок ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. Служит двадцать пять лет. В посылках был на службе в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит с своею братьею в ряд. А у него сын Ивашко пяти лет.

Васька Кузнецов. По нынешней по 197-й год шездесят ему восемь лет. В службу верстан при воеводе при князе Даниле Гагарине. Служит пятьдесят лет. В посылках был на Красном Яру три года, в Томску год, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(Л. 4 об.) **Федька Иванов.** А в которые он лета, и по какому указу в казачью службу верстан, и при котором воеводе, и где служил, и в каких посылках бывал, того неведомо для того: в прошлом во 196-м году послан к великим государем к Москве с ясашною и поминочною казною, и с Москвы в Сургут не бывал, и сказать про него некому. А у него сын Сергушка десяти лет.

Сергушка Куйвашов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. Верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тридцать четыре лета. И был в посылках на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми.

(Л. 5) **Коземко Кондаков.** По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тридцать семь лет. И был в посылках на службе в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми. У него детей: Ивашко да Бориско в службе, да не в службе Оська осми лет, Ивашко пяти лет.

Афонька Силин. По нынешней по 197-й год сорок ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе Василье Щетневе. И служит тридцать лет. А соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми. А у него детей не в службе: Федька осмнатцати лет, Ивашко трех лет.

(Л. 5 об.) **Алешка Иванов.** По нынешней по 197-й пятьдесят ему одно лето. В службу верстан при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит тринадцат лет. И был в посылках на службе на Красном Яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные (Л. 6) всякие посылки и городские службы служит в ряд с служилыми лвдми. А у него детей не в службе: Федька десять лет, Петрушка семи лет.

Ивашко Манастирцинов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тридцать пять лет. И был в посылках в Енисейск за ссыльными людьми в провожатых, за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми.

Алешка Кайдалов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему четыре года. Служил в Тобольску в солдатах полдевята года. А после солдацкой служ-

бы в прошлом во 176-м году по тобольской отписке стольника и воеводы (Л. 6 об.) Петра Годунова велено ему быть в Сургуте в казачьих десятниках. И служит двадцать один год соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы с служилыми людьми. А у него сын Петрушка шсти лет.

Сенька Плотник. По нынешней по 197-й год восемьдесят ему три года. В службу верстан при воеводе при Андрее Измайлове. И служит пятьдесят лет. И был в посылках на службе в Даурах пять лет, в Томску на годовой, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми. У него сын Ивашко семнатцати лет, не в службе.

Аничка Кузнецов. По нынешней по 197-й год пятьдесят (Л. 7) ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит двадцать восемь лет. И был в посылке в Енисейске в провожатых за ссыльными людьми, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми. А у него детей: Микитка, в службе; да не в службе Андрюшка шеснатцати лет, Федька двенатцати лет.

Петрушка Новосильцов. По нонешней по 197-й год сорок ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Шетневе. И служит тритцать лет. В посылках был в Туруханской и в Томску, за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми.

(Л. 7 об.) **Андрюшка Торопчанов.** По нынешней по 197-й год пятнатцать ему лет. В службу верстан в прошлом во 191-м году по указу великих государей и грамоте. И служит шесть лет. Был в посылке в Нарымской за ссыльными людьми в провожатых, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми.

Денег по 5 рублей с четью. Хлеба по 4 чети и по полумалово четверика и по пол полумалово четверика ржи; по 2 чети с полусминою, и по пол полчетверика, и по полумалово четверика, и по полполумалово четверика овса. По полу-2 пуда соли.

Рядовые казаки:

Ивашко Тверитинов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему два лета. И служил в Тобольску в солда- (Л. 8) цкой службе полдевята года, а после солдацкой службы в Сургуте в казачью службу поверстан по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит двадцать лет. И был в посылках з государевыми грамотами в Даурах два года, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат двоюродной Коземко Юдин сорока семи лет, не в службе, да у него ж, Ивашки, сын Гришка тринатцати лет.

Ганка Петров. По нынешней по 197-й год шездесят ему три лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Андрее Измайлове. И служит сорок шесть лет. И был в посылках на службах в Даурах восемь (*Л. 8 об.*) лет, на Красном Яру пять лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми.

Стенька Пономарев Панкин. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Козловском. И служит дватцать лет и был в посылках в Енисейск за ссыльными людьми в провожатых, за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит с своею братьею с служилыми людьми.

Петрушка Кайдалов. По нынешней-по 197-й год сорок ему четыре лета. Служил в Тобольску в солдатской службе полдевята года. А в Сургуте в службу верстан по тобольской отписке стольника и воеводы (*Л. 9*) Петра Годунова при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит тринадцатъ лет. И был в посылке на службе на Красном Яру четыре года, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Ивашко четырех лет.

Митька Ларионов Алексинцов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему два лета. Служил в Тобольску в солдатской службе полдевета года. А в Сургуте в службу верстан по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит шеснатцать лет. И был в посылках на службах в Томску на береговой полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы (*Л. 9 об.*) служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Ивашко Манастырцинов Большой. По нынешней по 197-й год шездесят ему пять лет. В службу верстан при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. Служит тритцать семь лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми. А у него сын Ивашко дватцати лет, не в службе.

Тимошка Обросимов. По нынешней по 197-й год сорок ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать шесть лет соляные ямышевские (*Л. 10*) и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А преж казацьи службы служил в Тобольску в солдатской службе восемь лет. А у него детей: Куска двенатцати лет, Ивашко пяти лет; брат родной Матюшка дватцати лет, не в службе.

Куземко Силин. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. Служил в Тобольску в солдатской службе полдевята года. А в Сургуте в казацью службу верстан по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать два года. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Енисейск за годовую, дважды, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(Л. 10 об.) **Васька Варавинка.** По нынешней по 197-й год шездесят ему годов. Служил в Тобольску в солдацкой службе полдевята года. А в Сургуте в казачью службу верстан по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Левка семи лет.

Савинко Бесперстов. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать шесть лет. И был в посылках на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские (Л. 11) и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Ивашко четырех лет.

Ивашко Выдра. По нынешней по 197-й год семьдесят ему три лета. В службу верстан при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать семь лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Пашко тритцати лет, не в службе, хром, Васька семи лет.

Ивашко Пономарев Ляпин. По нынешней по 197-й год тритцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Казинском. И служит девятнацать лет. И был в посылке в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые (Л. 11 об.) службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Андрюшка шти лет.

Петрушка Якимов. По нонешней по 197-й год сорок ему девять лет. В службу верстан при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать шесть лет. И был в посылке на службе на Красном Яру три годы, в Енисейску год, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. У него сын Митька десяти лет; племянники: Нефедко Титов тритцати лет, Кирилко Титов же осмнатцати лет, не в службе.

Тимошка Зуев. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит (Л. 12) семнатцать лет. И был в посылке на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Петрушка Федотов. По нынешней по 197-й год тритцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит семнатцать лет. И был в посылках к Ямышу озеру по соль четырежда, а иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Стенька пяти лет.

Мартынко Майков. По нынешней по 197-й год тритцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатове. И служит двенацать лет. И был в посылках (Л. 12 об.) в Томску полтора года, к Ямышу озеру по соль дважды, а иные всякие посылки

и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Гаранка по четвертому году.

Ортюшка Коренев. По нынешней по 197-й год тридцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках на службах на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Петрушка Усольцев. По нынешней по 197-й год тридцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте (*Л. 13*) при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать один год. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, з государевыми грамотами посылан в Дауры и на Лену, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Тимошка одиннатцати лет, Ивашко осми лет, Митька дву лет, пасынок Петрушка Дмитриев пяти лет.

Андрюшка Кондаков. По нынешней по 197-й год шездесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Андрее Измайлове. И служит пяддесят пять лет. И был в посылках на службах в Даурах с воеводою з Дмитрием Зиновьевым шесть лет, на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит (*Л. 13 об.*) в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Андрюшка, в службе; да не в службе Ивашко дватцати лет, Мишка двенатцати лет.

Гришка Кузнецов. По нынешней по 197-й год пяддесят ему два лета. Служил в Тоболску в салдацкой службе полдевята года. А в казачью службу верстан по тобольской отписке при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать два года. И был в посылке в Томску на годовой полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Петрушка девяти лет, Мишка семи лет.

Ивашко Куйвашев. По нынешней по 197-й год пяддесят (*Л. 14*) ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тридцать девять лет. И был в посылках на службах в Даурах с воеводою с Афанасьем Пашковым восемь лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Федька да Сергушка, в службе.

Левка Гусенцов. По нынешней по 197-й год сорок ему пятой годъ. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын (*Л. 14 об.*) Петрушка девяти лет.

Якушко Ярофеев. По нынешней по 197-й год сорок ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит

дватцать два года соляные ямышевские и иные всякие посылки и городо-
вые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Якушко Перфирьев. По нынешней по 197-й год сорок ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Щетневе. И служит тритцать лет. И был в посылках в Енисейск з государевыми грамотами, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей не в службе: Ивашко пятнатцати лет, Пашко две- (*Л. 15*) натцати лет.

Стенька Ляпин. По нынешней по 197-й год шездесят ему один год. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тритцать семь лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три годы, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей не в службе: Мишка осмнатцати лет, Гришка десяти лет, Стенка семи лет.

Стенька Баранов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тритцать девять лет. И был в посылках на службах (*Л. 15 об.*) на Красном Яру на береговой три года, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Ефимко семнатцати лет, не в службе, Петрушка девяти лет.

Данилко Вергунов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать шесть лет. И был в посылках на службах в Томску полтретья года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городо-
вые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Федька оомнатцати лет, не в службе, Митька четырех лет.

(*Л. 16*) **Гришка Голощاپов.** По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать семь лет. И был в посылках на службе в Даурах с воеводою с Афонасьем Пашковым восемь лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него пасынок Дениско Микитин дватцати лет, не в службе.

Логинко Тимофеев. По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(*Л. 16 об.*) **Кирилко Перфирьев.** По нынешней по 197-й год сорок ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать три года. И был в посылках на службе на Красном Яру, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него пасынок Федька Петров семи лет.

Сенька Маслов Зуев. По нынешней по 197-й год сорок ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. Служит дватцать шесть лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(Л. 17) **Федька Михайлов Федулов.** По нынешней по 197-й год сорок ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове и служит дватцать восемь лет. И был в посылке на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Ивашко осми лет.

Ивашко Козмин Кондаков. По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль дважды, а иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Федька Лукин. По нынешней по 197-й год сорок ему два *(Л. 17 об.)* лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать три лета. И был в посылках на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Данилка осми лет.

Ларка Меншиков. По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князь Костянтине Щербатово. И служит десять лет. И был в посылках в Томску на службе полтретья года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат родной Митька, дватцати лет, не в службе, сын Васька четырех лет.

(Л. 18) **Сенька Тверитинов.** По нынешней по 197-й год сорок ему три лета. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит осмнатцать лет. И был в посылке з государевыми грамотами в Даурах, и на Лене, и в Ълимском, и на Красном Яру, и в Енисейском, и в Туруханском два года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Ганка семи лет.

Андрюшка Позевалов. По нынешней по 197-й год шездесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе Смирном Демском. И служит сорок пять лет. И был в посылках на службах на Красном Яру три года, в Енисейском за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(Л. 18 об.) **Федька Семенов.** По нынешней по 197-й год тритцать ему пятой год. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Алексее Борятинском. И служит восемь лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль вместо годовых двою, а иные всякие посылки и городовые службы

служит в ряд своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Матюшка по четвертому году.

Петрушка Афонасьев Кондаков. По нынешней по 197-й год сорок ему шесть лет. Служил в Тобольску в салдацкой службе полдевята года, В казачью службу по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова в Сургуте верстан при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него (Л. 19) детей не в службе: Шашко шеснатцати лет, Митька двенатцати лет, Федька шти лет.

Бориско Меншиков. По нынешней по 197-й год дватцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Алексее Борятинском. И служит семь лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Ромашко Косолапов. По нынешней по 197-й год тритцать ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. Служит осмнатцать лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Бориско семи лет.

(Л. 19 об.) **Демка Силин.** По нынешней по 197-й год тритцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологривово. И служит семнатцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру шесть лет. А соляные ямышевские, и в Енисейск за ссыльными, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Якушко осми лет.

Сергушка Батурин. По нынешней по 197-й год шездесят ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тритцать семь лет. И был в посылках в Даурах на службе с воеводою с Афонасьем Пашковым семь лет, и изранен, и был в Енисейску на годовой, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Ивашко десяти лет, Митька трех лет.

Петрушка Сидоров. По нынешней по 197-й год сорок ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Шетневе. И служит тритцать лет. И был в посылках в Якуцком два года, в Енисейском год, на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей не в службе: Ивашко дватцати лет, Алешка четғырнатцати лет, Мишка осми лет.

Федька Петров Мороз. По нынешней по 197-й год сорок ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать два года. И был в посылке на службе на Красном Яру четыре года. (Л. 20 об.) А соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Сергушка Петров Большой. По нынешней по 197-й год сорок ему девять лет. Служил в Тобольску в салдацкой службе девять лет. А в казачью службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И служит десять лет. И был в посылке в Томску на службе полтора года, а соляные ямышевские и иные посылки всякие и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Ивашко семи лет.

Коземко Савельев. По нынешней по 197-й год дватцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И слу- (*Л. 21*) жит четыре года. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Алешка полутретья года.

Дорошка Михайлов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему три лета. Служил в Тобольску в салдацкой службе полдевята года. В казачью службу по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылке на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Ганка десяти лет, Матюшка семи лет, Андрюшка пяти лет; племянник Сенька Мартынов семнатцати лет, не в службе.

(*Л. 21 об.*) **Афонька Кушников.** По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тритцать восемь лет. И был в посылках на Красной Яр с немчином Карлусом для прииску серебряные руды, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него племянник Антошка Федоров семи лет.

Мишка Домашов. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике в воеводе при Дмитрее Лихареве. И служит десять лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него братья не в службе: Петрушка дватцати дву лет, Васька девятнат- (*Л. 22*) цати лет, слеп и хром, Алешка пятнатцати лет.

Васька Голово. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках на службах в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Ивашко семи лет, Петрушка шти лет.

Илюшка Перфирьев. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князь Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Туруханской с отписки, за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и (*Л. 22 об.*) городовые служ-

бы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Мишка девяти лет.

Тимошка Рыбников. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать два года. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Томску полтретья года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Пронька шти лет, Оська четырех лет.

Васька Чебаевской. По нынешней по 197-й год шездесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князь Микифоре Мещерском. И служит три- (Л. 23) тцать лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Самошка дватцати пяти лет в службе, Епишка шеснатцати лет, не в службе.

Ромашко Проводников. По нынешней по 197-й год тритцать ему четыре года. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатове. И служит двенатцать лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Митька пяти лет.

Гришка Беляев. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. (Л. 23 об.) И был в посылке в Туруханском з государевыми грамотами в провожатых, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Андрюшка Праскурин. По нынешней по 197-й год сорок ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове. И служит дватцать шесть лет. И был в посылке на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Мишка Григорьев Селиванов. По нынешней по 197-й год тритцать ему один год. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. (Л. 24) И служит четырнатцать лет. И был в посылках в Томском на береговой полтора года, в Енисейск за ссыльными людьми в провожатых двожды, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат родной Васька дватцати пяти лет, не в службе.

Федька Добрынин. По нынешней по 197-й год пятдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать пять лет. И был в посылках на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Стенька осмнатцати лет, не в службе.

(Л. 24 об.) **Максимко Тупылев.** По нынешней по 197-й год пятдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать пять лет. Соляные ямышевские и иные вся-

кие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Оська двадцати лет, не в службе.

Сенька Кузнецов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему девять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Микифоре Мещерском. И служит тридцать один год. И был в посылках на службах на Красном Яру пять лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Офонька семнатцати лет, не в службе.

(Л. 25) **Васька Третьяков.** По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологринове. И служит тринадцатъ лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Васька Коптел. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит двадцать восемь лет. И был в посылке на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Стенька двенатцати лет, Сенька семи лет.

Митька Беляев. По нынешней по 197-й год тридцать ему *(Л. 25 об.)* восемь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Якушка Кляпиков. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Микифоре Мещерском. И служит тридцать семь лет. И был в посылках на службах на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Митька десяти лет, Васька пяти лет, Гаранка трех лет.

Стенька Иванов Юдин. По нынешней по 197-й год двадцать *(Л. 26)* ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине, вместо отца своего Ивашка Проводникова Юдина. И городовые всякие службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Логинко Вергунов. По нынешней по 197-й год сорок ему четыре года. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологринове. И служит семнатцать лет. И был в посылках к Ямышу озеру по соль трижды, а иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Ганка шти лет, да братья родные: Тимошка тридцати лет, Омелька двадцати дву лет, не в службе.

Петрушка Баранов. По нынешней по 197-й год *(Л. 26 об.)* сят ему лет. Служил в Тобольску в салдацкой службе полдевята года. В казачью службу по отписке стольника и воеводы Петра Годунова верстан в Сургуте при воеводе князе Григорье Козловском. И служит двадцать лет. И был в посылках на службах в Томску полтора года, в Енисейск за ссыльными людьми в провожатых, за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми

людьми. А у него сын Васька семи лет; племянники: Петрушка десяти лет, Ерошка семи лет, Микиткины дети Серебрянниковы.

Самошка Чебаевской. По нынешней по 197-й год двадцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте в прошлом во 196-м году при стольнике и воеводе Федоре Потемкине. И служит всякие посылки и городовые (Л. 27) службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Сергушка Усольцов. По нынешней по 197-й год тридцать ему лет. В службу верстан в Сургуте вместо отца своего в прошлом во 195-м году при стольнике при Федоре Потемкине. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Овдюшка Колпашников. По нынешней по 197-й год тридцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит четырнатцать лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат родной Якушко двадцати лет, не в службе.

(Л. 27 об.) **Васька Очимко.** По нынешней по 197-й год шездесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Микифоре Мещерском. И служит тридцать пять лет. И был в посылках у Ямышева озера, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Федька Куйвашов. По нынешней по 197-й год двадцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет ямышевские соляные и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Федька Неквасин. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему два лета. Служил в Тобольску в салда- (Л. 28) цкой службе полдевята года. А в казачью службу по тобольской отписке стольника и воеводы Петра Годунова верстан в Сургуте при воеводе князе Григорье Козловском. И служит двадцать лет. И был в посылках к Ямышу озеру по соль, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Данилко Гусенцов. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит двадцать пять лет. И был в посылке на службе в Томску год, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат Овдейко Григорьев двадцати лет, не в службе.

(Л. 28 об.) **Мишка Афонасьев.** По нынешней по 197-й год двадцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. Служит пять лет ямышевские соляные и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Ивашко пяти лет, да брат родной Ромашка двадцати лет, не в службе.

Ивашко Ляпин Меньшой. По нынешней по 197-й год дватцать ему один год. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 196-м году. И служит всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Тимошка Тарасов. По нынешней по 197-й год сорок (Л. 29) ему восемь лет. В службу верстан при стольнике и воеводе Петре Кондыреве. И служит тритцать лет. И был в посылках в Томску на службе полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Пантюшка пятнатцати лет, не в службе, Мишка тринадцати лет, Ивашко трех лет.

Афонька Алексинцов. По нынешней по 197-й год тритцать лет ему. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Дмитрее Лихареве. И служит восемь лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Гришка Козмин. По нынешней по 197-й год сорок (Л. 29 об.) ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове. И служит дватцать четыре года. И был в посылках в Томску на береговой два года, в Кузнецкой ходил на годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Ивашко Михайлов Тверитинов. По нынешней по 197-й год сорок ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове. И служит дватцать шесть лет. И был в посылках на службах на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

(Л. 30) **Гришка Алексеев.** По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове. И служит дватцать два года. И был в посылках на службе в Томску два года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат родной Ондрюшка тритцати лет, не в службе.

Федька Усолцов. По нынешней по 197-й год тритцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет. И был в посылках к Ямыщу озеру дважды, а иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Петрушка Романов Котелников. По нынешней по 197-й год (Л. 30 об.) тритцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит шеснатцать лет. И был в посылках на службах на Красном Яру пять лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Петрушка трех лет.

Стенька Голошапов. По нынешней по 197-й год сорок ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе Василье Шетневе. И служит трит-

цать лет. И был в посылках в Енисейск и в Туруханской, и в Томской вместо годовых служб, а соляные ямышевские и иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Трошка Бутров. По нынешней по 197-й год сорок ему (Л. 31) девять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе Василье Шетневе. И служит тридцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Ивашко девятнадцати лет, не в службе, Коземко семи лет.

Гришка Ботолин. По нынешней по 197-й год пятнадцать ему лет. Верстан в службу в прошлом во 195-м году по указу великих государей и грамоте. И служит соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Микитка Васильев Косолапов. По нынешней по 197-й год (Л. 31 об.) дватцать ему четыре года. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в нынешнем во 197-м году вместо отца своего. И служит всякие городовые службы и караулы караулит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Елеско Позевалов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князь Микифоре Мещерском. И служит тридцать пять лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Сенька дватцати лет, не в службе.

(Л. 32) **Ивашко Батурин.** По нынешней по 197-й год шездесят ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе Андрее Измайлове. И служит сорок семь лет. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, в Томском полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Петрушка дватцати шти лет, Оська пятнадцати лет, не в службе.

Федька Бесперстов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему четыре лета. В службу верстан при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тридцать лет. И был в посылках на Красном Яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей, не в службе: (Л. 32 об.) Петрушка дватцати трех лет, Стенька штинатцати лет, Мишка пяти лет.

Елеско Ляхов. В которые он лета и по какому указу в казачью службу верстан, и при котором воеводе, и где служил, и в каких посылках бывал, того неведомо для того: в прошлом во 196-м году послан к великим государем к Москве с ясашною и поминочною казною, и с Москвы в Сургут не бывал, и сказать про него некому.

Сенька Кондаков. По нынешней по 197-й год шездесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Смирном Демском. И служит сорок

два года. И был в посылках в Туруханской з государевыми грамотами за годовую, в Томску на береговой два года, а соляные ямышевские и иные (Л. 33) всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Митька дватцати четырех лет, не в службе; внук Ивашко Онисимов десяти лет.

Сидорко Кайдалов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать два года. И был в посылках на службах на Красном Яру шесть лет, в Томском два года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки, и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Климко Лукин. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Шетневе. И служит тритцать (Л. 33 об.) лет. И годовые и ямышевские соляные и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею. А до казачьи службы служил в Тобольску в салдацкой службе. А у него сын Стенька десяти лет, да брат родной, Стенька ж, тринадцати лет, не в службе.

Мишка Полаберской. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. Служил в Тобольску в салдацкой службе полдевята года, В казачью службу верстан в Сургуте при столнике и воеводе при Димитрее Лихареве. И служит десять лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Илюшка Семенов Кузнец. По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. Служил в Тобольску в пеших (Л. 34) казаках шесть лет. И в прошлом во 196-м году в Сургут в казачью службу прислан ис Тобольска по отписке боярина и воеводы Алексея Петровича Головина, по челобитью сургуцких служилых людей. И велено быть в Сургуте в кузнецах.

Симанко Юдин. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать два года. И был в посылках на службе на Красном Яру три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Гришка десяти лет, Якушко четырех лет.

Васька Михайлов. По нынешней по 197-й год сорок ему (Л. 34 об.) одно лето. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать другой год. И был в посылках на службах в Томском два года, в Енисейск ходил за годовою в провожатых за ссыльными, и в Кузнецкой острог, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Петрушка Батошков. По нынешней по 197-й год тритцать ему три года. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Сергушка Петров Меньшой. По нынешней по 197-й год тритцать (*Л. 35*) ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит семнатцать лет. И был в посылках на службах на Красном Яру шесть лет, соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него детей: Андрюшка десяти лет, Ивашко пяти лет.

Якушко Третьяков. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И служит десять лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Андрюшка Проводников. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике (*Л. 35 об.*) и воеводе при князе Костянтине Щербатове. И служит десять лет. И был в посылке в Томску на службе полтора года. А соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Никонко Иванов. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И служит двенатцать лет. И был в посылках у Ямышева озера по соль, и всякие иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Гаранка шти лет.

Якушко Манастырцинов. По нынешней по 197-й год дватцать ему семь лет. В службу верстан в (*Л. 36*) Сургуте при стольнике и воеводе при Дмитрее Лихареве. И служит семь лет. И был в посылках у Ямыша озера, и за ссыльными людьми в Нарымской и в Енисейской, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Стенька пяти лет.

Митрошка Вепрев. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И служит десять лет. И был в посылках на службе в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него брат родной Андрюшка дватцати лет, не в службе.

(*Л. 36 об.*) **Стенька Рыгов.** По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Пашко Вергунов. По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатово. И служит десять лет. И был в посылках в Томску на годовой полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Ивашко Кайдалов. По нынешней по 197-й год тритцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике (*Л. 37*) и воеводе при князе

Костянтине Щербатове. И служит десять лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Денег по 5 ж рублей с четью. Хлеба по 3 чети о полуосминою и по полу-2 четверика ржи; по чети с четвериком, и по малому четверику, и по пол полумалово четверика овса. По пуду с четью соли.

Рядовые ж казаки холостые:

Мишка Добрынин. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему два лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тритцать два года ямышевские соляные и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Сенька десяти лет.

(Л. 37 об.) **Сергушка Третьяков.** По нынешней по 197-й год сорок ему три лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Шетневе. И служит тритцать лет. И был в посылке на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: Бориско тринаццати лет, Сенька десяти лет, не в службе.

Костька Родюков. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Микифоре Мещерском. И служит тритцать девять лет. И был в посылках на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки енисейские и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Ивашко дватцати трех лет, не в службе.

(Л. 38) **Ивашко. Ключарев.** По нынешней по 197-й год четырнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте в прошлом во 195-м году при стольнике и воеводе Федоре Потемкине. И был посылан к Ямышу озеру по соль, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него братья родные: Петрушка двенатцати лет, Мишка девяти лет.

Тихонко Бесперстов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему два лета. Служил в Тобольску в салдатех полдевята года и на бою ранен. А в Сургуте в казачью службу верстан при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит тринаццать лет. И был в посылках к Ямышу озеру по соль дважды, а иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей: (Л. 38 об.) Ивашко двенатцати лет, Матюшка семи лет.

Дениско Голово. По нынешней по 197-й год тритцать ему семь лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит девятнатцать лет. И был в посылках к Ямышу озеру по соль по три года. Да в нынешнем во 197-м году написан к Ямышу ж озеру по очереди. А иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Гришка Гарасимов. По нынешней по 197-й год тридцать ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит девятнадцать лет, И был в посылке на Красном Яру на службе три года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд (Л. 39) с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Мишка четырех лет.

Ивашко Тырыков. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать шесть лет. И был в посылке на службе в Томску полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат Гришка Иванов тридцати пяти лет, слеп; племянники: Ивашко Костянтинов десяти лет, Ондрюшка Костянтинов осми лет.

Лучка Куйвышев. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тридцать (Л. 39 об.) два года. И был в посылках в Енисейск и в Туруханской за годовые, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Петрушка Козмин Кондаков. По нынешней по 197-й год осмнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте в нынешнем во 197-м году при стольнике и воеводе Федоре Потемкине вместо деда своего. И всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А дед ево Петрушкин Ивашко Торопчанинов в нынешнем во 197-м году умре.

Первушка Акинфеев. По нынешней по 197-й год семьдесят ему пять лет. Верстан в Сургуте при воеводе при Борисе Кокореве. И служит пятьдесят лет. И был в посылках на службах на Таре на годовой, в Даурах три года, а соляные ямышевские и енисейские, (Л. 40) и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него племянник Матюшка Володимеров дватцати лет, не в службе, да внук Федька Васильев десяти лет.

Ондрюшка Попов. По нынешней по 197-й год дватцать ему четыре лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит пять лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Данилко Кайдалов. По нынешней по 197-й год тридцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Дмитрее Лихареве. И служит девять лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею (Л. 40 об.) братьею служилыми людьми. А у него сын Алешка трех лет.

Гаранка Мезенцев. По нынешней по 197-й год тридцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Алексее Борятинском. И служит восемь лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и горо-

довые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат родной Сенька дватцати шти лет, не в службе.

Сергушка Афонасьев. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет. И был в посылке к Ямышу озеру, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

(Л. 41) **Ондрюшка Бесперстов.** По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 195-м году. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Дениска Наквасин. По нынешней по 197-й год сорок ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Федоре Зыкове. И служит дватцать пять лет. И был в посылках в Томску на службе полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него детей не в службе: Коземко дватцати лет, Кондрашка четырнатцати лет, Ивашко десяти лет, Мишка семи лет.

(Л. 41 об.) **Алешка Силин.** По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит осмнатцать лет. И был в посылках на службе на Красном Яру шесть лет, а соляные ямышевские и иные всякие и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Ивашко семи лет.

Ортюшка Добрынин Котелников. По нынешней по 197-й год дватцать ему один год. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в нынешнем во 197-м году. И городовые службы служит, и караулы караулит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Пашко Тверитинов. По нынешней по 197-й год осмнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте (Л. 42) при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит три года. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, в слободы по государевы хлебные запасы, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него братья: Ганка осми лет, Ивашко пяти лет.

Федька Тырыков. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при князе Григорье Козловском. И служит дватцать лет. И был в посылках в Енисейск за ссыльными в провожатых за годовую, в Томской с отписками, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Андрюшка Колпашников. По нынешней по 197-й год пять- (Л. 42 об.) десят ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Петре Кондыреве. И служит тритцать лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат родной Лучка сорока лет, не в службе.

Лучка Обросимов. По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Филька Башмаков. По нынешней по 197-й год дватцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте (Л. 43) при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 195-м году. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, и иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Бориско Козмин Кондаков. По нынешней по 197-й год дватцать ему три лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет И был в посылках к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Мишка Самойлов. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Алексее Борятинском. И служит семь лет. И был в посылке по соль к (Л. 43 об.) Ямышу озеру, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Онтошка Семенов Мурзин. По нынешней по 197-й год дватцать ему четыре годы. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 196-м году. И был в посылке за ссыльными людьми в Нарымской, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат родной Ивашко осмнатцати лет, не в службе.

Микитка Аникиев Кузнецов. По нынешней по 197-й год осмнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 196-м году. И служит всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

(Л. 44) **Карпушка Кушников.** По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Васька Мартынов. По нынешней по 197-й год дватцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит четыре года. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Петрушка Плотников. По нынешней по 197-й год сорок ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе при Василье Шетневе. И служит тритцать лет. (Л. 44 об.) И был в посылках в Енисейск за ссыльными в провозатых за годовую, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Ивашко Потапов. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове. И служит двадцать пять лет. И был в посылках на службе на Красном Яру четыре года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат родной Петрушка двадцати лет, не в службе.

Петрушка Козмин. По нынешней по 197-й год тридцать ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при Ефиме Козинском. И служит осмнатцать лет соляные ямышевские и иные всякие посылки (*Л. 45*) и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Мартышко Кузнецов. По нынешней по 197-й год тридцать ему один год. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологривове. И служит двенатцать лет. И был в посылках в Томску на службе полтора года, а соляные и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него братья родные, не в службе: Алешка двадцати лет, Петрушка осмнатцати лет.

Афонька Кайдалов. По нынешней по 197-й год двадцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине (*Л. 45 об.*) в прошлом во 195-м году. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Савка Иванов. По нынешней по 197-й год двадцать ему восемь лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе князе Алексее Борятинском. И служит восемь лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Сергушка трех лет.

Мишка Тупылов. По нынешней по 197-й год семьдесят ему лет. В службу верстан в Сургуте при воеводе Смирном Демском. И служит (*Л. 46*) сорок два года. И был в посылках в Енисейск и к Ямышу озеру по соль многожды, и всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А у него сын Оська двадцати лет, не в службе.

Сергушка Иванов Куйвашов. По нынешней по 197-й год осмнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в нынешнем во 197-м году вместо деда своего Ромашки Куйвашова. И служит всякие службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Микитка Семенов. По нынешней по 197-й год тридцать ему два лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит (*Л. 46 об.*) шесть лет ямышевские соляные и всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Ромашко Силин. По нынешней по 197-й год двадцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в нынешнем во 197-м году. И служит всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Васька Косолапов. По нынешней по 197-й год дватцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 195-м году. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

(Л. 47) **Алешка Федоров Оксенов.** По нынешней по 197-й год дватцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Дмитрее Лихареве. И служит девять лет. И был послан к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми.

Микифорко Силин. По нынешней по 197-й год тритцать ему два лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Мироне Кологринове. И служит семнатцать лет соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Ивашко Ляхов. По нынешней по 197-й год сорок ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе (Л. 47 об.) при князе Костянтине Щербатове. И служит девять лет. И был в посылке на службе в Томску полтретья года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Якушко Калинин Чернояров. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Дмитрее Лихареве. И служит семь лет. И был в посылках к Ямышу озеру трою, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Микитка Замятин. По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Костянтине Щербатове. И служит двенатцать лет. И был в посылке в Томску (Л. 48) на береговой полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Сенька Лукин. По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Дмитрее Лихареве. И служит десять лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него сын Ивашко четырех лет.

Ганка Кондаков. По нынешней по 197-й год дватцать ему шесть лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит семь лет. И был в посылке к Ямышу озеру по (Л. 48 об.) соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Митька Арапов. По нынешней по 197-й год осмнатцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит четыре года всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Ивашко Васильев. По нынешней по 197-й год дватцать ему два лета. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельямино-

ве. И служит четыре года всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него брат Сенька осми лет.

Митька Обросимов. По нынешней по 197-й год тритцать ему лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе (Л. 49) Льве Вельяминове. И служит три года всякие посылки и городовые службы в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Гришка Тимофеев. По нынешней по 197-й год тритцать ему пять лет. В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит пять лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.

Денег по 5 рублей с четью. Хлеба по 4 чети, и по полумалово четверика и по пол полумалово четверика ржи; по 2 чети с полуосминою и по пол полчетверика и по малому четверику и по пол полумалово четверика овса. По полу-2 пуда соли.

Пушкар:

Якушко Муромцов. По нынешней по 197-й год тритцать (Л. 49 об.) ему лет. Верстан в пушкар в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 196-м году. И служит всякую пушкарскую службу в ряд с своею братьею пушкарями.

Ивашко Кондаков. По нынешней по 197-й год сорок ему восемь лет. До пушкарские службы верстан был в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Зыкове в казачью службу. И служил дватцать два года. И был в посылках в Томску на службе полтора года, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служил в ряд с своею братьею с служилыми людьми. А в пушкарскую службу верстан в Сургуте ж при воеводе князь Алексее Борятинском. И служит восемь лет всякую пушкарскую службу в ряд с своею братьею пушкарями. А у него детей: Якушко осмнатцати лет, Гришка (Л. 50) тринаццати лет, Петрушка семи лет, не в службе.

Пашко Пономарев. По нынешней по 197-й год тритцать ему шесть лет. Верстан в Сургуте при стольнике и воеводе Федоре Потемкине в прошлом во 195-м году. И служит два года всякую пушкарскую службу в ряд с своею братьею пушкарями.

В Сургуте ж казачьи дети не в службе:

Бориско Ларионов дватцати лет.

Стенька Ларионов пяти лет.

Тимошка Коквин тритцати лет.

Ивашко Иванов Аллаков двенатцать лет.

Ганка Иванов Аллаков одиннатцати лет.

Илюшка Иванов Аллаков десяти лет.

Ерошка Юдин тритцати четьрех лет.

(Л. 50 об.) Васька Демьянов дватцати пяти лет.

Ганка Осипов дватцати лет.
Федька Сидоров Юдин тритцати пяти лет.
Ивашко Домашев дватцати пяти лет.
Ганка Домашев двенатцати лет.
Федька Иванов Перфирьев дватцати лет.
Ондрюшка Перфирьев девятнатцати лет.
Федька Перфирьев двенатцати лет.
Васька Нестеров дватцати пяти лет.
Гаранка Кобелев двенатцати лет.
Федотко Гниляков тритцати лет.
Федька Иванов Гниляков дватцати лет.
Митька Донской тритцати лет.
Офонька Торопчанинов осми лет.
Оська Подтягин осмнатцати лет.
Демка Ортемьев дватцати лет.
Васька Ортемьев осмнатцати лет.

По листам на боковых полях многократно дублирующая скрепа: Федор Потемкин.

На л. 50 об. помета: справил Филька Крестовиков.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 931. Л. 1-50 об. Подлинник.

№ 36

1697 г. – Городовой список города Сургута

(Л. 27) Города Сургута городовой список 205-го году, сколько в остроге ворот и башен, и как которые ворота и башни словут, и сколько меж башен, вместо рубленого города, острогу сажен, и что в Сургуте ружейного наряду, и в зелейном погребе пушечных припасов и зелья, и свинцу, и ядер – и то писано в сем городовом списке порознь.

Город Сургут был рубленой, и вместо рубленого города поставлен острог без мостов и без лесниц. Стоит над Обскою протокою от Большой Оби с версту. Из острогу ворота, ширина воротам 3 сажени бес четверти, (Л. 27 об.) а над вороты башня шатровая, словет Спасская.

А от Спасской башни до наугольной Боровой башни острогу 17 сажен с четью, а рублена та башня о осми углах в замок. А наверху той башни зделана колокольня.

А от Боровой башни до Казенной башни острогу 29 сажен с полусаженью.

А от Казенной башни до Богородцкой башни 20 сажен. А от Богородцкой башни до Набережной угольной башни 11 сажен.

(Л. 28) А от Набережной угольной башни до другой Набережной угольной же башни по берегу острогу 21 сажень. Да в той же стене двор, где

стоят воеводы, а в нем 8 сажен бес четверти, да в той же стене с воевоцкого двора воротца, ширина воротцам сажень бес четверти.

А от другой Набережной угольной башни до Спасских ворот 10 сажен.

А около всего острогу, что вместо рубленого города, и башен по мере 134 сажени. А вышина острогу до абламов пол-2 сажени. А от абламов до верху сажень бес четверти.

(Л. 28 об.) А рубленой город и четыре башни по углам ставлены во 103-м году сургуцкими и иных городов служилыми людьми. А Спасская проезжая башня поставлена во 110-м году.

А вместо рубленого города острог поставлен во 173-м году, и тот острог ныне весь подгнил и во многих местах вывалился, а катки и обламы все огнили и обвалились.

А Боровая старая башня сломана, и на том же месте осмиугольная башня (Л. 29) поставлена, и на ней колокольня зделана во 188-м году.

А Богородицкая проезжая башня поставлена, где были задние ворота, во 199-м году. А рублена та башня о шти углах.

А в остроге церковь Святые Живоначальные Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в олtare и трапезе потолок местами обвалился. А строена та церковь во 121-м году.

Да в остроге ж приказная изба, казенной анбар, зелейной погреб, два анбара (Л. 29 об.) хлебных, анбар соляной, двор, где стоят воеводы. А на том дворе всякое хоромное строение огнило и обвалилось. Да в том же остроге тюрьма, подвал винной, да у Спасских ворот изба караульная. А служилых и всяких чинов людей дворов в остроге нет.

А острожного места, где был старой острог, от Набережной городской угольной башни до острожных водяных ворот 7 сажен. А воротам ширина пол-2 сажени.

А от водяных острожных ворот до средних водяных же ворот 36 сажен. (Л. 30) А в стене стоят, вместо острогу, служилых людей дворы. А воротам ширина сажень.

А от водяных средних ворот до острожного угла вместо острогу в стене служилых людей дворы, а в них 43 сажени. А на углу ворота, ширина воротам пол 2-сажени.

А от Наугольных острожных ворот до проезжей Васильевской башни 16 сажен. А на той Васильевской башне была изба караульная, и та башня и караульня згнила и обвалилась вся без остатку. (Л. 30 об.) А воротам ширина 3 сажени бес четверти. А от Васильевской башни до Борового угла острогу 23 сажени. А словут те ворота Большие Задние.

А от угла острогу до Боровой городской башни 74 сажени, да в той же стене ворота, словут Боровые. Ширина воротам сажень с четвертью. И того острогу, и башни, и ворот ныне ничего нет – все згнило без остатку. А по мере острожного места кругом 207 сажен.

Да в прошлом в 201-м году в старом остроге у проезжей Спаской башни построен (Л. 30а) кружечный двор. А на том дворе строения: изба с сеньми да с выходом, погреб, потому что кружечного двора не было.

Да в Сургуте ж ружейного наряду:

Пищаль медная, 9 пядей. А к ней 132 ядра железных, весом ядро по полу-2 гривенки.

Пищаль медная ж, 7 пядей. А к ней 355 ядер железных и свинцовых.

4 пищали затинных, железных. А к ним 1000 ядер железных и свинцовых. (Л. 30а об.) И того ружейного наряду ядра в казенном анбаре у городских целовальников.

Да в том же казенном анбаре, у них же, городских целовальников, казенных 35 мушкетов, и у тех мушкетов стволы раздуло и замки переломаны, а починить мушкетов и замков некому.

Да в зелейном погребе пушечных припасов:

У 204-го в 205-й год в остатке 28 пуд 24 гривенки с полугрипенкою и з деревом зелья пушечново. 50 пуд 28 гривенок с полугрипенкою з деревом, и с рогожи и с веревки зелья ручново. И то пушечное и ручное зелье отсырело и к стрельбе не годитца. 43 пуда 29 гривенок свинцу. И тому зелью и ядрам в 205-м году расходу не было.

(Л. 31) Да в Сургуте ж по окладным имянным книгам атаманов и всех служилых людей:

Денег по 10 рублей. Хлеба по 5 чети с осминою и по полу-2 четверика, и по пол полчетверика, и по малому четверику ржи; по 2 чети с полуосминою и по пол полчетверика, и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика овса. По 3 пуда соли.

Атаманы казацьи:

Алексей Торопчанинов. У него сын Петрушка дватцати лет, да (Л. 31 об.) племянники родные: Афонька дватцати лет, Бориска пятнатцати лет, Ивановы дети Торопчаниновы.

Яков Ботолин. У него детей: Якушко четырнатцати лет, Мишка двенатцати лет, Андрюшка, в прошлом в 205-м году умре.

Денег 5 рублей с четью. Хлеба 4 чети и пол малово четверика, и пол полумалово четверика ржи; 2 чети с полуосминою и пол полчетверика, и пол малово четверика овса. Пол-2 пуда соли.

(Л. 32) Пятидесятник **Микитка Замятин.** У него сын Якушко двенатцати лет.

Денег по 5 рублей с полтиною. Хлеба и соли по тому ж, что и пятидесятнику Микитке Замятину.

Десятники казацьи:

Тимошка Кайдалов. У него сын Ивашко пяти лет.

Ивашко Кайдалов. У него сын Ивашко ж пяти лет.

Васька Климов Косолапов.

Алешка Кайдалов. У него сын Петрушка четырнатцати лет.

Петрушка Батошков. У него сын Васька (Л. 32 об.) двенатцати лет, да племянники родные: Алешка дватцати лет, Ивашко девятнатцати лет, Васильевы дети Батошкова.

Федька Иванов Попов. У него сын Сергушка дватцати лет.

Сергушка Куйвышев.

Коземка Кондаков.

Афонька Силин. У него сын Ивашка двенатцати лет.

Ивашко Завьялов. У него детей: Федька осмнатцати лет, Петрушка шеснатцати лет.

Ивашко Манастырщинов.

(Л. 33) **Аничка Кузнецов.** У него сын Андрюшка, болен.

Петрушка Новосильцов. У него детей: Гаранка семнатцати лет, Ивашко десяти лет, Андрюшка семи лет.

Андрюшка Торопчанинов. У него сын Петрушка дву лет.

Кирюшка Перфильев. У него сын Ивашко осми лет, да пасынок Федька Петров Ключарев дватцати лет.

Васька Голово. У него детей: Ивашко осмнатцати лет, Петрушко шеснатцати лет, Якушко осми лет.

(Л. 33 об.) **Федька Мороз.** У него племянник Ивашко Сергеев четырнатцати лет.

Самошка Чабаевской. У него детей: Митька шти лет, Федька пяти лет, Ивашко году.

Рядовые казаки женатые:

Денег 9 рублей с четью. Хлеба 4 чети с осминою и пол-2 четверика, и пол получетверика, и пол малово четверика, и пол полумалово четверика ржи; 2 чети с полуосминою и пол получетверика, и пол малово четверика, и пол полумалово четверика овса. 2 пуда соли.

Ивашко Ляхов Шпаковский. И в прошлом (Л. 34) в 205-м году по грамоте великого государя велено ево, Ивашка, от службы отставить для того, что он, Ивашко, верстан в пятидесятничей оклад, И он, Ивашко, от службы отставлен. И в прошлом же в 205-м году по ево Ивашкову челобитью велено ему, Ивашке, в службе быть в рядовых казаках в денежном и хлебном и в соляном рядовом казачье окладе. У Ивашки сын Елеска девяти лет, да братья: Федька Иванов, Елеска Гаврилов, Дейко Гаврилов же двенатцати лет.

Денег по 5 рублей с четью. Хлеба по 4 чети и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика ржи; по 2 чети с полуосминою и по пол получетверика, и по полумалово четверика, (Л. 34 об.) и по пол полумалово четверика овса. По полу-2 пуда соли.

Ивашко Тверитинов. У него детей: Васька девяти лет, Мишка семи лет, Алешка пяти лет, да брат родной Ромашка. Да сыну ж ево, Ивашкину, Гришке в прошлом в 204-м году по грамоте преосвященного Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского велено быть при церкви Живоначальные Троицы во дьячках вместо Ефимки Баранова с тем же ево Ефимкиным денежным и хлебным окладом.

Ганка Петров.

Стенька Пономарев Панкин. У него детей: (Л. 35) Ивашко девятнатцати лет, Ивашко ж шеснатцати лет, Сенька тринатцати лет, да племянник Васька Дмитриев сын Панкин семнатцати лет.

Петрушка Кайдалов. У него детей: Ивашко двенадцати лет, Ивашко ж осми лет, Гришка шти лет, Микитка году.

Митька Алексинцов.

Ивашко Манастырщинов Большой. У него детей: Ивашко, Митька шти лет.

Коземко Силин. У него сын Ивашко девяти лет.

(Л. 35 об.) **Тимошка Обросимов.** У него детей: Коземка, Ивашко четырнадцати лет, да брат родной Матюшка, да племянник Митька Михайлов сын Полаберской девяти лет.

Васька Варовинка. У него детей: Мишка девяти лет, Афонька да Кирюшка, в прошлом в 205-м году умерли.

Савинко Бесперстов. У него детей: Ивашко осми лет, Андрюшка семи лет, Алешка шти лет, да племянник Ивашко Тихонов сын Бесперстов девятнадцати лет.

Ивашко Выдра. У него детей: Васька *(Л. 36)* тринадцати лет, Онисимко шти лет. Мишка четырех лет, да племянник родной Афонька Павлов сын семи лет.

Ивашко Ляпин Большой. У него детей: Ондрюшка шеснадцати лет, Мишка трех лет.

Петрушка Якимов. У него сын Митька шеснадцати лет.

Тимошка Зуев. У него сын Мишка четырех лет.

Петрушка Федотов. У него детей: Стенька пятнадцати лет, Мишка в прошлом в 205-м году умре. Да племянник Федька Васильев семнадцати лет.

(Л. 36 об.) **Ортюшка Корнев.** У него сын Мишка, в прошлом в 205-м году умре.

Петрушка Усольцов. У него детей: Тимошка осмнадцати лет, Ивашко шеснадцати лет, Митька четырнадцати лет, Микифорка году. Да пасынок Петрушка Микифоров сын Новосильцов двенадцати лет.

Ивашко Андреев сын Кондаков. У него сын Васька дву лет, да брат родной Мишка.

Гришка Кузнецов. И в прошлом в 205-м году он, Гришка, умре. А в ево место в службе велено быть сыну ево Мишке с тем же *(Л. 37)* ево, Гришкиным, денежным окладом, а в хлебном и соляном – холостом окладе, потому, что он, Мишка, холост. У Мишки брат родной Ивашко девяти лет.

Лучка Колпашников. У него детей: Бориско семи лет, Мишка пяти лет.

Левка Гусенцов. У него детей: Петрушка шеснадцати лет, Алешка девяти лет, Федька трех лет, да брат родной Овдюшка. У Овдюшки сын Дорошка четырех лет.

Якушко Перфильев. У него детей: Ивашко, Пашко девятнадцати лет.

(Л. 37 об.) **Стенька Баранов.** У него сын Петрушка осмнадцати лет, Ерощка шеснадцати лет, Микитка девяти лет, Микитины дети Ордины.

Федька Вергунов. У него брат родной Митька четырнадцати лет, да дядя ево родные: Емилка да Тимошка. У Тимошки детей: Матюшка пяти

лет, Сенька четырех лет. У Федьки ж брат двоюродной Матюшка Григорьев сын Вергунов семнатцати лет.

Логинко Тимофеев. У него сын Ивашко осми лет.

(Л. 38) **Сенька Зуев.** И в прошлом в 204-м году по ево Сенькину челобитью велено ему, Сеньке, быть в пушкарской службе вместо пушкаря Пашки Пономарева, а Пашке велено быть в службе вместо Сеньки Зуева с тем же окладом. У Пашки сын Ивашко, в прошлом в 205-м году умре.

Федька Путимец. У него детей: Ивашко пятнатцати лет, Максимко получетверта году.

Ивашко Козмин сын Кондаков. У него племянник Петрушка пяти лет. У него ж племянник Якунка году, Ивановы дети.

Федька Лукин. У него сын Данишко осмнатцати лет.

(Л. 38 об.) **Ларка Менщиков.** У него детей: Ивашко четырнатцати лет, Левка шти лет.

Сенька Тверитинов. У него детей: Ганка четырнатцати лет, Федька девяти лет, Алешка трех лет.

Сенька Позевалов.

Федька Семенов. У него детей: Матюшка двенатцати лет, Сенька десяти лет.

Бориско Менщиков. У него детей: Федька семи лет, Стенька пяти лет.

Ромашко Косолапов. У него детей: (Л. 39) Бориско девятнатцати лет, Ивашко тринатцати лет.

Андрюшка Вепрев. У него сын Сенька дву лет.

Стенька Иванов Проводников.

Петрушка Сидоров. У него сын Алешка, да брат родной Федька. У Федьки сын Левка осми лет,

Митька Ботолин.

Дорошка Михайлов. У него детей: Ганка двенатцати лет, Матюшка одиннатцати лет, Ганка ж семи лет, Ивашко шти лет.

(Л. 39 об.) **Афонка Кушников.** У него племянники: Антошка шеснатцати лет, Ивашко четырнатцати лет, Федоровы дети Кушникова.

Ортюшка Добрынин. У него сын Афонька полупята году.

Алешка Созонов. У него детей: Юшко, Мишка трех лет.

Коземко Топорков. У него детей: Алешка двенатцати лет, Петрушка шти лет, Ивашко четырех лет.

Мишка Домашев. У него сын Лучка шти лет, да братья родные: Петрушка, Васька да Алешка пятнатцати лет.

(Л. 40) **Илюшка Перфирьев.** У него детей: Мишка девятнатцати лет, Алешка двенатцати лет, Ивашко девяти лет, Лучка пяти лет.

Епишка Чабаевской.

Ромашка Проводников. У него детей: Митька четырнатцати лет, Петрушка получетверта году.

Гришка Беляев. У него сын Васька получетверта году, да племянник родной Ивашко двенатцати лет, Васильев сын Беляева.

Андрюшка Колпашников. У него детей: (*Л. 40 об.*) Васька десяти лет, Мишка семи лет. И в прошлом в 205-м году Андрюшка Колпашников по его челобитью от службы отставлен, а в ево месте в службе велено быть родственнику ево Оське Подтягину с тем же ево Андрюшкиным денежным и хлебным, и соляным окладом.

Андрюшка Проскурин.

Мишка Селиванов. У него сын Стенька десяти лет, да брат родной Васька. Федька Добрынин. У него детей: Стенька, Пронька одиннатцати лет.

(*Л. 41*) Оська Максимов Тупылев.

Васька Нестеров. У него сын Сенька, в прошлом в 205-м году умре. У него ж сын Федька трех лет.

Бориско Кондаков.

Васька Коптел. У него детей: Стенька, Сенька осмнатцати лет.

Ивашко Тимофеев Кушников.

Якушко Кляпиков. У него детей: Митька осмнатцати лет, Васка двенатцати лет, Гаранка одиннатцати лет, Васька шти лет, Митька ж году.

Антошка Мурзин. У него сын Якушко (*Л. 41 об.*) одиннатцати лет, да брат родной Ивашко. И в прошлом в 205-м году велено ему, Антошке, в службе быть в холостых казаках по прежнему.

Логинко Вергунов. У него детей: Мишка пятнатцати лет, Матюшка полушеста году.

Петрушка Баранов. У него сын Васька осмнатцати лет.

Сергушка Усольцов. У него сын Ивашко шти лет, да брат родной Федотко.

Овдюшко Колпашников. У него (*Л. 42*) сын Алешка тринатцати лет.

Васька Очимко.

Федька Куйвышев. У него сын Ивашко семи лет.

Федька Наквасин.

Данилко Гусенцов. У него племянник Алешка Матвеев сын Вакулин девятнатцати лет.

Мишка Афонасьев. У него детей: Ивашко шеснатцати лет, Тимошка одиннатцати лет, Ивашко девяти лет, да брат родной Ромашка.

Ивашко Ляпин Меньшой. У него детей: (*Л. 42 об.*) Ивашко осми лет, Якушко шти лет.

Тимошка Тарасов. У него детей: Мишка семнатцати лет, Ивашко двенатцати лет.

Афонька Алексинцев.

Афонька Кайдалов. У него детей: Андрюшка девяти лет, Алешка полу-пята году.

Гришка Вожеватово.

Ивашко Михайлов Тверитинов.

Гришка Портново. У него сын Митька дву лет.

Федька Усольцов. У него сын Алешка трех лет.

(*Л. 43*) Оська Михайлов Тупылев.

Петрушка Добрынин. У него сын Петрушка, в прошлом в 204-м году умре.

Сергушка Куйвышев.

Стенька Голощанов.

Трошка Бутров. У него сын Коземко пятнатцати лет.

Микитка Васильев Косолапов.

Алешка Оксенов. У него детей: Васька девяти лет, Митька семи лет, да брат родной Гаранка девятнатцати лет.

Елеска Позевалов.

(Л. 43 об.) **Петрушка Батуринов.** У него сын Афонька осми лет, да брат родной Оська.

Федька Бесперстов. У него детей: Терешка да Стенька, Коземка четырнатцати лет, Мишка тринацати лет, Ооска одиннатцати лет.

Сенька Кондаков. И в прошлом в 205-м году он, Сенька, умре, а в ево месте в службе велено быть сыну ево Микитке в том же денежном и хлебном, и соляном окладе. У Сеньки остался внук Ивашко Онисимов осмнатцати лет, а у Микитки сын Левка четырех лет.

(Л. 44) **Демка Ортемьев.** У него сын Тимошка, в прошлом в 205-м году умре. У него ж сын Петрушка полугода.

Климко Лукин. У него сын Стенька осмнатцати лет.

Митька Косолапов.

Васька Михайлов. У него сын Петрушка девятнатцати лет.

Сергушка Петров. У него детей: Андрюшка шеснатцати лет, Ивашко десяти лет, Митька осми лет, Ивашко дву лет.

Якушко Третьяков.

Никонко Иванов. У него детей: Гаранка *(Л. 44 об.)* четырнатцати лет, Сенька десяти лет.

Якушко Кондаков. У него сын Митька трех лет.

Якушко Манастырцинов. У него детей: Стенька двенатцати лет, Данилко осми лет.

Митрошка Вепрев. У него сын Алешка полупята году, да братья: Макарко да Ганка, Осиповы дети.

Стенька Рыгово. У него детей: Петрушка семи лет, Афонька дву лет.

Ганка Кондаков. У него сын Сенька семи лет.

(Л. 45) **Ивашко Степанов Проводников.** У него сын Митька пяти лет, да братья родные: Петрушка, Микитка одиннатцати лет, Фомка осми лет.

Микитка Семенов. У него детей: Алешка четырнатцати лет, Стенька пяти лет, Тришка дву лет.

Мартышко Майков. У него детей: Гаранка одиннатцати лет, Бориско девяти лет.

Дениско Буканин. У него сын Ивашко трех лет, Митька году.

Сенька Мезенцов.

(Л. 45 об.) **Стенька Лукин.**

Денег 5 рублей с полтиною. Хлеба 3 чети с полуосминою и пол-2 четверика ржи; четь с четвериком, и малой четверик, и пол полумалово четверика овса. Пуд с четью соли.

Десятник холостой:

Алексашка Тюменцов.

Денег по 5 рублей с четвертью. Хлеба и соли по тому ж, что и Алексашке Тюменцову.

Рядовые казаки холостые:

Мишка Добрынин. У него сын Сенька.

(Л. 46) **Сергушка Третьяков.** У него детей: Бориско, Сенька семнатцати лет, Ивашко двенатцати лет, Алешка полущеста году.

Костька Родиоков. У него сын Ивашко.

Ивашко Ключарев. И в прошлом в 205-м году по грамоте великого государя велено ему, Ивашке, быть в таможенных подьячих вместо умершего таможенного подьячего Степана Борисова с тем же ево, Степановым, денежным и хлебным, и соляным окладом. А в ево, Ивашкове, службе велено быть брату ево родному Микишке Ключареву с тем же ево, Ивашковым, окладом.

(Л. 46 об.) **Гаранка Кобелев.**

Симанко Юдин. У него сын Гришка, в прошлом в 205-м году умре. У него ж сын Якушко девяти лет.

Ивашко Домашев. У него братья родные: Ганка да Оська, Оське шеснатцать лет.

Петрушка Федоров Бесперстов. У него детей: Ивашко осми лет, Коземка семи лет.

Дениско Голово.

Гришка Гарасимов. У него детей: Мишка пятнатцати лет, Васька семи лет, Федька пяти лет.

Якушко Ярофеев. У него сын Митька пятнатцати лет.

(Л. 47) **Ивашко Тырьков.** У него сын Володька девяти лет, да племянники: Ивашко девятнатцати лет, Андрюшка шеснатцати лет, Костентиновы дети.

Мишка Ляпин. У него братья родные: Гришка девятнатцати лет, Стенька пятнатцати лет.

Ивашко Пучкин.

Петрушка Козмин сын Кондаков.

Матюшка Володимеров.

Митька Петров сын Кондаков. У него брат родной Федька четырнатцати лет.

Алешка Новосильцов. У него брат Алешка ж девятнатцати лет.

(Л. 47 об.) **Гришка Тимофеев.**

Данилко Кайдалов. У него детей: Алешка двенатцати лет, Петрушка семи лет.

Гарасимко Мезенцов. У него племянник Ивашко Петров четырнатцати лет.

Ондрюшка Бесперстов. У него детей: Гришка пяти лет, Ивашко получетверта году; да братья: Оська Иванов сын Подтягин. И в прошлом в 205-м году велено ему, Оське, быть в казачье службе вместо родственника

ево Андрюшки Колпашникова с тем же ево, Андрюшкиным, окладом. У Оськи брат Ромашка двенадцати лет.

Дениско Наквасин. У него детей: Кондрашка да Коземко, Ивашко, Мишка девятнадцати лет.

(Л. 48) **Пашко Тверитинов.** У него брат родной Ивашко пятнадцати лет, да брат же двоюродной Коземко Юдин.

Петрушка Силин. У него детей: Ивашко шестнадцати лет, Петрушка осми лет, Алешка пяти лет, Гришка дву лет.

Тимошка Рыбников. У него детей: Оська семнадцати лет, Пронька тринадцати лет.

Лучка Обросимов.

Филька Башмаков.

Мишка Самойлов. У него детей: Васька девяти лет, Терешка получитверта году, да брат родной *(Л. 48 об.)* Данилко дватцати лет.

Микифорко Силин. У него детей: Митька одиннадцати лет, Илюшка полупята году.

Сергушка Табанак. У него детей: Микитка пяти лет, Сенька четырех лет.

Федька Аникин Кузнецов. И в прошлом в 204-м году велено ему Федьке в службе быть в женатых казаках вместо Максимка Тупылева.

Карпушка Кушников. У него сын Сергушка девяти лет, да брат родной Самошка, да племянник Мишка Иванов шестнадцати лет.

Васька Мартынов. У него сын Петрушка *(Л. 49)* дву лет, да брат родной Сенька. У Сеньки детей: Якушко дву лет, Ивашко году.

Петрушка Плотников.

Ивашко Потапов. У него брат родной Петрушка.

Петрушка Козмин сын Тупылев. У него сын Петрушка ж получитверта году.

Мартышко Кузнецов. У него братья Алешка да Петрушка.

Ромашко Силин.

Васька Косолапов Онохин.

Андрюшка Портново.

Федька Афонасьев Силин.

(Л. 49 об.) **Федька Калинин.**

Пашко Вергунов.

Пантюшка Тарасов. У него сын Ивашко пяти лет.

Сенька Лукин. У него детей: Ивашко тринадцати лет, Илюшка девяти лет, Микитка дву лет.

Андрюшка Иванов сын Плаха. У него сын Андрюшка ж четырех лет, да братья родные: Федька да Федька ж шестнадцати лет, Ивашко двенадцати лет; да племянники: Сергушка девяти лет, Васька пяти лет, Савины дети Перфильева.

Афонька Кузнецов.

(Л. 50) **Ивашко Плотников.**

Ивашко Васильев. У него брат родной Сенька четырнадцати лет.

Митька Обросимов.

Денег 7 рублей с четью. Хлеба 4 чети с осминою, и пол четверика, и малой четверик, и пол малово четверика ржи; 3 чети бес полуосмины, и пол четверика, и пол полчетверика, и малой четверик, и пол малово четверика овса. 2 пуда соли.

Остяцкой толмач **Стенька Новосильцов.** У него сын Ивашко четырнадцати лет.

(Л. 50 об.) Денег по 5 рублей с четью. Хлеба по 4 чети, и по по-лумалово четверика ржи; по 2 чети с полуосминою, и по пол полчетверика, и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика овса. По полу-2 пуда соли.

Пушкари:

Пашко Пономарев. И в прошлом в 204-м велено ему, Пашке, быть в рядовых казаках вместо Сеньки Маслова Зуева, а Сеньке Зуеву в ево Пашкине месте в пушкарях. У Пашки сын Ивашко, в прошлом в 205-м году умре.

(Л. 51) **Якушко Муромцов.** У него детей: Митька девяти лет, Ивашко семи лет.

Ивашко Кондаков. У него детей: Гришка, Петрушка шеснатцати лет, Стенька двенатцати лет.

Казенной кузнец **Илюшка Лодейщиков.** У него сын Васька семи лет.

Заплочной мастер **Филька Щатцкой.** А прибавлено ему, Фильке, хлебного жалованья из окладу казака Антошки Мурзина в прошлом в 205-м году, потому что прибавлено ему, Антошке, было (Л. 51 об.) хлеба из окладу бывшего палача Ганки Мурзихина, и учинен был ему, Антошке, хлебной женатой оклад против рядовых женатых казаков, а ныне ему, Антошке, велено быть в холостых казаках, и оклад ему хлебной и соляной учинен против ево братьи холостых казаков.

Денег по 3 рубли. Хлеба по 3 чети с четвериком, и по малому четверику, и по полумалово четверика, и по пол полумалово четверика ржи; по 2 чети бес четверика, и по пол полчетверика овса. По пуду, по 15 гривенок соли.

(Л. 52) Приказные избы и тюремные сторожи и городовые воротники:

Бориско Ларионов. У него брат Стенька двенатцати лет.

Алешка Щербинин. У него детей: Андрюшка семнатцати лет, Ларка десяти лет, Коземко полчетверта году.

Денег 2 рубли. Хлеба 3 чети бес полуосмины, и пол четверика, и пол полчетверика, и малой четверик и полмалово четверика ржи; четь с четвериком, и малой четверик, и пол полумалово четверика овса. Пуд с четью соли.

Таможенный сторож **Мишка Кобелев.**

(Л. 52 об.) Казачьи дети:

Тимошка Прокопьев сын Сермин. У него детей: Ивашко четырнадцати лет, Ивашко ж семи лет, Ивашко ж четырех лет.

Васька Ортемьев. У него детей: Андрюшка семи лет, Ивашко пяти лет.
Нефедко да Кирюшка Титовы.

Ивашко Сергеев Батуринов. У него брат родной Митька одиннатцати лет.
(Л. 53) Васька Дмитриев Демьянов.

Ивашко пятнатцати лет, Ивашко ж двенатцати лет, Максимко осми лет,
Васильевы дети Батурина.

Ерошка Юдин. У него детей: Петрушка одиннатцати лет, Ивашко шти
лет, Федька получетверта году.

А писаны казачьим детем лета, которые в дватцать лет и ниже дватцати
лет, а которые выше дватцати лет, и тем лет не писано.

По листам на боковых полях: Лев Миронов сын Вельяминов Зернов.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1164. Л. 27-53. Подлинник.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

- № 1. 1594 г., февраля 19. – Наказ царя Федора Ивановича воеводе кн. Ф.П. Борятинскому и голове В. Оничкову о строительстве города Сургута 131
- № 2. 1595 г., февраля 10. – Наказ сургутским воеводам О.Т. Плещееву и И.И. Колемину 134
- № 3. 1596 г., августа 31. – Грамота сургутскому воеводе О.Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И.И. Колемина 137
- № 4. 1597 г., января 31. – Наказ сургутским воеводам кн. С.М. Лобанову-Ростовскому и И.Н. Ржевскому 142
- № 5. 1601 г., сентября 18. – Грамота в Сургут о досрочной выдаче хлебного жалованья семьям служилых людей 148
- № 6. 1602 г., сентября 6. – Царская грамота о походе сургутского атамана Зубакина и Кинемы Бардакова на Пур для сбора ясака с самоедов 148
- № 7. 1603 г., ноября 29. – Грамота о расследовании причин “измены” ясачных людей Сургутского уезда 149
- № 8. 1622 г., декабря 6. – Грамота в Сургут о запрете иртышским татарам ходить на охоту в Юганскую волость 151
- № 9. 1622 г., декабря 8. – Грамота в Сургут о запрете зырянам охотиться в Юганской волости 152
- № 10. 1626 г., не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о причинах недобора ясака с остяков Сургутского уезда за 1625/26 г. 153
- № 11 . 1626 г., июня 7 – Челобитная остяков Сургутского уезда о тяжести ясака и подводной повинности 155
- № 12. 1626 г., декабря 10. – Допрос в приказе Казанского дворца бывшего сургутского воеводы И.Р. Безобразова о возможности бездоимочного сбора ясака с остяков Сургутского уезда 157
- № 13. 1625 г., не ранее сентября 14 - 1627 г., не позднее февраля 7. – Отписка воеводы Н.Е. Пушкина о службах сургутских казаков 162
- № 14. 1626 г., не ранее сентября 1. – Отписка воеводы Н.Е. Пушкина о создании копий документов, хранящихся в сургутской приказной избе 163
- № 15. 1626 г., марта 26. – Челобитная остяка Бардаковой волости о насильственных действиях людей воеводы Б.И. Белкина 165
- № 16. 1626 г., не ранее октября 18. – Отписка сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о толмаче Иване Парабельском 166

№ 17. Отписки сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о непорядочном поведении второго воеводы Б.И. Белкина	167
I. 1626 г., не ранее июля 23 - не позднее сентября 1	167
II. 1626 г., не ранее марта 25 - не позднее сентября 1	167
III. 1626 г., октября 22	168
IV. 1626 г., не ранее сентября 28	169
V. 1626 г., не ранее октября 18	170
№ 18. 1626 г., октября 19. – Из расспросных речей по делу о проживании у воеводы Б.И. Белкина двух “подговорных женок”	172
№ 19. 1626 г., ноября 11. – Челобитная сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова с изложением его службы	174
№ 20. 1626 г., не ранее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Н.Е. Пушкина о тяжести подводной повинности для остяков	175
№ 21. 1626 г., не ранее сентября 29 - 1627 г., не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Б.И. Белкина о том, что Н.Е. Пушкин отставил его от дел	179
№ 22. 1626 г., не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы Б.И. Белкина с жалобами на товарища по воеводству Н.Е. Пушкина	180
№ 23 1629 г., января 25. – Челобитная остяков Тобольского уезда о тяжести подводной повинности и невозможности платить ясак в установленном размере	182
№ 24. 1646 г., июля 21. – Отписка воеводы А.А. Измайлова об остяках Сургутского уезда, которые выбыли из ясачного оклада	184
№ 25. 1646 г., не ранее июля 21 - не позднее сентября 1. – Отписка сургутского воеводы А.А. Измайлова о количестве ясака, собранного на 1645/46 г.	189
№ 26. 1654 г., января 3. – Челобитная остяков Юганской, Бардаковой и Подгородной волостей Сургутского уезда о тяжести для них подводной гоньбы	190
№ 27. 1654 г., не ранее января 1 - не позднее июля 24. – Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о подводной повинности остяков Среднего Приобья	191
№ 28. 1654 г., июля 7. – Челобитная торгового человека Гостиной сотни Мелентия Крестьянинова об его ограблении на Оби беглыми красноярскими служилыми людьми	192
№ 29. 1654 г., не ранее июля 7 - не позднее июля 24. — Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о приеме в казну испорченного огнестрельного оружия	193
№ 30. 1654 г., июля 24. – Отписка сургутского воеводы	

Н.Ф. Мещерского о посылке ясачной казны в Москву	193
№ 31. 1654 г., не ранее июня 3 - не позднее июля 24. – Отписка сургутского воеводы Н.Ф. Мещерского о буйном поведении ссыльного сына боярского Ивана Жеглова	194
№ 32. 1655 г., июня 10. – Опрос остяков Сургутского уезда о причинах постоянного недобора ясака	195
№ 33. 1679 г., января 13. – Отписка сургутского воеводы кн. К.Н. Щербатова о попытках “порчи” его семьи с допросными и пыточными речами обвиняемых	196
№ 34. 1625/26 г. – Книга окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам	199
№ 35 . 1689 г., марта 18. – Разборная книга служилым людям города Сургута	206
№ 36. 1697 г. – Городовой список города Сургута	231

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Максим Юрьевич – аспирант Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Вершинин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Ивасько Лада Владимировна – археолог, сотрудник Центра историко-культурного наследия (Нефтеюганск)

Карачаров Константин Геннадьевич – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Кардаш Олег Викторович – археолог, сотрудник Центра историко-культурного наследия (Нефтеюганск)

Кондрашов Андрей Николаевич – заместитель главного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа (Ханты-Мансийск)

Малышкина Юлия Александровна – научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (Тобольск)

Манькова Ирина Леонидовна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Мартынова Елена Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула)

Шашков Анатолий Тимофеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург)

Шорин Александр Федорович – доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ** – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией
- ВАУ** – Вопросы археологии Урала
- ЕПМ** – Ежегодник Тобольского губернского музея
- МИА** – Материалы и исследования по археологии
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- СМАЭ** – Сборник Музея антропологии и этнографии
- ЧОИДР** – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
<i>Ивасько Л.В.</i> Укрепленное поселение каменного века Каюково 2	7
<i>Карачаров К.Г.</i> Антропоморфные куклы с личинами VIII – IX вв. из окрестностей Сургута	26
<i>Кардаш О.В.</i> Легендарные городища Салымского края	53
<i>Кондрашов А.Н.</i> Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо I и поселения Усть-Порос на севере Томской области.....	63
<i>Шорин А.Ф., Баранов М.Ю.</i> Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут)	70
<i>Мартынова Е.П.</i> Религиозные представления юганско-балыкских хантов	82
<i>Мальшикина Ю.А.</i> Атрибутика Мир-Сусне-Хума в этнографической коллекции ТГИАМЗ	92
<i>Вершинин Е.В.</i> Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках	98
<i>Манькова И.Л.</i> К истории первых церквей Сургута	111
<i>Вершинин Е.В., Шашков А.Т.</i> Документы XVII века по истории Сургутского уезда	114
Перечень документов	241
Сведения об авторах	244
Список сокращений	245

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Лицензия ЛР № 020257 от 22.11.96

Подписано в печать 22.08.2002. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 70x108 $\frac{1}{16}$. Уч.-изд. л. 16.

Усл. печ. л. 21,7. Тираж 500 экз. Заказ № 357.

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ГИПП «Уральский рабочий»
Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

[Faint, illegible handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript.]